.266 z (9

<36607995310011

<36607995310011

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

Bayerische Staatsbibliothek München

ТОМЪ IX.

Ystorija
Gosudarstva
Rossijskago
9

49

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Ф/54/43490

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1831.

Fg/661765

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля. Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Второй бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыслъ Султана Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

Г. 1560 — 1564.

Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя и въ судьбѣ Царства. Перемѣна въ Іоаннѣ.

г. 1560 —61. И Россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ сего юнаго, тридцатилѣтняго Вѣнценосца какъ примѣръ Монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію Государства. Такъ изъясняются первые: »Обычай Іоанновъ есть соблю»дать себя чистымъ предъ Богомъ. И въ »храмѣ и въ молитвѣ уединенной, и въ »Совѣтѣ Боярскомъ и среди народа у него »одно чувство: *да властвую, какъ Все»вышній указалъ властвовать Своимъ истин»нымъ помазанникамъ!* Судъ нелицемѣр»ный, безопасность каждаго и общая, цѣ»лость порученныхъ ему Государствъ, »торжество Вѣры, свобода Христіанъ »есть всегдашняя дума его. Обремененный »дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, »кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удоволь»ствія исполнять свою обязанность; не »хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* Цар»скихъ. Ласковый къ Вельможамъ и наро»ду — любя, награждая всѣхъ по досто»инству — щедростію искореняя бѣд»ность, а зло примѣромъ добра, сей *Бо»гомъ урожденный* Царь желаетъ въ день »Страшнаго Суда услышать гласъ Мило»сти: *ты еси Царь правды!* и отвѣтство»вать съ умиленіемъ: *се азъ и люди, яже*

далъ ми еси ты[1]!« Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію *для* торговли. »Іоаннъ« — пишутъ они — »затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ и добродѣтелію; имѣетъ многихъ враговъ, и »смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, »Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи ужасаются »Русскаго имени. Въ отношеніи къ под»даннымъ онъ удивительно снисходите»ленъ, привѣтливъ; любитъ разговари»вать съ ними, часто даетъ имъ обѣды »во дворцѣ, и, не смотря на то, умѣетъ »быть повелительнымъ; скажетъ Боярину: *иди!* и Бояринъ *бѣжитъ*; изъявитъ »досаду Вельможѣ, и Вельможа въ отчая»ніи: скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, »отпускаетъ волосы въ знакъ горести, »пока Царь не объявитъ ему прощенія. »Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, »болѣе Россіянъ преданнаго своему Госу»дарю, коего они равно и страшатся и »любятъ. Непрестанно готовый слушать »жалобы и помогать, Іоаннъ во все вхо»дитъ, все рѣшитъ; не скучаетъ дѣлами »и не веселится ни звѣриною ловлею, ни »музыкою, занимаясь единственно двумя »мыслями: какъ служить Богу, и какъ »истреблять враговъ Россіи[2]!«

г. 1560—61.

Г. 1560 —61. Вѣроятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феноменъ въ его постепенныхъ измѣненіяхъ[3].

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе вопервыхъ природными свойствами людей, вовторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной Вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроп-

кой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, Государь престалъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха. На примѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа; что Ливонцы хотя и не Греческаго Исповѣданія, однакожь Христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣ-

Г. 1560 —61.

г. 1560 —61. лости и свободы Государствъ[4]. Дворъ былъ наполненъ людьми преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя Небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть Царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя Государю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія[5]. Они говорили: »кто »сіи люди, дерзающіе предписывать за»коны Царю великому и мудрому, не толь»ко въ дѣлахъ государственныхъ, но и »въ домашнихъ, семейственныхъ, въ са»момъ образѣ жизни; дерзающіе указы»вать ему, какъ обходиться съ супругою, »сколько пить и ѣсть въ мѣру«[6]? ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздер-

жанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный Монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтися. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного Воеводу, сказалъ Вельможамъ: »теперь уже не боюсь васъ[7]!« Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ Царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить со-

г. 1560 —61.

г. вѣтникамъ. Такъ было до весны 1560
1560 года.
—61. Въ сіе время холодность Государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ Двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ Думѣ, и всегда употребляемый въ переговорахъ съ Европейскими Державами, хотѣлъ еще служить Царю инымъ способомъ: принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію[8]; а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ Государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ[9]. Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали; славили мудрость Царя и говорили: »нынѣ ты уже истинный Самодержецъ, помазанникъ Божій; »единъ управляешь землею; открылъ свои »очи и зришь свободно на все Царство[10].« Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной Государевой немилости, Адашева чествили въ войскѣ; самые граждане Ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели[11]. Не менѣе и Сильвестръ, уже Монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями Христіанскими въ пустынѣ: Иноки съ удивленіемъ

видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать Государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина Царицы подала къ тому случай. Г. 1560—61.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію: всѣ вокругъ его проливали слезы, или отъ истинной жалости, или въ угодность Царю печальному — и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. »Государь!« сказали Іоанну: »ты въ отчаяніи, Россія также, а »два изверга торжествуютъ: добродѣ»тельную Царицу извели Сильвестръ и »Адашевъ, ея враги тайные и *чародѣи:* »ибо они безъ чародѣйства не могли бы »такъ долго владѣть умомъ твоимъ[12].« Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но Государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее[13], и принялъ клевету, можетъ быть

Клевета на Адашева и Сильвестра

г. 1560 —61. желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣнiемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ Царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его, и любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ; что страхъ сомкнетъ

Судъ. уста доносителямъ[14]. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: Митрополитъ, Епископы, Бояре, многiе иные духовные и свѣтскiе чиновники собралися для того во дворцѣ. Въ числѣ судей были и коварные Монахи, Вассiанъ Бѣскiй, Мисаилъ Сукинъ, главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многiя обвиненiя, изъясняемыя самимъ Iоанномъ въ письмѣ къ Князю Андрею Курбскому. »Ради спасенiя души моей« — пишетъ Царь — »приближилъ я къ себѣ Iерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчiемъ, думалъ единственно о мiрской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Цар-

»ствомъ безъ Царя, ими презираемаго. г.
»Они снова вселили духъ своевольства въ 1560
»Бояръ; раздали единомышленникамъ го- —61.
»рода и волости; сажали, кого хотѣли, »въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. »Могу ли описать претерпѣнное мною »въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ »плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ »ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по святымъ Обителямъ, »не дозволяютъ карать Нѣмцевъ Къ »симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ »упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына »моего, взять себѣ инаго Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали Князю Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно ли, что я

г. 1560 —61. »рѣшился наконецъ не быть младенцемъ »въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, »возложенное на Царство лукавымъ По»помъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?« и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи, и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго Самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли какъ люди ослѣпиться честолюбіемъ; но Государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ Исторіи Царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею: то для счастія подданныхъ и Царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ не оставлять Государственнаго кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только

обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны Ливонской, служилъ Іоанну какъ подданный, какъ Министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея: слѣдственно Государь *повелѣвалъ* и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ. Г. 1560—61

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, Митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ Первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ Царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные Вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ[15]; но *сонмъ губителей*, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди осуждаемые чувствомъ Государя велемудраго, милости-

г. 1560 —61. ваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокойствіе Царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и Государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную[16]: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями; но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали Царю, что *обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ*[17] мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей:* ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію Царя и погибъ съ нею..... Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго благолюбія, коего божественное вдо-

Заточеніе Сильвестра.

Смерт. Адашева.

хновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тмѣ невѣжества, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. — Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ Христіанина и всегда памятуя бѣдность человѣчества[18]... г. 1560 —61.

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому Государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ Бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ *измѣнниковъ* и быть вѣрными Государю[19]. Присягнули, одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать Царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Силь- Начало злу.

г. 1560 —61. вестра. Говорили Іоанну: »Всегда ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, »равно прелестную; но можешь неумѣренностію въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести »искалъ и земнаго утѣшенія.« Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ — и чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи Митрополитъ, Святители, Бояре торжественно предложили ему искать невѣсты[20]: законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячь рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію[21], Государь 18 Августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ Короля Польскаго[22].

Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣріемъ[23]. Дво-

рецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы[24]. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали: ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову[25]. Между новыми любимцами Государевыми отличались Бояринъ Алексій Басмановъ, сынъ его, Кравчій Ѳедоръ, Князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ Царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостію ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю какъ Божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ

г. 1560 —61.

Новые любимцы.

г. 1560 —61. Царей и благихъ слугъ Царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ Государю и къ добродѣтели: новые только къ Государю, и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя Монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть Царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь Чудовскаго Архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе, и въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделѣніямъ чувственнымъ[26]. Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей Вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ Государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произ-

вело еще ужаснѣйшее. Развратники, ука- г.
зывая Царю на печальныя лица важныхъ 1560
Бояръ, шептали: »Вотъ твои недоброхо- —61.
»ты! Вопреки данной ими присягѣ, они »живутъ Адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ »вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ »прежняго своевольства«[27]. Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился; изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя Бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ, и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ!..... Не вдругъ конечно разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благолюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но Лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность; не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиранство Іоанново *чуждою бурею*, какъ бы изъ нѣдръ Ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началося гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева[28]: ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія.

Г. 1560 —61. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная ласкателей, новыхъ совѣтниковъ Царскихъ; а Царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія[29], славилась въ Москвѣ Христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести Царя: ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями; а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же: знаменитаго воинскими подвигами Окольничаго, Данила Адашева, брата Алексіева, съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ[30] — трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и съ дѣтьми. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ Воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ[31], погибъ, за нескромное слово. Оскорбленный надменностію юнаго любимца Государева, Ѳедора Басманова, Князь Дмитрій сказалъ ему: »мы служимъ Царю трудами полезными, »а ты гнусными дѣлами Содомскими!« Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ, вонзилъ несчастному Князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его[32]. Бояринъ, Князь Михайло

Первыя казни.

Рѣпнинъ, также былъ жертвою велико- Г. 1560 —61.
душной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ Царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ съ своими любимцами въ маскахъ, сей Вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: »Государю »ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ »я, Бояринъ и Совѣтникъ Думы, не могу »безумствовать.« Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго въ святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный[33]. Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями; смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились Государю и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили Князя Юрія Кашина, Члена Думы, и брата его; Князя Дмитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, неволею постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго Вельможу, знатнаго *Слугу Государева*, по-

г. 1560 —61. бѣдителя Казанцевъ, Князя Михайла Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро[34]. Ужасъ Крымцевъ, Воевода, Бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ вверженъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: »гдѣ казна твоя? ты »слылъ богачемъ.« *Государь!* отвѣчалъ полумертвый страдалецъ: »*я руками ни»щихъ переслалъ ее къ моему Христу Спа»сителю*«[35]! Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Думѣ; наконецъ укрылся отъ міра въ Пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ къ тамошнимъ Монахамъ, что они излишно честятъ сего бывшаго Вельможу, какъ бы въ досаду Царю. Братъ его, Никита Шереметевъ, также Думный Совѣтникъ и Воевода, израненный въ битвахъ за отечество, былъ удавленъ.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилася; въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ! Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не упо-

ляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана. — Любопытно видѣть, какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ Инокомъ[36]! Такъ писалъ Іоаннъ къ Князю Андрею Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожилъ мутный сонъ души его, готовя ее къ незапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

Оставимъ до времени ужасы тиранства, чтобы слѣдовать за теченіемъ го-

Г. 1560 —61.

г. 1560—61. сударственныхъ дѣлъ, въ коихъ природный умъ Іоанновъ еще былъ видѣнъ какъ лучь свѣта посреди облаковъ темныхъ.

Война Ливонская. Успѣхи наши въ войнѣ Ливонской заключились ударомъ сильнымъ, рѣшительнымъ. Государь (въ 1560 году) послалъ въ Дерптъ еще новую рать, 60,000 конницы и пѣхоты, 40 осадныхъ пушекъ и 50 полевыхъ, съ знатнѣйшими Воеводами, Князьями Иваномъ Мстиславскимъ и Петромъ Шуйскимъ, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, главную защиту Ливоніи, гдѣ заключился бывшій Магистръ Фирстенбергъ[57]. Полки Московскіе шли медленно берегомъ рѣки Эмбаха; тяжелый снарядъ огнестрѣльный везли на судахъ; а Воевода, Князь Барбашинъ, съ 12,000 легкихъ всадниковъ спѣшилъ занять дорогу къ морю: ибо носился слухъ, что Фирстенбергъ отправляетъ для безопасности богатую казну въ Габзаль. Утомивъ коней, Барбашинъ отдыхалъ верстахъ въ пяти отъ Эрмиса, и въ жаркій полдень, когда воины его спали въ тѣни, сдѣлалась тревога: 500 Нѣмецкихъ всадниковъ и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ храбраго Ландмаршала, Филиппа Беля[58], съ крикомъ и воплемъ устремились изъ лѣса къ нашему тихому стану,

оберегаемому малочисленною стражею. Г.
Россіяне хотя и знали о близости не- 1560
пріятеля, но думали, что онъ не всту- —61.
питъ въ битву съ ихъ превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: послѣ перваго замѣшательства, Россіяне остановили, стѣснили Нѣмцевъ и всѣхъ до единаго истребили, взявъ въ плѣнъ 11 Коммандоровъ и 120 Рыцарей, въ числѣ коихъ находился и главный Предводитель. Утрата столь многихъ чиновниковъ, особенно Ландмаршала, называемаго послѣднимъ, ревностнымъ защитникомъ, послѣднею надеждою Ливоніи, была величайшимъ бѣдствіемъ для Ордена[39]. Представленный Воеводамъ Московскимъ, сей знаменитый мужъ не измѣнился въ своей душевной твердости; не таилъ внутренней скорби, но взиралъ на нихъ съ гордымъ величіемъ; Великодушіе Беля.
отвѣтствовалъ на всѣ вопросы искренно, спокойно, смѣло. Курбскій, хваля его характеръ, умъ, краснорѣчіе, повѣствуетъ слѣдующее:

»Стараясь привѣтливостію смягчить »жестокую долю сего необыкновеннаго »человѣка, мы за обѣдомъ ласково бесѣ»довали съ нимъ объ Исторіи Ливонскаго »Ордена. *Когда*« — сказалъ онъ — »*усердіе*

Г. 1560 —61. »къ истинной Вѣрѣ, добродѣтель, благо»честіе, обитали въ сердцахъ нашихъ: то»гда Господь явно помогалъ намъ; не боя»лись мы ни Россіянъ, ни Литовскихъ »Князей. Вы слыхали о той славной, до»стопамятной битвѣ съ грознымъ Ви»товтомъ, въ коей легли шесть Магистровъ »Орденскихъ, одинъ за другимъ избранныхъ »для предводительства[40]: таковы были »древніе Рыцари; таковы и новѣйшіе, съ »коими имѣлъ войну дѣдъ нынѣшняго Ца»ря Московскаго, Іоаннъ Великій, и кото»рые столь мужественно сражались съ ва»шимъ славнымъ Воеводою Даніиломъ[41]. »Когда же мы отступили отъ Бога, испро»вергли уставы истинной Вѣры, пріяли »новую, изобрѣтенную умомъ человѣческимъ »въ угодность страстямъ; когда забыли »чистоту нравовъ, вдались въ гнусное сла»столюбіе, необузданно устремились на ши»рокій путь разврата: тогда Богъ предалъ »Орденъ въ руки ваши. Грады красные, »твердыни высокія, палаты и дворы свѣ»тлые, созданные нашими предками, — »сады и винограды, ими насажденные, безъ »труда вамъ достались. Но что говорю о »Россіянахъ! по крайней мѣрѣ вы брали »мечемъ: другіе (Поляки) меча не обнажа»ли, а брали, лукаво обѣщая намъ дружбу,

»*защиту, вспоможеніе. Вотъ ихъ дружба:* г.
»*стоимъ предъ вами въ узахъ, и милое* 1560
»*отечество гибнетъ! Нѣтъ, не думай-* —61.
»*те, чтобы вы доблестію побѣдили насъ:*
»*Богъ вами казнитъ грѣшниковъ!* Тутъ
»онъ залился слезами, отеръ ихъ, и съ
»лицемъ свѣтлымъ примолвилъ: *Но я*
»*благодарю Всевышняго и въ оковахъ: сла-*
»*достно терпѣть за отечество, и не бою-*
»*ся смерти!* — Воеводы Россійскіе слу-
»шали его съ любопытствомъ, съ сер-
»дечнымъ умиленіемъ, и пославъ въ Мо-
»скву вмѣстѣ со всѣми плѣнниками, убѣ-
»дительно писали къ Государю, чтобы
»онъ изъявилъ милосердіе къ сему добро-
»дѣтельному витязю, который, будучи
»столь уважаемъ въ Ливоніи, могъ ока-
»зать намъ великія услуги и склонить
»Магистра къ покорности. Но Іоаннъ уже
»любилъ тогда жестокость: призвавъ его
»къ себѣ, началъ говорить съ нимъ гнѣв-
»но. Великодушный плѣнникъ отвѣтство-
»валъ, что Ливонія стоитъ за честь, за
»свободу, и гнушается рабствомъ; что
»мы ведемъ войну какъ лютые варвары
»и кровопійцы. Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему
»голову« — за *противное* слово (говоритъ
Лѣтописецъ) и за вѣроломное нарушеніе
перемирія[42]. Невольно удивляясь смѣлой

Г. 1560 —61. твердости Беля, Іоаннъ послалъ остановить казнь; но она между тѣмъ совершилась[43].

Полководцы наши, осадивъ Феллинъ, разбили пушками стѣны и въ одну ночь зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ. Тогда воины Нѣмецкіе объявили Фирстенбергу, что надобно вступить въ переговоры. Тщетно сей знаменитый старецъ убѣждалъ ихъ не измѣнять чести и долгу, предлагая имъ всѣ свои сокровища, золото и серебро, въ награду за мужество: наемники не хотѣли вѣрной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенбергъ требовалъ, чтобы Россіяне выпустили его съ казною: Совѣтъ Боярскій не принялъ сего условія, отвѣтствуя, что Государь для чести желаетъ имѣть Магистра плѣнникомъ, а изъ великодушія обѣщаетъ ему милость. Выпустили только воиновъ Нѣмецкихъ (21 Августа); но узнавъ, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многія драгоцѣнности, свезенныя Ливонскимъ Дворянствомъ въ Феллинъ, Князь Мстиславскій велѣлъ отнять у нихъ все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, такъ, что сіи несчастные пришли нагіе въ Ригу, гдѣ Кетлеръ повѣсилъ ихъ какъ

Взятіе Феллина.

измѣнниковъ[44]. Занявъ городъ, Россіяне удивились малодушію Нѣмцевъ, которые могли бы долго противиться величайшимъ усиліямъ осаждающихъ, имѣя въ немъ три каменныя крѣпости съ глубокими рвами, 450 пушекъ и множество всякихъ запасовъ[45]. »Такая робость непріятелей« (говорили они) »есть милость Божія къ Царю православному.« Когда плѣнники Феллинскіе прибыли въ Москву, Іоаннъ велѣлъ показать ихъ народу и водить изъ улицы въ улицу[46]. Пишутъ, что Царь Казанскій, находясь въ числѣ любопытныхъ зрителей сего торжества, плюнулъ на одного Нѣмецкаго сановника, сказавъ ему: »За дѣло вамъ, безумцамъ! Вы научили Русскихъ владѣть оружіемъ: погубили »насъ и самихъ себя!« — Государь принялъ Фирстенберга весьма благосклонно; исполнилъ всѣ обѣщанія Воеводъ и далъ ему Костромское мѣстечко Любимъ во владѣніе, гдѣ онъ и кончилъ дни свои, жалуясь на Судьбу, но искренно хваля милосердіе Іоанново[47].

г. 1560—61.

Слово Царя Казанскаго.

Паденіе Феллина предвѣстило совершенное паденіе Ордена. Города Тарвастъ, Руя, Верполь и многіе укрѣпленные зàмки сдалися. Князь Андрей Курбскій разбилъ новаго Орденскаго Ландмаршала близъ

Г. 1560 —61. Вольмара, и свѣдавъ, что легкіе отряды Литовскіе приближаются къ Вендену, встрѣтилъ ихъ какъ непріятелей, обратилъ въ бѣгство, выгналъ изъ предѣловъ Ливоніи[48]. Воевода Яковлевъ, опустошивъ приморскую часть Эстоніи, захватилъ множество скота и богатства, ибо знатнѣйшіе жители Гарріи укрывались тамъ съ своимъ имѣніемъ. Онъ шелъ мимо Ревеля: смѣлые граждане, числомъ менѣе тысячи, сдѣлали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы; легли на мѣстѣ или отдалися въ плѣнъ. Вѣроятно, что Россіяне могли бы овладѣть тогда и Ревелемъ; но главный Воевода, Князь Мстиславскій, на пути къ нему хотѣлъ безъ Государева повелѣнія взять крѣпкій, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштеинъ: стоялъ подъ нимъ шесть недѣль, не отважился на приступъ, издержалъ всѣ запасы и долженъ былъ осенью возвратиться въ Россію[49].

Въ сіе время Ливонія уже перестала мыслить о сохраненіи независимости: изнуренная безполезными усиліями, она искала только лучшаго Властелина, чтобы спасти бѣдные остатки свои отъ плѣна и меча Россіянъ. Фридерикъ, Король Датскій, хотѣлъ Эстоніи, и купилъ для своего брата,

Магнуса, Епископство Эзельское: сей юный Г. 1560 —61.
Принцъ, осужденный быть удивительнымъ игралищемъ Судьбы, весною 1560 года прибылъ въ Габзаль съ лестными обѣщаніями для Рыцарства. Король Шведскій не показывалъ властолюбивыхъ замысловъ на Орденскія земли, но боясь успѣховъ Россіи, далъ знать Магистру, что онъ готовъ спабдить Ревель воинскими запасами; что тамошніе жители, въ случаѣ осады, могутъ прислать женъ и дѣтей въ Финляндію; что Швеція, забывая невѣрность Ордена, искренно ему благопріятствуетъ и никогда не согласится на его уничтоженіе[50]. Такъ думалъ старецъ Густавъ Ваза, умершій въ концѣ 1560 года. Новый Король Эрикъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе: представилъ Чинамъ Эстонскимъ съ одной стороны неминуемую гибель, съ другой защиту, спасеніе, и безъ великаго труда убѣдилъ ихъ объявить себя подданными Швеціи, къ досадѣ Магистра, который находился въ тайныхъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Сіе важное происшествіе ускорило развязку Драмы. Видя, что ветхое зданіе Ордена рушится, Кетлеръ, Архіепископъ Рижскій и Депутаты Ливоніи спѣшили въ Вильну, гдѣ 28 Ноября, 1561 года, въ

Г. 1560 —61. Конецъ Ордена. присутствіи Короля и Вельможъ Литовскихъ, навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго *Братства Меченосцевъ*, въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по коему Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи — съ условіемъ не измѣнять ни Вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ — а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, Вассаломъ или подручникомъ Королевскимъ[51]. Въ сей достопамятной грамотѣ сказано, что »Ливонія, терзаемая лютѣйшимъ изъ враговъ, не можетъ спастися безъ тѣснаго соединенія съ Королевствомъ Польскимъ; что Сигизмундъ обязанъ вступиться за Христіанъ, утѣсняемыхъ варварами; что онъ изгонитъ Россіянъ и внесетъ войну въ собственную ихъ землю: ибо лучше питаться кровію непріятеля, нежели питать его своею.« Возвратясь въ Ригу, Кетлеръ всенародно сложилъ съ себя достоинство Магистра, крестъ и мантію: Рыцари также, проливая слезы. Присягнувъ въ вѣрности къ Королю, онъ вручилъ его Намѣстнику, Князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты Императоровъ и ключи городскіе; а Радзивилъ именемъ Короля, далъ ему санъ Ливонскаго Правителя. — Та-

кимъ образомъ земли Орденскія раздѣлились на пять частей: Нарва, Дерптъ, Алленпакенъ, нѣкоторые Уѣзды Ервенскіе, Вирландскіе и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Іоанномъ; Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ владѣлъ Эзелемъ; Готгардъ Кетлеръ Курляндіею и Семигаліею; Сигизмундъ южною Ливоніею[52]. Каждый изъ сихъ Владѣтелей старался пріобрѣсти любовь новыхъ подданныхъ: ибо самъ Іоаннъ, ужасный въ видѣ непріятеля, изъявлялъ милость народу и Дворянству въ областяхъ завоеванныхъ. Но конецъ Ордена еще не могъ быть концемъ бѣдствій для стѣсненной Ливоніи, гдѣ четыре Сѣверныя Державы находились въ опасномъ совмѣстничествѣ другъ съ другомъ, и гдѣ каждая изъ нихъ желала распространить свое господство. г. 1560 —61.

Переговоры съ Швеціею.

Въ то время, когда Шведское войско уже вступало въ Ревель, Эрикъ предлагалъ намъ миръ и дружбу, но съ условіемъ относиться во всемъ къ самому Царю, не къ Намѣстникамъ Новогородскимъ, и выключить изъ прежняго договора важную статью, коею Густавъ Ваза обязывался не помогать ни Литвѣ, ни Ордену. Чиновники Шведскіе въ пере-

г. 1560 —61. говорахъ съ Московскими Боярами сказали имъ въ угрозу: »Императоръ, Король »Сигизмундъ и Фридерикъ Датскій убѣ»ждаютъ Государя нашего вмѣстѣ съ ни»ми воевать Россію. Послы ихъ въ Сток»гольмѣ: Эрикъ не далъ имъ рѣшитель»наго отвѣта, ибо ждетъ вашего«[55]. Бояре объявили, что Россія семь вѣковъ слѣдуетъ одной системѣ политической и не измѣняетъ старыхъ своихъ обычаевъ. »Въ Швеціи« — говорили они — »было много Владѣтелей до Эрика: кото»рый же не сносился съ Новымгородомъ? »Густавъ Ваза, не хотѣвъ того, видѣлъ »ужасное опустошеніе земли своей и сми»рился. Густавъ славился мудростію, а »Эрикъ еще неизвѣстенъ. Легко начать »злое дѣло, но трудно исправить его. »Іоаннъ захотѣлъ — и взялъ два Царства: »что сдѣлалъ вашъ Король новый? Или »снова утвердите грамоту отца его, или »вы еще не доѣдете до Стокгольма, а »война уже запылаетъ — и не скоро угас»нетъ ея пламя. Вы пугаете насъ Литвою, »Цесаремъ, Даніею: будьте друзьями всѣхъ »Царей и Королей: не устрашимся.« Сія твердость принудила Шведовъ возобновить старый договоръ. Хотя Іоаннъ не могъ безъ досады свѣдать о происшед-

шемъ въ Эстоніи; хотя чиновники Новогородскіе, посланные въ Стокгольмъ съ мирною грамотою, жаловались Царю, что Эрикъ принялъ ихъ весьма грубо (и даже предлагалъ имъ ѣсть мясо въ постные дни); хотя они дали знать Королю, что мы не будемъ равнодушными зрителями его властолюбія: однакожь миръ состоялся, ибо Царь не хотѣлъ умножать числа враговъ своихъ до времени, чтобы управиться съ главнымъ, то есть, съ Литвою. г. 1560 —61.

Мы говорили о сватовствѣ Іоанновомъ: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ его, и весьма ошибся, къ прискорбію своего самолюбія. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мирѣ, а тайно о желаніи Царя быть ему зятемъ. Имъ надлежало выбрать или большую сестру Королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по ихъ *красотѣ*, *здоровью* и *дородству*[54]. Они избрали Екатерину. Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что для сего нужно согласіе Императора, Князя Браунивейгскаго и Короля Венгерскаго, ея покровителей и родственниковъ; что приданое невѣсты, хранимое въ Польской казнѣ, состоитъ изъ цѣпей, запонъ, платья и зо-

Г. 1560 —61. лота, всего на 100,000 червонныхъ; что хотя и не слѣдовало бы выдать меньшую сестру прежде большой, но онъ не противится сему браку, съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ Римскомъ Законѣ. Послы желали представиться невѣстѣ: имъ дозволили видѣть ее въ церкви и вручили портреты обѣихъ сестеръ. Но Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости войны за Ливонію, считалъ безполезнымъ свойство съ Іоанномъ. Приславъ въ Москву Маршалка Шимковича будто бы для договора о мирѣ и сватовствѣ, онъ требовалъ Новагорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска[55]! Посолъ уѣхалъ и непріятельскія дѣйствія начались тѣмъ, что Литовскій Гетманъ Радзивилъ, вступивъ съ войскомъ въ Ливонію, взялъ городъ Тарвастъ[56]: осада продолжалась пять недѣль, а Воеводы Московскіе не успѣли дать ему помощи; собирались, готовились и не хотѣли слушаться другъ друга, считаясь въ старѣйшинствѣ между собою. Тогдашняя строгость Іоаннова не унимала зловреднаго Мѣстничества, и Государь, казня Вельможъ за одно слово нескромное, за укорительный взглядъ, за великодушную смѣлость, изъявлялъ снисхожденіе къ сему старому обычаю.

Подвиги нашего многочисленнаго войска состояли единственно въ новомъ опустошенiи нѣкоторыхъ Ливонскихъ селенiй. Князь Василiй Глинскiй и Петръ Серебряный ходили въ слѣдъ за Радзивиломъ и побили его отрядъ близъ Перпау. Литовцы, занявъ важнѣйшiя крѣпости, не остались въ Тарвастѣ: Iоаннъ велѣлъ разорить сей городъ до основанiя[57]. Г. 1560 —61.

Тогда Сигизмундъ написалъ къ Царю, что долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонiю въ покоѣ, онъ долженъ прибѣгнуть къ оружiю; что Радзивилъ, взявъ Тарвастъ, выпустилъ оттуда Россiянъ; что виновникъ кровопролитiя дастъ отвѣтъ Богу; что мы еще можемъ отвратить войну, если выведемъ войско изъ бывшихъ Орденскихъ владѣнiй и заплатимъ всѣ убытки, или Европа увидитъ, на чьей сторонѣ правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыдъ. Вручителю письма, Дворянину Корсаку, единовѣрцу нашему, Бояре объявили, что ему не будетъ оказано Посольской чести, ибо грамота Королевская исполнена выраженiй непристойныхъ; а Царь отвѣчалъ Сигизмунду: »Ты »умѣешь слагать вину свою на другихъ. »Мы всегда уважали твои *справедливыя* Война съ Литвою.

г. 1560 —61. »требованія; но забывъ условія предковъ »и собственную присягу, ты вступаешь»ся въ древнее достояніе Россіи: ибо Ли»вонія наша, была и будетъ. Упрекаешь »меня гордостію, властолюбіемъ: совѣсть »моя покойна; я воевалъ единственно для »того, чтобы даровать свободу Христіа»намъ, казнить невѣрныхъ или вѣролом»ныхъ. Не ты ли склоняешь Короля Швед»скаго къ нарушенію заключеннаго имъ »съ Новымгородомъ мира? Не ты ли, го»воря со мною о дружбѣ и сватовствѣ, »зовешь Крымцевъ воевать мою землю? »Грамота твоя къ Хану у меня въ ру»кахъ: прилагаю списокъ ея, да усты»дишься[58] И такъ уже знаемъ тебя »совершенно, и болѣе знать нечего. Воз»лагаемъ надежду на Судію Небеснаго: Онъ »воздастъ тебѣ по твоей злой хитро»сти и неправдѣ.«

Вторый бракъ Іоанновъ. Тогда Іоаннъ, уже рѣшительно оставивъ мысль быть Сигизмундовымъ зятемъ, искалъ себѣ другой невѣсты, въ земляхъ Азіатскихъ, по примѣру нашихъ древнихъ Князей. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ Черкесскихъ Владѣтелей, Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митро-

политъ былъ ея воспріемникомъ отъ купѣли, давъ ей Христіанское имя Маріи[59]. Бракъ совершился 21 Августа 1561 года; но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ досадовать, готовясь мстить Королю и за Ливонію и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха.

Однакожь, не смотря на взаимныя угрозы, воинскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи, гдѣ предводительствовалъ ими Князь Владиміръ Андреевичь[60]; а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Петръ Серебряный разбилъ Литовцевъ близъ Мстиславля: Курбскій выжегъ предмѣстіе Витебска; другіе Воеводы изъ Смоленска ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Копысу, Шклову. Болѣе грабили, нежели сражались[61]. Панъ Ходкѣвичь, Предводитель Сигизмундова войска въ Ливоніи, убѣждалъ нашихъ Воеводъ не тратить людей въ безполезныхъ сшибкахъ. Начались-было и мирные переговоры: Вельможи Литовскіе писали къ Митрополиту и Боярамъ Московскимъ, чтобы

Г. 1562.

они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Старецъ Макарій велѣлъ сказать имъ: »знаю только дѣла церковныя; »не *стужайте* мнѣ государственными;« а Бояре объявили, что Іоаннъ согласенъ на миръ, если Сигизмундъ не будетъ спорить съ нами ни о Ливоніи, ни о титулѣ Царскомъ. »Вспомните« — прибавили они — »что и самая Литва есть »отчина Государей Московскихъ! Для спо»койствія обѣихъ Державъ Іоаннъ хотѣлъ »жениться на вашей Королевнѣ: Сигиз»мундъ отвергнулъ его предложеніе — и »для чего? безъ сомнѣнія въ угодность »Хану! Еще можно исправить зло: поль»зуйтесь временемъ«[62]! Но 1563 годъ наступалъ; а Послы Королевскіе, ожидаемые въ Москвѣ, не являлись: уже не боясь Хана, который, вступивъ въ южную Россію, бѣжалъ назадъ отъ города Мценска[63], Іоаннъ замыслилъ нанести важный ударъ Литвѣ.

Въ началѣ зимы собралися полки въ Можайскѣ: самъ Государь отправился туда Декабря 23; а съ нимъ Князь Владиміръ Андреевичь, Цари Казанскіе, Александръ и Симеонъ, Царевичи Ибакъ, Тохтамышъ,
г. Бекбулатъ, Кайбула, и сверхъ знатнѣй-
1563. шихъ Воеводъ двѣнадцать Бояръ Думныхъ,

5 Окольничихъ, 16 Дьяковъ. Воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200[64]. Сіе огромное, необыкновенное ополченіе столь незапно вступило въ Литву, что Король, находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ 31 Генваря осадилъ Полоцкъ, и 7 Февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовцевъ съ двадцатью пушками идутъ отъ Минска: Гетманъ Радзивилъ предводительствовалъ ими; онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ, но встрѣченный Московскими Воеводами, Князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву; хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ, и не успѣлъ ничего сдѣлать: ибо городъ 15 Февраля былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній начальникъ, именемъ Довойна, услужилъ Царю своею безразсудностію: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ и чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Сіи несчастные шли на вѣрную смерть и были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали намъ множество хлѣба, зарытаго Г. 1563

Г. 1563. ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣстили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая, милуетъ[65]. Между тѣмъ ядра сыпались въ городъ; Взятіе Полоцка. стѣны падали[66], и малодушный Воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ снисходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, цѣлость имѣнія — и не сдержалъ слова. Полоцкъ славился торговлею, промышленостію, избыткомъ: Іоаннъ, взявъ государственную казну, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, Дворянъ, купцевъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву Епископа, Воеводу Полоцкаго, многихъ чиновниковъ Королевскихъ, Шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить Латинскія церкви и крестить всѣхъ Жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ[67]. Одни Королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный, милостивый пропускъ, въ коемъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспомо-

женіе[68]. Нѣсколько дней онъ праздновалъ сіе легкое, блестящее завоеваніе древняго Княжества Россіи, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ Исторіи нашихъ междоусобій, и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Моголовъ[69]; послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писалъ къ Первосвятителю Макарію: »се нынѣ исполни»лось пророчество дивнаго Петра Митро»полита, сказавшаго, что Москва возне»сетъ руки свои на плеща враговъ ея«[70]! Г. 1563.

Сигизмундъ и Паны его были въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы, и Воеводы Московскіе, не теряя времени, шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Вельможи Королевскіе писали къ нашимъ Боярамъ, что Послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если мы остановимъ непріятельскія дѣйствія: а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что *Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ*[71], далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ Полоц-

Г. 1563. комъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному Князю Петру Шуйскому, Государь 26 Февраля выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ, распустилъ его въ Великихъ Лукахъ, спѣшилъ въ столицу и встрѣтилъ на пути Бояръ, высланныхъ къ нему изъ Москвы съ поздравленіями отъ сыновей и супруги. Мать Князя Владиміра Андреевича, Евфросинія, великолѣпно угостила его въ Удѣлѣ своего сына, въ Старицѣ. Царевичь Іоаннъ ждалъ родителя въ Обители Св. Іосифа, Өеодоръ въ селѣ Крылацкомъ. Тутъ былъ новый пиръ; а на другой день, 21 Марта, когда Государь ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, явился Бояринъ Траханіотовъ съ вѣстію,

Рожденіе Царевича Василія. что Царица родила ему сына Василія[72]. У церкви Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, стояло Духовенство съ хоругвями и крестами: Іоаннъ благодарилъ Митрополита и Святителей за ихъ усердныя молитвы; Святители благодарили Царя за мужество и побѣду. Онъ шелъ въ торжествѣ, отъ Арбата до Соборовъ, среди Вельможъ и народа, среди привѣтствій и восклицаній, точно такъ, какъ по взятіи Ка-

Торжество Іоанново. зани.... Не доставало народу единственно любви къ Государю, а Государю счастія: ибо его нѣтъ для Тирановъ! —

Новорожденный Царевичь жилъ только пять недѣль. Г. 1563. Смерт. Царевича.

Не сомнѣваясь въ продолженіи войны съ Литвою и надѣясь на благопріятное дѣйствіе своей знаменитой побѣды, Іоаннъ извѣстилъ о томъ Хана; писалъ къ нему съ гордостію и съ ласкою, напоминалъ искреннюю дружбу Менгли-Гирееву съ Великимъ Княземъ Іоанномъ, счастливую для обѣихъ Державъ, и всѣ худые успѣхи Крымскихъ впаденій, хотя вредныхъ для Россіи, но еще болѣе для самой Тавриды, уже бѣдной людьми, оружіемъ и конями; указывалъ на Христіанскія церкви въ Казани, въ Астрахани; хвалился усердіемъ вѣрныхъ Князей Черкесскихъ и Ногаевъ, сожалѣлъ о безсильной злобѣ Сигизмунда, наказаннаго стыдомъ, разореніемъ земли его, и говорилъ: »Всѣ Паны Королевскіе »били челомъ Боярамъ нашимъ, да пре»кратимъ ихъ бѣдствія. Бояре молили »Князя Владиміра Андреевича и вмѣстѣ »съ нимъ пали къ ногамъ моимъ, вѣщая: »*Государь! у васъ одна Вѣра: начто болѣе »проливать кровь? Руки твои наполнились »плѣна и богатства; ты взялъ лучшій го»родъ у Сигизмунда. Недругъ въ слезахъ, »и желаетъ быть въ твоей волѣ.* Я не »хотѣлъ оскорбить любезнаго мнѣ брата

Дѣла Крымскія.

г. 1563. »и Вельможъ добрыхъ: мы возвратились!... »Угодно ли тебѣ быть моихъ другомъ«[73]? Уже нѣсколько лѣтъ Послы вѣроломнаго Девлетъ-Гирея сидѣли у насъ въ тѣсной неволѣ: ихъ освободили въ знакъ Государева къ нему благорасположенія; но Іоаннъ въ письмѣ своемъ не хотѣлъ его назвать *братомъ*, и вмѣсто старииннаго *челобитья* приказалъ единственно поклонъ Хану. Не смотря на то, Посолъ Московскій, Аѳанасій Нагой, долженъ былъ за тайну объявить Крымскимъ Вельможамъ, что Царь удалилъ отъ себя Адашевыхъ, Воеводу Шереметева и Дьяка Ивана Михайлова будто бы за ихъ ненависть къ Девлетъ-Гирею[74]! Умъ, ловкость нашего Посла, и богатые дары произвели дѣйствіе: Ханъ склонился къ миру, года два не тревожилъ Россіи, и въ знакъ своего доброжелательства открылъ намъ важную тайну. Мы видѣли, что могущественный Солиманъ не равнодушно смотрѣлъ на успѣхи Іоаннова величія и на гибель Царствъ Мусульманскихъ[75]: занимаясь другими, ближайшими опасностями и предпріятіями важнѣйшими для его славолюбія, онъ медлилъ; наконецъ по внушенію

Замыслъ Султановъ

знатнаго бѣглеца Астраханскаго, Князя Ярлыгаша, замыслилъ великое дѣло: сое-

динить Донъ съ Волгою прокопомъ, осно- г.
вать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ 1563.
сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ,
гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань, — стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть Хану: Султанъ велѣлъ ему итти къ Астрахани, обѣщая прислать Дономъ пушки и людей искусныхъ въ строеніи крѣпостей. Но, къ счастію Россіи, Девлетъ-Гирей страшился господства Турковъ еще болѣе, нежели ея силы: не хотѣлъ уступить имъ Царствъ Батыевыхъ, и стараясь доказать Султану невозможность успѣха, извѣстилъ Іоанна о семъ опасномъ для насъ предпріятіи, которое осталось тогда безъ исполненія. — Не смотря на дружелюбныя сношенія съ Крымомъ, Государь ласкалъ постояннаго врага Девлетъ-Гиреева, Главу Ногайскихъ Владѣтелей, Исмаила, который оберегалъ Астрахань, увѣдомлялъ насъ о вѣроломныхъ замыслахъ ея Князей, тайныхъ друзей Крыма, и, къ сожалѣнію Россіянъ, умеръ въ 1563 году, оставивъ сына, Тинъ-Ахмата, начальникомъ Орды Ногайской.

г. 1563. Подобно отцу, сей Князь усердно искалъ Іоанновой милости[76].

Происшествія въ Ливоніи. Уже Польша, Данія и Швеція воевали за Ливонію; первыя двѣ хотѣли общими силами обуздать властолюбіе Эрика: ибо Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштеинъ, у Датчанъ Леаль и Габзаль[77]. Король Датскій, Фридерикъ, желалъ союза Іоаннова: Царь утвердилъ съ нимъ миръ, какъ бы изъ великодушія уступивъ ему Эзель и Викъ; но гордо отвергнулъ его посредничество въ нашихъ дѣлахъ съ Литвою, сказавъ: »мы »сами умѣемъ стоять за себя, и кромѣ »Божіей помощи не хотимъ никакой«[78]. Онъ велѣлъ отвести дворы купцамъ Датскимъ въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, съ условіемъ, чтобы и нашимъ отведены были такіе же въ Копенгагенѣ и Визби, гдѣ Россіяне издревле торговали. Гофмейстеръ Фридериковъ, Эллеръ Гарденбергъ, съ другими чиновниками былъ въ Москвѣ для договора: Князь Ромодановскій ѣздилъ въ Данію для размѣна грамотъ. — Въ то же время и Шведы старались всячески улестить опаснаго Царя: Эрикъ извинялся въ неучтивостяхъ, оказанныхъ нашимъ Посламъ, и прислалъ шесть знатныхъ сановниковъ въ Москву, чтобы заклю-

чить *договоръ о Ливоніи* съ самимъ Царемъ, а не съ его Воеводами[79]. Отвѣтомъ была грубая насмѣшка. Іоаннъ велѣлъ сказать Эрику: »Когда я съ Дворомъ своимъ пересслюсь въ Швецію, тогда повелѣвай и величайся — а не нынѣ! Я »отъ тебя такъ далеко, какъ небо отъ »земли.« Шведы уступили. Государь велѣлъ Боярину Морозову, Намѣстнику Ливонскому, дать Королю особенное перемиріе на семь лѣтъ по дѣламъ Ливоніи; *дозволилъ* Эрику владѣть Ревелемъ и всѣми занятыми имъ городами въ Эстоніи, но оставилъ себѣ право, по истеченіи означеннаго срока, изгнать оттуда Шведовъ какъ хищниковъ; то есть, Іоаннъ не мѣшалъ враждующимъ за Ливонію Державамъ изнурять другъ друга, готовый воспользоваться ихъ ослабленіемъ и присоединить ее къ Россіи. Увидимъ слѣдствія, какихъ не ожидала его хитрая Политика.... Теперь будемъ говорить о внутреннихъ происшествіяхъ сего времени.

Г. 1563.

Перемиріе съ Швеціею.

Вторый бракъ Іоанновъ не имѣлъ счастливыхъ дѣйствій перваго. Марія, одною красотою плѣнивъ супруга, не замѣнила Анастасіи ни для его сердца, ни для Государства, которое уже не могло съ

Г. 1563. Злонравіе супруги Іоанновой. мыслію о Царицѣ соединять мысль о Царской добродѣтели. Современники пишутъ, что сія Княжна Черкесская, дикая нравомъ, жестокая душею, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ, не умѣвъ сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо онъ уже вкусилъ опасную прелесть непостоянства и не зналъ стыда. Равнодушный къ Маріи, Іоаннъ помнилъ Анастасію, и еще лѣтъ семь, въ память ея, надѣлялъ богатою милостынею святые монастыри Аѳонскіе[80]. Такимъ же образомъ Государь честилъ и память своего брата, Юрія, умершаго въ

Кончина К. Юрія. исходѣ 1563 года[81]. Сей Князь, скудный умомъ, пользовался наружными знаками уваженія, и неспособный ни къ ратнымъ, ни къ государственнымъ дѣламъ, только именемъ начальствовалъ въ Москвѣ, когда Царь выѣзжалъ изъ столицы. Но супруга его, Іуліанія, считалась вторею Анастасіею по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ: она рѣшилась оставить

Пострижение невѣстки Іоанновой. свѣтъ. Іоаннъ, Царица Марія, Князь Владиміръ Андреевичь, Бояре и народъ въ глубокомъ молчаніи шли за нею отъ Кремля до Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ, названная во Инокиняхъ Александрою, она хотѣла кончить дни свои въ мирѣ, не

предвидя, что сей тронутый ея ревностивымъ, Ангельскимъ благочестіемъ Царь, исполненный къ ней — такъ казалось — любви и братской нѣжности, въ порывѣ безумнаго гнѣва будетъ ея свирѣпымъ убійцею! Онъ желалъ, чтобы невѣстка его и въ видѣ смиренной Монахини имѣла почести Царскія: устроилъ ей въ келліяхъ пышный Дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе, какъ бы желая тѣмъ еще привязать ее къ суетамъ міра[32]! г. 1563.

Еще прежде Іуліаніи, волею или неволею, постриглась мать Князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Евфросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ Царя по доносу Дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, Митрополита, Епископовъ; *уличилъ* — какъ сказано въ лѣтописи — мать и сына *въ неправдѣ*, но, уваживъ моленіе Духовенства, изъ *милосердія* отпустилъ имъ вину. Тогда Евфросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные Дворскіе чиновники; а Князю Владиміру Іоаннъ далъ *новыхъ* Бояръ, Стольниковъ и Дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ се- Пострижение Евфросинии.

*

г. 1563. бѣ въ Царскую службу: то есть, окружилъ сего Князя надзирателями; между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села Вышегородскія, чтобы пировать и веселиться[83]. Еще внутренняя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.

Кончина Макарія. Въ послѣдній день 1563 года скончался, въ глубокой старости, знаменитый Митрополитъ Макарій, обвиняемый современниками въ честолюбіи, въ робости духа, но хвалимый за благонравіе: не смѣлый обличитель Царскихъ пороковъ, но и не грубый льстецъ ихъ. За нѣсколько дней до смерти открывая душу предъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что, изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному, но Царь и Святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей Пастырь Церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану Іерарха. Ревностный къ успѣхамъ Христіанскаго просвѣщенія, онъ велѣлъ перевести Греческую Минею и прибавилъ къ ней Житія Святыхъ Россій-

скихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, для коихъ Соборомъ 26 Февраля, 1547 года, уставилъ онъ службу и празднества: Новогородскому Архіепископу Іоанну, Александру Невскому, Савватію, Зосимѣ Соловецкимъ и другимъ[84]. Макарій велѣлъ также сочинить извѣстную *Степенную Книгу*, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. Европа уже около ста лѣтъ пользовалась счастливымъ открытіемъ Гуттемберга, Фауста, Шеффера: Государи Московскіе слышали о томъ и хотѣли присвоить себѣ выгоду столь важную для успѣховъ просвѣщенія, имъ любезнаго. Великій Князь Іоаннъ III давалъ жалованье славному Любекскому типографщику Варѳоломею[85]; Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* и, какъ вѣроятно, нашелъ ихъ для образованія нашихъ собственныхъ въ Москвѣ: ибо въ 1553 году онъ приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, Ивана Ѳедорова, Діакона церкви Св. Николая Гостунскаго, и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ, древнѣйшую изъ

Г. 1563. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги.

Заведеніе Типографіи.

Г. 1563. печатныхъ книгъ Россійскихъ, достойную замѣчанія красотою буквъ и бумаги[86]. Въ прибавленіи сказано, что Макарій благословилъ Царя на благое дѣло доставить Христіанамъ, вмѣсто невѣрныхъ рукописей, печатныя, исправныя книги, содержащія въ себѣ и Законъ Божій и службу церковную: для чего надлежало сличать древнѣйшіе, лучшіе списки, дабы не обмануться ни въ словахъ, ни въ смыслѣ. Сіе важное предпріятіе, внушенное Христіанскою просвѣщенною ревностію, возбудило негодованіе многихъ грамотѣевъ, которые жили списываніемъ книгъ церковныхъ. Къ симъ людямъ присоединились и суевѣры, изумленные новостію[87]. Начались толки, и художникъ Иванъ Ѳедоровъ, смертію Макарія лишенный усерднаго покровителя, какъ мнимый еретикъ долженъ былъ — вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Петромъ Мстиславцемъ — удалиться отъ гонителей въ Литву. Хотя Московская типографія, переведенная въ Александровскую Слободу[88], еще напечатала Евангеліе; но Царь уступилъ славу издать всю Библію Волынскому Князю Константину Константиновичу, одному изъ потомковъ Св. Владиміра. Сей Князь, ревностный сынъ на-

Изданіе Библіи въ Острогѣ.

шей Церкви, съ любовію принявъ изгнанника Ивана Өедорова, завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ; досталъ въ Москвѣ же (чрезъ Государственнаго Секретаря Литовскаго, Гарабурду) полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣрилъ его съ Греческою Библіею, присланною къ нему отъ Іереміи, Патріарха Константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ Филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году, заслуживъ тѣмъ благодарность всѣхъ единовѣрцевъ[89]. — Между достопамятными церковными дѣяніями Макаріева времени замѣтимъ еще учрежденіе Полоцкой *Архіепископіи*, въ честь сего древняго Княжества и тамошняго знаменитаго храма Софійскаго. Бывшій Святитель Суздальскій, Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ Св. Іосифа Волоцкаго, мужъ добродѣтельный, но ветхій и недужный, въ угодность Царю принялъ санъ Полоцкаго Архипастыря[90]. Полоцкая Архіепископія.

По кончинѣ Макарія всѣ Епископы съѣхалися въ Москву, чтобы избрать новаго Пастыря Церкви; но еще прежде сего, исполняя волю Государеву, они Соборною грамотою уставили, что Митрополиты Россійскіе должны впредь носить *клобуки бѣлые, съ рясами и съ* г. 1564.

Г. 1564. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. *Херувимомъ*, какъ изображаются на иконахъ Митрополиты Петръ и Алексій, Новогородскій Архіепископъ Іоаннъ и Чудотворцы Ростовскіе Леонтій, Игнатій, Исаія. »Для чего« — сказано въ сей грамотѣ — »для чего одни Святители Но»вогородскіе носятъ нынѣ бѣлые клобуки, »мы искали и не могли найти въ писа»ніяхъ. Да возвратится Митрополитамъ »ихъ древнее отличіе! да печатаютъ так»же, подобно Архіепископамъ Новогород»скому и Казанскому, всѣ грамоты свои »*краснымъ воскомъ*. Печать на одной сто»ронѣ должна представлять образъ Бого»матери со Младенцемъ, а на другой ру»ку *благословенную* съ именемъ Митропо»лита«[91]. Чрезъ нѣсколько дней былъ избранъ въ Первосвятители Инокъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій Благовѣщенскій Протоіерей и Духовникъ Государевъ. По совершеніи Литургіи, Владыки, снявъ съ Митрополита одежду служебную, возложили на него *златую икону вратную*, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ. Аѳанасій сталъ на Святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе и громогласно молилъ Всевышняго, да ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну[92]. Онъ

Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры. Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій.

Г. 1563 — 1569.

Перемиріе, данное Іоанномъ Сигизмунду, не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоеваніе Полоцкой области. Слуга Сигизмун- Г. 1563. Переговоры и война съ Литвою.

г. 1563. довъ, Князь Михайло Вишневецкій, съ полками Козаковъ и Бѣлогородскихъ Татаръ опустошалъ Уѣзды Черниговскіе, Стародубскіе[93]: Князь Иванъ Щербатый, Сѣверскій Воевода, разбилъ его на голову. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ: наконецъ они пріѣхали, 5 Декабря 1563 года, и слѣдуя обыкновенію, требовали отъ насъ Новагорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а Бояре наши, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что мы для надежнаго мира должны взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, но и Вильну, которая въ древнія времена принадлежала Россіи[94]. Они говорили о неправдахъ, лукавствѣ, спеси Короля, не хотящаго именовать Іоанна Царемъ и замышляющаго быть Государемъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ, и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ, Нѣмцевъ, за ихъ бунтъ и непослушаніе. »Такъ было« — заключили Бояре словомъ Государя — »такъ было до временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего дѣда; »до славнаго родителя моего, *обрѣтателя »древней нашей отчины*, и до меня *смирен-*

»наго.« Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованія; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыніи, и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ: однакожь Послы не приняли сего условія. Іоаннъ изустно сказалъ имъ: »Если Король не хочетъ да»вать мнѣ Царскаго имени, да будетъ его »воля! Не имѣю нужды въ титулѣ: ибо »всѣмъ извѣстно, что родъ мой происхо»дитъ отъ Кесаря Августа; а даннаго »Богомъ человѣкъ не отниметъ.« Такая Генеалогія должна была удивить Пословъ: имъ безъ сомнѣнія объяснили ее. Надобно знать, что Московскіе книжники сего времени, можетъ быть въ угодность Іоаннову честолюбію, производили перваго Князя Новогородскаго, Рюрика, отъ мнимаго Прусса, Августова брата, который будто бы, оставивъ Римъ, сдѣлался Владѣтелемъ Пруссіи[95]. Послы не спорили о предкахъ Рюриковыхъ, но не хотѣли утвердить за нами ни Полоцкой области, ни Ливоніи, и выѣхали изъ Москвы 9 Генваря. г. 1564.

Тогда Воеводы Московскіе немедленно выступили, Шуйскій изъ Полоцка, Князья

Г. 1564. Серебряные-Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы: Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, итти къ Минску, къ Новугородку Литовскому; назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но Князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, славный и доблестію и человѣколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, изъявилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ; впереди не было стражи; никто не думалъ о непріятелѣ — а Воевода Троцкій, Николай Радзивилъ, съ Дворомъ Королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими, стоялъ близъ Витебска; имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ; зналъ все, и вдругъ, близъ Орши, въ мѣстахъ лѣсныхъ, тѣсныхъ, напалъ на Россіянъ. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, Воеводы и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнію за свою неосторожность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвый въ колодезѣ; другіе, что Литовскій крестьянинъ изрубилъ его сѣкирою[96]. Изъ знатныхъ людей пали еще два брата, Князья Симеонъ и

Өедоръ Палицкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ Воеводу Захарія Плещеева-Очина, Князя Ивана Охлябинина и нѣсколько Дѣтей Боярскихъ, такъ, что мы изъ двадцати тысячь воиновъ лишились менѣе двухъ сотъ человѣкъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю въ добычу обозы и пушки. Тѣло Шуйскаго съ торжествомъ отвезли въ Вильну, а плѣнниковъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ пѣть молебны, и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга[97]. г. 1564.

Впрочемъ сія побѣда не имѣла дальнѣйшихъ счастливыхъ слѣдствій для Сигизмунда. Князья Оболенскіе стояли подъ Оршею: Радзивилъ не хотѣлъ сразиться съ ними; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ Королевскихъ владѣній, и для того гонецъ Литовскій съ вѣстію о бѣдствіи Шуйскаго нарочно былъ посланъ въ Дубровну чрезъ такія мѣста, гдѣ ему надлежало встрѣтить Россіянъ: его схватили и привели къ Воеводамъ нашимъ, которые — узнавъ, что случилось — дѣйствительно возвратились къ Смоленску, но отмстивъ непріятелю огнемъ и мечемъ: выжгли селенія отъ Дубровны до Кричева; взяли въ плѣнъ Февр. 9.

Г. 1564. множество земледѣльцевъ[98]. Мѣсяцевъ пять миновало въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ: въ Іюлѣ Полководецъ Іоанновъ, Князь Юрій Токмаковъ, съ малочисленною

Іюля 22. пѣхотою и конницею ходилъ изъ Невля къ Озерищу, въ надеждѣ завладѣть симъ городомъ[99]. Свѣдавъ, что 12,000 Литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осажденныхъ, сей Воевода, извѣстный мужествомъ, отпустилъ снарядъ и пѣхоту на судахъ въ Невль, съ одною конницею встрѣтилъ непріятеля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, онъ долженъ былъ отступить, безчеловѣчно умертвивъ взятыхъ имъ плѣнниковъ. Смоленскій Воевода, Бутурлинъ, предводительствуя Дѣтьми Боярскими, Татарами, Мордвою, снова опустошилъ правый берегъ Днѣпра и вывелъ 4800 плѣнниковъ обоего пола. Между тѣмъ Литовцы тревожили впаденіемъ область Дерптскую[100]; а Козаки Сигизмундовы грабили купцевъ и Посланниковъ Іоанновыхъ на пути изъ Москвы въ Тавриду. — Но скоро война сдѣлалась важнѣе, по крайней мѣрѣ для насъ опаснѣе, отъ неожидаемой измѣны одного изъ славнѣйшихъ Воеводъ Іоанновыхъ.

Ужасъ, наведенный жестокостями Ца-

ря на всѣхъ Россіянъ, произвелъ бѣгство многихъ изъ нихъ въ чужія земли. Князь Димитрій Вишневецкій служилъ примѣромъ: усердный ко славѣ нашего отечества, и любивъ Іоанна добродѣтельнаго, онъ не хотѣлъ подвергать себя злобному своенравію Тирана: изъ воинскаго стана въ южной Россіи ушелъ къ Сигизмунду, который принялъ Димитрія милостиво какъ злодѣя Іоаннова, и далъ ему собственнаго Медика, чтобы излечить сего славнаго воина отъ тяжкаго недуга, произведеннаго въ немъ отравою[101]. Но Вишневецкій не думалъ лишь крови единовѣрныхъ Россіянъ: тайно убѣждаемый нѣкоторыми Вельможами Молдавіи изгнать недостойнаго ихъ Господаря, Стефана, онъ съ дружиною вѣрныхъ Козаковъ спѣшилъ туда искать новой славы и былъ жертвою обмана; никто не явился подъ знамена Героя: Стефанъ плѣнилъ Вишневецкаго и послалъ въ Константинополь, гдѣ Султанъ велѣлъ умертвить его. — Въ слѣдъ за Вишневецкимъ отъѣхали въ Литву два брата, знатные сановники, Алексѣй и Гаврило Черкасскіе[102], безъ сомнѣнія угрожаемые опалою. Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спа-*

Г. 1564. Бѣгство Россіянъ въ Литву.

Г. 1564. *саться отъ мучителя;* но горе граждани-ну, который за тирана мститъ отечеству! Юный, бодрый Воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, Герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ Царя [103], возложилъ на себя печать стыда и долгъ на Историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ. То былъ Князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства; но Царь уже не любилъ его какъ друга Адашевыхъ: искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый Воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія; слышалъ угрозы; наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго предъ собою или разстаться съ нимъ живымъ навѣки? Великодушная съ твердостію отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія.

Измѣна К. Андрея Курбскаго.

Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, Г.
благословилъ девятилѣтняго сына, ночью 1564.
тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго Литовцами [104]. Тамъ Воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ Королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ: открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ Царю: усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное, и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому Государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: »отъ Переписка его съ Царемъ.
»господина моего, твоего изгнанника, Кня»зя Андрея Михайловича.« Гнѣвный Царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія [105]:

»Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога »прославленному — нынѣ же, по грѣхамъ »нашимъ, омраченному адскою злобою въ

Г. 1564. »сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, ти»рану безпримѣрному между самыми не»вѣрными Владыками земли. Внимай! Въ »смятеніи горести сердечной скажу мало, »но истину. Почто различными муками »истерзалъ ты Сильныхъ во Израилѣ, »Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Все»держителемъ, и святую, побѣдоносную »кровь ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? »Развѣ они не пылали усердіемъ къ Царю »и отечеству? Вымышляя клевету, ты »вѣрныхъ называешь измѣнниками, Хри»стіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и слад»кое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя »сіи предстатели отечества? Не ими ли »разорены Батыевы Царства, гдѣ предки »наши томились въ тяжкой неволѣ? Не »ими ли взяты твердыни Германскія въ »честь твоего имени? И что же воздаешь »намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ »безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и право»судія вышняго для Царя?.... Не описы»ваю всего, претерпѣннаго мною отъ »твоей жестокости: еще душа моя въ »смятеніи; скажу единое: ты лишилъ ме»ня святыя Руси! Кровь моя, за тебя »изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ »сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣ»лахъ и въ тайныхъ помышленіяхъ; во-

»прошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ Г.
»ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ то- 1564.
»бою. Я водилъ полки твои, и никогда
»не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю:
»слава моя была твоею. Не годъ, не два
»служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ тру-
»дахъ и въ подвигахъ воинскихъ, терпя
»нужду и болѣзни, не видя матери, не
»зная супруги, далеко отъ милаго отече-
»ства. Исчисли битвы, исчисли раны мои!
»Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему по-
»ручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе
»Святыхъ и праотца моего, Князя Ѳео-
»дора Ярославскаго[106] Мы разстались
»съ тобою навѣки: не увидишь лица мо-
»его до дни суда Страшнаго. Но слезы
»невинныхъ жертвъ готовятъ казнь му-
»чителю. Бойся и мертвыхъ: убитые
»тобою живы для Всевышняго: они у пре-
»стола Его требуютъ мести! Не спа-
»сутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ без-
»смертнымъ ласкатели, Бояре недостой-
»ные, товарищи пировъ и нѣги, губите-
»ли души твоей, которые приносятъ
»тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — Сію
»грамоту, омоченную слезами моими, ве-
»лю положить въ гробъ съ собою и явлю-
»ся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано
»въ градѣ Вольмарѣ, въ области Короля

Г. 1564. »Сигизмунда, Государя *моего*, отъ коего »съ Божіею помощію надѣюсь милости и »жду утѣшенія въ скорбяхъ.«

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, имянемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ Исторіи) не объявилъ ничего; въ ужасныхъ мукахъ хвалилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь, изумили всѣхъ и самого Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо Царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. »Во имя »Бога всемогущаго (пишетъ Іоаннъ), То»го, Кѣмъ живемъ и движемся, Кѣмъ Ца»ри царствуютъ и Сильные глаголютъ, »смиренный Христіанскій отвѣтъ быв»шему Россійскому Боярину, нашему Со»вѣтнику и Воеводѣ, Князю Андрею Ми»хайловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть* »*Ярославскимъ Владыкою* Почто, не»счастный, губишь свою душу измѣною, »спасая бренное тѣло бѣгствомъ? Если

»ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для г.
»чего же не хотѣлъ умереть отъ меня, 1564.
»строптиваго Владыки, и наслѣдовать
»вѣнецъ Мученика? Что жизнь, что бо»гатство и слава міра сего? суета и
»тѣнь: блаженъ, кто смертію пріобрѣ»таетъ душевное спасеніе! Устыдися ра»ба своего, Шибанова: онъ сохранилъ бла»гочестіе предъ Царемъ и народомъ; давъ
»господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ
»ему при вратахъ смерти. А ты, отъ
»единаго моего гнѣвнаго слова, тяготишь
»себя клятвою измѣнниковъ; не только
»себя, но и душу предковъ твоихъ: ибо
»они клялися великому моему дѣду слу»жить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потом»ствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое пи»саніе. Ядъ аспида въ устахъ измѣнника;
»слова его подобны стрѣламъ. Жалуешься
»на претерпѣнныя тобою гоненія; но ты
»не уѣхалъ бы ко врагу нашему, если бы
»мы не излишно миловали васъ, недостой»ныхъ! Я иногда наказывалъ тебя за ви»ны, но всегда легко, и съ любовію; а
»жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣ»тахъ былъ Воеводою и Совѣтникомъ
»Царскимъ; имѣлъ всѣ почести и богат»ство. Вспомни отца своего: онъ служилъ
»въ Боярахъ у Князя Михайла Кубенскаго!

г. 1564. »Хвалишься пролитіемъ крови своей въ »битвахъ: но ты единственно платилъ »долгъ отечеству. И велика ли слава тво»ихъ подвиговъ? Когда Ханъ бѣжалъ отъ »Тулы, вы пировали на обѣдѣ у Князя »Григорія Темкина, и дали непріятелю »время уйти во-свояси[107]. Вы были подъ »Невлемъ съ 15,000 и не умѣли разбить »четырехъ тысячъ Литовцевъ[108]. Гово»ришь о Царствахъ Батыевыхъ, будто »бы вами покоренныхъ: разумѣешь Казан»ское (ибо милость твоя не видала Астра»хани): но чего намъ стоило вести васъ »къ побѣдѣ? Сами итти не желая, вы »безумными словами и въ другихъ охла»ждали ревность къ воинской славѣ. Ко»гда буря истребила подъ Казанью суда »наши съ запасомъ, вы хотѣли бѣжать »малодушно — и безвременно требовали »рѣшительной битвы, чтобы возвратить»ся въ домы, побѣдителями или побѣжден»ными, но только скорѣе. Когда Богъ да»ровалъ намъ городъ, что вы дѣлали? гра»били! А Ливоніею можете ли хвалить»ся? Ты жилъ праздно во Псковѣ, и мы »семь разъ писали къ тебѣ, писали къ »Князю Петру Шуйскому: *идите на Нѣм»цевъ!* Вы съ малымъ числомъ людей взя»ли тогда болѣе пятидесяти городовъ;

»по своимъ ли умомъ и мужествомъ? Г. 1564.
»Нѣтъ, только исполненіемъ, хотя и лѣ»нивымъ, нашего распоряженія. Чтожь »вы сдѣлали послѣ съ своимъ мудрымъ »начальникомъ Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя »у себя войско многочисленное? едва могли »взять Феллинъ: ушли отъ Пайды (Вей»сенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы вся при»надлежала Россіи. Вы побѣждали неволь»но, дѣйствуя какъ рабы, единственно »силою понужденія. Вы, говорите, проли»вали за насъ кровь свою: мы же проли»вали потъ и слезы отъ вашего непови»новенія. Что было отечество въ ваше »царствованіе и въ наше малолѣтство? »пустынею отъ Востока до Запада; а »мы, унявъ васъ, устроили села и грады »тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри. Горе до»му, коимъ владѣетъ жена; горе Царству, »коимъ владѣютъ многіе! Кесарь Августъ »повелѣвалъ вселенною, ибо не дѣлился »ни съ кѣмъ властію: Византія пала, ко»гда Цари начали слушаться Эпарховъ, »Синклитовъ и Поповъ, братьевъ вашего »Сильвестра.« Тутъ Іоаннъ описываетъ уже извѣстныя Читателю вины бывшихъ своихъ любимцевъ [109] и продолжаетъ: »Безстыдная ложь, что говоришь о на-

Г. »шихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не гу-
1564. »бимъ *сильныхъ во Израилѣ;* ихъ кровію
»не обагряемъ церквей Божіихъ: *сильные,*
»добродѣтельные здравствуютъ и слу-
»жатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнни-
»ковъ — и гдѣ же щадятъ ихъ? Констан-
»тинъ Великій не пощадилъ и сына сво-
»его; а предокъ вашъ, святый Князь Ѳео-
»доръ Ростиславичь, сколько убилъ Хри-
»стіанъ въ Смоленскѣ [110]? Много опалъ,
»горестныхъ для моего сердца; но еще
»болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ
»извѣстныхъ. Спроси у купцевъ чужезем-
»ныхъ, пріѣзжающихъ въ наше Государ-
»ство: они скажутъ тебѣ, что твои
»*предстатели* суть злодѣи уличенные, ко-
»ихъ не можетъ носить земля Русская.
»И что такое *предстатели отечества?*
»Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны,
»Юпитеры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе
»были вольны, независимы: жаловали и
»казнили своихъ подданныхъ безъ отче-
»та. Такъ и будетъ! Уже я не младе-
»нецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей,
»Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ
»Угодниковъ: наставленія человѣческаго
»не требую. Хвала Всевышнему: Россія
»благоденствуетъ; Бояре мои живутъ въ
»любви и согласіи: одни друзья, совѣтни-

»ки ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ. — Г. 1564.
»Угрожаешь мнѣ судомъ Христовымъ на »томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ »власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! »Вы думаете, что Господь царствуетъ »только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на »землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! »вездѣ Господня Держава, и въ сей и въ »будущей жизни. — Ты пишешь, что я »не узрю здѣсь лица твоего *Еѳіопскаго:* »горе мнѣ! какое бѣдствіе! — Престолъ »Всевышняго окружаешь ты убіенными »мною: вотъ новая ересь! Никто, по сло»ву Апостола, не можетъ видѣть Бога.— »Положи свою грамоту въ могилу съ со»бою: симъ докажешь, что и послѣдняя »искра Христіанства въ тебѣ угасла: ибо »Христіанинъ умираетъ съ любовію, съ »прощеніемъ, а не съ злобою. — Къ до»верщенію измѣны называешь Ливонскій »городъ Вольмаръ областію Короля Си»гизмунда, и надѣешься отъ него мило»сти, оставивъ своего законнаго, Богомъ »даннаго тебѣ Властителя. Ты избралъ »себѣ Государя лучшаго! Великій Король »твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, »что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: »Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ »безумными: таковъ ты дѣйствитель-

Г. 1564. »но. — Писано нашея Великія Россіи въ »царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта мі»розданія 7072, Іюля мѣсяца въ 5 день.«

Сіе письмо, наполненное изрѣченіями Ветхаго и Новаго Завѣта, свидѣтельствами историческими, богословскими толкованіями и грубыми насмѣшками, составляетъ цѣлую книгу въ подлинникѣ. Курбскій отвѣтствовалъ на оное съ презрѣніемъ: стыдилъ Іоанна забвеніемъ Властительскаго достоинства, унижаемаго языкомъ браннымъ, суесловіемъ жалкимъ, непристойною смѣсію Божественныхъ сказаній съ ложью и клеветами. »Я не»виненъ, и бѣдствую въ изгнаніи,« говоритъ онъ: »добрые жалѣютъ обо мнѣ: »слѣдственно не ты! Пождемъ мало: исти»на не далеко [111]. Доселѣ можемъ осуждать изгнанника только за *язвительность* жалобы, и за то, что онъ наслажденію мести, удовольствію терзать мучителя словами смѣлыми, пожертвовалъ добрымъ, усерднымъ слугою: по крайней мѣрѣ еще не видимъ въ немъ государственнаго преступника, и не можемъ вѣрить обвиненію, что Курбскій хотѣлъ будто бы назваться *Государемъ Ярославскимъ* [112]. Но, увлеченный страстію, сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть пра-

вымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: г.
внутренняго чувства добродѣтели. Онъ 1564.
могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ: къ несчастію, сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, онъ предалъ ему свою честь и душу; совѣтовалъ, какъ губить Россію; упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ Хана — и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Ляховъ, Прусскихъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идутъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область[113]

Нападеніе Литвы и Крымцевъ.

Сія послѣдняя вѣсть изумила Царя: онъ ѣхалъ тогда на богомолье въ Суздаль, всякой день ожидая новой Шертной грамоты отъ Хана, который обѣщалъ ему и миръ и союзъ. Грамота въ самомъ дѣлѣ была написана, и Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, уже готовился къ отъѣзду изъ Тавриды[114]; но золото Сигизмундово все перемѣнило: взявъ его, Девлетъ-Гирей устремился на Россію, без-

*

г. 1564. защитную, какъ онъ думалъ: ибо Король писалъ къ нему, что Іоаннъ со всѣми полками на Ливонской границѣ. Обманутый дружелюбными увѣреніями Хана, Царь дѣйствительно распустилъ наши полки Украинскіе, такъ что въ Рязани, осажденной Девлетъ-Гиреемъ, не было ни одного воина, кромѣ жителей. Она спаслася геройствомъ двухъ любимцевъ Государевыхъ, Боярина Алексѣя Басманова и сына его, Өедора, которые, находясь тогда въ ихъ богатомъ помѣстьѣ на берегу Оки, первые извѣстили Царя о непріятелѣ, первые вооружились съ людьми своими, разбили нѣсколько отрядовъ Ханскихъ и засѣли въ Рязани, гдѣ ветхія стѣны падали, но гдѣ ревность, неустрашимость сихъ витязей, вмѣстѣ съ увѣщаніями Епископа Филоөея, одушевили гражданъ рѣдкимъ мужествомъ. Крымцы приступали днемъ и ночью безъ успѣха: трупы ихъ лежали грудами подъ стѣнами. Дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго снаряда не давало имъ отдыха и въ станѣ. Узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ; что Воеводы Өедоровъ и Яковлевъ съ Царскою дружиною уже стоятъ на берегу Оки; что изъ Михайлова, изъ Дѣдилова идетъ къ нимъ войско — что смѣлые наѣздни-

ки Россійскіе вездѣ бьютъ Крымцевъ, г.
приближаясь къ самому ихъ стану — 1564.
Девлетъ-Гирей ушелъ еще скорѣе, нежели пришелъ; не дождался и своихъ отрядовъ, которые жгли берега Оки и Вожи. За нимъ не гналися; но Ширинскій Князь его, Мамай, хотѣвъ долѣе грабить въ селахъ Пронскихъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 500 Крымцевъ; на мѣстѣ легло ихъ болѣе трехъ тысячь[115]. Чрезъ 6 дней все затихло: уже не было слуха о Крымцахъ. Іоаннъ, оставивъ Царицу и дѣтей въ Александровской Слободѣ, выѣзжалъ изъ Москвы къ войску, когда Басмановы донесли ему о бѣгствѣ непріятеля: личная доблесть и слава сихъ двухъ любимцевъ еще болѣе оживляла его радость: онъ далъ имъ золотыя медали.

Вниманіе Государя обратилось на Полоцкъ: и тамъ мы торжествовали, къ стыду измѣнника нашего и гордаго Пана Радзивила, главнаго Воеводы Сигизмундова. Они расположились станомъ въ двухъ верстахъ отъ города, между рѣками Двиною и Полотою, въ надеждѣ, что возьмутъ его однимъ страхомъ или измѣною; но Воевода Полоцкій, Князь Петръ Щенятевъ, отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій Царь Ка-

Г. 1564. занскій Симеонъ, Князья Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебряные спѣшили изъ Великихъ Лукъ зайти непріятелю въ тылъ: ибо Государь, угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на сей границѣ. Радзивилъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому (такова участь предателей!): вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ коей могъ быть между двумя огнями; 17 дней стоялъ праздно; терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости— и 4 Октября перешелъ на Литовскую сторону Двины[116]. Сего не довольно: Воеводы Московскіе, изгнавъ Литовцевъ, взяли приступомъ Озерище, и славный побѣдитель Шуйскаго не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти сію важную крѣпость. — Въ туже осень Князь Василій Прозоровскій отразилъ Литовцевъ отъ Чернигова, и взявъ знамя Пана Сапѣги, заслужилъ Царскую милость[117]. Зимою Курбскій съ 15,000 воиновъ Королевскихъ входилъ въ область Великихъ Лукъ; но подвиги его состояли единственно въ разореніи селъ, даже монастырей. »То сдѣлалось противъ моей воли,« писалъ онъ къ Іоанну: »не льзя было удер»жать хищныхъ ратниковъ. Я воевалъ

6 Ноября.

»мое отечество такъ же, какъ Давидъ, Г. 1564.
»гонимый Сауломъ, воевалъ землю Израильскую«[118].

Къ общему распоряженію Короля принадлежали и дѣйствія Воеводъ его въ Ливоніи: чтобы способствовать успѣхамъ Хана и Радзивила, онъ велѣлъ Князю Александру Полубенскому и другимъ своимъ Воеводамъ итти къ Маріенбургу, Дерпту, въ область Псковскую. Было нѣсколько дѣлъ, довольно важныхъ: въ одномъ храбрый витязь Іоанновъ, Василій Вешняковъ, разбилъ непріятеля, а въ другомъ Князь Иванъ Шуйскій и Меньшій Шереметевъ уступили ему поле битвы[119]. Литовцы не могли овладѣть Краснымъ; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный Воевода Бутурлинъ вывелъ 3200 плѣнниковъ: за что Государь прислалъ къ нему золотыя медали. Силы Литовцевъ были раздѣлены: они сражались и съ нами и съ Шведами; послѣдніе же на сухомъ пути съ ними, а на морѣ съ Датчанами, за спорную Ливонію, къ удовольствію Іоанна, который внутренно смѣялся надъ ихъ усиліями, считая себя единственнымъ ея законнымъ Государемъ.

Г. 1564. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго.

Іоаннъ надѣялся еще далѣе распространить пламя войны Ливонской и найти новаго, усерднаго сподвижника противъ Короля Сигизмунда въ Великомъ Магистрѣ Нѣмецкомъ, Вольфгангѣ: ибо сей древній Орденъ, утративъ свое бытіе въ Пруссіи, былъ возстановленъ въ Германіи[120], болѣе именемъ и обрядами, нежели духомъ и характеромъ. Вольфгангъ писалъ къ Царю, что онъ мыслитъ съ помощію Императора завоевать Пруссію, желаетъ союза Россіи, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлетъ Пословъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали (въ Сентябрѣ 1564 года) съ письмами отъ Императора Фердинанда и Магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу плѣннику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзѣ и войнѣ. Государь съ досадою отвѣтствовалъ, что Магистръ нынѣ говоритъ одно, а завтра иное; что если Вольфгангъ отниметъ у Сигизмунда Ригу и Венденъ, то Царь пожалуетъ ими Фирстенберга; что Императору не будетъ отвѣта, ибо онъ писалъ къ Царю не съ своимъ, а съ чужими Послами[121].

Такимъ образомъ измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію

произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые Вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ, и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ — и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что Царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поимянно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми [122]. 3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре ждали Государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ Ми-

Г. 1564. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ.

трополиту служить Обѣдню; молился съ усердіемъ; принялъ благословеніе отъ Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку свою Боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ Царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ[123], Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами, и провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ: ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди и рѣки вскрылись. 17 Декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Троицкій, а къ Рождеству въ Александровскую Слободу. — Въ Москвѣ, кромѣ Митрополита, находились тогда многіе Святители: они вмѣстѣ съ Боярами, вмѣстѣ съ народомъ — не зная, что думать о Государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи — безпокоились, унывали, ждали чего нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

Г. 1565. 3 Генваря вручили Митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи,

неустройства, беззаконія Боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и Вельможи и Приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья Государевы: радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не престаютъ злодѣйствовать: Воеводы не хотятъ быть защитниками Христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ Хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію; а если Государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ Боярамъ и чиновникамъ, то Митрополитъ и Духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. »Въ слѣдствіе че»го« — писалъ Іоаннъ — »не хотя тер»пѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой »жалости сердца оставили Государство »и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ »путь«[124]. — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: Дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную всенародно. Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Г. 1565. Письмо Іоанново къ Митрополиту и къ народу.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства.

г. 1565. Ужасъ въ Москвѣ.

»Государь насъ оставилъ!« вопилъ народъ: »мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ за»щитникомъ въ войнахъ съ иноплемен»ными? Какъ могутъ быть овцы безъ »пастыря?« Духовенство, Бояре, сановники, Приказные люди, проливая слезы, требовали отъ Митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: »Пусть Царь казнитъ своихъ »лиходѣевъ: въ животѣ и въ смерти воля »его; но Царство да не останется безъ »Главы! Онъ нашъ Владыка, Богомъ дан»ный: инаго не вѣдаемъ. Мы всѣ *съ сво»ими головами* ѣдемъ за тобою *бить че»ломъ Государю и плакаться.*« То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: »Пусть Царь укажетъ намъ своихъ измѣн»никовъ: мы сами истребимъ ихъ!« Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ Царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными Послами Святителя Новогородскаго Пимена и Чудовскаго Архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе Епископы: Никандръ

Ростовскій, Елевѳерій Суздальскій, Филоѳей Рязанскій, Матѳей Крутицкій, Архимандриты Троицкій, Симоновскій, Спасскій, Андрониковскій; за Духовенствомъ Вельможи, Князья Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій, — всѣ Бояре, Окольничіе, Дворяне и Приказные люди, прямо изъ палатъ Митрополитовыхъ не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы *ударить челомъ Государю и плакаться.* г. 1565.

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну: онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую Слободу съ приставами, и 5 Генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ Царю благословеніе отъ Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу съ Духовенства, съ Вельможъ, Дворянъ, Приказныхъ людей, не оставлять Государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ Боярамъ видѣть очи Царскія. Іоаннъ впустилъ и Бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали Царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ

г. 1565. ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами Природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. »Когда« — сказали вмѣстѣ и Духовные и Государственные сановники — »когда ты не уважаешь мірскаго »величія и славы, то вспомни, что оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи Угодниковъ Христовыхъ. »Вспомни, что ты блюститель не только Государства, но и Церкви: первый, »единственный Монархъ Православія! Если »удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей Вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной«[125]? — Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки Боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; ссылался на Исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами Державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли (обвиненіе новое) извести Царя, супругу, сыновей его Бояре безмолвствовали. »Но« — продолжалъ Царь — »для отца моего, Митрополита »Аѳанасія, — для васъ, богомольцевъ на-

»шихъ, Архіепископовъ и Епископовъ, со- г.
»глашаюсь паки *взять свои Государства;* 1565.
»а на какихъ условіяхъ, вы узнаете.« Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ, опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ препятительныхъ докукъ со стороны Духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ Боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить Царя Царству — и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнималъ Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! — Грозный Владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ Святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе; удержалъ въ Слободѣ Князей Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ Бояръ, вмѣстѣ съ Дьяками, отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ Приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала Царя, и долго; говорили, что онъ занимается

г. 1565. тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 Февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ Духовенство, Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ[126]. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ *высокія* плеча, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ Римскій, глаза не большіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лице нѣкогда пріятное[127]. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что не льзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса[128], отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины Бояръ, и подтвердивъ согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности Вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе Державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры — о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба, и предложилъ уставъ

Учрежденіе Опричины. *Опричнины*[129]: имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и го-

сударственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичь, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ Князей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую съ Сивцовымъ Врагомъ, половину Никитской съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ Дворянъ и Приказныхъ людей, не записанныхъ въ Царскую тысячу; 4) назначилъ *особенныхъ* сановниковъ для услугъ своихъ: Дворецкаго, Казначеевъ, Ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія Кремлев-

г. 1565.

г. скія и священные гробы предковъ, не хо-
1565. тѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною[130]. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысяцная дружина Іоаннова, сей новый Дворъ, какъ отдѣльная собственность Царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *Опричниною;* а все остальное — то есть, все Государство — *Земщиною,* которую Іоаннъ поручалъ *Боярамъ Земскимъ,* Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ Государственнымъ чиновникамъ — Конюшему, Дворецкому, Казначеямъ, Дьякамъ — сидѣть въ ихъ Приказахъ, рѣшить всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ Боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ Государю. То есть, Іоаннъ по видимому желалъ какъ бы удалиться отъ Царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго Владѣтеля, и въ доказательство, что *Государево* и *Государственное* уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны Земской 100,000 рублей

за издержки его путешествія отъ Москвы до Слободы Александровской[131]! — Никто не противорѣчилъ: воля Царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе. Г. 1565.

4 Февраля Москва увидѣла исполненіе *условій*, объявленныхъ Царемъ Духовенству и Боярамъ въ Александровской Слободѣ[132]. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной Царицы Анастасіи и дѣтей его[133]. Первою жертвою былъ славный Воевода, Князь Александръ Борисовичь Горбатый-Шуйскій, потомокъ Св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ Князей Суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго Царства, мужъ *ума глубокаго*, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и Христіанинъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ, Петромъ, семнадцати-лѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца, и первый склонилъ подъ мечь свою голову: родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: »да не зрю тебя мертваго!« Юноша усту- Вторая эпоха казней

Г. 1565. пилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицемъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача[134]. Шуринъ Горбатаго, Петръ Ховринъ (родомъ Грекъ), Окольничій Головинъ, Князь Иванъ Сухой-Кашинъ, и Кравчій, Князь Петръ Ивановичь Горенскій, были казнены въ тотъ же день; а Князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ[135]: пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но укрѣпляемый Вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ Канонъ Іисусу. Двухъ Бояръ, Князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли; у многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ отняли имѣніе; другихъ съ семействами сослали въ Казань[136]. — Одинъ изъ знатнѣйшихъ Вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной Царицы Анастасіи, Бояринъ и Воевода Иванъ Петровичь Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями Святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ Папѣ, ни къ Императору, ни къ Султану, ни къ *Князю Владиміру Андрееви-*

чу, и не имѣть съ нимъ никакихъ тай- Г.
ныхъ сношеній. Мы упоминали о ссылкѣ 1565.
первостепеннаго Боярина, славнаго Воеводы, Князя Михайла Воротынскаго: лишенный имѣнія, онъ года четыре жилъ на Бѣлѣозерѣ, получая изъ Государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверхъ запаса, винъ, плодовъ иноземныхъ, одежды, бѣлья[137]. Наконецъ Іоаннъ возвратилъ сего знаменитаго изгнанника ко Двору, въ Думу: сдѣлалъ Намѣстникомъ Казанскимъ и *Державцемъ* Новосильскимъ, обязавъ его въ вѣрности такою же грамотою, какъ и Яковлева, съ прибавленіемъ, что Митрополитъ и Епископы были ихъ ходатаями. Не велѣвъ Духовенству вступаться за опальныхъ, Царь желалъ польстить ему симъ милостивымъ словомъ. Но ходатаевъ уже не было! Духовенство могло только слезами орошать Олтари и возсылать теплыя молитвы къ Богу о спасеніи несчастныхъ! — Другіе Бояре — Левъ Андреевичь Салтыковъ, Князья Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ, Захарія Очинъ-Плещеевъ — долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ Государю; а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались вне-

Г. 1565. сти знатную сумму денегъ въ казну: на примѣръ, за Князя Серебрянаго 25,000 рублей или около полумилліона нынѣшнихъ[138]. Предосторожность безполезная и постыдная для Государя; но сей Государь былъ тиранъ!

После казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой Дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Князь Аѳанасій Вяземскій[139], и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ Дѣтей Боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но такъ называемымъ удальствомъ, распутствомъ, готовностію на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными Боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, Царь избралъ 6000, и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *Земскими* (то есть, со всѣми не записанными въ Опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно Государя. За то Государь далъ имъ не только земли, но

и домы и всю движимую собственность Г.
старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), 1565.
высланныхъ изъ предѣловъ Опричнины съ голыми руками, такъ, что многіе изъ нихъ, люди заслуженые, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія: новые Дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностію закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Но сіе зло казалось еще маловажнымъ въ сравненіи съ другимъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ Опричнымъ: они были всегда правы въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или *Кромѣшникъ* — такъ стали называть ихъ, какъ бы извергов тьмы *кромѣшней*[140] — могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда, и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга Опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами

г. 1565. прятался въ домѣ купца или Дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу; требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пять сотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить или итти *на правежъ:* то есть, неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до заплаты денегъ[141]. Иногда Опричникъ самъ подметывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ, и за сію будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово Кромѣшнику значило оскорбить самого Царя; въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди Земскіе, отъ Дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ Опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами*, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбой-

никовъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе Государство ненавидѣло Опричныхъ, тѣмъ болѣе Государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. — Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію[142]! Г. 1565.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ Слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ: на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ[143]. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные, воинскіе чиновники въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать

Александровская Слобода.

Bayerische Staatsbibliothek München

Г. 1565. оттуда безъ вѣдома Іоаннова: для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*, прозванной *Неволею*[144], обыкновенно стояла воинская стража. — Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ Иноковъ: выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параклисіархомъ[145]; далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою[146]; сочинилъ для нихъ уставъ Монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ Царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ Заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ,

Монашеская жизнь Іоаннова.

Bayerische Staatsbibliothek München

молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ[147]. Въ 8 часовъ опять собирались къ Обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія[148]. Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта; всякой день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ — то есть Царь — обѣдалъ послѣ[149]; бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу, пытать какого нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго[150]. Въ 8 часовъ шли къ Вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки: онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не на-долго: въ полночь вставалъ — и день его начинался молитвою[151]! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени или Обѣдни[152]! Единообразіе сей жизни

г. 1565.

*

Г. 1565. онъ прерывалъ такъ называемыми *объѣздами:* посѣщалъ монастыри, и ближніе и дальніе; осматривалъ крѣпости на границѣ[153]; ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю[154]; между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо Земскіе Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные Послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой Кремлевской палатѣ, близъ церкви Св. Іоанна[155]; являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ злотыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ Боярамъ: только смотрѣли на нихъ спесиво, величаясь какъ подлые рабы въ чести недостойной.

Кромѣ сихъ любимцевъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ Ливонскихъ плѣнниковъ. Въ Іюнѣ 1565 году, обвиняя Дерптскихъ

Иноземные любимцы Іоанновы.

гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ Магистромъ[156], онъ вывелъ оттуда всѣхъ Нѣмцевъ и сослалъ въ Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній Новго-

родъ, съ женами и дѣтьми; но далъ имъ пристойное содержаніе и Христіанскаго наставника, Дерптскаго Пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ: Царь отмѣнно уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно Царевною Софіею [157]. Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу, и хитрою лестію умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Увѣряютъ даже, что Эберфельдъ склонялъ его къ принятію Аугсбургскаго Исповѣданія, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго [158]! По крайней мѣрѣ Царь дозволилъ Лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ [159] и взыскалъ важную денежную пеню съ Митрополита за какую-то обиду, сдѣланную имъ одному изъ сихъ иновѣрцевъ; хвалилъ ихъ обычаи, славился своимъ Германскимъ происхожденіемъ, хотѣлъ женить сына на Княжнѣ Нѣмецкой, а дочь выдать за Нѣмецкаго Князя, дабы утвердить дружественную связь съ Имперіею. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жа-

Г. 1565.

г. 1565. ловался чужестраннымъ любимцамъ на Бояръ, на Духовенство, и не таилъ мысли искоренить первыхъ[160], чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ Дворянствомъ новымъ, или съ Опричниною, ему преданною: ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а Бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а Царю неволя (такъ говорилъ Іоаннъ)! Естественно не любя Россіи, страшной для сосѣдственныхъ Державъ, и желая только угождать Царю, иноземцы безъ сомнѣнія не думали выводить его изъ мрачнаго заблужденія и гнѣвить смѣлымъ языкомъ истины; могли даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть сію бурю, которая сокрушала главные столпы великой Монархіи: ибо Царь губилъ лучшихъ Воеводъ своихъ, лучшихъ совѣтниковъ Государственныхъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые Россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ Государю, ознаменованные какъ бы презрительнымъ именемъ *Земскихъ*, нагло оскорбляемые неистовыми Кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнію безъ вины, также молчали, вмѣстѣ съ Духовенствомъ. Но когда старецъ, Митрополитъ Аѳана-

сій, изнуренный тяжкою болѣзнію, а можетъ быть и душевною горестію, оставилъ (въ 1566 г.) Митрополію[161]: тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелію и ревностною любовію къ отечеству, который подобно Сильвестру предпріялъ исправить Царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за Царство въ вѣнцѣ Мученика. г. 1566.

Изъявляя усердіе ко благу Церкви, Іоаннъ хотѣлъ дать ей Пастыря отличнаго Христіанскими достоинствами: выборъ палъ сперва на Архіепископа Казанскаго Германа, который долго уклонялся отъ сана опаснаго въ такихъ обстоятельствахъ Россіи и при такомъ Царѣ, но долженъ былъ, исполняя рѣшительную волю его, согласиться. Уже всѣ Епископы съѣхалися въ Москву; уже написали грамоту избирательную, и Германъ нѣсколько дней жилъ въ палатахъ Митрополитскихъ, готовясь къ посвященію. Въ сіе время, бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, онъ хотѣлъ испытать его сердце: началъ говорить съ нимъ, какъ должно Первосвятителю, о грѣхахъ и Христіанскомъ покаяніи, тихо, скромно, однакожь съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о Страшномъ Судѣ, о вѣчной мукѣ

Г. 1566. злыхъ. Іоаннъ задумался; вышелъ отъ него съ лицемъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Архіепископа и спрашивалъ, что они думаютъ? Алексѣй Басмановъ отвѣтствовалъ: »Думаемъ, Государь, что Германъ желаетъ быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ твое воображеніе и лицемѣритъ, въ надеждѣ »овладѣть тобою; но спаси насъ и себя »отъ такого Архипастыря!« Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другаго Первосвятителя[162].

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братій, но и дѣятельнымъ хозяиномъ

Великодушіе Митрополита Филиппа.

острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: г. 1566.
очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благораствореннѣе[163]. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ[164], любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ — мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ — возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Мо-

г. скву для *совѣта духовнаго*, отслужилъ
1566. Литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ[165]. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ Царю: »Повинуюся твоей »волѣ; но умири же совѣсть мою: да не »будетъ Опричнины! да будетъ только »единая Россія! ибо всякое раздѣленное »Царство, по глаголу Всевышняго, за»пустѣетъ. Не могу благословлять тебя »искренно, видя скорбь отечества«[166]. Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ;

отвѣтствовалъ тихо: »Развѣ не знаешь, г.
»что мои хотятъ поглотить меня; что 1566.
»ближніе готовятъ мнѣ гибель?« и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго *условія*, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства[167]. Нѣкоторые изъ Святителей вну-

Г. 1566. шренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе — именно, Пименъ Новогородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ, дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: »да будетъ, что »угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ!«

Написали грамоту[168], въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ,

заявленный врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію[169], къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, — хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ*[170]. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ

Г. 1566.

Г. 1566. вкусить сладость, имъ забвенную. — Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую Пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея Святыхъ, Зосимы и Савватія [171].

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ Митрополита, о коемъ никто не думалъ, Іоаннъ не замедлилъ увидѣть въ немъ орудіе ненавистныхъ Бояръ; увѣрялъ себя, что они внушили ему мысль требовать уничтоженія Опричнины [172] и возмущаютъ народъ противъ сей Царской дружины: ибо Кромѣшники, посылаемые въ столицу для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ; что все безмолвствуетъ, гдѣ явится Опричникъ. Въ воображеніи Іоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать ихъ — и слѣдующее

происшествіе служило поводомъ къ новымъ убійствамъ. Главнымъ Боярамъ Московскимъ, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому, Конюшему Ивану Петровичу Ѳедорову, тайно вручили грамоты, подписанныя Королемъ Сигизмундомъ и Литовскимъ Гетманомъ Хоткѣвичемъ: Король и Гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщали имъ Удѣлы; напоминали двумъ первымъ, что они Литовскаго роду: третьему, что онъ былъ нѣкогда Владѣтельнымъ Княземъ; а Конюшему Ѳедорову, что Царь уже давалъ ему чувствовать гнѣвъ свой въ разныхъ случаяхъ[173]. Бояре, представивъ сіи грамоты Іоанну, отвѣтствовали Королю, что склонять вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ есть дѣло безчестное; что они умрутъ за Царя добраго, ужаснаго для однихъ злодѣевъ; что если Король желаетъ вызвать ихъ изъ Россіи, то пусть отдастъ имъ всю Литву, Галицію, Пруссію, Жмудь, Бѣлоруссію, Волынскую и Подольскую землю. Ѳедоровъ писалъ къ Сигизмунду: »Какъ могъ ты вообразить, чтобы я, »занося ногу во гробъ, вздумалъ погубить »душу свою гнусною измѣною? Что мнѣ »у тебя дѣлать? Водить полковъ твоихъ

Г. 1567. Третія эпоха убійст.

Г. 1567. »я не въ силахъ, пировъ не люблю, весе-
»лить тебя не умѣю, пляскамъ вашимъ »не учился.« Въ письмѣ къ Гетману Хоткѣвичу онъ прибавилъ: »Чѣмъ можете »обольстить меня? я богатъ и знатенъ. »Угрожаешь мнѣ гнѣвомъ Царя: вижу отъ »него только милости.« Самъ Іоаннъ взялся, какъ вѣроятно, доставить Королю сіи отвѣты, писанные однимъ слогомъ; но доставилъ ли, неизвѣстно: по крайней мѣрѣ, любя всегда упрекать Сигизмунда кознями, нигдѣ въ сношеніяхъ съ Литвою не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ подманѣ нашихъ Вельможъ. Если Государь составленіемъ мнимыхъ Королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность Бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ его глазахъ, но не въ глазахъ Россіи: гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже омрачается какою-то подозрительною тѣнію. На сей разъ Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, уцѣлѣли; но Ѳедоровъ, мужъ старыхъ обычаевъ, украшенный воинскою славою и сѣдиною государственной опытности, бывъ 19 лѣтъ въ знатномъ санѣ Конюшаго[174] и начальникомъ Казеннаго Приказа, Вельможа щедрый, пышный, сдѣлался предметомъ кле-

веты. Еще онъ ревностно служилъ Царю, доживая вѣкъ свой съ супругою *святою*, не имѣя дѣтей, и готовился дать отчетъ Судіи вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ спѣшилъ разрушить мнимый ужасный заговоръ: въ присутствіи всего Двора, какъ пишутъ[175], надѣлъ на Ѳедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: »Здравъ буди, великій Царь земли Русскія! Се пріялъ ты отъ меня »честь, тобою желаемую! Но имѣя власть »сдѣлать тебя Царемъ, могу и низвергнуть съ престола!« Сказавъ, ударилъ его въ сердце ножемъ: Опричники дорѣзали старца, извлекли обезображенное тѣло изъ дворца, бросили псамъ на снѣденіе; умертвили и престарѣлую жену Конюшаго, Марію. Потомъ казнили всѣхъ мнимыхъ единомышленниковъ невиннаго: Князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрія Ряполовскаго (мужественнаго воина, одержавшаго многія побѣды надъ Крымцами), и трехъ Князей Ростовскихъ. Одинъ изъ

Г. 1567.

нихъ воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ[176]: присланные изъ Москвы Кромѣшники, числомъ тридцать, нашли его тамъ стоящаго въ церкви и сказали: »Князь »Ростовскій! велѣніемъ Государя ты нашъ »узникъ.« Воевода, бросивъ на землю Властительскую булаву свою, спокойно отдался имъ въ руки. Его раздѣли, повезли обнаженнаго, и въ двадцати верстахъ, на берегу Волги, остановились: онъ спросилъ хладнокровно, зачѣмъ? »Поить коней,« отвѣтствовали Кромѣшники. »Не конямъ« (сказалъ несчастный), »а мнѣ пить сію »воду, и не выпить!« Ему въ то же мгновеніе отсѣкли голову; тѣло кинули въ рѣку, а голову положили къ ногамъ Іоанна, который, оттолкнувъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что сей Князь, любивъ обагряться кровію непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и собственною[177]. Князь Петръ Щенятевъ, знаменитый Полководецъ, думалъ укрыться отъ смерти въ монастырѣ: отказался отъ свѣта, отъ имѣнія, отъ супруги и дѣтей; но убійцы нашли его въ келліи и замучили: жгли на сковородѣ (какъ повѣ-
Г. ствуетъ Курбскій), вбивали ему иглы за
1567 ногти. Князь Иванъ Турунтай Пронскій,
—68. сѣдый старецъ, служилъ еще отцу Іоан-

нову, участвовалъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ битвахъ, славнѣйшихъ для Россіи, и также хотѣлъ быть наконецъ Монахомъ: его утопили[178]. Казначея Государева, именемъ Хозяина Юрьевича Тютина[179], славнаго богатствомъ, разсѣкли на части, вмѣстѣ съ женою, съ двумя сыновьями младенцами, съ двумя юными дочерьми: сію казнь совершилъ Князь Михайло Темгрюковичь Черкасскій, братъ Царицы! Такъ же истерзали и Печатника или Думнаго Дьяка Казарина Дубровскаго. Многихъ другихъ именитыхъ людей умертвили, когда они, ничего не вѣдая, шли спокойно или въ церковь, или въ свои Приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно, человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ: никто не смѣлъ погребать ихъ[180]. Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ.

Г. 1567 —68.

Безмолвствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя

жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя[181]: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны[182]: онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Г. 1568. Однажды, въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приближился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: »Святый Владыко! се Государь: благослови его!« Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: »Въ семъ видѣ, въ »семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя »Православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Царства..... О Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Олтаремъ »льется невинная кровь Христіанская. »Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари благоче-

»стивые возмущали собственную Державу Г.
»столь ужасно[183]! Въ самыхъ невѣрныхъ, 1568.
»языческихъ Царствахъ есть законъ и
»правда, есть милосердіе къ людямъ — а
»въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь
»гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ
»грабежи, вездѣ убійства — и совершают-
»ся именемъ Царскимъ! Ты высокъ на тро-
»нѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и
»твой. Какъ предстанешь на судъ Его?
»обагренный кровію невинныхъ, оглушае-
»мый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни
»подъ ногами твоими вопіютъ о мести!..
»Государь! вѣщаю яко Пастырь душъ.
»Боюся Господа единаго!« Іоаннъ трепе-
талъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о ка-
мень и сказалъ голосомъ страшнымъ:
»Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ,
»мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ
»меня нарицаете!« и вышелъ съ угрозою.—
На другой день были новыя казни. Въ чи-
слѣ знатныхъ погибъ Князь Василій Прон-
скій[184]. Всѣхъ главныхъ сановниковъ Ми-
трополитовыхъ взяли подъ стражу, тер-
зали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ
Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще
не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на са-
мого Первосвятителя, любимаго, чтима-
го народомъ болѣе, нежели когда нибудь;

Г. 1568. готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?

Такъ пишутъ очевидцы[185]: въ Іюлѣ мѣсяцѣ, 1568 года, въ полночь, любимцы Іоанновы, Князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной, съ Царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, Дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Въ слѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами Кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы Бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ Коломенскихъ селахъ убитаго Конюшаго Ѳедорова[186]; возвратился въ Москву, и велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожь видалъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ Прохора и Никанора, 28 Іюля[187], Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками,

изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ*: Г.
Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, оста- 1568.
новился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ[188]; клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ[189]. Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ

Г. 1568. Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣленнаго[190]; а Царю: »Государь, Великій Князь! »ты думаешь, что я боюся тебя или »смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой ста»рости безпорочно, не знавъ въ пустын»ной жизни ни мятежныхъ страстей, ни »козней мірскихъ, желаю такъ и предать »духъ свой Всевышнему, моему и твоему »Господу. Лучше умереть невиннымъ му»ченикомъ, нежели въ санѣ Митрополита »безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія »сего несчастнаго времени. Твори, что »тебѣ угодно. Се жезлъ Пастырскій; се »бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хо»тѣлъ возвеличить меня. А вы, Святи-

»тели, Архимандриты, Игумены и всѣ слу- Г.
»жители Олтарей! пасите вѣрно стадо 1568.
»Христово; готовьтеся дать отчетъ, и »страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, »нежели земнаго«[191]. Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія[192]. Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: »молитеся!« На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія при-

г. 1568. говора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи[193]. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки[194], какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича[195], и велѣлъ сказать: »се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!« Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ дру-

гу о чудесахъ его святости[196] — Царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа[197]. Г. 1568.

Освободивъ себя отъ Архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ Иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: отполѣ цѣлые города. Началося съ Торжка, гдѣ неистовые Опричники, въ день ярмонки, завели ссору и драку съ жителями: Царь объявилъ гражданъ бунтовщиками; велѣлъ ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. То же сдѣлалось въ Коломнѣ и такія же были слѣдствія[198]. Къ сему городу принадлежали помѣстья несчастнаго Ѳедорова: жители любили его и казались Іоанну мятежниками[199].

Однимъ словомъ, тиранство созрѣло, но конецъ онаго былъ еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирѣпаго: ни смиреніе, ни великодушіе жертвъ, ни самыя естественныя бѣдствія сего времени: ибо Россія, омрачаемая ужасами му-

*

Г. 1568. Язва.

чительства, была тогда же казнима язвою, пришедшею къ намъ изъ Эстоніи или Швеціи[200]. Въ Іюлѣ 1566 года началося моровое повѣтріе въ Новогородской Шелонской Пятинѣ, а черезъ мѣсяцъ и въ Новѣгородѣ, Полоцкѣ, Озерищѣ, Невлѣ, Великихъ-Лукахъ, Торопцѣ, Смоленскѣ. Люди умирали скоропостижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно, пятномъ или нарывомъ. Многія деревни опустѣли, многіе домы затворились въ городахъ; церкви стояли безъ пѣнія, лишенныя Іереевъ, которые не берегли себя въ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей; на мѣсто ихъ присылали Священниковъ изъ другихъ городовъ. Умирало болѣе Духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей. Язва дошла и до Можайска: Царь учредилъ тамъ заставу, и не велѣлъ никого пускать въ столицу изъ мѣстъ зараженныхъ. Сообщеніе пресѣклось между многими городами. Мучились страхомъ, терпѣли нужду, дороговизну. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: въ Казанской и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ, ѣли хлѣбъ на корню, въ скирдахъ, въ житницахъ, такъ, что

земледѣльцы не могли защитить себя отъ сихъ животныхъ[201]. Повѣтріе утишилось въ началѣ весны, но еще нѣсколько разъ возобновлялось.

Въ сихъ внутреннихъ бѣдствіяхъ Государства, въ семъ уныніи Вельможъ и народа, Іоаннъ не слабѣлъ въ дѣлахъ войны и Политики внѣшней; еще являлся съ блескомъ и величіемъ въ отношеніи къ другимъ Державамъ. Литовцы въ нападеніяхъ на Россію нигдѣ не имѣли успѣха: изъ Смоленска Бояринъ Морозовъ, изъ Полоцка Князь Андрей Ногтевъ писали къ Государю, что легкіе отряды наши вездѣ бьютъ непріятеля[202]. Съ Тавридою мы хотѣли мира; но Казанскіе бѣглецы, Князь Спатъ, Ямгурчей-Ази, Уланъ Ахмаметъ, сильные при Дворѣ Хана, доказывали ему, что Іоаннъ обманываетъ его: говоритъ о мирѣ, а велитъ Козакамъ строить городъ на Дону, готовитъ суда на Пслѣ, на Днѣпрѣ, имѣя намѣреніе взять Азовъ, открыть себѣ путь въ Тавриду; что сей Царь умнѣе, счастливѣе, слѣдственно опаснѣе всѣхъ прежнихъ Государей Московскихъ; что онъ, будучи въ войнѣ съ Ханомъ, умѣлъ завоевать Казань, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ, — овладѣлъ землею Черкесскою, располагаетъ

Г. 1565 —69.

Воинскія дѣйствія и переговоры.

Г. 1565 —69. Ногаями; что если Девлетъ-Гирей выдастъ Короля Сигизмунда, то Царю не станетъ Польши и на годъ; что истребивъ Короля, Іоаннъ на досугѣ истребитъ и послѣдній Юртъ Батыевъ. Сіи представленія имѣли дѣйствіе; а еще болѣе дары Сигизмунда, который послалъ вдругъ 30,000 золотыхъ въ алчную Тавриду — и Ханъ снова обнажилъ мечь, написавъ къ Іоанну: »Вспомни, что предки твои рады были своей землѣ, а Мусульманскихъ не трогали; если хочешь »мира, то отдай мнѣ Астрахань и Казань«[203]! Но Государь остерегся. Въ степяхъ Донскихъ разъѣзжали Козаки для открытія первыхъ движеній непріятеля; въ городахъ стояло войско: другое, главное, подъ начальствомъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Бѣльскаго и Мстиславскаго, на берегу Оки. Въ Сентябрѣ (1565 года) Ханъ перешелъ Донецъ, везъ тяжелыя пушки съ собою на телегахъ, и 7 Октября приступилъ къ Болхову. Тамъ были Воеводами Князья Иванъ Золотой и Василій Кашинъ: они сдѣлали вылазку; бились мужественно; не дали Крымцамъ сжечь посада; взяли плѣнниковъ — а Бѣльскій и Мстиславскій уже приближались. Ханъ бѣжалъ ночью, жалуясь на Литву:

ибо Король, убѣждая его воевать Россію, клялся дѣйствовать противъ насъ съ другой стороны всѣми силами, и не исполнилъ обѣщанія[204]. Г. 1565 —69.

Между тѣмъ Посолъ нашъ, Аѳанасій Нагой, жилъ въ Тавридѣ; дѣйствовалъ неутомимо; подкупалъ Евреевъ, чиновниковъ Ханскихъ; имѣлъ вездѣ лазутчиковъ; опровергалъ ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончинѣ Іоанновой[205]; зналъ все, и писалъ къ Государю, что Девлетъ-Гирей сносится съ Казанскими Татарами, Мордвою, Черемисою: тайные Послы сихъ измѣнниковъ увѣряли Хана, что онъ, вступивъ въ ихъ землю, найдетъ между ими 70,000 усердныхъ сподвижниковъ, и что ни одного Россіянина не останется живаго ни въ Свіяжскѣ, ни въ Казани[206]. Когда Ханъ понуждалъ Аѳанасія выѣхать изъ Тавриды, сей ревностный слуга Іоанновъ отвѣтствовалъ: »умру »здѣсь, а не выѣду безъ окончанія дѣлъ«[207]— то есть, безъ мира, и не терялъ надежды. Иногда Литовская, иногда наша сторона одерживала верхъ въ Ханской Думѣ, такъ, что Девлетъ-Гирей съ дозволенія Султанова въ 1567 году разорилъ часть Королевскихъ владѣній за неисправный платежъ *дани*[208]; однакожь и съ нами не

г. 1565 —69. утверждалъ мира: требовалъ отъ Іоанна богатѣйшихъ даровъ, какіе присылались изъ Москвы Магметъ-Гирею; запрещалъ Россіи вступаться въ Черкесскую землю. Государь нѣсколько разъ совѣтовался съ Боярами: отклоняя требованія Хана, предлагалъ ему женить сына или внука на дочери Царя Шигъ-Алея и взять за нею въ приданое городъ отца ея, Касимовъ: ибо сей знаменитый изгнанникъ тогда умеръ (почти въ одно время съ другими бывшими Царями Казанскими[209], Симеономъ и Александромъ). Но Девлетъ-Гирей размышлялъ, колебался, и снова требовалъ невозможнаго: то есть, Астрахани и Казани.

Съ Литвою мы также были въ переговорахъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны, для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Съ обѣихъ сторонъ изъявляли рѣдкую уступчивость. Единственно для соблюденія стараго обычая, Великіе Послы Королевскіе[210], пріѣхавъ въ Москву, требовали Смоленска, а наши Бояре Кіева, Бѣлоруссіи и Волыніи: ни мы, ни они въ самомъ дѣлѣ не помышляли о семъ невозможномъ возвратѣ. Сигизмундъ уступалъ намъ даже Полоцкъ; а Государь ве-

лѣлъ сказать Посламъ: »любя спокойствіе Г.
»Христіанъ, я уже не требую Царскаго 1565
»титула отъ Короля: довольно, что всѣ —69.
»иные Вѣнценосцы даютъ мнѣ оный.« Затрудненіе состояло въ Ливоніи: Сигизмундъ предлагалъ, чтобы каждому владѣть въ ней своею частію, ему и намъ; чтобы общими силами изгнать Шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею: въ такомъ случаѣ обязывался быть истиннымъ другомъ Іоанну и называть его Царемъ. Но Царь хотѣлъ Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгузена: за что уступалъ Королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи; освобождалъ безденежно всѣхъ плѣнниковъ Королевскихъ, а своихъ выкупалъ. Послы стояли за Ригу, за Венденъ; наконецъ сказали Боярамъ, что истинный, твердый миръ всего скорѣе можетъ быть заключенъ между ихъ Государями въ личномъ свиданіи на границѣ. Сія мысль сперва полюбилась Іоанну. Избрали мѣсто: Царю надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, Королю въ Оршу, каждому съ пятью тысячами благородныхъ воиновъ. Но Послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія: на примѣръ, Іоаннъ желалъ въ

г. 1565 —69. первый день угостить Сигизмунда въ своемъ шатрѣ: что имъ казалось несовмѣстно съ достоинствомъ Государя ихъ[211]. Миновало около двухъ мѣсяцевъ въ переговорахъ.

Тогда (въ Іюлѣ 1566 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ

Земская Дума. въ Земскую Думу не только знатнѣйшее Духовенство, Бояръ, Окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, Казначеевъ, Дьяковъ, Дворянъ *первой* и *второй статьи*[212], но и гостей, купцевъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою, и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ Королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали — Духовенство за себя, Бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что Государю безъ вреда для Россіи уже не льзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля; что Государи вольны видѣться на границѣ для тишины Христіанъ, но что Сигизмундъ по видимому намѣренъ только длить время, да-

бы между тѣмъ устроить запутанныя г.
дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться 1565
съ Цесаремъ, умножить войско въ Ливо- —69.
ніи. Духовенство прибавило: »Государь! »твоя власть дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ должно молиться за Царя, а совѣтовать непристойно.« Воинскіе чиновники изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать Царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей Земской или Государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди Опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи Государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ Россіянъ знаменитѣйшихъ: явленіе достойное лучшихъ временъ Іоаннова царствованія!

Дума утвердила сей приговоръ грамотою; а Панамъ Королевскимъ сказали, что Государь чрезъ своихъ Пословъ объяснится съ Королемъ, соглашаясь между тѣмъ прекратить воинскія дѣйствія и размѣняться плѣнниками[215]. Симъ кончи-

Г. 1565 —69. лось дѣло. Въ слѣдъ за Послами Литовскими (въ 1567 году) отправились къ Сигизмунду наши, Бояринъ Умной-Колычевъ и Дворецкій Григорій Нагой, уполномоченные подписать миръ: что было новостію: ибо прежніе договоры съ Литвою совершались единственно въ Москвѣ. Сигизмундъ встрѣтилъ нашихъ Бояръ въ Гроднѣ: когда они вошли къ нему, всѣ Литовскіе Вельможи встали; но Послы увидѣли шутъ Князя Андрея Курбскаго и съ презрѣніемъ отвратились[214]: имъ велѣно было требовать головы сего измѣнника! Девять разъ они съѣзжались съ Королевскими Панами и не могли ни въ чемъ согласиться: Іоаннъ непремѣнно хотѣлъ, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ, владѣть всею Ливоніею, уступая Сигизмунду Курляндію. Не смотря на свое искреннее желаніе мира, Король отвергнулъ сіи предложенія; не согласился выдать и Курбскаго. Рѣшились продолжать войну. »Я вижу« — писалъ Сигизмундъ къ Іоанну — »что ты хочешь кровопролитія; »говоря о мирѣ, приводишь полки въ дви»женіе. Надѣюсь, что Господь благосло»витъ мое оружіе въ защитѣ необходи»мой и справедливой.«

Полки наши дѣйствительно шли изъ

Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Цѣлію была Ливонія. Основавъ на Литовской границѣ новыя крѣпости Усвятъ, Улу, Соколъ, Копіе[215], Государь съ Царевичемъ Іоанномъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску. 5 Октября, въ полѣ, близъ Мѣднаго, представили ему Посланника Королевскаго, Юрія Быковскаго, съ упомянутымъ письмомъ Сигизмундовымъ. Іоаннъ сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженный, въ полномъ доспѣхѣ, среди Бояръ, многихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ съ головы до ногъ, и сказалъ ему: »Юрій! мы посылали къ брату »нашему, Сигизмунду Августу, своихъ »знатныхъ Бояръ съ предложеніемъ весь»ма умѣреннымъ. Онъ задержалъ ихъ въ »пути, оскорблялъ, безчестилъ. И такъ »не дивися, что мы сидимъ въ доспѣхѣ »воинскомъ: ибо ты пришелъ къ намъ »отъ брата нашего съ язвительными »стрѣлами«[216]. Спросивъ Юрія о здравіи Королевскомъ, приказавъ ему сѣсть, но не давъ руки, Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣхъ чиновниковъ ратныхъ, кромѣ Совѣтниковъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ; выслушалъ рѣчь Посланника, велѣлъ угостить его въ другой ставкѣ и немедленно отослать — въ темницу Московскую!

г. 1565 —69.

г. 1565 —69. Сіе нарушеніе Права Народнаго безъ сомнѣнія не извинялось грубыми выраженіями письма Королевскаго и тѣмъ, что Бояре Колычевъ и Нагой, пріѣхавъ тогда же въ станъ къ Іоанну, жаловались ему на худые съ ними поступки въ Литвѣ.

Кромѣ множества сановниковъ, тѣлохранителей, провождали Царя Суздальскій Епископъ Пафнутій, Архимандритъ Ѳеодосій, Игуменъ Никонъ, до Новагорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней, усердно моляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ и занимаясь распоряженіемъ полковъ, чтобы итти къ Ливонскимъ городамъ Лужѣ и Рѣзицѣ. Но вдругъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣтились затрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не предвидѣлъ, и для того призвалъ всѣхъ главныхъ Воеводъ на совѣтъ. Они 12 Ноября съѣхалися близъ Краснаго, въ селеніи Оршанскомъ[217], и разсуждали съ Царемъ, начать ли осаду непріятельскихъ городовъ или отложить походъ: ибо за худыми дорогами обозы съ тяжелымъ снарядомъ двигались медленно къ границѣ, лошади падали, люди разбѣгались; надлежало ждать долго и стоять въ мѣстахъ скудныхъ хлѣбомъ. Узнали также, что Король собираетъ войско въ Борисовѣ, замышляя итти зи-

мою къ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Г. 1565—69.
Боялись утомить рать осадою крѣпостей, въ то время, когда непріятель съ другой стороны можетъ явиться въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а всего болѣе опасались найти язву въ Ливоніи, гдѣ, по слуху, многіе люди умирали отъ заразительныхъ болѣзней[218]. Рѣшили, чтобы Государю ѣхать назадъ въ Москву, а Воеводамъ стоять въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ, и наблюдать непріятеля.

Такимъ образомъ Іоаннъ не безъ внутренней досады возвратился въ столицу; но, къ утѣшенію его самолюбія, Король Польскій сдѣлалъ тоже: (въ 1568 году) собравъ 60,000 или болѣе воиновъ[219], хваляся по слѣдамъ Ольгерда устремиться къ Москвѣ, и дѣйствительно выступивъ въ поле съ Дворомъ блестящимъ, Сигизмундъ нѣсколько недѣль стоялъ праздно въ Минской области, распустилъ главное войско, и самъ уѣхавъ въ Гродно, послалъ только отряды въ западную Россію. Подъ Улою Литовцы претерпѣли великій уронъ[220]; но имѣли и нѣкоторыя выгоды. Строеніемъ новой крѣпости, названной Копіемъ, управляли Князья Петръ Серебряный и Василій Палицкій: Литовцы въ нечаянномъ нападеніи убили Палицка-

г. 1565 —69. го; а Князь Серебряный едва ускакалъ въ Полоцкъ[221]. Близъ Велижа плѣнивъ знатнаго чиновника, Петра Головина, они истребили нѣсколько селеній въ Смоленской области, и какимъ-то обманомъ взяли Изборскъ (въ началѣ 1569 года); но Россіяне выгнали ихъ немедленно: громили Польскую Ливонію, сожгли большую часть Витебска[222]. Между тѣмъ размѣнивались плѣнниками на границѣ: Іоаннъ освободилъ Королевскаго Воеводу Довойну, Сигизмундъ Князя Темкина. Жена Довойны умерла въ Москвѣ: Царь согласился отпустить ея тѣло въ Литву, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ въ Москву тѣло Князя Петра Шуйскаго: о чемъ просили добрые сыновья сего несчастнаго Воеводы[223].

Уваживъ совѣтъ Бояръ не прерывать мирныхъ сношеній съ Литвою[224], Государь освободилъ Посланника Сигизмундова, семь мѣсяцевъ страдавшаго въ темницѣ; далъ ему видѣть лице свое, говорилъ съ нимъ милостиво; сказалъ: »Юрій! ты вру»чилъ намъ письмо столь грубое, что »тебѣ не надлежало бы остаться живымъ; »но мы не любимъ крови. Иди съ миромъ »къ Государю своему, который забылъ »тебя въ несчастіи. Мы готовы съ нимъ

»видѣться; готовы прекратить бѣдствіе »войны. Кланяйся отъ насъ брату, Королю Сигизмунду Августу.« Начались снова переговоры. Гонцы ѣздили изъ земли въ землю: Сигизмундовы, въ рѣчахъ съ Боярами, именовали Іоанна *Царемъ*, и на вопросъ: что значитъ сія новость? отвѣтствовали: »такъ намъ приказано »отъ Вельможъ Литовскихъ«[225]. Гонцамъ Московскимъ давались также наставленія миролюбивыя, и слѣдующее, достойное замѣчанія: »Если будетъ говорить съ вами въ Литвѣ Князь Андрей Курбскій »или ему подобный *знатный* бѣглецъ Россійскій, то скажите имъ: *ваши гнусныя »измѣны не вредятъ ни славѣ, ни счастію »Царя Великаго: Богъ даетъ ему побѣды, »а васъ казнитъ стыдомъ и отчаяніемъ.* »Съ *простымъ* же бѣглецомъ не говорите »ни слова: только плюньте ему въ глаза »и отворотитесь Когда же спросятъ »у васъ: что такое Московская Опричнина? скажите: *Мы не знаемъ Опричнины: »кому велитъ Государь жить близъ себя, »тотъ и живетъ близко; а кому далеко, »тотъ далеко. Всѣ люди Божіи да Государевы*[226]. — Наконецъ Іоаннъ и Сигизмундъ условились остановить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ над-

Г. 1565—69.

Перемиріе съ Литвою.

г. 1565 —69. лежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны: что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмундъ не имѣлъ дѣтей: движимый истинною любовію къ отечеству, онъ хотѣлъ неразрывнымъ соединеніемъ Литвы съ Польшею утвердить ихъ могущество, опасаясь, чтобы та и другая Держава, по его смерти, не избрала себѣ особеннаго Властителя. Намѣреніе было достохвально, полезно, но исполненіе трудно: ибо Вельможи Польскіе и Литовскіе жили въ вѣчной враждѣ между собою; одна власть Королевская могла обуздывать ихъ страсти. Сигизмундъ желалъ внѣшняго спокойствія, чтобы успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ, предложенномъ тогда Люблинскому Сейму; а Царь желалъ короны Сигизмундовой: ибо носился слухъ, что Паны мыслятъ избрать въ Короли сына его, Царевича Іоанна [227]. Гонцамъ нашимъ велѣно было развѣдать о томъ въ Литвѣ, и ласкать Вельможъ. Государь унялъ кровопролитіе, дабы потушить въ Литовцахъ враждебное къ намъ чувство.

Перемѣна въ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи также не мало способствовала миролюбію Іоаннову въ отношеніи къ Си-

гизмунду. Чтобы удержать Эстонію за собою вопреки Даніи и Польшѣ, Король Эрикъ имѣлъ нужду не только въ мирѣ, но и въ союзѣ съ Царемъ: для чего употреблялъ всѣ возможныя средства, и мыслилъ даже совершить подлое, гнусное злодѣяніе. Прелестная и не менѣе добрая сестра Сигизмундова, Екатерина, на коей Царь хотѣлъ жениться[228], и которая, можетъ быть, спасла бы его и Россію отъ великихъ несчастій — Екатерина въ 1562 году вступила въ супружество съ любимымъ сыномъ Густава Вазы, Герцогомъ Финляндскимъ Іоанномъ. Завистливый, безразсудный Эрикъ издавна не терпѣлъ сего брата и возненавидѣлъ еще болѣе за противный ему союзъ съ Королемъ Польскимъ; выдумалъ клевету и заключилъ Іоанна. Тутъ обнаружилось великодушіе Екатерины: ей предложили на выборъ, оставить супруга или свѣтъ. Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо, съ надписью: *ничто, кромѣ смерти*[229] — и четыре года была Ангеломъ-утѣшителемъ злосчастнаго Іоанна въ Грипсгольмской темницѣ, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснѣйшую долю. Царь предложилъ, и Король согласился выдать ему Екатерину, какъ

Г. 1565—69. Дѣла Шведскія.

Г. 1565 —69. предметъ странной любви или злобы его за безчестіе отказа. Дѣло началось тайною перепискою, а кончилось торжественнымъ договоромъ: въ Февралѣ 1567 года пріѣхали Шведскіе государственные сановники, Канцлеръ Нильсъ Гилленстирна и другіе, прямо въ Александровскую Слободу, были угощены великолѣпно и подписали хартію союза Швеціи съ Россіею. Царь назвалъ Эрика другомъ и братомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію, обѣщалъ помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и съ городами Ганзейскими: за что Эрикъ обязывался прислать свою невѣстку въ Москву[230]. Думный Совѣтникъ Воронцовъ и Дворянинъ Наумовъ поѣхали въ Стокгольмъ съ договорною грамотою, а Бояре Морозовъ, Чеботовъ, Сукинъ должны были принять Екатерину на границѣ. Но Провидѣніе не дало восторжествовать Іоанну. Послы наши, встрѣченные въ Стокгольмѣ съ великою честію, жили тамъ цѣлый годъ безъ всякаго успѣха въ своемъ дѣлѣ. Пригласивъ ихъ обѣдать съ собою, Эрикъ упалъ въ обморокъ и не могъ выйти къ столу: съ сего времени Послы не видали Короля; имъ сказывали, что онъ или боленъ, или сражается съ Датчанами. Для

переговоровъ являлись къ Воронцову только Совѣтники Думы Королевской и говорили, что выдать Екатерину Царю, отнять жену у мужа, мать у дѣтей, противно Богу и закону; что самъ Царь навѣки обезславилъ бы себя такимъ не-Христіанскимъ дѣломъ; что у Сигизмунда есть другая сестра, дѣвица, которую Эрикъ можетъ *достать* для Царя; что Послы Шведскіе заключили договоръ о Екатеринѣ безъ вѣдома Королевскаго. Бояринъ Московскій не щадилъ въ отвѣтахъ своихъ ни Совѣтниковъ, ни Государя ихъ; доказывалъ, что они лжецы, клятвопреступники, и требовалъ свиданія съ Эрикомъ. Сей несчастный Король былъ тогда въ жалостномъ состояніи: многими жестокими, безразсудными дѣлами заслуживъ общую ненависть, боялся и народа и Дворянства, мучился совѣстію, терялъ умъ, освободилъ и думалъ снова заключить брата; въ смятеніи духа, въ малодушномъ страхѣ, то объявлялъ нашимъ Посламъ, что самъ ѣдетъ въ Москву, то опять хотѣлъ послать Екатерину къ Царю[231]. Наконецъ совершился ударъ: 29 Сентября, 1568 года, Послы Московскіе увидѣли страшное волненіе въ столицѣ, и не долго были спокойными зрителями

Г. 1565—69.

г. 1565 —69. онаго: воины съ ружьями съ обнаженными мечами вломились къ нимъ въ домъ, сбили замки, взяли все: серебро, мѣха; даже раздѣли Пословъ, грозили имъ смертію. Въ сію минуту явился Принцъ Карлъ, меньшій братъ Эриковъ: Бояринъ Воронцовъ, стоя передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ твердостію сказалъ ему, что такъ дѣлается въ вертепѣ разбойниковъ, а не въ Государствахъ Христіанскихъ. Карлъ выгналъ неистовыхъ воиновъ; изъяснилъ Боярину, что Эрикъ, какъ безумный тиранъ, сверженъ съ престола; что новый Король, братъ его Іоаннъ, желаетъ дружбы Царя Московскаго; что обида, сдѣланная Посламъ, не останется безъ наказанія, будучи единственно слѣдствіемъ безпорядка, соединеннаго съ перемѣною верховной власти. Послы требовали отпуска: выѣхали изъ Стокгольма, но 8 мѣсяцевъ жили въ Абовѣ какъ невольники и возвратились въ Москву уже въ Іюлѣ 1569 года[232], донести Царю о судьбѣ его *друга* и *брата*, несчастнаго Эрика, торжественно осужденнаго Государственными Чинами умереть въ темницѣ, за разныя злодѣйства, какъ сказано въ семъ приговорѣ, и за безчестныя, *не Христіанскія* условія союза

съ Россiею[233]. Легко представить себѣ досаду Царя: онъ умѣлъ скрывать свои чувства; дозволилъ Шведскимъ Посламъ, Епископу Абовскому, Павлу Юсту, съ другими знатными чиновниками быть въ Москву, и велѣлъ ихъ *ограбить*, задержать въ Новѣгородѣ, точно такъ, какъ Бояринъ Воронцовъ и Наумовъ были ограблены, задержаны въ Швецiи[234]. Сiе дѣйствiе казалось ему справедливою местiю; но онъ хотѣлъ и важнѣйшей: хотѣлъ немедленно выгнать Шведовъ изъ Эстонiи, и для того примириться на время съ Сигизмундомъ, чтобы не имѣть дѣла съ двумя врагами. г. 1565 —69.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для Россiи, но не долго тревожила Іоанна и дала безъ побѣды новую воинскую славу его царствованiю. Что замышлялъ противъ насъ Солиманъ Великiй, то сынъ его, малодушный Селимъ, хотѣлъ исполнить: возстановить Царство Мусульманское на берегахъ Ахтубы[235]: къ чему склоняли Султана нѣкоторые Князья Ногайскiе, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Россiйскiй истребляетъ Магометанскую Вѣру, и пресѣкъ для нихъ сообщенiе съ Меккою; что Астрахань Важное предпрiятiе Султана.

Г. 1565 —69. есть главная пристань Каспійскаго моря, наполненная кораблями всѣхъ народовъ Азіатскихъ, и что въ казну Царскую входитъ тамъ ежедневно около тысячи золотыхъ монетъ[236]. Послы Литовскіе, находясь въ Константинополѣ, говорили тоже. Одинъ Ханъ Девлетъ-Гирей доказывалъ, что къ Астрахани не льзя итти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою отъ несноснаго для Турковъ холода, лѣтомъ отъ безводія; и что гораздо лучше воевать Московскую Украйну. Не слушая возраженій Хана, Селимъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу 15,000 Спаговъ, 2000 Янычаръ, и велѣлъ ея Пашѣ, Касиму, итти къ Переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань или, по крайней мѣрѣ, основать тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султанской Державы[237]. 31 Мая Паша выступилъ въ походъ; Ханъ также, имѣя до 50,000 всадниковъ. Они сошлися въ нынѣшней Качалинской Станицѣ и ждали судовъ, которыя плыли Дономъ отъ Азова съ тяжелымъ снарядомъ, съ богатою казною, имѣя для защиты своей только 500 воиновъ и 2500 гребцовъ, большею частію Христіанскихъ невольниковъ, окованныхъ цѣпями. Турки въ отме-

ляхъ выгружали пушки, влекли ихъ берегомъ, съ трудомъ неописаннымъ. Тысячи двѣ Россіянъ могли бы безъ кровопролитія взять снарядъ и казну: невольники ждали ихъ съ надеждою, а Турки съ трепетомъ — никто не показывался! Донскіе Козаки, испуганные слухомъ о походѣ Султанскаго войска, скрылись въ дальнихъ степяхъ, и суда 15 Августа благополучно достигли Переволоки. Тутъ началась работа жалкая и смѣшная: Касимъ велѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги; увидѣвъ невозможность, велѣлъ тащить суда землею. Турки не хотѣли слушаться и говорили, что Паша безумствуетъ, предпринимая такое дѣло, для коего мало ста лѣтъ для всѣхъ работниковъ Оттоманской Имперіи. Ханъ совѣтовалъ возвратиться; но, къ удовольствію Касима, явились Послы Астраханскіе[238]. »Начто »вамъ суда?« сказали они: »мы дадимъ ихъ »вамъ, сколько хотите; идите только »избавить насъ отъ власти Россіянъ.« Паша усмирилъ войско: 2 Сентября отпустилъ пушки назадъ въ Азовъ, и съ 12 легкими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ жители готовились встрѣтить его какъ избавителя: надежда ихъ не исполнилась.

г. 1565—69.

Г. 1565 —69. Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, писалъ къ Государю изъ Тавриды о замыслѣ Султановомъ: письмы его, хотя и не скоро, доходили. Война съ Турціею не представляла Іоанну ничего, кромѣ опасностей: собирая многочисленное войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ и немедленно отрядивъ мужественнаго Князя Петра Серебрянаго съ легкою дружиною занять Астрахань, онъ въ то же время послалъ дары къ Пашѣ Кафинскому, чтобы склонить его къ миролюбію. Паша взялъ дары, цѣловалъ грамоту Іоаннову, три дни честилъ гонцевъ Московскихъ, а на четвертый заключилъ въ темницу[239]. Но Государь успокоился, свѣдавъ о маломъ числѣ Турковъ и худомъ усердіи Девлетъ-Гирея къ сему походу; угадывалъ слѣдствія, и не обманулся.

16 Сентября Паша и Ханъ стали ниже Астрахани, на Городищѣ, гдѣ была, какъ вѣроятно, древняя столица Козарская[240]. Тутъ ждали ихъ наши измѣнники Астраханскіе съ судами и Ногаи съ дружественными увѣреніями: Касимъ, велѣвъ Ногаямъ прикочевать къ Волгѣ, началъ строить новую крѣпость на Городищѣ, и Турки, къ изумленію своему, узнали, что Паша намѣренъ зимовать

подъ Астраханью, гдѣ горсть бодрыхъ Россіянъ обуздывала измѣну жителей и казалась ему страшною, такъ, что онъ не смѣлъ отважиться на приступъ. Въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть безразсуднѣе сего намѣренія: Паша давалъ Россіянамъ время изготовиться къ оборонѣ; давалъ время Царю прислать войско въ Астрахань, а свое изнурялъ трудами, голодомъ: ибо Астраханцы не могли доставлять ему хлѣба въ избыткѣ. Ропотъ обратился въ мятежъ, когда услышали Турки, что Ханъ, по совершеніи крѣпости, долженъ возвратиться въ Тавриду. Они рѣшительно объявили, что никто изъ нихъ не останется зимовать въ землѣ непріятельской. Еще Касимъ упорствовалъ, грозилъ; но вдругъ, 26 Сентября, зажегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія и вмѣстѣ съ Ханомъ удалился отъ Астрахани: причиною было то, что Князь Петръ Серебряный вступилъ въ сей городъ съ войскомъ, и что за нимъ, какъ сказывали, шло другое, сильнѣйшее[241]. Турки и Крымцы бѣжали день и ночь. Въ шестидесяти верстахъ, на Бѣломъ озерѣ, встрѣтились имъ гонцы Султанскій и Литовскій. Селимъ писалъ къ Пашѣ, чтобы онъ непремѣнно дер-

г. 1565 —69.

*

Г. 1565 —69. жался подъ Астраханью до весны; что къ нему будетъ новая рать изъ Константинополя; что лѣтомъ увидитъ Россія въ нѣдрахъ своихъ знамена Оттоманскія, за коими долженъ итти и Ханъ къ Москвѣ, утвердивъ союзъ и дружбу съ Литвою[242]. Но Касимъ продолжалъ бѣгство. Путеводитель его, Девлетъ-Гирей, умышленно велъ Турковъ мѣстами мѣстами безводными, голодною пустынею, гдѣ кони и люди умирали отъ изнуренія; гдѣ Черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ брали въ плѣнъ; гдѣ Россіяне могли бы совершенно истребить сіе жалкое войско, если бы они не слѣдовали правилу, что надобно давать волю бѣгущему непріятелю. Турки были въ отчаяніи: проклиная Пашу, не щадили и Султана, который послалъ ихъ въ землю неизвѣстную, въ ужасную Россію, не за побѣдою, а за голодомъ и смертію безчестною. Касимъ съ толпою блѣдныхъ тѣней черезъ мѣсяцъ достигъ Азова, чтобы золотомъ откупиться отъ петли. Онъ приписывалъ свое несчастіе единственно тому, что не могъ ранѣе начать похода; но Девлетъ-Гирей увѣрялъ Султана въ невозможности взять или удержать Астра-

Бѣдствіе Турковъ.

ханъ, столь отдаленную отъ владѣній Турецкихъ; а Крымскому Послу нашему сказалъ: »Государь твой долженъ благодарить меня: я погубилъ Султанское войско; не хотѣлъ ни приступать къ Астрахани, ни строить тамъ крѣпости на »старомъ Городищѣ, вопервыхъ желая »угодить ему, вовторыхъ и для того, »что не хочу видѣть Турковъ властелинами древнихъ Улусовъ Татарскихъ«[243]. Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, Азовская крѣпость со всѣми пороховыми запасами взлетѣла тогда на воздухъ; не только большая часть города, зажженнаго, какъ думали, Россіянами[244], но и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ. Г. 1565—69.

Сей несчастный походъ войска Селимова описанъ нами по сказанію очевидца, Царскаго сановника, Семена Мальцова, достойнаго быть извѣстнымъ потомству. Онъ ѣхалъ изъ Ногайскихъ Улусовъ и встрѣтилъ непріятелей на берегу Волги: окруженный ими, скрылъ Государевъ наказъ, какъ неприкосновенную святыню, въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; сдался уже полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пушкѣ, терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода, — ежечасно угрожае-

Г. 1565 —69. мый смертію, не преставалъ ревностно служить Царю своему; стращалъ Турковъ разсказами: увѣрялъ, что Астраханцы и Ногаи манятъ ихъ въ сѣти; что Шахъ Персидскій есть союзникъ Россіи; что мы послали къ нему 100 пушекъ и 500 пищалей для нападенія на Касима; что Князь Серебряный плыветъ съ тридцатью тысячами къ Астрахани, а Князь Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣтною силою. Мальцовъ училъ и другихъ нашихъ плѣнниковъ сказывать тоже; склонялъ Грековъ и Волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристать къ Россіянамъ въ случаѣ битвы; звалъ сыновей Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу; говорилъ имъ: »Васъ у отца много: онъ раздастъ »васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни го»лодны; скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. »Въ Москвѣ же найдете честь и богат»ство. Самъ отецъ будетъ вамъ зави»довать«[245]. Безъ всякой надежды увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли о наградѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ хотѣлъ еще и наканунѣ смерти быть полезнымъ Государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣлъ Іоаннъ Грозный, упиваясь кровію своихъ подданныхъ! — Провидѣніе спасло Мальцова. Выкупленный

въ Азовѣ нашимъ Крымскимъ Посломъ, Г. 1565 —69.
Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратился въ Москву, донесши Царю, что Россіяне могутъ не страшиться Оттомановъ.

И такъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ Державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель Султанской рати; узнавъ непріязнь Хана къ Туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій, и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены: на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, Черкесскаго Князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ[246]. — Шахъ Персидскій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Султана, въ Маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова[247]. — Сибирь платила намъ дань: около 1563 года новый Князь ея, Шибанскій Царевичь Едигеръ, убилъ тамъ нашего данщика: за что Государь остановилъ въ Москвѣ Посла Сибирскаго, но ско-

Сношенія съ Персіею.

Дань Сибирская.

Г. 1565 —69. ро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, Ногайскаго Владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ Сибирскимъ *Царемъ*, Кучюмомъ, утвердилъ сію землю въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ *взялъ* Кучюма *подъ свою руку, въ оберегание*, съ условіемъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно тысячу соболей, а Посланнику Государеву, который пріѣдетъ за данію, тысячу бѣлокъ. Боярскій Сынъ, Третьякъ Чабуковъ, (въ 1571 году) отвезъ въ Сибирь жалованную Іоаннову грамоту, украшенную златою печатію[248]. — Россія внутри бѣдствовала — отъ язвы, голода и тиранства — но торговля ея процвѣтала.

Торговля. Цари Абдула Шамаханскій и Бухарскій того же имени, Сеитъ Самаркандскій, Азимъ Хивинскій, присылали дары въ Москву, чтобы Іоаннъ дозволялъ ихъ подданнымъ купечествовать не только въ Астрахани и въ Казани, но и въ другихъ городахъ нашихъ[249]. Не смотря на явную вражду Султана, Россіяне еще торговали въ Кафѣ, въ Азовѣ, а Турки въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Армянами[250]. Самъ Государь изъ казны своей отправлялъ за Каспійское море мѣха драгоцѣнные и купцевъ Московскихъ въ Антверпенъ, въ Лондонъ, даже въ Ормусъ[251].

Ганза не переставала искать милости въ Іоаннѣ и мѣнялась съ нами товарами въ Нарвѣ, завидуя Англичанамъ[252], которые пользовались благосклонностію Царя и правами исключительными въ Россіи, особенно съ восшествія на престолъ Елисаветы: ибо сія знаменитая Королева, одаренная великимъ умомъ и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское Россійское Общество дарило Царя алмазами; Елисавета писала къ нему ласковыя письма. Три раза Посланникъ ея, Дженкинсонъ, былъ въ Москвѣ; ѣздилъ оттуда въ Персію и съ усердіемъ исполнилъ тайный наказъ Государевъ къ Шаху[253]. Слѣдствіемъ было то, что въ 1567 и въ 1569 году Іоаннъ далъ новыя выгоды купцамъ Англійскимъ: дозволилъ имъ ѣздить изъ Россіи въ Персію, завести селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить Россіянъ сему искусству, а при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта[254]. Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи показывать Государеву Казначею; обязывались также продавать Царскіе товары въ Англіи и въ Персіи; впрочемъ могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ

Г. 1565—69.

Посольства Англійскія.

г. 1565 —69. строить жилища, лавки, и чеканить для себя талеры; судились только судомъ Опричнины, и Московскій ихъ дворъ, у церкви Св. Максима, находился въ ея вѣдомствѣ. Напрасно купцы Ганзейскіе старались вредить Англичанамъ въ умѣ Іоанна; напрасно Короли Польскій и Шведскій убѣждали Елисавету не способствовать, выгодами торговли, могуществу опасной Россіи[255]. Бывали неудовольствія взаимныя, однакожъ прекращались дружелюбно. На примѣръ, въ 1568 году Посланникъ Елисаветинъ, Томасъ Рандольфъ, около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Москвѣ, не видавъ Царя[256]. Іоаннъ досадовалъ на Англійскихъ купцевъ за то, что они ежегодно возвышали цѣну своихъ товаровъ; наконецъ велѣлъ Рандольфу быть къ себѣ, но не далъ лошадей: люди Посольскіе шли во дворецъ пѣшкомъ, и никто изъ Царскихъ сановниковъ не кланялся представителю лица Королевина. Гордый Англичанинъ, оскорбленный сею грубостію, самъ надѣлъ шляпу во дворцѣ. Ждали гнѣва, опалы: вмѣсто чего Іоаннъ принялъ Рандольфа весьма ласково, увѣрялъ въ своей дружбѣ къ *любезной сестрѣ* Елисаветѣ и возвратилъ милость купцамъ Англійскимъ; имѣлъ съ нимъ другое сви-

даніе наединѣ, ночью; говорилъ три часа — и послалъ къ Елисаветѣ Дворянина Андрея Савина, съ дѣломъ тайнымъ, которое знаемъ только по отвѣту Елисаветину, хранящемуся въ нашемъ Архивѣ: оно весьма любопытно, и доказываетъ малодушіе Іоанна. Сей Монархъ, еще побѣдитель, еще гроза всѣхъ Державъ сосѣдственныхъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія въ своихъ бѣдныхъ подданныхъ, невинно имъ губимыхъ, трепеталъ въ сердцѣ, ждалъ казни, мечталъ о бунтахъ, объ изгнаніи; не устыдился писать о томъ къ Елисаветѣ и просить убѣжища въ ея землѣ на сей случай: униженіе достойное мучителя! Благоразумная Королева отвѣтствовала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, ежели, въ слѣдствіе *тайнаго заговора*, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ ему угодно въ Англіи, наблюдать въ Богослуженіи всѣ обряды Вѣры Греческой, имѣть своихъ слугъ и всегда свободно выѣхать, назадъ ли въ Россію, или въ другую землю[257]. Въ вѣрности сихъ обѣщаній Ели-

Г. 1565—69.

Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію.

г. 1565 —69. савета дала ему *слово Христіанскаго Вѣнценосца* и грамоту, ею собственноручно подписанную въ присутствіи всѣхъ ея Государственныхъ Совѣтниковъ, Великаго Канцлера Николая Бакона, Лорда Норта, Русселя, Арунделя и другихъ, съ прибавленіемъ, что Англія и Россія будутъ всегда соединенными силами противиться ихъ врагамъ общимъ. — Донесенія Савина, хотя обласканнаго въ Лондонѣ, не весьма благопріятствовали Англичанамъ: онъ сказалъ Царю, что Королева думаетъ единственно о выгодахъ Лондонскаго купечества[258]. Іоаннъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Елисавета въ дѣлѣ столь важномъ отвѣтствовала ему чрезъ его Посланника, а не прислала своего; но берегъ ея дружбу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣжать въ крайности за море. Сію мысль вселилъ въ него, какъ увѣряютъ, Голландскій Докторъ, Елисей Бомелій,

Злодѣй Бомелій.

негодяй и бродяга, изгнанный изъ Германіи: снискалъ доступъ къ Царю, онъ полюбился ему своими кознями: питалъ въ немъ страхъ, подозрѣнія; чернилъ Бояръ и народъ, предсказывалъ бунты и мятежи, чтобы угождать несчастному расположенію души Іоанновой[259]. Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ всегда ревност-

ныхъ помощниковъ: Бомелій заслужилъ первенство между услужниками Іоанна, то есть, между злодѣями Россіи. Казнь Божія для нихъ готовилась; но кровавый пиръ тиранства былъ еще въ срединѣ. Открывается новый ѳеатръ ужасовъ!

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ. Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому.

Г. 1569 — 1572.

1 Сентября 1569 года скончалась супруга Іоаннова, Марія, едва ли *искренно* Г. 1569.

Г. 1569. Кончина Царицы. оплаканная и самимъ Царемъ, хотя, для соблюденія пристойности, вся Россія долженствовала явить образъ глубокой печали [260]: дѣла остановились; Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или трауръ (шубы бархатныя и камчатныя *безъ золота*); во всѣхъ городахъ служили Панихиды; давали милостыню нищимъ, вклады въ монастыри и въ церкви; показывали горесть лицемѣрную, скрывая истинную, общую, производимую свирѣпствомъ Іоанна, который чрезъ десять дней уже могъ спокойно принимать иноземныхъ Пословъ во дворцѣ Московскомъ, но спѣшилъ выѣхать изъ столицы, чтобы въ страшномъ уединеніи Александровской Слободы вымыслить новыя измѣны и казни. Кончина двухъ супругъ его, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самого себя въ лютыхъ убійствахъ. Распустивъ слухъ, что Марія, подобно Анастасіи, была отравлена тайными злодѣями, онъ приготовилъ тѣмъ Россію къ ужаснѣйшимъ изступленіямъ своей ярости.

Іоаннъ каралъ невинныхъ; а виновный,

дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ: тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго Царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ Вельможъ и воиновъ на измѣну[261] — Князь Владиміръ Андреевичь! Прошло 16 лѣтъ; но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины, и не переставалъ его опасаться[262]. Никто изъ Бояръ не дерзалъ имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ Княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасало несчастнаго? Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ: ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и Князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, не смотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году[263], — не смотря на лицемѣріе Іоан-

Г. 1569.

Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства.

г. на, который всегда честилъ, ласкалъ его.
1569. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, Царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу[264], безъ сомнѣнія для того, что сей Князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней Удѣльной Системы. Весною въ 1569 году собирая войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату[265]; но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, Царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ[266]; а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской Слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать Царю о своемъ пріѣздѣ, ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ

обнаженными мечами какъ на битву, окружаютъ деревню; Іоаннъ съ ними: сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ объявляютъ Князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь Государеву, и представляютъ уличителя, Царскаго повара, коему Владиміръ далъ будто бы деньги и ядъ, чтобы отравить Іоанна[267]. Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ Государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: »вы »хотѣли умертвить меня ядомъ: пейте »его сами!« Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія (родомъ Княжна Одоевская), умная, добродѣтельная — видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя — отвратила лице свое отъ Іоанна, осушила слезы, и съ твердостію сказала мужу: »не мы себя, но »мучитель отравляетъ насъ: лучше при»нять смерть отъ Царя, нежели отъ па»лача.« Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ: г. 1569.

Г. 1569. за нимъ Евдокія и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать: Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти[268]! Призвавъ Боярынь и служанокъ Княгини Евдокіи, онъ сказалъ: »Вотъ »трупы моихъ злодѣевъ! Вы служили »имъ; но изъ милосердія дарую вамъ »жизнь.« Съ трепетомъ увидѣвъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: »Мы не хотимъ твоего мило»сердія, звѣрь кровожадный! Растерзай »насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь »и муки!« Сіи юныя жены, вдохновенныя омерзѣніемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять. — Мать Владиміровa, Евфросинія, нѣкогда честолюбивая, но въ Монашествѣ смиренная, уже думала только о спасеніи души: умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ и мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою Инокинею, добродѣтельною Александрою[269], его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ Царскаго гнѣва.

Судьба несчастнаго Князя Владиміра произвела всеобщую жалость[270]: забыли страхъ; слезы лилися въ домахъ и въ храмахъ. Никто безъ сомнѣнія не вѣрилъ

объявленному умыслу сего Князя на жизнь Государеву: видѣли одно гнусное братоубійство, внушенное еще болѣе злобою, нежели подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ! сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то Христіанскимъ спокойствіемъ, и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, раждающее любовь. Іоаннъ слышалъ — если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія Россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ Князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ Лѣ-

Г. 1569.

г. 1569. тописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но самое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзѣніе къ убійствамъ неслыханнымъ?

Новгородъ, Псковъ, нѣкогда свободныя Державы, смиренныя Самовластіемъ, лишенные своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ гражданъ, населенныя отчасти иными жителями, уже измѣнились въ духѣ народномъ, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался *Великимъ* и заключалъ договоры съ Королями Шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ *судныхъ цѣловальниковъ* или Присяжныхъ[271]. Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разсказывали въ Новѣгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго Вѣча во Псковѣ[272]. Забыли бѣдствія вольности: не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго слабаго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго Самодержавія, безпокоило, гнѣвило Царя, такъ, что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ,

а изъ Новагорода 150 въ Москву[273], слѣдуя примѣру своего отца и дѣда. Лишаемые отчизны, плакали; оставленные въ ней, трепетали. То было началомъ: ждали слѣдствія. Въ сіе время, какъ увѣряютъ, одинъ бродяга Волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный въ Новѣгородѣ, вздумалъ отмстить его жителямъ: зная Іоанново къ нимъ неблаговоленіе, сочинилъ письмо отъ Архіепископа и тамошнихъ гражданъ къ Королю Польскому; скрылъ оное въ церкви Св. Софіи, за образъ Богоматери; бѣжалъ въ Москву, и донесъ Государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи. Надлежало представить улику: Царь далъ ему вѣрнаго человѣка, который поѣхалъ съ нимъ въ Новгородъ и вынулъ изъ-за образа мнимую Архіепископову грамоту, въ коей было сказано, что Святитель, Духовенство, чиновники и весь народъ поддаются Литвѣ. Болѣе не требовалось никакихъ доказательствъ. Царь принявъ нелѣпость за истину, осудилъ на гибель и Новгородъ и всѣхъ людей, для него подозрительныхъ или ненавистныхъ[274]. г. 1569.

Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Сло-

г. 1569. боды Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ[275]. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: »я давно ожидаю смерти: да исполнится

»воля Государева!« Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи[276]. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были пренесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся[277]. г. 1569.

За тайнымъ злодѣйствомъ слѣдовали явныя. Іоаннъ не хотѣлъ въѣхать въ Тверь, и пять дней жилъ въ одномъ изъ ближнихъ монастырей, между тѣмъ, какъ сонмы неистовыхъ воиновъ грабили сей городъ, начавъ съ Духовенства и не оставивъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное; жгли, чего не могли взять съ собою; людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву; однимъ словомъ, напомнили несчастнымъ Твертинамъ ужасный 1327

годъ, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась надъ ихъ предками[278]. Многіе Литовскіе плѣнники, заключенные въ тамошнихъ темницахъ, были изрублены или утоплены въ прорубяхъ Волги: Іоаннъ смотрѣлъ на сіе душегубство! — Оставивъ наконецъ дымящуюся кровію Тверь, онъ также свирѣпствовалъ въ Мѣдномъ, въ Торжкѣ, гдѣ въ одной башнѣ сидѣли Крымскіе, а въ другой Ливонскіе плѣнники, окованные цѣпями: ихъ умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранивъ и самого Іоанна. Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены огнемъ и мечемъ. Всякаго, кто встрѣчался на дорогѣ, убивали, для того, что походъ Іоанновъ долженствовалъ быть *тайною* для Россіи!

г. 1570. 2 Генваря передовая многочисленная дружина Государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ; связали Иноковъ и Священниковъ; взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рублей; а кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ:*

всенародно били, сѣкли съ утра до вечера[279]. Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ богатыхъ; гостей, купцевъ, Приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія Государева. Г. 1570.

6 Генваря, въ день Богоявленія, ввечеру, Іоаннъ съ войскомъ сталъ на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада[280]. На другой день казнили всѣхъ Иноковъ, *бывшихъ на правежѣ:* ихъ избили палицами, и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Генваря 8 Царь съ сыномъ и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ, на Великомъ мосту, встрѣтилъ его Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами: не принявъ Святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: »Злочестивецъ! въ рукѣ твоей »не крестъ животворящій, но оружіе »убійственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ сердце. Знаю умыселъ твой »и всѣхъ гнусныхъ Новогородцевъ; знаю, »что вы готовитесь предаться Сигизмунду Августу. Отселѣ ты уже не па»стырь, а врагъ Церкви и Св. Софіи, »хищный волкъ, губитель ненавист»никъ вѣнца Мономахова!« Сказавъ, Го-

г. 1570. сударь велѣлъ ему итти съ иконами и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ тамъ Литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ Архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми Боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ[231] Явились воины, схватили Архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келліи, — а Дворецкій Левъ Салтыковъ и Духовникъ Государевъ Евстафій церковь Софійскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ: послѣ чего немедленно открылся судъ на городищѣ Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новогородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами. Ратники Московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами: кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убій-

ства продолжались пять недѣль и заключились грабежемъ общимъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ Обители вокругъ города; взялъ казны церковныя и монастырскія; велѣлъ опустошить дворы и келліи, истребить хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и весь Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви; самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу; смотрѣлъ, какъ хищные воины ломились въ палаты и кладовыя, отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили между собою шелковыя ткани, мѣха; жгли пеньку, кожи; бросали въ рѣку воскъ и сало. Толпы злодѣевъ были посланы и въ Пятины Новогородскія, губить достояніе и жизнь людей безъ разбора, безъ отвѣта. Сіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль.* г. 1570.

Февраля 12, въ Понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, на разсвѣтѣ, Государь призвалъ къ себѣ остальныхъ именитыхъ Новогородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку: они явились какъ тѣни, блѣдные, изнуренные ужасомъ, ожидая смерти. Но Царь *воззрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ:* гнѣвъ, ярость, дотолѣ пылавшіе въ глазахъ его,

Г. 1570. какъ страшный метеоръ угасли. Іоаннъ сказалъ тихо: »Мужи Новогородскіе, всѣ »доселѣ живущіе! молите Господа о на»шемъ благочестивомъ Царскомъ Держав»ствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да »побѣждаемъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и »невидимыхъ! Суди Богъ измѣннику моему, »вашему Архіепископу Пимену, и злымъ »его совѣтникамъ! На нихъ, на нихъ взы»щется кровь, здѣсь изліянная! Да умолк»нетъ плачь и стенаніе; да утишится »скорбь и горесть! Живите и благоден»ствуйте въ семъ градѣ! Вмѣсто себя »оставляю вамъ Правителя, Боярина и »Воеводу моего, Князя Петра Даніиловича »Пронскаго. Идите въ домы свои съ ми»ромъ«[232]! — Еще судьба Архіепископа не рѣшилась: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха[233], возили изъ улицы въ улицу, и за крѣпкою стражею отвезли въ Москву.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новагорода дорогою Псковскою, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ столицу. Некому было жалѣть о богатствѣ похищенномъ: кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя въ изступленіи! Увѣряютъ, что

гражданъ и сельскихъ жителей изгибло тогда не менѣе шестидесяти тысячь[284]. Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Голодъ[285] и болѣзни довершили казнь Іоаннову, такъ, что Іереи, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, не успѣвали погребать мертвыхъ: бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ. Наконецъ Новгородъ какъ бы пробудился отъ мертваго оцѣпенѣнія: 8 Сентября всѣ, еще живые, Духовенство, міряне, собралися въ полѣ, у церкви Рождества Христова, служить общую Панихиду за усопшихъ, надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало 10,000 неотпѣтыхъ тѣлъ Христіанскихъ! (Въ первомъ мѣстѣ стоялъ нищій старецъ, Іоаннъ Жгальцо, который одинъ съ молитвою предавалъ мертвыхъ землѣ въ сіе ужасное время). — Опустѣлъ Великій Новгородъ. Знатная часть Торговой, нѣкогда многолюдной Стороны обратилась въ площадь, гдѣ, сломавъ всѣ уже необитаемые домы, заложили дворецъ Государевъ[286].

Г. 1570.

Запустѣніе Новагорода.

Іоаннъ готовилъ Пскову участь Новагорода, думая, что и жители онаго хотѣли измѣнить Россіи. Тамъ начальство-

Г. 1570. валъ добрый Князь Юрiй Токмаковъ и жилъ славный благочестiемъ отшельникъ, *Салосъ* (юродивый) Никола: одинъ счастливымъ совѣтомъ, другой счастливою дерзостiю спасли городъ. Въ Субботу второй недѣли Великаго поста Царь ночевалъ въ монастырѣ Св. Николая на Любатовѣ, видя Псковъ, гдѣ, въ ожиданiи приближающейся грозы, никто не смыкалъ глазъ; всѣ люди были въ движенiи; ободряли другъ друга или прощались съ жизнiю, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь Царь услышалъ благовѣстъ и звонъ церквей Псковскихъ: сердце его, какъ пишутъ современники, чудесно умилилось[287]. Онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ Заутренѣ, въ послѣднiй разъ молить Всевышняго о спасенiи ихъ отъ гнѣва Царскаго; съ какимъ усердiемъ, съ какими слезами припадаютъ къ Святымъ иконамъ — и мысль, что Господь внимаетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, пронула душу, столь ожесточенную! Въ какомъ-то неизъяснимомъ порывѣ жалости Iоаннъ сказалъ Воеводамъ своимъ: »Иступите мечи о камень! да престанутъ »убiйства!...«

Спасенiе Пскова. На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленiемъ увидѣлъ

на всѣхъ улицахъ, предъ домами, столы съ изготовленными яствами (такъ было сдѣлано по совѣту Князя Юрія Токмакова): граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали Царя, и говорили ему: »Государь Князь Великій! мы, »вѣрные твои подданные, съ усердіемъ и »любовію предлагаемъ тебѣ хлѣбъ-соль; »а съ нами и животами нашими твори »волю свою: ибо все, что имѣемъ, и мы »сами твои, Самодержецъ Великій!« Сія неожидаемая покорность была пріятна Іоанну. Игуменъ Печерскій, Корнилій, съ Духовенствомъ встрѣтилъ его на площади у церквей Св. Варлаама и Спаса. Царь слушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу Св. Всеволода-Гавріила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечь сего древняго Князя и зашелъ въ келлію къ старцу *Салосу* Николѣ, который подъ защитою своего юродства не убоялся обличать тирана въ кровопійствѣ и святотатствѣ[233]. Пишутъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ кусокъ сыраго мяса; что Царь сказалъ: »Я »Христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ Великій »постъ;« а пустынникъ отвѣтствовалъ: »ты дѣлаешь хуже: питаешься человѣче- Г. 1570.

Г. 1570. »скою плотію и кровію, забывая не только пость, но и Бога!« Грозилъ ему, предсказывалъ несчастія, и такъ устрашилъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города; жилъ нѣсколько дней въ предмѣстіи; дозволилъ воинамъ грабить имѣніе богатыхъ людей, но не велѣлъ трогать Иноковъ и Священниковъ; взялъ только казны монастырскія и нѣкоторыя иконы, сосуды, книги, и какъ бы невольно пощадивъ Ольгину родину, спѣшилъ въ Москву, чтобы новою кровію утолять свою неутолимую жажду къ мучительству.

Архіепископъ Пименъ и нѣкоторые знатнѣйшіе Новогородскіе узники, вмѣстѣ съ нимъ присланные въ Александровскую Слободу, ждали тамъ конца своего. Миновало около пяти мѣсяцевъ, но не въ бездѣйствіи: производилось важное слѣдствіе; собирали доносы, улики; искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Пименовыхъ, которые еще укрывались отъ мести Государевой, сидѣли въ главныхъ Приказахъ, даже въ Совѣтѣ Царскомъ, даже пользовались особенною милостію, довѣренностію Іоанна. Печатникъ, или Канцлеръ, Иванъ Михайловичь Висковатый, мужъ опытнѣйшій въ дѣлахъ государственныхъ — Казначей Ни-

Казни въ Москвѣ.

кита Фуниковъ, также вѣрный слуга Царя и Царства отъ юности до лѣтъ преклонныхъ — Бояринъ Семенъ Васильевичь Яковлевъ — умные Дьяки Василій Степановъ и Андрей Васильевъ были взяты подъ стражу; а съ ними вмѣстѣ, къ общему удивленію, и первые любимцы Іоанновы: Вельможа Алексѣй Басмановъ, Воевода мужественный, но безстыдный угодникъ тиранства — сынъ его, Крайчій Θеодоръ, прекрасный лицемъ, гнусный душею, безъ коего Іоаннъ не могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣпствовать въ убійствахъ — наконецъ самый ближайшій къ его сердцу нечестивецъ, Князь Аθанасій Вяземскій, обвиняемые въ томъ, что они съ Архіепископомъ Пименомъ хотѣли отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, извести Царя и посадить на тронъ Князя Владиміра Андреевича[239]. Жалѣя о добрыхъ, заслуженыхъ сановникахъ, Россіяне могли съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть казнь Божію надъ клевретами мучителя, безъ сомнѣнія невинными предъ нимъ, но виновными предъ Государствомъ и человѣчествомъ. Сіи жестокіе Царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, какъ и ненависть его; что онъ не можетъ долго вѣрить

г. 1570.

г. 1570. людямъ, коихъ гнусность ему извѣстна; что малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна мысль достаточны для ихъ паденія; что губитель, карая своихъ услужниковъ, наслаждается чувствомъ правосудія: удовольствіе рѣдкое для кровожаднаго сердца, закоснѣлаго во злѣ, но все еще угрызаемаго совѣстію въ злодѣяніяхъ! Бывъ долго клеветниками, они сами погибли отъ клеветы. Пишутъ, что Царь имѣлъ неограниченную довѣренность къ Аѳанасію Вяземскому: единственно изъ рукъ сего любимаго Оружничаго принималъ лекарства своего Доктора Арнольфа Лензея[290]; единственно съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ тайныхъ намѣреніяхъ, ночью, въ глубокой тишинѣ, въ спальнѣ. Сынъ Боярскій, именемъ Ѳедоръ Ловчиковъ[291], облагодѣтельствованный Княземъ Аѳанасіемъ, донесъ на него, что онъ будто бы предувѣдомилъ Новогородцевъ о гнѣвѣ Царскомъ, слѣдственно былъ ихъ единомышленникомъ. Іоаннъ не усомнился: молчалъ нѣсколько времени, и вдругъ, призвавъ Вяземскаго къ себѣ, говоря ему о важныхъ дѣлахъ государственныхъ съ обыкновенною довѣренностію, велѣлъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ: возвращаясь домой, Князь Вяземскій увидѣлъ ихъ трупы: не

показалъ ни изумленія, ни жалости; прошелъ мимо, въ надеждѣ симъ опытомъ своей преданности обезоружить Государя; но былъ ввerженъ въ темницу, гдѣ уже сидѣли и Басмановы, подобно ему уличаемые въ измѣнѣ. Всѣхъ обвиняемыхъ пытали: кто не могъ вынести мукъ, клеветалъ на себя и другихъ, коихъ также пытали, чтобы вывѣдать отъ нихъ неизвѣстное имъ самимъ. Записывали показанія истязуемыхъ; составили дѣло огромное, предложенное Государю и сыну его, Царевичу Іоанну; объявили казнь измѣнникамъ: ей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ глазахъ всего народа, и такъ, чтобы столица, уже пріученная къ ужасамъ, еще могла изумиться! г. 1570.

25 Іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокой костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою [292]. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали

Г. 1570. товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся, и не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: »Народъ! увидишь муки и гибель; »но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: »правъ ли судъ мой?« Всѣ отвѣтствовали велегласно: »Да живетъ многія лѣта »Государь Великій! да погибнутъ измѣн»ники!« Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даро-

валъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. г. 1570.
Потомъ Думный Дьякъ Государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: »Иванъ Михайловъ, бывшій »Тайный Совѣтникъ Государевъ! ты служилъ неправедно Его Царскому Величеству и писалъ къ Королю Сигизмунду, »желая предать ему Новгородъ. Се первая »вина твоя!« Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову[295], и продолжалъ: »А се вто»рая, меньшая вина твоя: ты, измѣнникъ »неблагодарный, писалъ къ Султану Ту»рецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и »Казань.« Ударивъ его въ другой — и въ третій разъ, Дьякъ примолвилъ: »Ты же »звалъ и Хана Крымскаго опустошать »Россію: се твое третіе злое дѣло!« Тутъ *Висковатый*, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: »Свидѣтельствуюсь Господомъ Бо»гомъ, вѣдающимъ сердца и помышленія »человѣческія, что я всегда служилъ вѣр»но Царю и отечеству. Слышу наглыя »клеветы: не хочу болѣе оправдываться, »ибо земный судія не хочетъ внимать »истинѣ; но Судія Небесный видитъ мою »невинность — и ты, о Государь! уви»дишь ее предъ лицемъ Всевышняго!«....

г. 1570. Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу[294]. Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: »Се кланяюся тебѣ въ послѣднiй разъ на »землѣ, моля Бога, да прiимешь въ вѣчно»сти праведную мзду по дѣламъ своимъ!« Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копiемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убiйцы, облiянные кровiю, съ дымящимися мечами стали предъ Царемъ, восклицая: *гойда! гойда!* и славили его правосудiе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убiйствами, еще не насытился отчаянiемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; прiѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и во-

пила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести[295]. Г. 1570.

Граждане Московскіе, свидѣтели сего ужаснаго дня, не видали въ числѣ его жертвъ ни Князя Вяземскаго, ни Алексѣя Басманова: первый испустилъ духъ въ пыткахъ[296]; конецъ послѣдняго — не смотря на всѣ безпримѣрныя, описанныя нами злодѣйства — кажется еще невѣроятнымъ: да будетъ сіе страшное извѣстіе вымысломъ богопротивнымъ, внушеніемъ естественной ненависти къ тирану, но клеветою! Современники пишутъ, что Іоаннъ будто бы принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставивъ Князя Никиту Прозоровскаго умертвить брата, Князя Василія[297]! По крайней мѣрѣ сынъ извергъ не спасъ себя отцеубійствомъ: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими[298]. Имѣніе ихъ описали на Государя; многихъ знатныхъ людей сослали на Бѣлоозеро, а Святителя Пимена, лишивъ сана Архіепископскаго, въ Тульскій монастырь Св. Николая; многихъ выпустили изъ темницъ на поруки нѣкоторыхъ даже наградили Царскою милостію. — Три дни Іоаннъ

Г. 1570. отдыхалъ: ибо надлежало предать трупы землѣ! Въ четвертый день снова вывели на площадь нѣсколько осужденныхъ и казнили: Малюта Скуратовъ, предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. (Тамъ, близъ Кремлевскаго рва, на крови и на костяхъ, въ послѣдующія времена стояли церкви, какъ умилительный, Христіанскій памятникъ сего душегубства.) Жены избіенныхъ Дворянъ, числомъ 80, были утоплены въ рѣкѣ[299].

Однимъ словомъ, Іоаннъ достигъ наконецъ вышней степени безумнаго своего тиранства; могъ еще губить, но уже не могъ изумлять Россіянъ никакими новыми изобрѣтеніями лютости. Скрѣпивъ сердце, опишемъ только нѣкоторыя изъ безчисленныхъ злодѣяній сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менѣе для людей извѣстныхъ заслугами и богатствомъ: ибо тиранъ, ненавидя добродѣтель, любилъ корысть. Славный Воевода, отъ коего бѣжала многочисленная рать Селимова, — который двадцать лѣтъ не сходилъ съ коня, побѣждая и Татаръ и Литву и Нѣмцевъ, Князь Петръ Семеновичь Оболенскій-Се-

ребряный, призванный въ Москву, видѣлъ и слышалъ отъ Царя однѣ ласки; но вдругъ Легіонъ Опричниковъ стремится къ его дому Кремлевскому: ломаютъ ворота, двери, и предъ лицемъ, у ногъ Іоанна отсѣкаютъ голову сему, ни въ чемъ не обвиненному Воеводѣ[300]. Тогда же были казнены: Думный Совѣтникъ Захарія Ивановичь Очинъ-Плещеевъ; Хабаровъ-Добрынскій, одинъ изъ богатѣйшихъ сановниковъ[301]; Иванъ Воронцовъ, сынъ Ѳедора, любимца Іоанновой юности[302]; Василій Разладинъ, потомокъ славнаго въ XIV вѣкѣ Боярина Квашни[303]; Воевода Кирикъ-Тырковъ, равно знаменитый и Ангельскою чистотою нравовъ и великимъ умомъ государственнымъ и примѣрнымъ мужествомъ воинскимъ, израненный во многихъ битвахъ; Герой-защитникъ Лаиса, Андрей Кашкаровъ[304]; Воевода Нарвскій, Михайло Матвѣевичь Лыковъ, коего отецъ сжегъ себя въ 1534 году, чтобы не отдать города непріятелю[305], и который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку Латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ Наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностію въ обхожденіи — и ближній родственникъ сего Воеводы, также Лыковъ, прекрасный Г. 1570.

Г. 1570. юноша, посыланный Царемъ учиться въ Германію: онъ возвратился-было ревностно служить отечеству съ душею пылкою, съ разумомъ просвѣщеннымъ[306]! Воевода Михайловскій, Никита Козариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки; узнавъ же, что Царь прислалъ за нимъ Опричниковъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ: »я тотъ, кого »вы ищете!« Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что Схимники Ангелы, и должны летѣть на небо[307]. Чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову[308].

Гнѣвъ тирана, падая на цѣлыя семейства, губилъ не только дѣтей съ отцами, супругъ съ супругами, но часто и всѣхъ родственниковъ мнимаго преступника. Такъ, кромѣ десяти Колычевыхъ, погибли многіе Князья Ярославскіе (одного изъ нихъ, Князя Ивана Шаховскаго, Царь убилъ изъ собственныхъ рукъ булавою); многіе Князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе, Бутурлины[309]. Не рѣдко знаменитые Россіяне избавлялись отъ казни славною кончиною. Два

браша, Князья Андрей и Никита Мещерскіе, мужественно защищая новую Донскую крѣпость, пали въ битвѣ съ Крымцами: еще трупы сихъ витязей, орошаемые слезами добрыхъ сподвижниковъ, лежали непогребенные, когда явились палачи Іоанновы, чтобы зарѣзать обоихъ братьевъ: имъ указали тѣла ихъ! Тоже случилось и съ Княземъ Андреемъ Оленкинымъ: присланные убійцы нашли его мертваго на полѣ чести. Іоаннъ, ни мало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго Князя: уморилъ ихъ въ заточеніи[310]. г. 1570.

Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ[311]: сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины

И когда, въ ужасахъ душегубства, Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался

Г. 1570. шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новагорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей, и въ гнѣвѣ и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе[512]. Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою-то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ.... обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали Доктора Арнольфа. »Исцѣли слугу моего добраго,« сказалъ Царь: »я поигралъ съ нимъ неосторожно.« *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ

Царскіе шуты.

Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія.* Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: »будь здравъ, любимый мой Воевода: ты достоинъ нашего жалованья« — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо[515]! — Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ та-

г. 1570.

Г. 1570. кихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гойда! гойда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу[314] Однакожь и въ сіе время, и на сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: »о Царь! ты »велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить »медъ смѣшенный съ кровію нашихъ »братьевъ Христіанъ правовѣрныхъ!« Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ[315]. Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Таковъ былъ Царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть Государеву властію Божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ; приписывали тиранство Іоанново гнѣву Небесному и каялись въ грѣ-

хахъ своихъ; съ вѣрою, съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная. г. 1570.

Довершимъ картину ужасовъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ[316]. Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ хлѣба и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла: ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни; умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства: голодные тайно убивали и ѣли другъ друга[317]! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути; конная

Голодъ и моръ.

Г. 1570. стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми[318]. Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

Но ни Судьба, ни тиранъ еще не насытились жертвами. Не заключимъ, а только прервемъ описаніе золъ, чтобы съ удивленіемъ видѣть Іоанна какъ бы равнодушнаго, спокойнаго въ его неутомимой политической дѣятельности.

Сношенія съ Литвою. Весною въ 1570 году Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву для заключенія мира, желая доставить его и Королю Шведскому[319]; но Іоаннъ не хотѣлъ слышать о послѣднемъ. Въ тайной бесѣдѣ они сказали Царю, что Вельможи ихъ думаютъ въ случаѣ Сигизмундовой, вѣроятно не отдаленной смерти предложить ему вѣнецъ Королевскій, какъ Государю Славянскаго племени, Христіанину и Владыкѣ сильному. Не изъявивъ ни удовольствія, ни рѣшительнаго согласія, Іоаннъ хладнокровно отвѣтствовалъ: »Милосердіемъ Божіимъ и молитвами нашихъ »прародителей Россія велика: начто мнѣ »Литва и Польша? Когда же вы имѣете »сію мысль, то вамъ не должно раздра»жать насъ затрудненіями въ святомъ

»дѣлѣ покоя Христіанскаго.« Говорили о мирѣ, но заключили только перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ Варшавѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ [320], которые донесли Царю, что Вельможи Литовскіе желаютъ выдать за него сестру Сигизмундову, Софію, и видятъ въ немъ уже будущаго своего Властителя; что они не хотятъ поддаться ни Цесарю, худому защитнику и собственныхъ земель его, ни другимъ Государямъ, болѣе или менѣе слабымъ, въ сравненіи съ Московскимъ, непріятелемъ опаснымъ, но и самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ. Честолюбивый Іоаннъ вѣрилъ, и мысленно уже простиралъ свою кровавую десницу къ вѣнцу Ягеллоновъ! г. 1570.

Между тѣмъ онъ дѣятельно занимался Ливоніею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные имъ въ санъ Думныхъ людей, внушили ему мысль составить изъ бывшихъ Орденскихъ земель особенное *Королевство* подъ верховною властію Россіи, увѣряя, что всѣ жители въ такомъ случаѣ пристанутъ къ намъ душею и сердцемъ, изгонятъ Шведовъ, Литовцевъ, и будутъ вмѣстѣ съ Королемъ своимъ вѣрнѣйшими подданными великаго Государя Московскаго. Еще въ 1565 году, Королевство Ливонское.

г. 1570. какъ пишутъ, Іоаннъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ предлагалъ знаменитому своему плѣннику Фирстенбергу быть Ливонскимъ Владѣтелемъ и Царскимъ присяжникомъ; но сей великодушный старецъ отвѣчалъ, что для него лучше умереть въ неволѣ, нежели измѣнить совѣсти и святымъ обѣтамъ Рыцарства[321]. Въ 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь довѣренностію Іоанновою, имѣли сношенія съ Ревельскими гражданами, склоняя ихъ поддаться Царю, обѣщая имъ *времена златыя*, свободу, тишину, и говорили имъ: »Что представляетъ Ливо»нія въ теченіе двѣнадцати лѣтъ? кар»тину ужасныхъ бѣдствій, кровопроли»тій, разореній. Никто не увѣренъ ни »въ жизни, ни въ достояніи. Мы служимъ »великому Царю Московскому, но не измѣ»нили своему первому, истинному оте»честву, коему хотимъ добра и спасенія. »Знаемъ, что онъ намѣренъ всѣми силами »ударить на Ливонію: выгнать Шведовъ, »Поляковъ и Датчанъ. Гдѣ защитники? »Германія о васъ не думаетъ: безпечность »и слабость Императора вамъ извѣстны. »Король Датскій не смѣетъ молвить Ца»рю грубаго слова. Дряхлый Сигизмундъ »унижается, ищетъ мира въ Москвѣ, а

»своихъ Ливонскихъ подданныхъ только г.
»утѣсняетъ. Швеція ждетъ мести и ка- 1570.
»зни: вы уже сидѣли бы въ осадѣ, если бы »жестокая язва, свирѣпствуя въ Россіи, »не препятствовала Царю мыслить о »воинскихъ дѣйствіяхъ. Онъ любитъ Нѣм»цевъ; самъ происходитъ отъ Дома *Бавар»скаго*[322], и даетъ вамъ слово, что подъ »его державою не будетъ города счастли»вѣе Ревеля. Изберите себѣ Властителя »изъ Князей Германскихъ: не вы, но един»ственно сей Властитель долженъ зави»сѣть отъ Іоанна, какъ Нѣмецкіе Принцы »зависятъ отъ Императора — не болѣе. »Наслаждайтесь миромъ, вольностію, всѣ»ми выгодами торговли, не платя дани, »не зная трудовъ службы воинской. Царь »желаетъ быть единственно вашимъ бла»годѣтелемъ!« Въ тоже время они именемъ Іоанновымъ предлагали Герцогу Курляндскому Готгарду санъ Ливонскаго Короля. Но имъ не вѣрили, какъ ненавистнымъ слугамъ Московскаго, уже вездѣ извѣстнаго тирана. Ревель не хотѣлъ измѣнить Швеціи, а Готгардъ Сигизмунду. Тогда повѣренные Іоанновы обратились къ Принцу Датскому, Магнусу, Владѣтелю Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть ору-

г. 1570. діемъ Іоанновой Политики, безъ вѣдома брата своего, Короля Датскаго[323].

Въ знакъ довѣренности къ великимъ милостямъ, ему обѣщаннымъ, Магнусъ самъ поѣхалъ къ Царю. Въ Дерптѣ услышалъ онъ о судьбѣ Новагорода[324]: остановился, медлилъ и думалъ возвратиться съ пути отъ ужаса. Но честолюбіе одержало верхъ: онъ пріѣхалъ въ Москву съ великою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ слугъ и чиновниковъ[325]; былъ принятъ съ особенною благосклонностію, угощаемъ пирами—и чрезъ нѣсколько дней совершилось важное дѣло: Царь назвалъ Магнуса *Королемъ Ливоніи*, а Магнусъ Царя своимъ верховнымъ Владыкою и отцемъ, удостоенный чести жениться на его племянницѣ, *Евфиміи*, дочери несчастнаго Князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Іоаннъ обѣщалъ невѣстѣ пять бочекъ золота; для своего будущаго зятя освободилъ Дерптскихъ плѣнниковъ; далъ ему войско для изгнанія Шведовъ изъ Эстоніи. Провождаемый многими Нѣмцами и полками Россійскими[326], Магнусъ вступилъ въ Ливонію, объявляя жителямъ свое Королевство, милость Іоаннову, соединеніе всѣхъ земель Орден-

Милость Царя къ Магнусу.

скихъ, начало тишины и благоденствія. Г. 1570.
Таубе, Крузе, уполномоченные Царемъ, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливонія останется Державою свободною, платя только легкую дань Государю Московскому; что всѣ наши чиновники выѣдутъ оттуда; что одни Нѣмцы именемъ Короля и закона будутъ управлять землею. Многіе вѣрили и радовались, но не долго. Магнусъ, жертва честолюбія и легковѣрія, сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій для несчастной Ливоніи.

Слушаясь во всемъ Таубе и Крузе, онъ (23 Августа) приступилъ къ Ревелю съ 25,000 Россіянъ и со многочисленною Нѣмецкою дружиною, въ надеждѣ овладѣть имъ безъ кровопролитія; но граждане отвѣтствовали на его предложеніе, что они знаютъ коварство Іоанна; что тиранъ своего народа не можетъ быть благотворителемъ чужаго; что неопытный, юный Магнусъ имѣетъ совѣтниковъ или злонамѣренныхъ или безразсудныхъ; что ему готовится въ Россіи участь Князя Михайла Глинскаго, но что Ревель не хочетъ уподобиться Смоленску[327]. Началась осада, вылазки и смертоносныя болѣзни

Г. 1570. какъ въ городѣ, такъ и въ станѣ Россіянъ, которые оказывали болѣе терпѣнія, нежели искусства и храбрости. Земляныя работы изнуряли осаждающихъ безполезно; дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда было слабо. Занявъ высоты предъ самыми воротами Ревельскими, и построивъ деревянныя башни, они пускали гранаты, каленыя ядра въ крѣпость, безъ важнаго вреда для непріятеля. Настала осень, зима. Воеводы Московскіе, Бояринъ Иванъ Петровичь Яковлевъ, Князья Лыковъ, Кропоткинъ, не умѣя взять Ревеля, только грабили села Эстонскія, и въ Февралѣ отпустили въ Россію 2000 саней наполненныхъ добычею [328]. Ждали, что голодъ заставитъ осажденныхъ сдаться; но Шведскій флотъ успѣлъ доставить имъ изобиліе въ съѣстныхъ и воинскихъ припасахъ. Наконецъ войско уже изъявляло неудовольствіе. Магнусъ былъ въ отчаяніи; винилъ Царскихъ совѣтниковъ, Таубе и Крузе; не зналъ, что дѣлать, и послалъ Духовника своего, Шраффера, съ новыми убѣжденіями къ Ревельскимъ гражданамъ. Сей краснорѣчивый Пасторъ безстыдно увѣрялъ ихъ, что Іоаннъ есть Государь истинно Христіанскій, любитъ Церковь Лаппинскую болѣе

Греческой и легко можетъ присташь къ Аугсбургскому Исповѣданію; что онъ строгъ по необходимости для однихъ Россіянъ, а Нѣмцамъ другъ истинный; что Ревель безполезнымъ сопротивленіемъ удаляетъ златый вѣкъ, даруемый Ливоніи въ особѣ юнаго Короля. Граждане велѣли ему итти назадъ безъ отвѣта — и 16 Марта, стоявъ подъ Ревелемъ 30 недѣль, Магнусъ снялъ осаду, зажегъ станъ, ушелъ съ своею Нѣмецкою дружиною въ Оберпаленъ, данный ему Царемъ въ залогъ будущаго Королевства; а наше войско расположилось въ восточной Ливоніи [329]. Г. 1570.

Сія первая неудача должна была оскорбить Царя. Въ тоже время свѣдавъ о мирѣ Короля Датскаго съ Шведскимъ, онъ изъявилъ Магнусу живѣйшее неудовольствіе, обвиняя брата его въ нарушеніи союза съ Россіею и въ дружбѣ съ ея злодѣемъ [330]. Другое неожиданное происшествіе еще болѣе встревожило и Царя и Магнуса. Обязанные Іоанну свободою, знатностію, богатствомъ, Крузе и Таубе, послѣ несчастной Ревельской осады утративъ довѣренность новаго Короля Ливонскаго, боясь утратить и Государеву, забыли клятву, честь — вступили въ тайныя сношенія съ Шведами, съ Поляками,

г. 1570. и вознамѣрились овладѣть Дерптомъ, чтобы отдать его тѣмъ или другимъ. Способъ казался легкимъ: они могли располагать дружиною Нѣмецкихъ воиновъ, которые, служа Царю за деньги, не усомнились измѣнить ему. Знатные жители Дерптскіе, бывъ долго плѣнниками въ Россіи, болѣе другихъ Ливонцевъ ненавидѣли ея господство: слѣдственно можно было надѣяться на ихъ ревностное содѣйствіе. Съ сею мыслію заговорщики вломились въ городъ; умертвили стражу; звали къ себѣ друзей, братьевъ; кричали, что настала часъ свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не присталъ къ измѣнникамъ, съ коими Россіяне въ нѣсколько минутъ управились: однихъ изрубили, другихъ выгнали, и считая жителей предателями, въ остервененіи умертвили многихъ невинныхъ[331]. Таубе и Крузе спаслися бѣгствомъ: отверженные Ревельцами, не хотѣвшими ни слушать, ни видѣть ихъ, они искали убѣжища въ Польскихъ владѣніяхъ, гдѣ Король и въ особенности Герцогъ Курляндскій приняли сихъ безразсудныхъ съ великою честію, въ надеждѣ свѣдать отъ нихъ важныя государственныя тайны Россіи, но свѣ-

дали единственно о всѣхъ ужасахъ тиранства Іоаннова[332]! За годъ до того времени Таубе и Крузе писали къ Императору Максимиліану, что одинъ Іоаннъ можетъ изгнать Турковъ изъ Европы, имѣя войско безчисленное, опытное, непобѣдимое[333]: измѣнивъ Россіи, они увѣряли Максимиліана и другихъ Европейскихъ Государей въ ея безсиліи и въ возможности завоевать или по крайней мѣрѣ стѣснить оную! — Опасаясь быть жертвою ихъ измѣны и гнѣва Іоаннова, Магнусъ, хотя и невинный, спѣшилъ уѣхать изъ Оберпалена на островъ Эзель.

г. 1570.

Но Царь умѣлъ быть твердымъ въ намѣреніяхъ, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровнымъ въ самыхъ важныхъ несгодахъ. Онъ старался успокоить Магнуса новыми увѣреніями въ своей милости; съ горестію извѣстивъ его о незапной кончинѣ невѣсты, юной Евѳиміи, предложилъ ему руку малолѣтной сестры ея, Маріи, съ такимижь условіями, съ тѣмъ же богатымъ приданымъ[334], и снова обѣщалъ завоевать для него Эстонію. Магнусъ утѣшился: съ благодарностію принялъ опять имя жениха Царской племянницы; ждалъ съ нею Королевства, и писалъ къ брату, къ Импера-

Г. 1570. тору, къ Князьямъ Германіи, что не суетное честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу Христіанъ заставило его искать союза Россіи, дабы сдѣлаться посредникомъ между Имперіею и сею великою Державою, которая можетъ вмѣстѣ съ другими Европейскими Вѣнценосцами возстать для обузданія Турціи. Сію надежду имѣлъ и самъ Императоръ и вся Германія, устрашаемая Султанскимъ властолюбіемъ; но Іоаннъ, какъ увидимъ, не думалъ о славѣ защитить Христіанскую Европу отъ Магометанскаго оружія: думалъ единственно о выгодахъ своей особенной Политики — о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоніею и смирить гордость Ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ Россіянами, уставивъ ежегодно праздновать ея память 16 Марта[335]. Онъ готовилъ месть, замедленную тогда ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ Москвы и всей юго-восточной Россіи.

Слѣдуя правилу не умножать враговъ Россіи, Іоаннъ хотѣлъ отвратить новую, безполезную войну съ Султаномъ, коего добрая къ намъ пріязнь могла обуздывать Хана: для того (въ 1570 году) Дворянинъ

Новосильцовъ ѣздилъ въ Константинополь поздравить Селима съ воцареніемъ[336]. Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ къ нему исчислялъ всѣ дружественныя сношенія Россіи съ Турціею отъ временъ Баязета; удивлялся впаденію Селимовой рати въ наши владѣнія безъ объявленія войны; предлагалъ и миръ и дружбу. »Мой Государь«—долженъ былъ сказать Новосильцовъ Вельможамъ Султанскимъ—»не есть »врагъ Мусульманской Вѣры. Слуга его, »Царь Саинъ-Булатъ, господствуетъ въ »Касимовѣ, Царевичь Кайбула въ Юрьевѣ, »Ибакъ въ Сурожикѣ, Князья Ногайскіе »въ Романовѣ: всѣ они свободно и торжественно славятъ Магомета въ своихъ »мечетяхъ: ибо у насъ всякой иноземецъ »живетъ въ своей Вѣрѣ[337]. Въ Кадомѣ, въ »Мещерѣ многіе Приказные Государевы »люди Мусульманскаго Закона. Если умершій Царь Казанскій Симеонъ, если Царевичь Муртоза сдѣлались Христіанами: »то они сами желали, сами требовали »крещенія.« Новосильцовъ былъ доволенъ благосклоннымъ пріемомъ, замѣтивъ только, что Султанъ не спрашивалъ его о здравіи Іоанна и, въ противность нашему обыкновенію, не звалъ обѣдать съ собою. Но сіе Посольство и другое (въ

г. 1570. Посольство въ Константинополь.

г. 1571. 1571 году) не имѣли желаемаго слѣдствія[338], хотя Царь, въ угодность Селиму, согласился уничтожить новую крѣпость нашу въ Кабардѣ. Гордый Султанъ хотѣлъ Астрахани и Казани, или того, чтобы Іоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской Имперіи. Предложеніе столь нелѣпое осталось безъ отвѣта. Въ то же время Царь узналъ, что Селимъ проситъ Кіева у Сигизмунда для удобнѣйшаго впаденія въ Россію[339]; что онъ велѣлъ дѣлать мосты на Дунаѣ и запасать хлѣбъ въ Молдавіи; что Ханъ, возбуждаемый Турками, готовится къ войнѣ съ нами; что Царевичь Крымскій разбилъ тестя Государева, Темгрюка, и взялъ въ плѣнъ двухъ его сыновей[340]. Уже Девлетъ-Гирей, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Москвою, снова началъ грозить, требовать дани и возстановленія Царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго. Уже изъ Донкова, изъ Путивля извѣщали Государя о движеніяхъ Ханскаго войска: разъѣзды наши видѣли въ степяхъ пыль необычайную, огни ночью, *сакму* или слѣды многочисленной конницы; слышали вдали *прыскъ* и ржаніе табуновъ[341]. Полководцы Московскіе стояли на Окѣ. Два раза самъ Іоаннъ съ сыномъ

своимъ выѣзжалъ къ войску, въ Коломну, г. 1571.
въ Серпуховъ. Уже были и легкія сшибки, въ мѣстахъ Рязанскихъ и Коширскихъ; но Крымцы вездѣ являлись въ маломъ числѣ, немедленно исчезая, такъ, что Государь наконецъ успокоился — объявилъ донесенія сторожевыхъ Атамановъ неосновательнымъ — и зимою распустилъ большую часть войска....

Тѣмъ болѣе онъ встревожился при наступленіи весны, когда Ханъ, вооруживъ всѣхъ своихъ Улусниковъ, тысячь сто или болѣе, съ необыкновенною скоростію вступилъ въ южные предѣлы Россіи, гдѣ встрѣтили его нѣкоторые бѣглецы, и наши Дѣти Боярскіе, изгнанные изъ отечества ужасомъ Московскихъ казней[342]: сіи измѣнники сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, язва и непрестанныя опалы въ два года истребили большую часть Іоаннова войска; что остальное въ Ливоніи и въ крѣпостяхъ; что путь къ Москвѣ открытъ; что Іоаннъ только для славы, только для вида можетъ выйти въ поле съ малочисленною Опричниною, но не замедлитъ бѣжать въ сѣверныя пустыни; что въ истинѣ того они ручаются своею головою, и будутъ вѣрными путеводителями Крымцевъ. Измѣн-

Нашествіе Хана.

г. 1571. ники, къ несчастію, сказали правду: мы имѣли уже гораздо менѣе Воеводъ мужественныхъ и войска исправнаго. Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, Бояре Морозовъ, Шереметевъ, спѣшили, какъ обыкновенно, занять берега Оки, но не успѣли[343]: Ханъ обошелъ ихъ, и другимъ путемъ приближился къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ Опричниною. Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ!... въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства; а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ! Но Воеводы Царскіе съ береговъ Оки, не отдыхая, приспѣли для защиты — и что же сдѣлали? вмѣсто того, чтобы встрѣтить, отразить Хана въ полѣ, заняли предмѣстія Московскія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ; хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями. Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ Большимъ Полкомъ стали на Варламовской

улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ Правою Рукою на Якимовской; Воротынскій и Татевъ на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружиною Опричниковъ за Неглинною[344]. На другой день, Мая 24, въ праздникъ Вознесенія, Ханъ подступилъ къ Москвѣ — и случилось, чего ожидать надлежало: онъ велѣлъ зажечь предмѣстія. Утро было тихое, ясное[345]. Россіяне мужественно готовились къ битвѣ, но увидѣли себя объятыми пламенемъ: деревянные домы и хижины вспыхнули въ десяти разныхъ мѣстахъ. Небо омрачилось дымомъ; поднялся вихрь, и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось изъ конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить; народъ, воины, въ безпамятствѣ искали спасенія, и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ друга, стремясь въ городъ, въ Китай, но отовсюду гонимые пламенемъ, бросались въ рѣку и тонули. Начальники уже не повелѣвали, или ихъ не слушались: успѣли только завалить Кремлевскія ворота, не впуская никого въ сіе послѣднее

г. 1571.

Сожженіе Москвы.

г. 1571. убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли, но не могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь выгналъ ихъ, и самъ Ханъ, устрашенный симъ адомъ, удалился къ селу Коломенскому. Въ три часа не стало Москвы: ни посадовъ, ни Китая-города; уцѣлѣлъ одинъ Кремль, гдѣ въ церкви Успенія Богоматери сидѣлъ Митрополитъ Кириллъ съ святынею и съ казною; Арбатскій любимый дворецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибло невѣроятное множество: болѣе ста двадцати тысячь воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля; а всѣхъ около осьмисотъ тысячь[346]. Главный Воевода, Князь Бѣльскій, задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ, также Бояринъ Михайло Ивановичь Вороной, первый Докторъ Іоанновъ, Арнольфъ Линзей, и 25 Лондонскихъ купцевъ. На пеплѣ бывшихъ зданій лежали груды обгорѣлыхъ труповъ, человѣческихъ и конскихъ. »Кто видѣлъ сіе зрѣ»лище« — пишутъ очевидцы — »тотъ »вспоминаетъ объ немъ всегда съ новымъ

Сожженіе Москвы.

»ужасомъ и молитъ Бога не видать она- Г. 1571.
»го вторично«[347].

Девлетъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хотѣлъ осаждать Кремля, и съ Воробьевыхъ горъ обозрѣвъ свое торжество, кучи дымящагося пепла на пространствѣ тридцати верстъ[348], немедленно рѣшился итти назадъ, испуганный, какъ увѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что Герцогъ или Король Магнусъ приближается со многочисленнымъ войскомъ[349]. Іоаннъ, въ Ростовѣ получивъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ Князю Воротынскому итти за Ханомъ, который однакожь успѣлъ разорить большую часть юго-восточныхъ областей Московскихъ, и привелъ въ Тавриду болѣе ста тысячь плѣнниковъ[350]. Не имѣя великодушія быть утѣшителемъ своихъ подданныхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь видѣть ѳеатръ ужаса и слезъ, Царь не хотѣлъ ѣхать на пепелище столицы: возвратился въ Слободу и далъ указъ очистить Московскія развалины отъ гніющихъ труповъ. Хоронить было некому: только знатныхъ или богатыхъ погребали съ Христіанскими обрядами; тѣлами другихъ наполнили Москву-рѣку, такъ, что ея теченіе пресѣклось: они лежали грудами, заражая ядомъ тлѣ-

г. 1571. нія и воздухъ и воду; а колодези осушились или были засыпаны: остальные жители изнемогали отъ жажды. Наконецъ собрали людей изъ окрестныхъ городовъ; вытаскали трупы изъ рѣки и предали ихъ землѣ[351]. — Такимъ образомъ фіалъ гнѣва Небеснаго изліялся на Россію. Чего не доставало къ ея бѣдствіямъ, послѣ голода, язвы, огня, меча, плѣна и — тирана?

Теперь увидимъ, сколь тиранъ былъ малодушенъ въ семъ первомъ, важнѣйшемъ злоключеніи своего Царствованія. 15 Іюня онъ приближился къ Москвѣ и остановился въ Братовщинѣ[352], гдѣ представили ему двухъ гонцевъ отъ Девлетъ-Гирея, который, выходя изъ Россіи, какъ величавый побѣдитель желалъ съ нимъ искренно объясниться. Царь былъ въ простой одеждѣ: Бояре и Дворяне также, въ знакъ скорби или неуваженія къ Хану. На вопросъ Іоанновъ о здравіи брата его, Девлетъ-Гирея, чиновникъ Ханскій отвѣтствовалъ: »*Такъ говоритъ тебѣ Царь нашъ:* »Мы назывались друзьями; нынѣ стали »непріятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: »тогда усердно пойду на враговъ твоихъ.« Сказавъ, гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: »Де-

»влетъ-Гирей носилъ его на бедрѣ своей: Г. 1571.
»носи и ты. Государь мой еще хотѣлъ »послать тебѣ коня; но кони наши утомились въ землѣ твоей.« Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гирееву грамоту: »Жгу »и пустошу Россію« (писалъ Ханъ) »единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *примѣняю* къ праху. »Я вездѣ искалъ тебя, въ Серпуховѣ и въ самой Москвѣ; хотѣлъ вѣнца и головы твоей: »но ты бѣжалъ изъ Серпухова, бѣжалъ изъ »Москвы — и смѣешь хвалиться своимъ »Царскимъ величіемъ, не имѣя ни мужества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути »Государства твоего: снова буду къ тебѣ, »если не освободишь Посла моего, безполезно томимаго неволею въ Россіи; если »не сдѣлаешь, чего требую, и не дашь »мнѣ клятвенной грамоты за себя, за »дѣтей и внучатъ своихъ.« Какъ же поступилъ Іоаннъ, столь надменный противъ Христіанскихъ, знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Европы? *Билъ челомъ* Хану: обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи мира; а до того времени молилъ его не тревожить Россіи; не отвѣчалъ на слова бранныя и насмѣшки язвительныя; соглашался от-

г. 1571. пустить Посла Крымскаго, если Ханъ отпустить Аѳанасія Нагаго и пришлетъ въ Москву Вельможу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Дѣйствительно готовый въ крайности отказаться отъ своего блестящаго завоеванія, Іоаннъ писалъ въ Тавриду къ Нагому, что мы должны по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ Ханомъ утверждать будущихъ Царей Астраханскихъ на ихъ престолѣ; то есть, желалъ сохранить тѣнь власти надъ сею Державою. Измѣняя нашей государственной чести и пользѣ, онъ не усомнился измѣнить и правиламъ Церкви: въ угодность Девлетъ-Гирею выдалъ ему тогда же одного знатнаго Крымскаго плѣнника, сына Княжескаго, добровольно принявшаго въ Москвѣ Вѣру Христіанскую; выдалъ на муку или на перемѣну Закона, къ неслыханному соблазну для Православія[353].

Унижаясь предъ врагомъ, Іоаннъ какъ бы обрадовался новому поводу къ душегубству въ бѣдной землѣ своей, и еще Москва дымилась, еще Татары злодѣйствовали въ нашихъ предѣлахъ, а Царь уже казнилъ и мучилъ подданныхъ! Мы видѣли, что измѣнники Россійскіе вели Девлетъ-Гирея къ столицѣ: сею измѣною Іоаннъ могъ изъяснять успѣхъ непріяте-

ля; могъ, какъ и прежде, оправдывать изступленія своего гнѣва и злобы: нашелъ и другую вину, не менѣе важную. Скучая вдовствомъ, хотя и не цѣломудреннымъ, онъ уже давно искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе Ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячь: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть Доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Мароу Васильевну Собакину, дочь купца Новогородскаго, въ тоже время избравъ невѣсту и для старшаго Царевича, Евдокію Богдановну Сабурову[354]. Отцы счастливыхъ красавицъ изъ ничего сдѣлались Болрами, дяди будущей Царицы Окольничими, братъ Крайчимъ; возвысивъ саномъ, ихъ надѣлили и богатствомъ, *добычею опалъ*, имѣніемъ отнятымъ у древнихъ родовъ Княжескихъ и Боярскихъ. Но Царская невѣста занемогла; начала худѣть, сохнуть: сказали, что она *испорчена* злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейственнаго

г. 1571.

Новое супружество Іоанново.

г. 1571. благополучія, и подозрѣніе обратилось на ближнихъ родственниковъ Царицъ умершихъ, Анастасіи и Маріи. Разыскивали — вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы. Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ: знаемъ только, кто и какъ погибъ въ сію *пятую* эпоху убійствъ. Шуринъ Іоанновъ, Князь Михайло Темгрюковичь, суровый Азіатецъ, то знатнѣйшій Воевода, то гнуснѣйшій палачь, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего въ забаву Царю, долженъ былъ съ полкомъ Опричниковъ итти въ слѣдъ за Девлетъ-Гиреемъ[355]: онъ выступилъ — и вдругъ, сраженный опалою, былъ посаженъ на колъ! Вельможу Ивана Петровича Яковлева (прощеннаго въ 1566 году), брата его, Василія, бывшаго пѣстуномъ старшаго Царевича, и Воеводу Замятню Сабурова, роднаго племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Іоаннова, засѣкли, а Боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли въ Монахи Троицкой Обители, и тамъ умертвили. Открылись казни инаго рода: злобный клеветникъ, Докторъ Елисей Бомелій, о коемъ мы упоминали, предложилъ Царю

Пятая эпоха душегубства.

истреблять лиходѣевъ ядомъ, и соста- Г. 1571.
влялъ, какъ увѣряютъ, губительное зе-
ліе съ такимъ адскимъ искусствомъ, что
отравляемый издыхалъ въ назначаемую
тираномъ минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ
одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія
Грязнаго, Князя Ивана Гвоздева-Ростов-
скаго и многихъ другихъ, признанныхъ
участниками въ отравленіи Царской не-
вѣсты или въ измѣнѣ, открывшей путь
Хану къ Москвѣ[356]. Между тѣмъ Царь же-
нился (28 Октября) на больной Марѳѣ,
надѣясь, по его собственнымъ словамъ,
спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и до-
вѣренности къ милости Божіей[357]; чрезъ
шесть дней женилъ и сына на Евдокіи;
но свадебные пиры заключились похоро-
нами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ Смерт.
или дѣйствительно жертвою человѣче- Цари-
ской злобы или только несчастною ви- цы.
новницею казни безвинныхъ. Во всякомъ
случаѣ царственный гробъ ея, стоящій
подлѣ двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ Дѣ-
вичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть
предметъ умиленія и горестныхъ мыслей
для потомства.

Утѣшенный местію, Іоаннъ искалъ
дальнѣйшаго разсѣянія въ дѣлахъ госу-
дарственныхъ. Боясь вторичнаго Ханска-

г. го нашествія, и желая взять мѣры для
1571. безопасности Москвы, онъ уничтожилъ
ея посады: всѣхъ купцевъ и мѣщанъ перевелъ оттуда въ городъ, и запретилъ имъ строить *высокіе* деревянные домы, опасные въ случаѣ пожара[358]; осмотрѣлъ, распорядилъ войско; велѣлъ Касимовскому Царю, Саинъ-Булату, съ передовою дружиною итти на Шведовъ, къ Орѣшку, и самъ отправился въ Новгородъ. Казалось, что ему не легко было увидѣть сіе позорище лютыхъ казней, ужасное знаменіе его гнѣва, — то мѣсто, гдѣ, въ страшномъ безмолвіи людей, камни вопіяли на губителя, — мѣсто скорби, унынія, нищеты и болѣзней, которыя тамъ еще свирѣпствовали. Намѣстники Новогородскіе велѣли собраться всѣмъ жителямъ предъ пустымъ, необитаемымъ Дворомъ Архіепископскимъ, и читали имъ грамоту Іоаннову: Царь писалъ, чтобы они были спокойны и готовили, по древнему обычаю, запасы для его прибытія. Очистили ему дворъ и садъ на Никитской улицѣ; поставили въ Софійской церкви новое мѣсто Царское и надъ нимъ златаго голубя, какъ бы въ знакъ примиренія и незлобія; обновили и мѣсто Святительское въ семъ, безъ Владыки

Путешествіе Іоанново въ Новгородъ.

осиротѣломъ храмѣ [359]. Взяли строгія мѣры для безопасности Царскаго здравія: не велѣли хоронить въ городѣ людей умирающихъ отъ болѣзни заразительной; отвели для нихъ кладбище на берегу Волхова, близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы, и запирая тѣ, въ коихъ сей недугъ обнаруживался; не пускали къ больнымъ и Священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, въ случаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ. Сія жестокая строгость имѣла однакожь благодѣтельное слѣдствіе: въ началѣ зимы Духовенство объявило торжественно Посланнику Государеву, что моръ совершенно прекратился въ Новѣгородѣ — и 23 Декабря, для обрадованія жителей, пріѣхалъ къ нимъ новый ихъ Архіепископъ Леонидъ, поставленный въ Москвѣ изъ Архимандритовъ Чудовскаго монастыря; а на другой день и самъ Государь съ дѣтьми своими и съ знатнѣйшими чиновниками. Еще Дворъ Іоанновъ, не смотря на избіеніе столь многихъ Вельможъ, казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи украшенные сѣдиною и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда Бояре и

Г. 1571.

г. 1571. Князья Мстиславскій, Воротынскій, Пронскій, Трубецкій, Одоевскій, Сицкій, Шереметевъ и знатнѣйшій между ими Петръ Тутаевичь Шійдяковъ Ногайскій; Окольничій Василій Собакинъ; Думные Дворяне, Малюта Скурашовъ и Черемисиновъ; Печатникъ Олферьевъ; Дьяки Андрей и Василій Яковлевы Щелкаловы [360], главные дѣльцы по смерти злосчастнаго Ивана Михайловича Висковатаго. Полки собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, чтобы воевать вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію, въ отмщеніе Королю Шведскому за неисполненіе Эрикова безумнаго договора и за неудачу Магнуса подъ Ревелемъ.

Но пепелъ Москвы, оскудѣніе Россіи и новыя опасенія со стороны Хана склоняли Іоанна къ миролюбію: онъ хотѣлъ только мира честнаго. Дѣла Шведскія. Послы Шведскіе были сосланы въ Муромъ [361]: ихъ привезли въ Новгородъ, гдѣ объявили имъ условія Царской милости. Іоаннъ требовалъ, чтобы Король заплатилъ 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ, уступилъ намъ всю Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключилъ съ Царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, а въ случаѣ войны давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратни-

ковъ; наконецъ, чтобы Король именовалъ его въ грамотахъ *Властителемъ Швеціи* и прислалъ въ Москву свой гербъ для изображенія онаго на печати Царской [362]! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились досадить Іоанну, какъ за себя, такъ и за слабую Швецію, угрожаемую нападеніемъ сильнаго войска: молили Царевичей и Бояръ убѣдить Государя, чтобы онъ унялъ свой мечь, отпустилъ ихъ къ Королю и согласился мирно ждать отвѣта; говорили, что въ Финляндіи нѣтъ серебряной руды; что Швеція есть земля бѣдная и не въ силахъ помогать намъ войскомъ. Представленные Іоанну, они пали ницъ: Царь велѣлъ имъ встать и сказалъ: »Я Владыка Христіанскій и »не хочу земнаго себѣ поклоненія;« исчислилъ вины Короля: повторилъ свои требованія и примолвилъ: »да исполнитъ во- »лю нашу, или увидимъ, чей мечь острѣе« [363]. Далѣе объявилъ имъ, что онъ, требуя Екатерины отъ Эрика, считалъ ее вдовою бездѣтною: слѣдственно не нарушалъ тѣмъ устава Божественнаго [364]; хотѣлъ единственно имѣть надежный залогъ для усмиренія Сигизмунда. Послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится* и *добьетъ челомъ* Царю за вину свою; Г 1571.

*

г. 1571. обѣдали съ нимъ и подписали грамоту, въ коей сказано, что Великій Государь Россійскій премѣнилъ гнѣвъ на милость къ Швеціи и согласился не воевать ея владѣній до Троицына дни, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ къ сему времени другихъ Пословъ въ Новгородъ, а съ ними 10,000 ефимковъ за обиду Воронцова и Наумова, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину*, на службу Московскую и нѣсколько искусныхъ Металлурговъ; чтобы онъ свободно пропускалъ въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру: также Медиковъ, художниковъ, людей воинскихъ. Въ ласковой бесѣдѣ съ Епископомъ Абовскимъ Бояре разспрашивали о лѣтахъ, умѣ и дородствѣ юной сестры Королевской; изъявили желаніе имѣть ея живописный образъ и дали чувствовать, что Царь можетъ на ней жениться[365]. Наконецъ отпустили Пословъ въ Стокгольмъ съ честію и съ письмомъ къ Королю. Іоаннъ писалъ: »Ничѣмъ не »умолишь меня, если не откажешься отъ »Ливоніи. Надежда твоя на Цесаря есть »пустая. Говори, что хочешь; но словами не защитишь земли своей«[366]. Тогда Царь объявилъ войску, что непріятельскія дѣйствія отлагаются изъ уваженія

къ челобитью Шведовъ[367], и пробывъ 26 дней въ Новѣгородѣ — не сдѣлавъ тамъ никому зла, возстановивъ къ удовольствію жителей старинный обычай судныхъ поединковъ, давъ имъ въ Намѣстники первостепеннаго Боярина, Князя Мстиславскаго, и Пронскаго — 18 Генваря выѣхалъ оттуда, провождаемый благословеніями народа. Г. 1572.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Москву или въ Александровскую Слободу было неслыханное дотолѣ въ Россіи церковное беззаконіе. Онъ въ *четвертый разъ* женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, дѣвицѣ весьма незнатной, не разсудивъ за благо требовать Святительскаго благословенія; но немедленно усовѣстился, созвалъ Епископовъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. Митрополитъ Кириллъ въ то время преставился[368]: на Соборѣ первенствовалъ Новогородскій Архіепископъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ мірской власти. Четвертый бракъ Іоанновъ.

Такъ Іоаннъ говорилъ Святителямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): »Злые люди чародѣйствомъ извели первую супругу мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и въ »мукахъ, въ терзаніяхъ отошла ко Госпо-

Г. 1572. »ду. Я ждалъ не мало времени и рѣшился »на третій бракъ, отчасти для нужды »тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, »еще не достигшихъ совершеннаго возра»ста: юность ихъ претила мнѣ оставить »міръ; а жить въ мірѣ безъ жены со»блазнительно. Благословенный Митро»политомъ Кирилломъ, я долго искалъ »себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ »избралъ; но зависть, вражда погубили »Мароу, только именемъ Царицу: еще въ »невѣстахъ она лишилась здравія и чрезъ »двѣ недѣли супружества преставилась »дѣвою. Въ отчаяніи, въ горести я хо»тѣлъ посвятить себя житію Иноческо»му; но видя опять жалкую младость сы»новей и Государство въ бѣдствіяхъ, »дерзнулъ на четвертый бракъ. Нынѣ, »припадая съ умиленіемъ, молю Святи»телей о разрѣшеніи и благословеніи[369].« Такое смиреніе Великаго Царя, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего Собора, глубоко тронуло Архіепископовъ и Епископовъ: они *проливали слезы*, болѣзнуя о винѣ и виновномъ. Читали Уставъ Вселенскихъ Соборовъ; разсуждали и положили утвердить бракъ, *ради теплаго, умильнаго покаянія* Государева, съ заповѣдію не входить Іоанну въ храмъ до Пасхи, только

въ сей день причаститься Святыхъ Таинъ, годъ стоять въ церкви съ *припадающими*, годъ съ *върными* и вкушать Антидоръ единственно въ праздники[370]; но въ случаѣ воинскаго похода увольняли его отъ сей Эпитиміи: брали ее на себя; между тѣмъ обязывались молиться за Царицу Анну — и дабы беззаконіе Царя не было соблазномъ для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто подобно Іоанну дерзнетъ взять четвертую жену. Кромѣ Леонида, грамоту разрѣшительную подписали Архіепископы Корнилій Ростовскій и Антоній Полоцкій, семь Епископовъ, нѣсколько Архимандритовъ и знатнѣйшихъ Игуменовъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть, они занялись и другимъ важнымъ дѣломъ: избрали Митрополита: сей чести удостоился Архіепископъ Антоній.

Г. 1572. 29 Апрѣля. Май.

Между тѣмъ, желая мира, но готовясь къ войнѣ — требуя всѣхъ Дѣтей Боярскихъ на службу, укрѣпляя города южные, Болховъ, Орелъ, не за-долго до сего времени основанный въ степи[371] — Іоаннъ имѣлъ переговоры съ разными Державами. Онъ возобновилъ союзъ съ Королевою Елисаветою, бывъ недоволенъ ея холодностію къ объявленному

Г. 1572. Союзъ съ Елисаветою.

имъ намѣренію искать убѣжища въ Англіи, и едва не выгнавъ изъ Россіи Лондонскихъ купцевъ, обвиняемыхъ въ беззаконномъ корыстолюбіи. Чтобы умилостивить Царя, Елисавета въ четвертый разъ прислала къ нему Дженкинсона, съ увѣреніями въ дружествѣ искреннемъ и неизмѣнномъ[372]. »Для чего же Королева« (сказалъ Іоаннъ), »занимаясь единственно »выгодами Англійской торговли, не оказала живаго участія въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ для судьбы моей? »Знаю, что торговля важна для Государства; но собственныя дѣла Царскія еще »важнѣе купеческихъ.« Дженкинсонъ оправдывалъ Елисавету, виня худыхъ переводчиковъ, которые не умѣли истолковать ея словъ, одушевленныхъ любовію къ Царю; спрашивалъ о преступленіи купцевъ Лондонскихъ; исчислилъ ихъ услуги; доказывалъ, что они, исполняя волю Королевы, содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія въ Ливоніи, не давъ Сѣвернымъ Державамъ заградить морскаго пути въ Нарву и лишить Россію выгодъ Балтійской торговли. Іоаннъ смягчился; объявилъ милость всѣмъ Англичанамъ; не хотѣлъ говорить о винѣ ихъ, сказавъ: »Кого прощаю, того уже не виню. Бу-

»демъ друзьями, какъ были. Прежняя тай- Г.
»на останется тайною. Теперь иныя об- 1572.
»стоятельства; а въ случаѣ нужды от-
»кроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Ели-
»саветѣ, съ полною довѣренностію.« То
есть, искорени́въ мнимыхъ внутреннихъ
враговъ, онъ уже не мыслилъ о бѣгствѣ
въ Лондонъ! Снова исходатайствовавъ для
купцевъ своихъ милостивое дозволеніе
торговать въ Россіи, предложивъ осно-
вать Контору въ Астрахани для мѣны
съ Персіею и гостиный дворъ въ Кол-
могорахъ, Дженкинсонъ требовалъ еще
1) свободнаго отпуска Англійскихъ ху-
дожниковъ и ремесленниковъ изъ Москвы
въ Лондонъ; 2) платежа за товары, взя-
тые у Англичанъ въ долгъ нѣкоторыми
опальными, *казненными* Дворянами Цар-
скими, и 3) за все, что сгорѣло у сихъ
купцевъ во время Московскаго пожара.
Сіи требованія, кажется, были непріят-
ны Іоанну: онъ сказалъ, что иноземцы
вольны жить или не жить у насъ; что
велитъ справиться о долгахъ, а впредь
не хочетъ объ нихъ слышать; что Го-
сударь не отвѣтствуетъ за огонь и за
гнѣвъ Божій, который обратилъ Москву въ
пепелъ. Дженкинсона отпустили съ честію
и съ ласковымъ письмомъ къ Елисаветѣ.

Г. 1572. Въ новыхъ сношеніяхъ съ Даніею и съ Литвою Іоаннъ слѣдовалъ старымъ правиламъ гордой непреклонности. Король Фридерикъ не давалъ ему знать о своемъ мирѣ съ Швеціею, не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Магнуса, но увѣрялъ Царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; жаловался, что Россіяне отнимаютъ у Норвежцевъ земли и рыбныя ловли; просилъ *опасной грамоты* для Пословъ Императора Максимиліана, ѣдущихъ въ Москву за важнымъ дѣломъ[373]. Царь сказалъ: »Фридерикъ хорошо дѣлаетъ, что »желаетъ намъ быть вѣрнымъ другомъ »до конца жизни; но то не хорошо, что »безъ нашего велѣнія мирится съ непрія»телемъ Россіи. Да исправится; да сто»итъ съ нами за-едино; да убѣдитъ Шве»довъ повиноваться волѣ моей! О дѣлахъ »Норвежскихъ развѣдаемъ и не замедлимъ »въ управѣ. Пословъ брата нашего, Ма»ксимиліана, ожидаемъ: имъ путь свобо»денъ сюда и отсюда.« Сигизмундовъ Посланникъ Гарабурда объявилъ Іоанну, что во многихъ Нѣмецкихъ городахъ ходятъ отъ его имени письма бранныя, весьма оскорбительныя для Короля, исполненныя лжи и нелѣпостей; что Царь долженъ торжественно отказаться отъ

Переговоры съ Даніею и съ Литвою.

сихъ злобою разсѣянныхъ клеветъ; что Г. 1572.
Герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ Королевскія Мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ желалъ бы охотно уступить намъ нѣкоторые изъ Ливонскихъ городовъ за Полоцкъ. Дьякъ Царскій, Андрей Щелкаловъ, отвѣтствовалъ, что бранныя письма о Королѣ сочинены Нѣмцами, Таубе и Крузе, въ опроверженіе Сигизмундова злословія, какъ они доносили Іоанну; что сіи два негодяя бѣжали въ Литву; что Королю должно прислать ихъ въ Москву для казни, и что тогда Царь немедленно извѣститъ всѣхъ Государей Европейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ для Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ занятъ нами, ибо онъ нашъ; что Магнусъ воевалъ не Польскія, а Шведскія владѣнія; что если Король уступитъ Россіи всю Ливонію, то мы готовы уступить ему и Полоцкъ и Курляндію; что Іоаннъ, для дѣла столь важнаго, будетъ ждать Великихъ Пословъ Королевскихъ во Псковѣ[574]: ибо Царь опять ѣхалъ въ Новгородъ, чтобы заключить миръ или воевать съ Швеціею презираемою, въ то время, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды, могъ угадывать злое намѣреніе Хана;

Отбытіе Іоанна въ Новгородъ.

г. 1572. когда уже носился слухъ о близости его новаго нашествія; когда безопасность и Москвы и Россіи требовала Царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего недавняго бѣдствія! Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ въ Новгородъ 450 возовъ съ казною [375]; взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей, Царевича Михаила (Кайбулина сына), Молдавскаго Воеводича Стефана и Волошскаго Радула [376], братьевъ Царицы, Григорія и Александра Колтовскихъ, немногихъ Бояръ, всѣхъ любимцевъ, лучшихъ Дьяковъ и войско отборное, а на случай осады (слѣдственно имъ предвидѣнной!) ввѣрилъ защиту Москвы Князьямъ Юрью Токмакову и Тимоѳею Долгорукому [377]. Но осталось войско и въ полѣ: знаменитый мужъ, Князь Михайло Воротынскій, съ достойными товарищами, съ Бояриномъ Шереметевымъ, съ Князьями Никитою Одоевскимъ, Андреемъ Хованскимъ, стояли на Окѣ, чтобы ждать, отразить Хана. Государь далъ имъ и свою седмитысячную дружину Нѣмецкую съ ея предводителемъ, Геор-

гіемъ Фаренсбахомъ[378]; только самъ — был уже далеко! г. 1572.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ усилилъ войско въ Дерптѣ, Феллинѣ, Лаисѣ; ждалъ вѣстей отъ Короля Шведскаго и писалъ къ Сигизмунду, что успѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ выбора людей; что Каштелянъ Троцкій, Евстафій Воловичь, и писарь Михайло Гарабурда скорѣе всѣхъ иныхъ Литовскихъ Пановъ могутъ доставить своему отечеству надежный миръ съ Россіею. Король не хотѣлъ, кажется, исполнить желанія Іоаннова, отвѣтствуя, что Послами его будутъ сановники равной знатности съ Воловичемъ и съ Гарабурдою[379]. Сіе письмо было послѣднимъ Сигизмундовымъ словомъ къ Царю: онъ умеръ 18 Іюля, давъ совѣтъ Вельможамъ предложить корону Ягеллоновъ Государю Россійскому[380]. По крайней мѣрѣ они спѣшили извѣстить Царя о Сигизмундовой смерти, обѣщая немедленно вступить съ нимъ въ важные переговоры. Открылись новые, благопріятные виды для честолюбія Іоаннова.... Но въ сіе время онъ думалъ болѣе о спасеніи своего Царства, нежели о пріобрѣтеніи чуждаго.

Еще не довольный ни разореніемъ Мо-

Г. 1572. сковскихъ областей, ни униженіемъ гордаго Іоанна, и въ надеждѣ вторично обогатиться плѣнниками безъ сраженія, убивать только безоружныхъ, достигнуть нашей столицы безъ препятствія, даже свергнуть, изгнать Царя, варваръ Девлетъ-Гирей молчалъ, отдыхалъ *не разсѣдлывая коней*, и вдругъ, сказавъ Уланамъ, Князьямъ, Вельможамъ, что лучше не тратить времени въ перепискѣ *лживой*, а рѣшить дѣло объ Астрахани и Казани

Нашествіе Хана. съ Государемъ Московскимъ изустно, лицемъ къ лицу, устремился старымъ, знакомымъ ему путемъ къ Дону, къ Угрѣ, сквозь безопасныя для него степи, мимо городовъ обожженныхъ, чрезъ пепелъ разрушенныхъ селъ, съ войскомъ, какого послѣ Мамая, Тохтамыша, Ахмета, не собирали Ханы — съ Ногаями, съ Султанскими Янычарами, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Малочисленные Россіяне сидѣли въ крѣпостяхъ неподвижно; въ полѣ изрѣдка являлись всадники, не для битвы, а для наблюденій. Ханъ уже видѣлъ Оку предъ собою — и тутъ увидѣлъ наконецъ войско Московское: оно стояло на лѣвомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, въ окопахъ, подъ защитою многихъ пушекъ[381]. Сіе мѣсто счи-

талось самымъ удобнѣйшимъ для пере- Г. 1572.
правы; но Ханъ, занявъ Россіянъ жаркою пальбою, сыскалъ другое, менѣе оберегаемое, и въ слѣдующій день уже былъ на лѣвомъ берегу Оки, на Московской дорогѣ.... Іоаннъ узналъ о семъ 31 Іюля въ Новѣгородѣ, гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ Боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего, Григорія Колтовскаго, и топилъ въ Волховѣ Дѣтей Боярскихъ[382]. Еще имѣя полки, но уже не имѣя времени защитить ими столицу, Царь праздно ждалъ дальнѣйшихъ вѣстей; а Москва трепетала, слыша, что Ханъ уже назначалъ въ ея стѣнахъ домы для Вельможъ Крымскихъ[383]. Насталъ часъ рѣшить, справедливо ли Государь гнѣвный всегда обвинялъ Полководцевъ Россійскихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи, въ холодности ко благу и ко славѣ отечества!

Воротынскій, кинувъ укрѣпленія безполезныя, ринулся за непріятелемъ, гналъ его по пятамъ, настигъ, остановилъ, принудилъ къ битвѣ, 1 Августа, въ пятидесяти верстахъ отъ столицы, у Воскресенія въ Молодяхъ. У Хана было 120,000 воиновъ[384]: нашихъ гораздо менѣе. Первымъ надлежало побѣдить и для того,

г. 1572. чтобы взять Астрахань съ Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себѣ свободный путь назадъ, въ отдаленные свои Улусы; а Россіяне стояли за все, что еще могли любить въ жизни: за Вѣру, отечество, родителей, женъ и дѣтей! Москва безъ Іоанна тѣмъ болѣе умиляла ихъ сердца жалостію, возставъ изъ пепла какъ бы единственно для новаго разрушенія. Вступили *въ бой на смерть* съ обѣихъ сторонъ. Берега Лопасни и Рожая облилися кровію. Стрѣляли, но болѣе сѣклись мечами въ схваткѣ отчаянной; давили другъ друга; хотѣли побѣдить дерзостію, упорствомъ. Но Князь Воротынскій и бился и наблюдалъ: устроивалъ, ободрялъ своихъ; вымышлялъ хитрости; заманивалъ Татаръ въ мѣста, гдѣ они валились грудами отъ дѣйствія скрытыхъ имъ пушекъ — и когда обѣ рати, двигаясь взадъ и впередъ, утомились, начали слабѣть, невольно ждали конца дѣлу, сей пóтомъ и кровію орошенный Воевода зашелъ, узкою долиною, въ тылъ непріятелю[385] Битва рѣшилась. Россіяне побѣдили: Ханъ оставилъ имъ въ добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бѣжалъ въ степи, и привелъ въ Тавриду не болѣе двадцати ты-

Знаменитая побѣда К. Воротынскаго.

сячь всадниковъ, какъ увѣряютъ[386]. Лучшіе Князья его пали; а знатнѣйшій храбрецъ невѣрныхъ, бичь, губитель Христіанъ, Дивій Мурза Ногайскій, отдался въ плѣнъ Суздальскому Витязю Алалыкину. Сей день принадлежитъ къ числу великихъ дней нашей воинской славы: Россіяне спасли Москву и честь; утвердили въ нашемъ подданствѣ Астрахань и Казань; отмстили за пепелъ столицы, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго уняли Крымцевъ, наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли между Лопаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ стоятъ высокіе курганы, памятники сей знаменитой побѣды и славы Князя Михайла Воротынскаго. г. 1572.

6 Августа привезли радостную вѣсть въ Новгородъ. Сановникъ Давыдовъ и Князь Ногтевъ, свидѣтели, участники побѣды, съ лицемъ веселымъ, какого уже давно не видалъ Іоаннъ предъ собою, вручили ему трофеи: два лука, двѣ сабли Девлетъ-Гиреевы[387]; смиренно били челомъ отъ Воеводъ доблихъ, которые всю славу приписывали Богу и Государю. Чуждый умиленія благодарности, онъ былъ счастливъ концемъ своего мучительнаго страха: осыпалъ вѣстниковъ и Воеводъ милостя-

Г. 1572. ми; велѣлъ звонить въ колокола, пѣть молебны день и ночь, три дни сряду, и въ обличеніе своего малодушія — въ доказательство, что не Ливонія, ни Швеція, но боязнь Ханскаго нашествія заставила его оставить Москву — спѣшилъ возвратиться въ столицу, съ супругою, съ Царевичами, со всѣмъ Дворомъ, чтобы принять благодарность народа за спасеніе отечества!...

Письмо къ Королю Шведскому. Предъ выѣздомъ изъ Новагорода Іоаннъ написалъ грозное письмо къ Королю Шведскому. »Думая« — говорилъ онъ — »что »ты и земля твоя, казненная нашимъ »гнѣвомъ, уже образумились, я ждалъ Пословъ отъ тебя: они не ѣдутъ, и ты »распускаешь слухъ, будто я *прошу* у »васъ мира!... Тебѣ не жаль земли Шведской; надѣешься на свое богатство!... »Спроси, что было Хану Крымскому отъ »Воеводъ моихъ! Мы ѣдемъ нынѣ въ Москву, а къ Декабрю будемъ опять въ Великомъ Новѣгородѣ. Тогда увидишь, какъ »Царь Россійскій и его войско *просятъ* »*мира* у Шведовъ«[388].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса. Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничества. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново.

Г. 1572 — 1577.

Іоаннъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ и славою. Все ему благопріятствовало. Бѣдствія, опасности и враги исчезли. Смертоносныя болѣзни и голодъ прекратились въ Россіи. Ханъ смирился. Султанъ уже не мыслилъ о войнѣ съ нами. Литва, Польша, сиротствуя безъ Короля, нелицемѣрно искали Іоанновой дружбы. Швеція не имѣла ни силъ, ни устройства; а Царь, оставивъ въ Ливоніи рать многочисленную, нашелъ въ Москвѣ 70,000 побѣдителей, готовыхъ къ новымъ побѣдамъ. Но и безъ оружія, безъ Г. 1572.

Г. 1572. кровопролитія онъ могъ совершить дѣло великое, исполнить важный замыслъ своего отца[389], возвратить, чего мы лишились въ злосчастныя времена Батыевы, и еще соединить съ Россіею древнее достояніе Піастовъ — то есть, въ слѣдствіе мирнаго, добровольнаго избранія быть Королемъ Польскимъ. Одинъ внутренній мятежъ сердца злобнаго мѣшалъ Іоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбія видами; но казалось, что Небо, избавивъ Россію отъ язвы и голода, хотѣло тогда смягчить и душу ея Царя.

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ *гордыхъ самовластныхъ* друзей Адашева, главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ: Іоаннъ, къ незапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную Опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность Государства[390]. По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ симво-

Уничтоженіе Опричнины.

ломъ[591], сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, Двора, Приказовъ, воинства. Опальная *Земщина* назвалась опять Россіею. Кромѣшники разоблачились, стали въ ряды обыкновенныхъ Царедворцевъ, государственныхъ чиновниковъ, воиновъ, имѣя уже не Атамана, но Царя, единаго для всѣхъ Россіянъ, которые могли надѣяться, что время убійствъ и грабежа миновало; что мѣра золъ исполнилась, и горестное отечество успокоится подъ сѣнію власти законной. Г. 1572.

Нѣкоторыя дѣйствія правосудія, совершенныя Іоанномъ въ сіе время, безъ сомнѣнія также питали надежду добрыхъ. Объявивъ непріятелей великодушнаго Іерарха Филиппа наглыми клеветниками, онъ заточилъ Соловецкаго Игумена, лукаваго Паисія, на дикій островъ Валамъ; безсовѣстнаго Филоѳея, Епископа Рязанскаго, лишилъ Святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокаго, грубаго пристава Филиппова, сослалъ въ монастырь Каменнаго острова, и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣвомъ удалилъ отъ лица своего[592], къ утѣшенію народа, который въ ихъ бѣдствіи видѣлъ доказательство, что Богъ не предалъ Россіи въ жертву слѣпому случаю; что

г. 157. есть Всевышній Мститель, законъ и правда Небесная!

Оставался еще одинъ, но главный изъ клевретовъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяновичь Скуратовъ-Бѣльскій, наперсникъ Іоанновъ до гроба: онъ жилъ, вмѣстѣ съ Царемъ и другомъ своимъ, для суда за предѣлами сего міра. Любовь къ нему Государева (если тираны могутъ любить!) начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами Природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской Опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ. Болѣе Царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ Мо-

Годуновъ.

нарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ[393], и еще не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) Дружкою Царицы Марѳы, а жена его, Марія, Свахою: что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости Государевой. Можетъ быть, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію Опричнины, говоря не именемъ добродѣтели опальной, но именемъ снисходительной, непротивной тиранамъ Политики, которая спускаетъ имъ многое, осуждаемое Вѣрою и нравственностію, но будто бы нужное для ихъ личнаго, особеннаго блага, отвергая единственно зло безполезное въ семъ смыслѣ: ибо Царь не исправился, какъ увидимъ, и сокрушивъ любезное ему дотолѣ орудіе мучительства, остался мучителемъ!... Г. 1572.

Дѣла Крымскія.

Довольный расположеніемъ признательнаго народа, свободный отъ стыда и боязни, Іоаннъ, по возвращеніи въ столицу, величаво принялъ гонца Ханскаго. Девлетъ-Гирей писалъ, что онъ совсѣмъ не думалъ воевать Россіи, а ходилъ къ Москвѣ единственно для заключенія мира; что наши Воеводы хвалятся побѣдою

г. 1572. мнимою, вымышленною; что Ногаи, утомивъ коней своихъ, слезами убѣдили его итти назадъ, и что бывшія маловажныя ошибки доказали превосходное мужество Крымцевъ, а не Россіянъ. »Долго ли« — говорилъ Ханъ — »враждовать намъ за »Астрахань и Казань? Отдай ихъ, и мы »друзья навѣки. Тѣмъ спасешь меня отъ »грѣха: ибо, по нашимъ книгамъ, не мо»жемъ оставить Царствъ Мусульманскихъ »въ рукахъ у невѣрныхъ. Казны твоей не »требуемъ: съ одной стороны у насъ »Литва, съ другой Черкасы: станемъ ихъ »воевать по сосѣдству, и не будемъ го»лодны.« Онъ *просилъ* хотя одной Астрахани; но Іоаннъ отвѣтствовалъ ему уже какъ побѣдитель: »Удаляясь отъ крово»пролитія, мы доселѣ *тѣшили* брата сво»его Девлетъ-Гирея, но ничѣмъ *не утѣ»шили.* Его требованія безразсудны. Нынѣ »видимъ противъ себя одну *саблю*, Крымъ; »а если отдадимъ Хану завоеванное нами, »то Казань будетъ *вторая сабля*, Астра»хань третья, Ногаи четвертая«[394]. Девлетъ-Гирей, отпустивъ наконецъ знаменитаго Россійскаго Посла, Аѳанасія Нагаго, въ Москву, желалъ, чтобы Государь освободилъ и Крымскаго, Янъ-Болдыя, который 17 лѣтъ томился у насъ въ не-

волѣ; но сей Вельможа Ханскій, получивъ свободу, не успѣлъ ею воспользоваться, и кончилъ жизнь въ Дорогобужѣ. Одинъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Василій Грязной, былъ взятъ Крымцами въ разъѣздѣ на Молошныхъ Водахъ: Ханъ предлагалъ Царю обмѣнять сего плѣнника на Мурзу Дивія. Іоаннъ не согласился, хотя и жалѣлъ о судьбѣ Грязнаго, хотя и писалъ къ нему *дружественныя письма*, въ коихъ, по своему характеру, милостиво издѣвался надъ его заслугами, говоря: »Ты »мыслилъ, что воевать съ Крымцами »такъ же легко, какъ шутить за сто»ломъ моимъ. Они не вы: не дремлютъ »въ землѣ непріятельской, и не твердятъ »безпрестанно: *время домой!* Какъ взду»малось тебѣ назваться знатнымъ чело»вѣкомъ? Правда, что мы, окруженные »Боярами измѣнниками, должны были, уда»ливъ ихъ, приблизить васъ, низкихъ ра»бовъ, къ лицу нашему; но не забывай »отца и дѣда своего! Можешь ли равнять»ся съ Дивіемъ? Свобода возвратитъ те»бѣ мягкое ложе, а ему мечь на Христіанъ. »Довольно, что мы, жалуя рабовъ усерд»ныхъ, готовы искупить тебя нашею »казною«[395]. — »Нѣтъ, Государь« — писалъ въ отвѣтъ Василій Грязной, рабъ

Г. 1572. умомъ и душею, хвастливый и подлый — »я не дремалъ въ землѣ непріятельской: »исполняя приказъ твой, добывалъ язы»ковъ для безопасности Русскаго Цар»ства; не вѣрилъ другимъ: самъ день и »ночь бодрствовалъ. Меня взяли изранен»наго, полумертваго, оставленнаго робки»ми товарищами. Въ бою я губилъ вра»говъ Христіанства, а въ плѣну твоихъ »измѣнниковъ: никто изъ нихъ не остал»ся здѣсь въ живыхъ; всѣ тайно пали отъ »руки моей!.... Шутилъ я за столомъ »Государевымъ, чтобы веселить Госуда»ря; нынѣ же умираю за Бога и за тебя; »еще дышу, но единственно по особенной »милости Божіей, и то изъ усердія къ »твоей службѣ, да возвращуся вновь тѣ»шить Царя моего. Я тѣломъ въ Крыму, »а душею у Бога и у тебя. Не боюся »смерти: боюся только опалы«[396]. Имѣя нужду въ такихъ людяхъ для своей забавы и (какъ онъ думалъ) безопасности, Іоаннъ выкупилъ Грязнаго за 2000 рублей; а Дивій умеръ невольникомъ въ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію Царя: ибо Ханъ готовъ былъ клятвенно утвердить союзъ съ нами, для освобожденія сего важнаго плѣнника, уже не требуя Астрахани. Между тѣмъ гонцы Московскіе ѣздили въ

Крымъ съ дружескими письмами, не столько для заключенія мира, сколько для вѣстей, которыя были весьма благопріятны для спокойствія Россіи: ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ; Козаки Донскіе и Днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали Улусы ея: первые взяли даже Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сею смѣлостію изумили Константинополь. Ханъ жилъ въ непрестанной тревогѣ: боялся гнѣва Султанскаго и внутренняго мятежа; слышалъ о намѣреніи Вельможъ Литовскихъ возвести Іоанна на престолъ ихъ отечества, и страшился новаго могущества Россіи[397]. Г. 1572.

Сіи обстоятельства, утверждая безопасность нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ, дозволяли Царю свободно заниматься иными важными дѣлами его внѣшней Политики. Вельможи Коронные и Литовскіе убѣждали Іоанна изъ жалости къ осиротѣлому ихъ Государству не тревожить онаго никакими воинскими дѣйствіями, ни самой Ливоніи, до будущаго вѣчнаго мира. Призвавъ къ себѣ Литовскаго Посланника, Воропая, онъ торжественно изъявилъ ему желаніе быть Сигизмундовымъ преемникомъ, хвалился мо- Сношенія съ Литвою.

*

г. 1572. гуществомъ и богатствомъ, искренно винился въ своей жестокости, но извинялъ ее, какъ обыкновенно, вѣроломствомъ Бояръ. Сія любопытная рѣчь, ознаменованная какимъ-то *искусственнымъ* простосердечіемъ, снисхожденіемъ, умѣренностію, принадлежитъ къ достопамятнымъ изображеніямъ ума Іоаннова. Царь сказалъ Посланнику[398]: »Ѳеодоръ! ты извѣстилъ »меня отъ имени Пановъ о кончинѣ бра»та моего, Сигизмунда-Августа: о чемъ я »хотя уже и прежде слышалъ, но не вѣ»рилъ: ибо насъ, Государей Христіанскихъ, »часто объявляютъ умершими; а мы, по »волѣ Божіей, все еще живемъ и здрав»ствуемъ. Теперь вѣрю и сожалѣю, тѣмъ »болѣе, что Сигизмундъ не оставилъ ни »брата, ни сына, который могъ бы ра»дѣть о душѣ его и доброй памяти; оста»вилъ двухъ сестеръ: одну за-мужемъ (но »какова жизнь ея въ Швеціи? къ несча»стію, всѣмъ извѣстно); другую въ дѣ»вицахъ, безъ заступника, безъ покрови»теля — но Богъ ея покровитель! Вель»можные Паны теперь безъ *Главы*: хо»тя у васъ и много *головъ*, но нѣтъ ни »единой превосходной, въ коей соединя»лись бы всѣ думы, всѣ мысли государ»ственныя, какъ потоки въ морѣ.... Не

»малое время были мы въ раздорѣ съ бра- Г. 1572.
»томъ Сигизмундомъ; вражда утихла: лю»бовь начинала водворяться между нами, »но еще не утвердилась — и Сигизмунда »не стало! Злочестіе *высится;* Христіан»ство *никнетъ*. Если бы вы признали ме»ня своимъ Государемъ, то увидѣли бы, »умѣю ли быть Государемъ-защитникомъ! »Престало бы веселиться злочестіе; не »унизилъ бы насъ ни Царьградъ, ни са»мый Римъ величавый! Въ отечествѣ ва»шемъ ославили меня злобнымъ, гнѣвли»вымъ: не отрицаю того; но да спро»сятъ у меня, на кого злобствую? Скажу »въ отвѣтъ: на злобныхъ; а доброму не »пожалѣю отдать и сію златую цѣпь, »и сію одежду, мною носимую«.... Тутъ Вельможа, Малюта-Скуратовъ, прервавъ рѣчь Іоаннову, сказалъ: »Царь Самодержав»ный! казна твоя неубога: есть чѣмъ жа»ловать слугъ вѣрныхъ!« — Государь продолжалъ: »Въ Вильнѣ, въ Варшавѣ знаютъ »о богатствѣ моего отца и дѣда: я вдвое »богатѣе и сильнѣе. Упоминаю о томъ »единственно мимоходомъ. Удивительно »ли, что ваши Короли любятъ своихъ »подданныхъ, которые ихъ взаимно лю»бятъ? А мои желали предать меня въ »руки Хану, и бывъ впереди не сразились:

Г. 1572. »пусть не одержали бы побѣды, но дали »бы Царю время изготовиться къ новой »битвѣ. Я съ благодарностію принялъ »бы отъ нихъ, во знаменіе усердія, хотя »одинъ бичь, одну плеть Татарскую! Имѣя »съ собою не болѣе шести-тысячь воинновъ, я не испугался многочисленности »враговъ; но видя измѣну своихъ, только »устранился. Одна тысяча мужественныхъ спасла бы Москву; но люди знатные не хотѣли обороняться: что было »дѣлать войску и народу? Ханъ сжегъ »столицу, а мнѣ и знать о томъ не дали. Вотъ дѣла Бояръ моихъ! Я казнилъ »измѣнниковъ: не милуютъ ихъ и въ Вильнѣ, гдѣ, на примѣръ, казнили злодѣя Викторина[399], уличивъ его въ намѣреніи »извести брата моего, Сигизмунда, и распустивъ слухъ, что будто бы я участвовалъ въ семъ замыслѣ: клевета гнусная, нелѣпая!« Сей Викторинъ былъ четвертованъ въ Вильнѣ около 1563 года за тайное сношеніе съ Царемъ Московскимъ. Іоаннъ продолжалъ: »Кто меня злословитъ въ вашемъ отечествѣ? мои ненавистники, предатели, Курбскій и подобные ему.... Курбскій!... сей человѣкъ отнялъ у него мать« (тутъ онъ указалъ на Царевича Іоанна)... »отнялъ

»у меня супругу милую; а я хотѣлъ толь- г. 1572.
»ко на время лишить его Боярскаго сана
»и жалованнаго имѣнія, не думая о казни
»смертной: въ чемъ свидѣтельствуюсь
»Богомъ! Однимъ словомъ: желаете ли
»узнать злость или доброту мою? при-
»шлите своихъ дѣтей служить мнѣ вѣр-
»но.... осыпанные милостями Царскими,
»они увидятъ истину! — Если угодно
»Всевышнему, чтобы я властвовалъ надъ
»вами, то обѣщаю ненарушимо блюсти
»всѣ уставы, права, вольности ваши, и
»еще распространить ихъ, буде надобно.
»Если Паны вздумаютъ избрать въ Ко-
»роли моего Царевича, то знайте, что
»у меня два сына какъ два ока: не раз-
»станусь ни съ единымъ. Если же не за-
»хотите признать меня своимъ Госуда-
»ремъ, то можете чрезъ Великихъ По-
»словъ условиться со мною о мирѣ. Не
»стою за Полоцкъ; соглашусь придать
»къ нему и нѣкоторыя изъ моихъ наслѣд-
»ственныхъ владѣній, буде уступите мнѣ
»всю Ливонію по Двину. Тогда обяжемся
»клятвою, я и дѣти мои, не воевать
»Литвы, доколѣ царствуетъ Домъ нашъ
»въ Россіи православной. — Перемирія не
»нарушу до срока; даю тебѣ *опасную гра-*

г. 1572. »*мопу* для Пословъ, и буду ожидашь ихъ. »Время дорого.«

За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы, съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новѣгородѣ и сдержать данное Королю Шведскому слово [400]. Полки стояли уже въ готовности и двинулись къ Нарвѣ: самъ Государь предводительствовалъ ими, имѣя съ собою всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ, Царя Саинъ-Булата и Короля Магнуса, вооруженною рукою взятаго въ Аренсбургѣ и привезеннаго къ Іоанну болѣе въ видѣ плѣнника, нежели будущаго зятя. Въ одинъ день вступило 80,000 Россіянъ въ Эстонію, гдѣ никто не ожидалъ ихъ, и гдѣ мирные Дворяне въ за̀мкахъ своихъ *весело* праздновали Святки, такъ, что передовые наши отряды вездѣ находили пиры, музыку, пляски [401]. Царь велѣлъ не щадить никого: грабили домы, убивали жителей, безчестили дѣвицъ. Не было сопротивленія, до крѣпости Виттенштейна, гдѣ 50 Шведовъ съ гражданами и земледѣльцами рѣшились дать отпоръ всему войску Іоаннову. Россіяне взяли приступомъ

Война въ Эстоніи.

г. 1573. Виттенштейнъ; но Царь лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ,

какъ бы въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней! Іоаннъ изъявилъ не жалость, но гнѣвъ и злобу: пославъ, съ богатою вкладою, тѣло Малюты въ монастырь Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежали отецъ, мать и сынъ его[402], онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, Шведовъ и Нѣмцевъ: жертвоприношеніе достойное мертвеца, который жилъ душегубствомъ! Г. 1573.

Овладѣвъ сею важною крѣпостію, Іоаннъ написалъ къ Шведскому Королю новое ругательное письмо[403]. »Казнимъ тебя и Швецію,« говорилъ онъ: »правые »всегда торжествуютъ! Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, »мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ »единственно для того, чтобы отдать »Королю Польскому, а за нее безъ кровопролитія взять Ливонію. Вотъ истина, »вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ »въ женѣ твоей? Стóитъ ли она войны? »Польскіе Королевны бывали и за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто »былъ Войдило при Ягайлѣ? Не дорогъ »мнѣ и Король Эрикъ: смѣшно думать, »чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой?

Г. »Какъ звали вашего дѣда? Пришли намъ
1573. »свою родословную; уличи насъ въ заблу»жденіи: ибо мы доселѣ увѣрены, что вы »крестьянскаго племени. О какихъ *древ»нихъ Короляхъ Шведскихъ* ты писалъ »къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у васъ »одинъ *Король* Магнусъ, и то самозва»нецъ: ибо ему надлежало бы именовать»ся *Княземъ*. Мы хотѣли имѣть печать »твою и титло *Государя Шведскаго*, не »даромъ, а за честь, коей ты отъ насъ »требовалъ: за честь сноситься прямо »со мною, мимо Новогородскихъ Намѣст»никовъ. Избирай любое: или имѣй дѣло »съ ними, какъ всегда бывало, или намъ »поддайся. Народъ вашъ искони служилъ »моимъ предкамъ: въ старыхъ лѣтопи»сяхъ упоминается о Варягахъ, которые »находились въ войскѣ Самодержца Яро»слава-Георгія: а Варяги были Шведы, »слѣдственно его подданные. Ты писалъ, »что мы употребляемъ печать Римскаго »Царства: нѣтъ, собственную нашу, пра»родительскую. Впрочемъ и Римская не »есть для насъ чуждая: ибо мы происхо»димъ отъ Августа-Кесаря. Не хвалимся, »и тебя не хулимъ, а говоримъ истину, »да образумишься. Хочешь ли мира? да »явятся Послы твои предъ нами!«

Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, оставивъ Царя Саинъ-Булата и Магнуса съ полками воевать Эстонію. Они взяли Нейгофъ и Каркусъ; но Шведскій Генералъ Акесонъ разбилъ отрядъ нашъ близъ Лоде, взялъ обозъ, пушки и знамена. Ливонскіе Историки пишутъ, что Шведовъ было менѣе двухъ тысячь, а Россіянъ 16,000, и что сія славная побѣда, доказавъ искусство первыхъ, склонила Іоанна къ миру[404]. По крайней мѣрѣ Царь, выслушавъ донесенія своихъ Воеводъ и мнѣніе Боярскаго Совѣта, написалъ новое письмо къ Шведскому Королю, уже не бранное, но миролюбивое, увѣдомляя, что Воеводамъ нашимъ велѣно остановить всѣ непріятельскія дѣйствія до прибытія въ Новгородъ Пословъ его, ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ для утвержденія истиннаго дружества между обоими Государствами[405]. Сія перемѣна въ расположеніи Іоанновомъ изъясняется не столько успѣхомъ Генерала Акесона, сколько другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое тогда нечаянно встревожило и Царя и Москву: сильнымъ бунтомъ въ Казанской области, гдѣ свирѣпый, дикій народъ Черемисскій, Луговый и Горный, имѣя тайныя связи съ Ханомъ Девлетъ-

Г. 1573.

Бунтъ въ Казанской области.

г. 1573. Гиреемъ, явно отложился отъ Россіи, такъ, что Государь долженъ былъ немедленно послать многочисленную рать къ берегамъ Волги. Къ счастію, мятежники скоро увидѣли свое неблагоразуміе: Ханъ не могъ дать имъ войска, а Россійское уже стояло въ Муромѣ, готовое казнить ихъ огнемъ и мечемъ. Они смирились[406].

Въ сіе время, Іоаннъ, прекративъ войну въ Ливоніи, торжествовалъ въ Новѣгородѣ бракосочетаніе Магнуса съ юною Княжною Маріею Владиміровною: пировалъ, веселился съ своими любимыми гостями Нѣмецкими; самъ распоряжалъ пляскою и пѣлъ съ Монахами духовныя пѣсни[407]. Уже Магнусъ, честимый, ласкаемый, надѣялся быть дѣйствительнымъ Королемъ, воображая, что Царь, сверхъ богатаго, обѣщаннаго вѣна, отдастъ ему всѣ города Ливонскіе, занятые Россіянами; но, вмѣсто *пяти бочекъ золота*[408], привезли къ нему въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и съ нарядными одеждами молодой Королевы; вмѣсто всей Ливоніи, Государь пожаловалъ своему зятю городокъ Каркусъ съ слѣдующимъ словеснымъ и писменнымъ наставленіемъ[409]: »Король Магнусъ! иди съ супругою въ

Бракъ Магнуса 12 Апрѣля.

»Удѣлъ, для васъ назначенный. Я хотѣлъ Г. 1573.
»нынѣ же вручить тебѣ власть и надъ
»иными городами Ливонскими, вмѣстѣ
»съ богатымъ денежнымъ приданымъ;
»но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе,
»осыпанныхъ нашими милостями..... Ты
»сынъ Вѣнценосца, и слѣдственно могу
»имѣть къ тебѣ болѣе довѣренности, не-
»жели къ слугамъ подлымъ; но — ты че-
»ловѣкъ! Если измѣнишь, то золотомъ
»казны моей наймешь воиновъ, чтобы
»дѣйствовать за-одно съ нашими врагами,
»и мы принуждены будемъ своею кровію
»вновь доставать Ливонію. Заслужи ми-
»лость постоянною, испытанною вѣрно-
»стію!« Такимъ образомъ Магнусъ съ пе-
чальнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Каркусъ,
изъ Каркуса въ Оберпаленъ, гдѣ, въ ожи-
даніи Государства, жилъ весьма бѣдно,
не имѣя болѣе трехъ блюдъ на столѣ
(какъ писалъ его братъ, Фридерикъ, Ко-
роль Датскій, къ своему тестю, Герцогу
Мекленбургскому), *веселя тринадцатилѣт-
нюю жену дѣтскими игрушками, питая
сластями и, къ неудовольствію Россіянъ,
одѣвъ ее въ Нѣмецкое платье*[410]. Сей Гер-
цогъ, Іоаннъ Альбрехтъ, находился тогда
въ сношеніяхъ съ Царемъ: присылалъ въ
Новгородъ сановника Мекленбургскаго, До-

ктора Фелинга, и хотѣлъ, чтобы Россія утвердила право его (Альбрехтова) сына на Ригу, обѣщанную ему Королемъ Польскимъ, Сигизмундомъ Августомъ. Фелингъ отъ имени Герцога поднесъ Іоанну въ даръ золотаго, алмазами и яхонтами украшеннаго льва, съ объясненіемъ, что *левъ ужасаетъ всѣхъ звѣрей, а Государь Московскій всѣхъ непріятелей.* Царь отвѣтствовалъ: »Благодарю за смиреніе и »ласку, но не могу отдать, чего еще не »имѣю, хотя Ливонія съ Ригою и моя »отчина, а не Королевская. Я намѣренъ »отправить Посольство къ Нѣмецкому »Императору для заключенія съ нимъ »союза противъ невѣрныхъ и для дѣлъ »Ливонскихъ. Совѣтую Герцогу вооружиться терпѣніемъ: могу отдать ему »Ригу, когда возьму ее, договоромъ или »саблею.«

Между тѣмъ Іоаннъ не безъ досады видѣлъ, что Король Шведскій, имъ презираемый, началъ изъявлять гордость. Долго не было никакой вѣсти изъ Стокгольма; наконецъ Король отвѣчалъ, что никогда Послы его не будутъ въ такой землѣ, гдѣ Народное Право неизвѣстно, — гдѣ ихъ грабятъ, сажаютъ въ темницу; что Царь можетъ прислать своихъ къ

Г. 1573 — 75. Перемиріе съ Швеціею.

нему, если дѣйствительно желаетъ мира, или по крайней мѣрѣ на границу, куда выѣдутъ и Шведскіе Уполномоченные; что о перемиріи надлежало бы говорить тремя годами ранѣе, а не тогда, какъ войско Шведское выступаетъ въ поле. Сего мало: гонецъ нашъ[411], будучи въ Стокгольмѣ, терпѣлъ обиды, неслыханныя въ Державахъ образованныхъ. »Вельможи Королевскіе« — доносилъ онъ Царю — »хотѣли прежде времени знать »содержаніе твоей грамоты. Я доказывалъ имъ нелѣпость сего требованія: за »что одинъ изъ нихъ ударилъ меня въ »грудь, поносилъ словами непристойными. »*Если бы* — отвѣчалъ холопъ твой нахалу »Шведскому — *если бы я сидѣлъ на конѣ »вооруженный, ты не дерзнулъ бы безчин»ствовать, ни поднять руки, ни открыть »гнуснаго рта своего; но мы здѣсь не для »битвы* Другой Вельможа хотѣлъ удер»жать меня идущаго къ престолу Коро»левскому, говоря: *дай письмо, а на сукно »тронное не ступай.* Я сталъ на сукно, и »вручилъ письмо Королю Въ слѣдую»щее утро сановникъ Шведскій, Христо»форъ Флемингъ, сказалъ мнѣ: *знай, что »ты вчера не видалъ Государя: я сидѣлъ »на его мѣстѣ, а онъ стоялъ между Вель-* г. 1573 —75.

Г. 1573 —75. *»можами, ибо не хотѣлъ взять грамоты »Царя вашего, думая, что въ ней могутъ »быть новыя ругательства, коихъ не льзя »читать и простому мѣщанину*.... От»пуская меня, Король молвилъ: *Царь сдѣ»лался миролюбивъ; но я не хочу съ нимъ »мириться, и его не боюсь*«[412]. Однимъ словомъ, Швеція ободрилась, нанявъ 3000 Шотландцевъ и 2000 Англичанъ; а Царь, имѣя болѣе ста тысячь воиновъ въ Ливоніи и Новѣгородѣ, изъявилъ кротость, не вступился за обиду гонца своего, снесъ насмѣшки и сдѣлалъ угодное Королю: то есть, выслалъ Бояръ, Князя Сицкаго съ товарищами, на рѣку Сестру (которая служила границею между Финляндіею и Россіею) для переговоровъ о мирѣ съ Адмираломъ Класомъ Флемингомъ и другими Королевскими чиновниками. Долго спорили о мѣстѣ свиданія: Флемингъ требовалъ, чтобы оно было на мосту, въ шатрахъ; но Князь Сицкій заставилъ Шведовъ перейти на Россійскій берегъ рѣки. Далѣе ни въ чемъ не могли согласиться. Царь хотѣлъ взять Эстонію, и въ такомъ случаѣ давалъ Королю право сноситься прямо съ нимъ; а Король хотѣлъ послѣдняго безъ всякой уступки, явивъ длинную родословную Свѣтлѣйшаго Дому Вазъ,

дабы убѣдить Іоанна въ древней знаменитости онаго[413]. Заключили только перемиріе (отъ Ильина дни 1575 до 1577 года) между Финляндіею и нашими сѣверными владѣніями: Россія обязывалась не воевать первой, а Швеція Новогородской земли, Корелы, Орѣшка и другихъ мѣстъ. Не было слова о Ливоніи, которая оставалась ѳеатромъ войны. Іоаннъ удовольствовался обѣщаніемъ, что скоро будутъ къ нему Шведскіе Послы для новаго мирнаго договора и торжественно обязался принять ихъ съ честію, не лишать ни свободы, ни имѣнія, — не оскорблять ни дѣломъ, ни словомъ[414]! Съ того времени Короли Шведскіе перестали относиться къ Новугороду: что всегда казалось имъ унизительно, происходило дѣйствительно отъ малаго уваженія Государей Московскихъ къ симъ Вѣнценосцамъ, и было дотолѣ непремѣннымъ закономъ нашей гордой Политики. Г. 1575.

Если снисходительность Царя казалась для него безполезною, то и Королю не доставила она никакой *существенной выгоды*: непріятельскія дѣйствія продолжались въ Ливоніи. Шведы съ своими Шотландскими наемниками безъ успѣха приступали къ Везенбергу: Россіяне опу-

стошили всѣ мѣста вокругъ Ревеля, и взяли городъ Пернау, который стоилъ имъ семи тысячь воиновъ, убитыхъ въ его укрѣпленіяхъ[415]. Тамъ Полководецъ Іоанновъ, Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ, изумилъ жителей великодушіемъ, оставивъ на волю каждому или присягнуть Царю или выѣхать со всѣмъ достояніемъ. Слѣдствіемъ Политики столь человѣколюбивой и благоразумной было то, что замки Гельметъ,
г. 1576. Эрмисъ, Руэнъ, Пургель, Леаль, Лоде, Фиккель сдалися безъ сопротивленія,
12 Февраля. а скоро и важная крѣпость Габзаль, гдѣ находилось множество всякихъ запасовъ, не мало воиновъ и Дворянъ, которые всегда любили хвалиться мужествомъ. Пишутъ, что сіи мирные Герои, увѣренные Царскимъ Воеводою въ совершенной безопасности, тѣшились и веселились въ самый тотъ часъ, когда Россіяне входили въ городъ; что одинъ изъ нашихъ молодыхъ Князей, видя ихъ забавы, сказалъ своему пріятелю Нѣмцу: »Если бы мы, »Русскіе, живые сдали непріятелю та»кую крѣпость: что сдѣлалъ бы съ нами »Царь? и кто изъ насъ смѣлъ бы взгля»нуть прямо въ лице доброму Христіа»нину? А вы, Нѣмцы, празднуете стыдъ

»свой«[416]! Они праздновали среди могилъ и пепла. Казалось, что Ливонія, истерзанная всѣми бѣдствіями войны долговременной, жертва и добыча всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, уже не могла испытать ничего злѣйшаго. Голодъ, нищета свирѣпствовали не только въ хижинахъ, но и въ замкахъ. Такъ Лѣтописецъ говоритъ, что жена знатнаго Рыцаря, Фонъ-Тедвена, имѣвъ прежде великолѣпный домъ, блиставъ пышностію удивительною для самыхъ богатыхъ людей, умерла тогда въ Габзалѣ на соломѣ и положена въ землю нагая[417]!... Но судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Іоаннъ удерживалъ свою руку, мечемъ и пламенемъ вооруженную для ея покоренія или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлетъ-Гирея, онъ долженъ былъ, въ угрозу ему, отъ времени до времени собирать полки на берегахъ Оки; самъ, выѣхавъ изъ Новагорода (лѣтомъ въ 1574 году), осматривалъ войско многочисленное въ Серпуховѣ; посылалъ отряды и въ степи, гдѣ являлись иногда толпы Ханскія для разбоевъ[418]; всего же болѣе занимался происшествіями Варшавскими, которыя, польстивъ его властолюбію, имѣли слѣдствія неожидае- Г. 1576.

мыя, оскорбительныя для Царя и вредныя для Россіи.

Г. 1573 —77. Дѣла Польскія. Въ началѣ 1573 года открылся Сеймъ въ Варшавѣ, чтобы избрать Короля. Главными Кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ Императора Максимиліана; 2) Герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX; 3) Король Шведскій или сынъ его, Сигизмундъ; 4) Государь Россійскій. За перваго ходатайствовали Послы Испанскій и Максимиліановъ, за втораго Французскій, за третьяго Шведскіе: нашихъ не было. Царь ждалъ къ себѣ Пословъ отъ Сейма, разсуждая: »я имъ нуженъ, а не они мнѣ!« Не смотря на сію гордость, многіе Коронные, и въ особенности Литовскіе Вельможи думали избрать Іоанна, чтобы симъ способомъ утвердить навѣки счастливый союзъ съ опасною, могущественною Россіею: мысль внушенная Политикою здравою и дальновидною! Зная безъ сомнѣнія всю его жестокость, они надѣялись, что законы ихъ Республики обуздаютъ тирана — и могли обмануться! Но Судьба устранила сей *опытъ*. Условія, съ обѣихъ сторонъ предложенныя, были равно неумѣренны, равно противны той и другой. Выслушавъ въ Новѣгородѣ Посла Литовскаго, Михайла Гарабурду, Іо-

аннъ (28 Февраля, 1573 года) далъ ему слѣдующій отвѣтъ[419]: »Долговременное »молчаніе вашихъ Пановъ, въ дѣлѣ столь »важномъ, меня удивляло: ибо худо Госу»дарству быть безъ Государя. Вы изви»няетесь бѣдствіями язвы, которая сви»рѣпствовала въ землѣ вашей: сожалѣю; »это воля Божія. Нынѣ спрашиваете, самъ »ли я желаю властвовать надъ Литвою »и Польшею, или дать вамъ Царевича »Θеодора въ Короли, и требуете отъ »насъ клятвы въ вѣрномъ соблюденіи ва»шихъ уставовъ; хотите еще, чтобы »мы, отпустивъ къ вамъ сына, возвра»тили Княжеству Литовскому Смоленскъ, »Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а ему Θео»дору пожаловали нѣкоторые особенные »города изъ древнихъ владѣній Россійскихъ. »Одно естественно, другое непристойно. »Естественно, чтобы всякая земля хра»нила свои обычаи, уставы, законы, и »мы конечно можемъ утвердить при»сягою ваши права; но дѣльно ли требо»вать отъ насъ Смоленска, Полоцка, даже »наслѣдственныхъ городовъ Московскихъ, »въ *приданое* Князю Θеодору? развѣ онъ »дѣвица и невѣста? Славно увеличивать, а »не умалять Государства. Польское и Ли»товское нескудно городами: есть гдѣ

г. 1573 —77.

Г. 1573 —77. »жить Королю. И не вы, а мы должны »требовать возмездія. Слушайте: если »желаете имѣть Өеодора своимъ Государемъ, то 1) пишите весь мой титулъ, »какъ уставлено Богомъ; называйте меня »*Царемъ*, ибо я наслѣдовалъ сіе достоинство отъ предковъ, и не присвоиваю »себѣ чуждаго. 2) Когда Господь возметъ »моего сына изъ здѣшняго свѣта, да властвуютъ надъ вами его сыновья правомъ »*наслѣдія*, а не *избранія;* когда же не останется у него сыновей, то Литва и Польша да будутъ *нераздѣльны съ Россіею*, »какъ собственность моихъ наслѣдниковъ »во вѣки вѣковъ, но безъ всякаго измѣненія правъ и вольностей народныхъ, *съ »особеннымъ именемъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго въ титулѣ Государей Россійскихъ.* Пристойно ли сыну Короля не быть наслѣдникомъ его престола? И для общаго блага »сихъ трехъ Державъ имъ должно имѣть »единаго Владыку. Знаю, что Австрія и »Франція гораздо снисходительнѣе въ переговорахъ съ вами; но онѣ не примѣръ »для Россіи: ибо мы вѣрно знаемъ, что »кромѣ насъ и Султана нѣтъ въ Европѣ »Государей, коихъ родъ царствовалъ бы »за 200 лѣтъ предъ симъ: одни изъ Кня-

»зей, другіе иноземцы, и для того плѣ- г.
»няются честію Королевства; а мы Цари 1573
»*изначальные* и происходимъ отъ Августа —77.
»Кесаря (что всѣмъ извѣстно). 3) Кто »изъ моихъ наслѣдниковъ скончается въ »землѣ вашей, тѣло его да будетъ при»везено въ Москву для погребенія. 4) Го»родъ Кіевъ, древнѣйшее достояніе Рос»сіи, да присоединится къ ея владѣніямъ: »за что, изъ любви къ тишинѣ и согла»сію Христіанскому, уже не буду оты»скивать нашихъ старыхъ владѣній въ »Литвѣ по рѣку Березу. 5) Ливонія вся »останется за Россіею! — Вотъ условія, »на коихъ могу отпустить къ вамъ мо»его любезнаго сына. Но онъ еще слиш»комъ молодъ, и не въ силахъ проти»виться врагамъ, своимъ и нашимъ. Сверхъ »того знаю, что многіе изъ Пановъ хо»тятъ въ Короли меня, а не Царевича. »Если они говорятъ вамъ иное, то при»творствуютъ. Слышу еще, что будто »вы думаете взять у меня сына обма»номъ, съ намѣреніемъ выдать его Тур»камъ, для заключенія съ ними мира. »Правда ли, ложь ли, не знаю; но не мо»гу скрыть сего отъ тебя въ бесѣдѣ »искренней.«

Видя, что Іоаннъ желаетъ Королев-

Г. 1573 —77. ства болѣе для себя, нежели для сына, умный Посолъ сказалъ: »Государь! всѣ мы »хотѣли бы имѣть такого сильнаго и »мудраго Властителя, какъ ты; но Москва »далека отъ Варшавы, а присутствіе Ко»роля необходимо для внѣшней безопасно»сти, для внутренняго устройства и пра»восудія. У насъ нѣтъ обычая, чтобы »Король выѣзжалъ изъ Государства и вмѣ»сто себя оставлялъ Намѣстниковъ. *Къ »тому же безъ принятія Вѣры Римской »ты не можешь быть коронованъ.«* — Іоаннъ велѣлъ Послу удалиться.

На другой день снова призвавъ Гарабурду, Царь сказалъ: »Мы размыслили — »и находимъ, что можемъ управлять вмѣ»стѣ тремя Государствами, переѣзжая »изъ одного въ другое, и что легко успра»вить препятствія, о коихъ ты гово»рилъ намъ. Требую только Кіева безъ »всѣхъ иныхъ городовъ и волостей. От»дамъ Литвѣ Полоцкъ и Курляндію. Возь»му Ливонію до рѣки Двины. Титулъ нашъ »будетъ: *Божіею милостію Господарь Царь »и Великій Князь всея Россіи, Кіевскій, Вла»димірскій, Московскій, Король Польскій и »Великій Князь Литовскій.* Имена всѣхъ »другихъ областей распишемъ по ихъ »знатности: Польскія и Литовскія мо»

»гутъ стоятъ выше Россійскихъ. Требую »уваженія къ Вѣрѣ Греческой; требую »власти строить церкви Православія во »всѣхъ моихъ Государствахъ. *Да вѣн»чаетъ меня на Королевство не Латин»скій Архіепископъ, а Митрополитъ Рос»сійскій*[20]! . . . Но не измѣню ни въ чемъ »вашихъ правъ и вольностей: буду разда»вать мѣста и чины съ согласія Думы »Польской и Литовской. Когда же, изну»ренный лѣтами въ силахъ душевныхъ »и тѣлесныхъ, вздумаю оставить свѣтъ »и престолъ, чтобы въ уединенной Оби»тели жить молитвою: тогда изберите »себѣ въ Короли любаго изъ сыновей мо»ихъ, но не чуждаго, не иноплеменнаго »Князя. Паны говорятъ, что Литва и »Польша нераздѣльны: ихъ воля; но скажу, »что я хотѣлъ бы лучше быть един»ственно Великимъ Княземъ первой: то»гда, утвердивъ всѣ ея законы моимъ »крестнымъ цѣлованіемъ, возьму къ Рос»сіи одинъ Кіевъ, а Литвѣ возвращу, си»лою или договорами, всѣ ея древнія вла»дѣнія, отнятыя Поляками, и буду пи»саться въ титулѣ Великимъ Княземъ »Московскимъ и Литовскимъ. — Слушай »далѣе. Могу, но не безъ труда, ѣздить »изъ земли въ землю: ибо приближаюсь

г. 1573 —77.

Г. 1573 —77. »къ старости; а Государю надобно все »видѣть собственными глазами. И такъ »не лучше ли вамъ избрать въ Короли »сына Цесарева, заключивъ съ нами миръ »и союзъ на сихъ условіяхъ: 1) Кіевъ и »Ливонія къ Россіи, Полоцкъ и Курляндія »къ Литвѣ; 2) мнѣ, Цесарю и сыну его »помогать другъ другу войскомъ или день»гами противъ нашихъ общихъ враговъ? »Тогда буду желать добра Литвѣ и Поль»шѣ столько же, какъ моей Россіи — и »въ семъ тѣсномъ союзѣ кого убоимся? »Не захотятъ ли и всѣ иные Государи »Европейскіе присоединиться къ оному, »чтобы возстать на злодѣевъ Христіан»ства? Какая слава, и какая польза!... »Наконецъ приказываю тебѣ сказать Па»намъ, чтобы они не избирали Князя »Французскаго: ибо сей Князь будетъ дру»гомъ злочестивыхъ Турковъ, а не Хри»стіанъ; а если изберете его, то знайте, »что я не останусь спокойнымъ зрите»лемъ вашего неблагоразумія. — Еще объ»яви Панамъ, что многіе изъ нихъ писа»ли къ намъ тайныя грамоты, совѣтуя »мнѣ итти съ войскомъ въ Литву, что»бы страхомъ вынудить себѣ Королев»ство. Другіе просили у меня золота и »соболей, чтобы избрать моего сына. Да

»знаетъ о томъ ваша Дума Государ- г. 1573 —77.
»ственная!«

Съ такимъ отвѣтомъ Гарабурда поѣхалъ въ Варшаву. Вѣроятно, что Паны Литовскіе единственно для вида и для соблюденія *пристойности* требовали Смоленска и городовъ Россійскихъ; что они въ самомъ дѣлѣ не ждали столь великой уступчивости отъ Царя, и безъ дальняго упрямства отказались бы отъ сего требованія: тѣмъ непреклоннѣе былъ Царь въ своихъ условіяхъ, единогласно отверженныхъ Сеймомъ, который немедленно исключилъ его изъ Кандидатовъ. Перемѣнились ли Іоанновы мысли: увѣрился ли онъ въ невозможности господствовать надъ Польшею и Литвою, *какъ* бы ему хотѣлось? боялся ли примѣра своевольныхъ Вельможъ ихъ для Россіи безмолвной? Разсудилъ ли, что сей тѣсный союзъ имѣлъ бы истинныя выгоды для первыхъ двухъ Державъ, а не для нашего отечества; что не онѣ намъ, но мы имъ долженствовали бы помогать и людьми и казною въ случаѣ войны съ Турціею, съ Австріею, съ Тавридою; что имя Короля съ властію ограниченною, ненадежною, не стоило умноженія опасностей и расходовъ для Государя наслѣд-

г. 1573 —77. ственной, великой Державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или Царь думалъ, что Сеймъ *могъ* согласиться на такія предложенія строгія, уничтожить коренные законы Республики, добровольно отмѣнить избраніе Королей, уставить верховную власть наслѣдственную, отдать намъ Кіевъ, и Святителю иновѣрному вручить вѣнецъ Ягеллоновъ для возложенія на Іоанна? Трудно вообразить, чтобы надменность ослѣпляла его до сей степени безразсудности: гораздо вѣроятнѣе, что онъ, изъявивъ сперва искреннее желаніе заступить мѣсто Сигизмунда-Августа, по основательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ уже сдѣлался равнодушнѣе къ такой чести.

Но избраніе Эрцгерцога въ Короли, имъ одобренное, не угрожало ли намъ опаснымъ сосѣдствомъ съ Австрійскою, сильною Державою, тѣмъ болѣе, что ея Посолъ, ходатайствуя за Эрнеста, торжественно обѣщалъ Панамъ усердное вспоможеніе Императора въ войнахъ съ Россіею[421]? Іоаннъ не долженствовалъ ли скорѣе благопріятствовать исканіямъ Франціи отдаленной, и слѣдственно менѣе для насъ опасной? Не можемъ осудить его

Политики. Зная дружественную связь Парижа съ Константинополемъ, онъ мыслилъ, что Генрикъ д'Анжу будетъ располагать силами Турціи противъ нашего отечества; а Султаны, кромѣ ихъ зловѣрія, были страшнѣе Императоровъ славою войскъ и побѣдъ многочисленныхъ. — Къ досадѣ Царя и Максимиліана, Варшавскій Сеймъ избралъ Генрика, обольщенный хитростями Французскаго Посла Монлюка, который въ пышныхъ рѣчахъ своихъ безстыдно хвалилъ Вельможъ Польскихъ и Литовскихъ, сравнивалъ ихъ съ древними Римлянами, называлъ ужасомъ тирановъ, Героями добродѣтели, обѣщая имъ милліонъ флориновъ, сильное войско для изгнанія Россіянъ изъ Ливоніи и совершенную зависимость Короля отъ Верховнаго Совѣта. Г. 1573 —77.

Такое, какъ говорилъ Іоаннъ, *ослушаніе* Сейма соединило виды нашей Политики съ Австрійскою. Императоръ спѣшилъ воспользоваться добрымъ расположеніемъ Царя: писалъ къ нему ласково; жаловался на »злодѣйство Карла IX, истребившаго »болѣе ста тысячь вѣрныхъ подданныхъ »въ день Св. Варѳоломея, единственно за »то, что они имѣли свою Вѣру особен»ную;« говорилъ съ негодованіемъ о пріяз-

Г. 1573 —77. ни Французовъ съ Султаномъ, коего ревностнымъ вспоможеніемъ дается Генрику вѣнецъ Ягеллоновъ; убѣждалъ Іоанна вступиться за Христіанъ; предлагалъ ему взять Литву, а Польшу уступить Австріи, и заключить тѣсный союзъ съ Имперіею противъ Турковъ[422]. Царь немедленно отправилъ гонца къ Максимиліану, совѣтуя ему употребить всѣ способы для задержанія Генрика на пути въ Варшаву; желалъ видѣть скорѣе Пословъ Императорскихъ въ Москвѣ, чтобы утвердить вѣчный союзъ Австріи съ Россіею, и писалъ: »Мы всѣ будемъ стараться о »томъ, чтобы Королевство Польское и »Литва *не отошли* отъ нашихъ Госу»дарствъ; а мнѣ все одно, мой ли, твой »ли сынъ сядетъ тамъ на престолѣ..... »Ты, братъ нашъ любезный, сѣтуешь »объ ужасномъ истребленіи невинныхъ »людей и младенцевъ въ день Св. Варѳо»ломея: всѣ Государи Христіанскіе дол»жны скорбѣть о сей безчеловѣчной же»стокости Короля Французскаго, пролив»шаго *безъ ума* столь много крови[423]!«

Однакожь Іоаннъ, слѣдуя миролюбивой системѣ, не хотѣлъ прежде времени объявить себя врагомъ новаго Короля Польскаго: напротивъ того, узнавъ объ его

г. 1573—77.

прибытіи и торжественномъ коронованіи въ древней столицѣ Піастовъ, онъ готовился послать къ нему знатнаго чиновника съ привѣтствіемъ. Но Генрикъ предупредилъ Царя: извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ; убѣждалъ не нарушать перемирія съ Республикою до 1576 года; писалъ, что онъ въ горести; что Король Французскій умеръ; что ему должно ѣхать въ Парижъ, и что сіе временное отсутствіе не мѣшаетъ Царю сноситься въ дѣлахъ съ Вельможными Панами[424]. Іоаннъ отвѣтствовалъ: »Братъ »нашъ Генрикъ! о твоемъ восшествіи на »престолъ радуемся, о твоей печали со»жалѣемъ. Кончина Государей Христіан»скихъ есть бѣдствіе для Христіанъ и »весеріе для невѣрныхъ. Мы хотимъ жить »въ любви съ тобою. Послы мои будутъ »въ Варшаву, когда ты возвратишься: »ожидаю твоихъ въ Москву; а безъ тебя »мнѣ непристойно имѣть дѣло съ Пана»ми. О сохраненіи перемирія мы дали »указъ своимъ Воеводамъ.« — Но Генрикъ былъ уже Королемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца Польскаго единственно въ угодность матери, честолюбивой Екатеринѣ Медицисъ, которая дѣйствовала въ семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бро-

Г. 1573 —77. дяги, Іоанна Красовскаго, Генрикъ, лѣнивый, сладострастный, въ три мѣсяца не государственной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной ловли, успѣлъ возненавидѣть свое Королевство и власть ограниченную; тайно изготовился къ отъѣзду, и ночью ускакалъ отъ одного престола къ другому; спѣшилъ наслѣдовать державу и несчастіе своего брата, подобно ему царствовать среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки осталось въ Исторіи и достойно наилучшаго изъ Царей [425]. Изумленные бѣгствомъ Короля, Паны должны были искать другаго. Тогда многіе изъ нихъ — Архіепископъ Гнѣзненскій, Кастелланъ Минскій, Янъ Глѣбовичь, и другіе — снова обратились къ Царю: совѣтовали ему немедленно прислать умныхъ Бояръ въ Варшаву, съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ Генрикъ; отнестися письменно къ Духовенству, къ Рыцарству и къ каждому Вельможѣ въ особенности; *просить* ихъ объ избраніи его (Іоанна) въ Короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а Христіанинъ и дѣйствительно крещенъ во имя Троицы; что Поляки

и Россіяне, будучи единаго племени, Славянскаго или Сармашскаго, должны какъ брашья имѣть единаго Опща-Государя. Іоаннъ писалъ къ нимъ весьма дружелюбно, благодарилъ за доброе намѣреніе, обѣщалъ выслашь Бояръ своихъ къ Сейму, но не сказалъ ничего рѣшипельнаго въ разсужденіи условій, ибо ждалъ Пословъ Цесаревыхъ, которые уже ѣхали въ Москву. Г. 1573 —77.

Гонецъ нашъ, Скобельцынъ, въ Авгуспѣ 1574 года возврашился изъ Вѣны безъ всякаго отвѣта, сказывая, что Императоръ хотѣлъ писать къ Царю съ своимъ человѣкомъ. Сія странность объяснилась: новый гонецъ Максимиліановъ привезъ къ Іоанну жалобу, что Скобельцынъ не взялъ отвѣтной грамоты, будто бы надписанной безъ полнаго Царскаго имени, и самовольно уѣхалъ; сверхъ чего велъ себя непристойно и злословилъ Императора[426]. Максимиліанъ увѣрялъ Царя въ искренней дружбѣ и благодарности, а Царь извѣстилъ его, что онъ *возложилъ* на Скобельцына *опалу*. Послѣ того были въ Москвѣ и другіе чиновники Австрійскіе, съ извиненіемъ, что Максимиліанъ *за большими недосугами* медлитъ условиться съ Іоанномъ о дѣлахъ Поль-

г. 1573 —77. скихъ. Въ знакъ усердія одинъ изъ сихъ гонцевъ донесъ Боярамъ, что Паны тайно склоняютъ Магнуса измѣнить Россіи, обѣщая ему городъ Ригу[427]. Наконецъ, въ Генварѣ 1576 года, пріѣхали къ намъ

Союзъ съ Австріею

знатные Австрійскіе сановники, Янъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Государь встрѣтилъ ихъ въ Можайскѣ, великолѣпно и пышно: *въ Русскомъ саженомъ* платьѣ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и въ діадимѣ, держа въ рукѣ скипетръ; престолъ окружали всѣ Бояре и Дворяне въ златыхъ одеждахъ. Іоаннъ и Царевичь встали, спрашивая о здравіи Императора, который прислалъ въ даръ своему *брату* и *союзнику* золотую цѣпь, украшенную драгоцѣнными каменьями съ изображеніемъ имени Максиміліанова, цѣною въ 8000 талеровъ. Императоръ *молилъ* Іоанна способствовать ему словомъ и дѣломъ, грамотами и мечемъ, въ возведеніи Эрнеста на тронъ Польскій, и не воевать Ливоніи, области *издавна принадлежащей къ Римской Имперіи*. »Тогда« — говорили Послы Максиміліановы Іоанну — »вся Европа Христіанская заключитъ союзъ съ »тобою, чтобы однимъ ударомъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть высокую »Державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, ко-

»имъ ты можешь навѣки прославить себя »и Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Кон- »стантинополя въ Аравію, искоренимъ »Вѣру Магометову, знаменіемъ креста сно- »ва освнимъ Ѳракію, Элладу — и все древ- »нее Царство Греческое *на восходъ солнца* »да будетъ твое, о Царь великій! Такъ »вѣщаютъ Императоръ, Св. Отецъ Папа »и Король Испанскій«[428]. Іоаннъ слушалъ холодно, не плѣняясь мыслію царство- вать на берегахъ Воспора и Геллеспонта; сказалъ, что его слово всегда твердо и ненарушимо; что онъ не перемѣнилъ сво- ихъ мыслей въ разсужденіи Королевства Польскаго: отдаетъ его Эрнесту и снова напишетъ о томъ къ Вельможамъ Ко- роннымъ; но что Литва и Кіевъ должны навѣки соединиться съ Россіею; что Ли- вонія наша, была и будетъ; что прежде никто не мыслилъ объ ней, а когда мы взяли оную, тогда Императоръ, Данія, Швеція, Польша вздумали объявить свои мнимыя права на сію землю; что для заключенія союза противъ невѣрныхъ на- длежитъ быть въ Москву Посламъ Ко- роля Испанскаго, Датскаго, Князей Нѣ- мецкихъ и другихъ Государей; что въ Россіи извѣстна судьба Людовика Венгер- скаго, который, вѣря обѣщаніямъ Импе- Г. 1573 —77.

г. 1573 —77. ратора, выступилъ въ поле, но, всѣми оставленный, въ неравной битвѣ съ Турками лишился жизни. Послы Цесаревы, соглашаясь уступить намъ Ливонію и Кіевъ, доказывали невозможность отдѣлить Литву отъ Польши, которыя хотятъ имѣть одного Властителя. »Знаете ли« — сказали они Московскимъ Боярамъ — »тайный замыслъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Ляховъ взять себѣ въ Короли »данника Оттомановъ, Князя Седмиградскаго, въ угодность Султану и ко вреду »Христіанства?« *Сего не будетъ*, отвѣтствовалъ Царь, требуя, чтобы Послы клятвою утвердили договоръ о Ливоніи; но Кобенцель и Даніилъ Принцъ объявили, что Государь ихъ, въ знакъ особеннаго уваженія къ Іоанну, пришлетъ для того въ Москву другихъ, *великихъ людей, Князей Владѣтельныхъ;* впрочемъ увѣряли, что все сдѣлается, какъ угодно Царю, и дали слово, что Императоръ склонитъ Шведскаго Короля къ покорности[429]. Іоаннъ былъ доволенъ; угостилъ ихъ во дворцѣ обѣдомъ и привелъ въ удивленіе великолѣпіемъ: сидѣлъ съ сыномъ за особеннымъ столомъ въ бархатной малиновой одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, — въ остроконеч-

ной шапкѣ, на коей сіялъ необыкновенной величины яхонтъ; двѣ короны (Царя и Царевича), блестящія крупными алмазами, лалами, изумрудами, лежали подлѣ; серебро, золото стояло горами въ комнатахъ.... »И всякой дворецъ« (писалъ Кобенцель къ Австрійскимъ Министрамъ) »имѣетъ особенную кладовую, наполненную такими чашами и блюдами; а Кремлевскій превосходитъ богатствомъ всѣ иные.... Однимъ словомъ, я видѣлъ сокровища Его Императорскаго Величества, Королей Испанскаго, Французскаго, Венгерскаго, Богемскаго, Герцога Тосканскаго, но не видалъ подобныхъ Іоанновымъ.... Когда мы ѣхали въ Россію, Вельможи Польскіе стращали насъ несносною грубостію Московскаго Двора: чтожь оказалось? ни въ Римѣ, ни въ Испаніи не нашли бы мы лучшаго пріема: ибо Царь знаетъ, съ кѣмъ и какъ обходиться: унижая Поляковъ, Шведовъ, честитъ, кого уважаетъ и любитъ.« — Отдаривъ Максиміліана черными соболями въ 700 рублей, Іоаннъ послалъ къ нему, въ санѣ *легкихъ Пословъ*, Князя Сугорскаго и Дьяка Арцыбашева, съ убѣдительнымъ представленіемъ, что надобно скорѣе заключить договоръ, ясный, тор-

г. 1573—77.

Г. 1573 —77. жественный между Австріею и Россіею; а къ Вельможамъ Короннымъ написалъ, чтобъ они выбрали Эрнеста, если хотятъ быть въ вѣчной дружбѣ съ сильнымъ Московскимъ Государствомъ, и не принимали Властителя отъ *Султанской руки*, если не хотятъ отвѣтствовать Богу за ужасное кровопролитіе[430]. Тогда же въ грамотѣ къ Панамъ Литовскимъ онъ изъявилъ желаніе быть ихъ Великимъ Княземъ или дать имъ Царевича Ѳеодора въ Государи, прибавивъ: »если же вы не »разсудите за благо имѣть особеннаго »Властителя, то вмѣстѣ съ Польшею »изберите Максимиліанова сына.«

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ и Цесарь могли бы предписать законы Сейму, если бы, рѣшительно объявивъ ему свои требованія, подкрѣпили оныя движеніемъ войска съ обѣихъ сторонъ, какъ писали къ Царю доброхотствующіе намъ Вельможи Литовскіе, зная расположеніе умовъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; но Максимиліанъ, уже слабый тѣломъ и душею, медлилъ: честилъ нашихъ Пословъ въ Регенсбургѣ[431], а своихъ не присылалъ въ Москву, и въ новыхъ безполезныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ, чрезъ гонцевъ, досаждалъ ему во-первыхъ тѣмъ, что затруднялся на-

зывать его *Императоромъ* или *Царемъ* *России*, называя только *Царемъ Казанскимъ* и *Астраханскимъ;* во-вторыхъ не преставалъ ходатайствовать о *жалкой, убогой* Ливоніи, и твердить, что она есть область Германіи. Отвѣтствуя Максимиліану всегда учтиво, всегда дружелюбно, Царь хладѣлъ въ усердіи доставить Эрнесту корону Польскую, и слышалъ безъ гнѣва, что Рыцарство и Шляхта противятся Вельможамъ въ семъ избраніи[432]. Сеймъ объявилъ тогда Кандидатами: 1) Эрнеста; 2) Фердинанда, брата Максимиліанова; 3) Короля или Принца Шведскаго; 4) Альфонса, Князя Моденскаго. О Царѣ не было слова: ибо онъ не отступился торжественно отъ сдѣланныхъ имъ въ 1574 году предложеній, столь несогласныхъ съ законами Республики, и вторично не разсудилъ за благо прислать знатныхъ, уполномоченныхъ сановниковъ въ Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношеніями съ нѣкоторыми изъ Пановъ. Между тѣмъ гонцы наши извѣщали его о всѣхъ движеніяхъ Сейма. Іоаннъ изъ Слободскаго Дворца своего видѣлъ игру и бореніе страстей на семъ шумномъ ѳеатрѣ, гдѣ умъ и краснорѣчіе заслуживали рукоплесканіе, а зо-

Г. 1573 —77.

г. 1573 —77. лото и сила рѣшили; гдѣ не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копья сверкали; гдѣ, отвергнувъ всѣхъ Кандидатовъ, выбрали наконецъ — двухъ Королей: вмѣсто Эрнеста, самого Императора, и Стефана Баторія: имя дотолѣ мало извѣстное, но коему надлежало прославиться въ Исторіи Россійской, къ безславію Іоанна!

Еще въ 1574 году, узнавъ о бѣгствѣ Генрика, Султанъ Селимъ далъ знать Вельможнымъ Панамъ[433], что если Королемъ ихъ будетъ Принцъ Австрійскій, воспитанный въ ненависти къ Оттоманской Имперіи, то война и кровопролитіе неминуемы для обѣихъ Державъ; что Князь Россійскій также опасенъ; что они могутъ возложить вѣнецъ на добродѣтельнѣйшаго изъ Вельможъ, Сендомирскаго Воеводу, или на Короля Шведскаго, или — если хотятъ *лучшаго* — на Князя Седмиградскаго Баторія, мужа знаменитаго разумомъ и великодушіемъ, который принесетъ къ нимъ и счастіе и славу, будучи вѣрнымъ другомъ могущественной Порты. Сіе предложеніе не осталось безъ дѣйствія: ибо Султанъ былъ страшнѣйшимъ изъ враговъ Королевства Польскаго. Въ Варшавѣ, въ Краковѣ гово-

рили о Стефанѣ, обязанномъ своею Г. 1573 —77.
Княжескою честію и властію не предкамъ, а собственному уму и характеру, избранію Вельможъ и народа Седмиградскаго[434]. Въ сей странѣ полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежнаго, происхожденія и Закона разнаго, онъ утвердилъ тишину, безопасность, терпимость Вѣръ: исповѣдуя Римскую, пріобрѣлъ любовь и Лютеранъ и Кальвинистовъ; снискалъ довѣренность Султана, и въ тоже время оказывалъ важныя услуги Императору; не менѣе отличался и храбростію, свѣдѣніями въ Наукахъ, краснорѣчіемъ — и самою величественною наружностію: имѣя 42 года отъ рожденія, еще былъ прекраснымъ мужемъ. Однимъ словомъ, усердные къ государственному благу Поляки не могли желать достойнѣйшаго Вѣнценосца. Сторона ихъ усилилась ходатайствомъ Вельможи, Самуила Зборовскаго, бывшаго изгнанникомъ въ Трансильваніи, и тамъ облаготвореннаго Стефаномъ. Дѣйствовали и любовь къ отечеству и золото Баторіево; еще болѣе закоренѣлая народная ненависть къ Австрійскому Дому. Сенатъ усердствовалъ Императору и Эрнесту; но въ рѣшительный часъ избра-

г. 1573 —77. нія раздался голосъ: »хотимъ Баторія! »онъ дастъ намъ миръ съ Турками и по»бѣду надъ всѣми иными врагами«[435]! Шляхта завопила: »Баторія!« Напрасно многіе Вельможи представляли, что онъ есть данникъ невѣрныхъ; что стыдно Христіанской Республикѣ имѣть Главою раба Султанскаго. Коронный Гетманъ, Янъ Замойскій, Епископъ Краковскій и знатная часть Дворянства наименовали Королемъ Седмиградскаго Князя, а Примасъ и Сенаторы Польскіе Максимиліана, стараго, недужнаго, какъ бы для того, чтобы вѣроятною близостію новаго выбора угодить мятежной Шляхтѣ, которая любила законодательствовать на Сеймахъ.

Избраніе Баторія въ Короли Польскіе.

Та и другая сторона увѣдомили избраннаго ею о сей чести, и Максимиліанъ, уже съ смертнаго одра, писалъ въ Москву, что онъ Король Польскій. »Радуюсь,« отвѣчалъ Царь: »но Баторій уже въ Кракові«[456]! Онъ дѣйствительно прибылъ туда съ хоругвію Султанскою и съ именемъ Короля, къ искреннему огорченію многихъ Литовскихъ Вельможъ, усердно хотѣвшихъ имѣть Ѳеодора своимъ Государемъ, въ надеждѣ, что сей юный Царевичь, невинный въ жестокостяхъ родителя, будетъ всегда жить въ Литвѣ,

примешъ ихъ обычаи и нравы, полюбишъ сію страну единовѣрную какъ вшорое ошечесшво, упвердишъ ея цѣлосшь миромъ съ Россіянами, и возврашишъ ей не шолько Полоцкъ, но, можешъ бышь, и Смоленскъ, и всю землю Сѣверскую. »Для »чего« — говорили они въ Вильнѣ чиновнику Іоаннову, Басшанову[437] — »для чего »Іоаннъ не хошѣлъ для себя славы, а для »насъ счасшія? Для чего Послы его не »были на Сеймѣ съ объявленіемъ условій »согласныхъ съ исшиннымъ благомъ обѣ»ихъ Державъ? Мы не любимъ Цесаря, не »шерпимъ Бaшорія, какъ присяжника Се»лимова.« Нѣкошорые изъ нихъ даже мыслили, чшо еще не ушло время дѣйсшвовашь; чшо можно уничшожишь беззаконный выборъ двухъ Королей, если Іоаннъ ошнесешся съ ласкою и съ дарами къ главнымъ Польскимъ Вельможамъ; если наше войско немедленно всшупишъ въ Лишву.... Но Максимиліанъ умеръ (12 Окшября 1576), а Башорій сѣлъ на пресшолѣ въ Краковѣ, давъ шоржесшвенное обязашельсшво свящо наблюдашь договоръ Генриковъ и всѣ усшавы Республики, жениться на пяшидесяшилѣшней сесшрѣ Августа-Сигизмунда, Аннѣ, — заключишь союзъ съ Ошшоманскою Имперіею, сми- Г. 1573 —77.

г. 1573 —77. рить Хана, освободить мечемъ или выкупить всѣхъ Христіанскихъ плѣнниковъ въ Тавридѣ, оградить безопасность Государства крѣпостями, всегда лично предводительствовать ратію и снова присоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя Царями Московскими, если Сенатъ и народъ хотятъ войны съ Россіею. »Да исчезнетъ боязнь малодушная!« говорилъ онъ: »имѣю дружину опытную, »силу въ рукѣ и доблесть въ сердцѣ!« — Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: »да здравствуетъ Король Баторій!«

Іоаннъ казался равнодушнымъ и спокойнымъ. Свѣдавъ, что ѣдутъ къ нему Посланники Стефановы, онъ велѣлъ оказать имъ надлежащую честь. Бояре спрашивали у нихъ о родѣ Баторія; хотѣли знать, какой титулъ даютъ ему въ письмахъ Султанъ, Императоръ и другіе Государи? Посланники отвѣтствовали: »Царь »увидитъ титулъ Стефановъ въ его гра»мотѣ.« Ихъ представили[438]. Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ; подлѣ него старшій Царевичь; Бояре на скамьяхъ въ Тронной, Дворяне и Дьяки въ сѣняхъ; Дѣти Боярскіе стояли на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной Палаты; близъ

сей Палаты, у перилъ и до церкви Благовѣщенія, гости и люди Приказные, всѣ безъ исключенія въ *золотой одеждѣ*; на площади Стрѣльцы съ ружьями. Взявъ грамоту Баторіеву, Царь спросилъ о здоровьѣ Короля, но не звалъ Посланниковъ къ обѣду. Въ письмѣ, учтивомъ и скромномъ, Стефанъ обѣщалъ наблюдать *до урочнаго времени сосѣдственную дружбу*, требуя *вида*, или *опасной грамоты*, для свободнаго проѣзда Великихъ Литовскихъ Пословъ въ Москву; увѣрялъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи; жаловался на Максиміліана, который въ досадѣ и ненависти злословилъ его, называлъ данникомъ Турецкимъ, а самъ платилъ Султану въ десять разъ болѣе, и болѣе Седмиградскихъ Князей ему раболѣпствовалъ. Бояре именемъ Государя сказали Посланникамъ, что Король Стефанъ явно идетъ на кровопролитіе: ибо 1) въ грамотѣ своей не даетъ Іоанну титула Царскаго, ни Смоленскаго, ни Полоцкаго Князя, какимъ всѣ признаютъ его, кромѣ безсмысленныхъ Ляховъ, именующихъ *Густава* Шведскаго, хотя и не Вѣнценосца, Королемъ; 2) дерзаетъ называть Царя *братомъ* своимъ, будучи Воеводою Седмиградскимъ, подданнымъ Короля Венгерскаго[439],

Г. 1573 —77.

Г. 1573 —77. и слѣдственно не выше Князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ; 3) величаетъ себя Государемъ Ливонскимъ. Ихъ отпустили съ приказомъ: »если Король желаетъ братства съ Іоанномъ, »то долженъ не вступаться въ Ливонію »и писать его *Царемъ*, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ;« но дали имъ *опасную* для Пословъ *грамоту*.

Сіе было въ Ноябрѣ 1576 года. Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову — не имѣя надежды достигнуть цѣли одними угрозами, и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно отдалъ намъ Ливонію, Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ сей землѣ. Время казалось ему благопріятнымъ: Король Шведскій, въ угодность женѣ своей окруживъ себя Іезуитами, вводя снова Латинскую Вѣру въ семъ Государствѣ, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не могъ и мыслить тогда о сильномъ сопротивленіи Россіянамъ въ Ливоніи; а Стефанъ воевалъ въ Пруссіи и долженъ былъ заняться кровопролитною осадою бунтующаго Данцига. Ханъ Девлетъ-Гирей, боясь долговременнымъ бездѣйствіемъ заслужить

презрѣніе Россіянъ, отважился было (въ 1576 году) явиться въ полѣ съ пятидесятью тысячами всадниковъ; но съ Молочныхъ Водъ ушелъ назадъ, свѣдавъ, что полки Московскіе стоятъ на берегахъ Оки; что самъ Іоаннъ въ Калугѣ; что Донскіе Козаки въ смѣломъ набѣгѣ взяли Исламъ-Кирменъ[440]. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности государственной; умноживъ войско въ крѣпостяхъ юго-восточной и западной Россіи, для отраженія Хана и Литвы[441]; составивъ, сверхъ того, значительную рать судовую на Волгѣ изъ Двинянъ, Пермичей, Суздальцевъ, чтобы обуздывать мятежную Черемису, Астрахань, Ногаевъ, и вмѣстѣ съ Донскими Козаками дѣйствовать противъ самой Тавриды, Іоаннъ готовился рѣшить судьбу Ливоніи.

Г. 1573.

Настал ъ 1577 годъ, ужаснѣйшій для сей земли несчастной, предзнаменованный (какъ думалъ народъ) страшными осенними вѣтрами и неслыханными зимними мятелями, такъ, что море Балтійское покрылось остатками разбитыхъ кораблей, а берега и пути трупами людей, утопшихъ во глубинѣ водъ и снѣговъ, равно бурныхъ[442]. Въ сіе время 50,000 Россіянъ шло отъ Новагорода къ Ревелю,

Г. 1573. Война Ливонская.

коего граждане тщетно ждали вспоможенія моремъ, изъ Финляндіи, Швеціи, Любека: корабли съ запасами и съ воинами тонули, или, уступая силѣ противныхъ вѣтровъ, обращались назадъ. Все было въ ожиданіи и въ страхѣ; а Король Шведскій, какъ бы въ шутку, писалъ къ Іоанну, что имъ нѣтъ никакой причины воевать другъ съ другомъ; что Швеція продаетъ Ревель Нѣмецкому Императору, и что Царь, желая имѣть сей городъ, можетъ требовать его отъ наслѣдника Максимиліанова[443]!

Но Ревельцы ободряли себя воспоминіемъ 1571 года — то есть, Магнусова бѣгства отъ ихъ стѣнъ — и подъ начальствомъ Шведскаго Генерала Горна встрѣтили Россіянъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Первыми Воеводами Царскими были юный Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій и старшій изъ Московскихъ Полководцевъ, Иванъ Васильевичь Меньшій Шереметевъ, который далъ слово Государю взять Ревель или положить тамъ свою голову[444]. Тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ управлялъ Князь Никита Прінмковъ-Ростовскій, имѣя многихъ пушкарей Нѣмецкихъ и Шотландскихъ. 23 Генваря началась осада, 27 пальба изо

всѣхъ нашихъ укрѣпленій — и продолжалась недѣль шесть безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Церкви, домы загарались; но граждане тушили огонь, отвѣтствовали на пальбу пальбою и въ частыхъ вылазкахъ иногда одерживали верхъ, такъ, что число Россіянъ, отъ битвъ, холода и болѣзней, значительно уменьшалось. Шереметевъ сдержалъ слово: не взялъ Ревеля, но положилъ свою голову, убитый ядромъ пушечнымъ. Тѣло сего храбраго Воеводы отвезли въ Москву[445] вмѣстѣ съ добычею и плѣнниками, Эстонскими и *Финляндскими*: ибо Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двулѣтнее перемиріе съ Финляндіею, посылалъ Татарскую конницу, черезъ ледъ залива, опустошать сію землю. Для устрашенія Ревельцевъ и для ободренія своихъ, Воеводы Московскіе распускали слухъ, что самъ Государь къ нимъ ѣдетъ; но первые знали (отъ измѣнника, Мурзы Булата, ушедшаго изъ стана въ крѣпость), что Царь въ Москвѣ; что въ Полководцахъ нашихъ нѣтъ бодрости, а въ воинахъ нѣтъ довѣренности къ Полководцамъ — и съ гордостію отвергали всѣ миролюбивыя предложенія Мстиславскаго. 13 Марта Россіяне зажгли станъ, наполненный трупа- г. 1577.

Г. 1577. ми, и велѣвъ сказать гражданамъ, что прощаются съ ними не на-долго, удалились[446].

Слѣдствіемъ сего вторичнаго торжества Ревельцевъ было опустошеніе всѣхъ Іоанновыхъ владѣній въ Ливоніи: не только Шведы и Нѣмцы, но и самые Эстонскіе крестьяне вездѣ нападали на малочисленныхъ Россіянъ. Явился витязь, сынъ Ревельскаго монетчика, Ивъ Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ за смѣлость: предводительствуя толпами вооруженныхъ земледѣльцевъ, онъ взялъ Виттенштейнъ, сжегъ Пернау, ограбилъ нѣсколько городковъ и замковъ въ Ервенѣ, въ Вирландіи, близъ Дерпта; злодѣйски мучилъ, убивалъ нашихъ плѣнниковъ[447], и тѣмъ возбудилъ жестокую месть, которая скоро пала на Ливонію: ибо войско, столь неудачно осаждавшее Ревель, было только нашимъ передовымъ отрядомъ.

Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ[448]: тамъ и во Псковѣ соединились всѣ ратныя силы его обширнаго Царства, всѣхъ земель и городовъ, южныхъ и полунощныхъ, Христіанскихъ и невѣрныхъ, съ береговъ моря Каспійскаго и Сѣвернаго, Черкасы и Ногаи, Мордва и Татары, Князья, Мурзы,

Атаманы — наконецъ всѣ Воеводы, кромѣ Сторожевыхъ, оставленныхъ блюсти границу отъ Днѣпра до Воронежа. Подъ Іоанномъ начальствовалъ бывшій Царь Касимовскій, Саинъ-Булатъ, который тогда, уже будучи Христіаниномъ, именовался *Симеономъ Великимъ Княземъ Тверскимъ*[449]. Князья Иванъ Шуйскій, Василій Сицкій, Шейдяковъ, Ѳедоръ Мстиславскій и Бояринъ Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ предводительствовали особенными полками. Давно Россія не видала такого сильнаго войска. Всѣ думали, что оно устремится на Ревель. »Мужайтесь снова,« писали къ его гражданамъ Рижане, отправивъ къ нимъ суда съ хлѣбомъ и воинскими снарядами: »готовьтесь къ третьей, »ужаснѣйшей бурѣ — и въ третій разъ »да спасетъ васъ Господь отъ злочестиваго тирана[450]!« 15 Іюня выѣхавъ изъ Новагорода, Царь около мѣсяца жилъ во Псковѣ, гдѣ явился къ нему и Магнусъ, уже съ трепетомъ, уже вѣроломный, какъ увидимъ; но еще Царь не зналъ сего тайнаго коварства и велѣлъ ему съ его Нѣмецкою дружиною итти къ Вендену, а самъ, 25 Іюля, вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ ми- Г. 1577.

*

г. 1577. рѣ съ Россіею. Такимъ образомъ началася война Іоаннова съ Баторіемъ, столь важная послѣдствіями! Главный Воевода Стефановъ, Хоткѣвичь, ни мало не готовый къ оборонѣ, бѣжалъ: за нимъ и другіе. Царь въ нѣсколько дней взялъ Маріенгаузенъ, Луиценъ, Розиттенъ, Дюнебургъ, Крейцбургъ, Лаудонъ; защитники ихъ, Поляки и Нѣмцы, не обнажили меча, требуя милосердія: которые сдавались безъ размышленія, тѣхъ выпускали свободными; которые медлили, тѣхъ брали въ плѣнъ[451]. До основанія разоривъ Лаудовъ, а всѣ другія крѣпости занявъ Московскими дружинами, Іоаннъ отрядилъ Воеводу Ѳому Бутурлина къ городу Зесвегену, гдѣ начальствовалъ братъ измѣнника Таубе. Россіяне овладѣли посадомъ; но Бутурлинъ извѣстилъ Царя, что Нѣмцы, отвергнувъ милость, *сѣли на смерть* въ крѣпости. Государь пришелъ самъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ: стѣны 21 Августа. пали, а съ ними и Нѣмцы къ ногамъ его. Уже не было милости: знатнѣйшихъ изъ нихъ посадили на колъ; другихъ продали Татарамъ въ неволю. Берсонъ, Кальценау покорились безъ условія: Іоаннъ отпустилъ всѣхъ тамошнихъ Нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми, въ Курляндію. — Съ дру-

гой стороны Магнусъ также бралъ города, не силою, а добровольно. »Хотите ли »спасти жизнь, свободу, достояніе?« писалъ онъ къ Ливонцамъ: »покоритесь мнѣ, »или увидите надъ собою мечь и оковы »въ рукахъ Москвитянъ.« Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, на условіяхъ выгодныхъ для ихъ безопасности, и въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой. Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости; наконецъ Венденъ и Вольмаръ, гдѣ граждане выдали ему Воеводу Стефанова, Князя Александра Полубенскаго. Съ легкомысленною гордостію извѣстивъ Царя о сихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не безпокоили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему, и въ числѣ городовъ, ему подвластныхъ, называлъ даже самый Юрьевъ или Дерптъ. Іоаннъ изумился! г. 1577.

Мы видѣли, что Царь, избравъ Магнуса въ орудіе нашей Политики, не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію; помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственный не есть надежное ручательство въ усердіи властолюбиваго. Онъ конечно не оставилъ безъ

Г. 1577. вниманія и не забылъ слуховъ о тайныхъ Магнусовыхъ сношеніяхъ съ Панами; но молчалъ, скрывалъ подозрѣніе до сего времени: тутъ закипѣлъ гнѣвомъ; устремился къ Кокенгузену; велѣлъ умертвить тамъ 50 Нѣмцевъ Магнусовой дружины и всѣхъ жителей продать въ неволю[452]; а къ зятю написалъ слѣдующее: »*Гольдовнику* нашему, Магнусу Королю. Я отпустилъ тебя изо Пскова съ дозволеніемъ занять единственно Венденъ.... »а ты, слѣдуя внушеніямъ злыхъ людей »или собственной безразсудности, хочешь »всего! Знай, что мы не далеко другъ отъ »друга. Управа легка: имѣю воиновъ и сухари; а болѣе мнѣ ничего ненадобно. Или »слушайся, или — если ты не доволенъ »городами, мною тебѣ данными — иди за »море въ свою землю. Могу отправить »тебя и въ Казань; а Ливонію очищу и »безъ твоего содѣйствія.« Пославъ Воеводъ своихъ въ Ашераденъ, Лепвардъ, Шванепбургъ, Тирсенъ, Пебальге, Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ, гдѣ, любя пренія Богословскія, мирно бесѣдовалъ съ главнымъ Пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, но едва было не предалъ его казни за нескромное сравненіе Лютера съ Апостоломъ Павломъ[453]. Узнавъ, что крѣпо-

сти южной Ливоніи не противятся на- г. 1577.
шему войску, онъ выступилъ къ Эрлѣ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей, за то, что они не вдругъ сдалися, и спѣшилъ къ Венделу. Въ тоже время Богданъ Бѣльскій съ Московскими Стрѣльцами окружилъ Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнусовъ, Георгъ Вильке. Сія крѣпость считалась одною изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ впустить Россіянъ, отвѣтствуя, что она *взята Королевскою саблею*; но видя изготовленія къ приступу, выѣхалъ къ нашему Воеводѣ и сказалъ: »Знаю, что мой Король присяжникъ Царя: удерживаюсь отъ кровопролитія. Возмите городъ: ѣду къ Магнусу.« Его послали къ Іоанну съ двадцатью Нѣмцами, а другихъ Магнусовыхъ людей, числомъ семдесятъ, изрубили; купцевъ и всѣхъ жителей оковали; ихъ имѣніе и домы опечатали. Въ знакъ своего особеннаго удовольствія Іоаннъ наградилъ Бѣльскаго золотою цѣпью, а бывшихъ съ нимъ Дворянъ золотыми медалями.

Въ Венденѣ находился самъ Магнусъ, который не хотѣлъ ѣхать къ Царю на встрѣчу, но, исполняя волю его, прислалъ къ нему Воеводу Стефанова, Князя Полубенскаго, и двухъ знатныхъ сановни-

Г. 1577. 31 Августа. Измѣна Магнусова.

ковъ съ извиненіями. Обласкавъ перваго, Іоаннъ, какъ пишутъ, вывѣдалъ отъ него важную тайну: узналъ вѣроломство своего присяжника; узналъ, что Магнусъ сносится съ Герцогомъ Курляндскимъ и мыслитъ покориться съ Ливонскими городами Баторію, внутренно ненавидя Россіянъ или Царя ихъ[454]. Что заставило сего Воеводу Стефанова измѣнить довѣренности Магнуса? желаніе ли отмстить ему за бунтъ Вольмарскихъ жителей? малодушный ли страхъ? неожидаемая ли милость Іоаннова? Какъ бы то ни было, Царь могъ законно казнить измѣнника, могъ предаться естественному, праведному гнѣву — но, умѣя иногда обуздывать себя, хладнокровно велѣлъ двухъ Пословъ Магнусовыхъ высѣчь розгами и сказать ему, чтобы онъ немедленно явился въ нашемъ станѣ. Магнусъ трепеталъ; не смѣлъ ослушаться, и съ двадцатью-пятью чиновниками поѣхалъ на страшный судъ; увидѣлъ Іоанна, сошелъ съ коня, палъ къ ногамъ Царскимъ. Іоаннъ поднялъ его, и говорилъ такъ, болѣе съ презрѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ: »Глупецъ! ты дерзнулъ »мечтать о Королевствѣ Ливонскомъ? »ты, бродяга, нищій, принятый въ мое »семейство, женатый на моей возлюблен-

»ной племянницѣ, одѣтый, обутый мною, г. 1577.
»надѣленный казною и городами — ты
»измѣнилъ мнѣ, своему Государю, отцу,
»благодѣтелю? Дай отвѣтъ! Сколько разъ
»слышалъ я о твоихъ замыслахъ гнус-
»ныхъ? но не вѣрилъ, молчалъ. Нынѣ все
»открылось. Ты хотѣлъ обманомъ взять
»Ливонію и быть слугою Польскимъ. Но
»Господь милосердый сохранилъ меня и
»предаетъ тебя въ мои руки. И такъ
»будь жертвою правосудія: возврати мое,
»и снова пресмыкайся въ ничтожествѣ«[455]!
— Магнуса со всѣми его чиновниками заперли въ одномъ пустомъ, ветхомъ домѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней и ночей провелъ на соломѣ. Между тѣмъ что дѣлалось въ Венденѣ?

Россіяне безъ сопротивленія вступили въ городъ. Воеводы, Князь Голицынъ и Салтыковъ, не велѣли имъ трогать жителей; вездѣ поставили крѣпкую стражу; очистили домы для Государя и Бояръ. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы Нѣмцы, боясь свирѣпости Іоанновой, съ женами, съ дѣтьми, съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ укрылись въ замкѣ, и не отворяли его. Россіяне хотѣли употребить силу: Нѣмцы начали стрѣлять, убили многихъ Дѣтей Боярскихъ, ранили Вое-

г. воду Салтыкова; не слушались даже и
1577. Магнуса, который приказывалъ имъ сдаться. Узнавъ о томъ, гнѣвный Царь велѣлъ знатнаго плѣнника, Георга Вильке, посадить на колъ, пушками разбить зàмокъ, умертвить всѣхъ Нѣмцевъ. Три дни громили стѣны: онѣ валились; не было спасенія для осажденныхъ[456]. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: »Умремъ, если такъ угодно »Богу; но не дадимъ себя тирану на муки. Подорвемъ зàмокъ!« Всѣ изъявили согласіе, даже и Пасторы, съ ними бывшіе. Наполнили порохомъ своды древняго Магистерскаго дома; причастились Святыхъ Таинъ; стали на колѣна, рядомъ, семействами: мужья съ женами, матери съ дѣтьми; молились усердно — и видя стремящихся къ нимъ Россіянъ, дали знакъ: сановникъ Магнусовъ, Генрикъ Бойсманъ, бросилъ въ окно горящій фитиль на кучу пороха.... съ ужаснымъ трескомъ взлетѣло зданіе. Всѣ погибли, кромѣ Бойсмана, оглушеннаго ударомъ, изувѣченнаго, но еще живаго, найденнаго въ развалинахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ духъ, и мертвый былъ посаженъ на колъ! Страшная месть пала и на мирныхъ жителей: мучили и казнили, сѣкли и жгли ихъ, на улицахъ безчестили женъ

и дѣвицъ[457]. Трупы лежали вокругъ города непогребенные. Однимъ словомъ, сія *Венденская кара* принадлежитъ къ ужаснѣйшимъ подвигамъ Іоаннова тиранства: она удвоила ненависть Ливонцевъ къ Россіянамъ. г. 1577.

Оттуда Царь пошелъ къ Роннебургу, Трикату, Шмильтену; сіи крѣпости, занятыя Литовцами, ему не противились. Начальники мирно встрѣчали его, довольные свободою возвратиться въ отечество, безъ оружія и безъ имѣнія; а Нѣмцевъ съ женами и съ дѣтьми брали въ плѣнъ[458]. Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Іоаннъ спѣшилъ въ Вольмаръ, торжествовать свои побѣды; далъ великолѣпный пиръ Воеводамъ Россійскимъ и знатнымъ Литовскимъ освобожденнымъ плѣнникамъ; въ особенности ласкалъ Князя Александра Полубенскаго; одарилъ ихъ шубами и кубками; сказалъ имъ гордо: »Идите къ Королю Стефану; убѣдите его заключить »миръ со мною на условіяхъ, мнѣ угод»ныхъ: ибо рука моя *высока!* Вы видѣли: »да знаетъ и онъ«[459]!... Вольмаръ напомнилъ Іоанну бѣглеца Курбскаго: онъ написалъ къ нему письмо такого содержанія (и вручилъ оное Князю Полубенскому 12 Сентября.

Письмо къ Курбскому.

Г. 1577. для доставленія): »Мы, Великій Государь »всея Россіи, къ бывшему Московскому »Болрину[460] Смиреніе да будетъ въ »сердцѣ и на языкѣ моемъ. Вѣдаю свои »беззаконія, уступающія только мило»сердію Божію: оно спасетъ меня, по »слову Евангельскому, что Господь ра»дуется о единомъ кающемся грѣшникѣ »болѣе, нежели о десяти праведникахъ. »Сія пучина благости потопитъ грѣхи »мучителя и блудника! Нѣтъ, не хва»люся честію: честь не моя, а Божія.... »Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго. »Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хо»тѣли владѣть Государствомъ и гдѣ »же нынѣ? Вы, сверженные правосудіемъ, »кипя яростію, вопили, что не осталось »мужей въ Россіи; что она безъ васъ уже »безсильна и беззащитна: но васъ нѣтъ, »а тверди Нѣмецкія пали предъ силою »Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ »вы не бывали.... Нѣтъ, ты былъ здѣсь, »но не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣг»ства, думая, что ты уже далеко отъ »Россіи, въ убѣжищѣ безопасномъ для измѣ»ны, недоступномъ для ея мстителей. »Здѣсь ты изрыгалъ хулы на Царя сво»его; но здѣсь нынѣ Царь, здѣсь Россія!... »Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы ли,

»отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались истинными виновниками моихъ человѣческихъ слабостей? Говорите о лютости Царя, хотѣвъ лишить его и престола и жизни! Войною ли, кровію ли пріобрѣлъ я Государство, бывъ Государемъ еще въ колыбели? И Князь Владиміръ, любезный вамъ измѣнникамъ, имѣлъ ли право на Державу, не только по своему роду, но и по личному достоинству, Князь равно безсмысленный и неблагодарный, вашими отцами вверженный въ темницу, и мною освобожденный[461]? Я стоялъ за себя; остервененіе злодѣевъ требовало суда неумолимаго.... Но не хочу многословія; довольно и сказаннаго. Дивися промыслу Небесному; войди въ себя; разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ мнѣ писать къ тебѣ, а любовь Христіанская, да воспоминаніемъ исправишься, и да спасется душа твоя.« — Сіе мнимое *смиреніе* конечно не исправило и не обмануло измѣнника, но могло растравить язву сердца его, къ удовольствію мстительнаго Царя. Курбскій, также мстительный, ждалъ благопріятнаго времени для отвѣта: оно приближалось! г. 1577.

Доселѣ Іоаннъ бралъ, что хотѣлъ; свирѣпствовалъ, казнилъ Ливонію безпре-

Г. 1577. пятственно; смѣялся надъ слабостію враговъ; съ надменностію воображалъ ужасъ, отчаяніе Королей Шведскаго и Польскаго; думалъ, что оружіе уже все рѣшило; что остальное прибавятъ договоры сильнаго съ безсильными. Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для новаго опустошенія Шведскихъ владѣній, разставивъ войско по городамъ, ввѣривъ оное Великому Князю Тверскому Симеону, Князьямъ Ивану Шуйскому и Василію Сицкому, Царь поѣхалъ въ Дерптъ. За нимъ везли измѣнника Магнуса и знатныхъ Дворянъ его, которые ежечасно ждали смерти; но Іоаннъ, не уважая законовъ государственной нравственности, государственнаго неумолимаго правосудія, умѣлъ быть снисходительнымъ къ измѣнѣ для выгодъ Политики. Такъ онъ, будучи въ Дюнебургѣ, *милостиво* сносился съ бѣглецами Крузе и Таубе: ибо сіи вѣроломные, видя успѣхи его, дерзнули снова предложить ему свои услуги, искренно или коварно, съ обѣщаніемъ способствовать намъ въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ[462]. Такъ Іоаннъ, къ общему удивленію, простилъ и Магнуса въ Дерптѣ, взявъ съ него клятву въ вѣрности, съ обязательствомъ заплатить Россіи 40,000 Венгерскихъ гульде-

новъ; возвратилъ ему свободу и владѣніе, Г. 1577.
Оберпаленъ, Каркусъ; еще прибавилъ къ симъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и другіе[463]; оставилъ Магнусу имя Короля, а себѣ Верховнаго Повелителя Ливоніи, и велѣлъ тамъ изобразить въ церквахъ слѣдующую надпись, худыми Нѣмецкими стихами, имъ самимъ, какъ увѣряютъ, сочиненными: »Есмь Іоаннъ, Государь мно»гихъ земель, исчисленныхъ въ моемъ ти»тулѣ. Исповѣдаю Вѣру предковъ своихъ, »истинно Христіанскую, по ученію Св. »Апостола Павла, вмѣстѣ съ добрыми Мо»сквитянами. Я ихъ Царь природный: не »вымолилъ, не купилъ сего титула; а мой »Царь есть Іисусъ Христосъ«[464]. — Изъ Дерпта пріѣхавъ во Псковъ, Іоаннъ осмотрѣлъ всѣхъ плѣнниковъ Ливонскихъ[465], нѣкоторыхъ освободилъ, другихъ скованныхъ послалъ въ Москву, и самъ, какъ бы утружденный великими подвигами, спѣшилъ отдохнуть въ уединеніи Слободы Александровской.

Здѣсь конецъ нашихъ воинскихъ успѣховъ въ Ливоніи, хотя и не весьма важныхъ для потомства, но знаменитыхъ, блестящихъ для тогдашнихъ Россіянъ, которые славились взятіемъ *двадцати семи городовъ* въ два или три мѣсяца. Уви-

г. 1577. димъ жестокій оборотъ Судьбы, злополучіе отечества и стыдъ Царя; увидимъ новое доказательство, что малодушіе свойственно тирану: ибо бѣдствія для него казнь, а не искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію! Но прежде описанія войны, какой дотолѣ мы не имѣли, въ послѣдній разъ еще явимъ Іоанна губительнымъ Ангеломъ Тмы для Россіянъ, обагреннымъ святою кровію невинности.

Шестая эпоха казней. Уже не было имени Опричниковъ, но жертвы еще падали, хотя и рѣже, менѣе числомъ; тиранство казалось утомленнымъ, дремлющимъ, только отъ времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось въ огромную книгу убійствъ сего царствованія смертоноснаго. Первый изъ Воеводъ Россійскихъ, первый *Слуга Государевъ* — тотъ, кто въ славнѣйшій часъ Іоанновой жизни прислалъ сказать ему: *Казань наша;* кто, уже гонимый, уже знаменованный опалою, безчестіемъ ссылки и темницы, сокрушилъ Ханскую силу на берегахъ Лопасни, и еще принудилъ Царя изъявить ему благодарность отечества за спасеніе Москвы — Князь

Михаилъ Воротынскій, чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего торжества, былъ преданъ на смертную муку, обвиняемый рабомъ его въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ злыми вѣдьмами, и въ умыслѣ извести Царя[466]: доносъ нелѣпый, обыкновенный въ сіе время, и всегда угодный тирану! Мужа славы и доблести привели къ Царю окованнаго. Услышавъ обвиненіе, увидѣвъ доносителя, Воротынскій сказалъ тихо: »Государь! дѣдъ, отецъ »мой учили меня служить ревностно Бо»гу и Царю, а не бѣсу; прибѣгать въ »скорбяхъ сердечныхъ къ Олтарямъ Все»вышняго, а не къ вѣдьмамъ. Сей клевет»никъ есть мой рабъ бѣглый, уличенный »въ татьбѣ: не вѣрь злодѣю.« Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить, доселѣ щадивъ жизнь сего *послѣдняго* изъ вѣрныхъ друзей Адашева, какъ бы невольно, какъ бы для того, чтобы имѣть хотя единаго побѣдоноснаго Воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновалась — и шестидесятилѣтняго Героя связаннаго положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Увѣряютъ, что самъ Іоаннъ кровавымъ жезломъ своимъ пригребалъ пылающіе уголья къ тѣлу страдальца. Изожженнаго, едва дышущаго взя-

Г. 1577.

Г. 1577. ли и повезли Воротынскаго на Бѣлоозеро: онъ скончался въ пути. Знаменитый прахъ его лежитъ въ обители Св. Кирилла. »О »мужъ великій!« пишетъ несчастный Курбскій: »мужъ крѣпкій душею и разумомъ! »священна, незабвенна память твоя въ »мірѣ! Ты служилъ отечеству неблагодар»ному, гдѣ добродѣтель губитъ и слава »безмолвствуетъ; но есть потомство, и »Европа о тебѣ слышала: знаетъ, какъ »ты своимъ мужествомъ и благоразуміемъ »истребилъ воинство невѣрныхъ на по»ляхъ Московскихъ, къ утѣшенію Хри»стіанъ и къ стыду надменнаго Султана! »Пріими же здѣсь хвалу громкую за дѣла »великія, а тамъ, у Христа Бога нашего, »вѣчное блаженство за неповинную муку!« — Знатный родъ Князей Воротынскихъ, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго, уже давно пресѣкся въ Россіи[467]: имя Князя Михаила Воротынскаго сдѣлалось достояніемъ и славою нашей Исторіи.

Вмѣстѣ съ нимъ замучили Боярина-Воеводу, Князя Никиту Романовича Одоевскаго, брата злополучной Евдокіи, невѣстки Іоанновой[468], уже давно обреченнаго на гибель мнимымъ преступленіемъ зятя и сестры; но тиранъ любилъ иногда отлагать казнь, хваляся долготерпѣ-

ніемъ, или наслаждался долговременнымъ страхомъ, трепетомъ сихъ несчастныхъ! Тогда же умертвили стараго Боярина, Михайла Яковлевича Морозова, съ двумя сыновьями и съ супругою Евдокіею, дочерью Князя Дмитрія Бѣльскаго, славною благочестіемъ и святостію жизни. Сей мужъ прошелъ невредимо сквозь всѣ бури Московскаго Двора; устоялъ въ превратностяхъ мятежнаго господства Бояръ, любимый и Шуйскими и Бѣльскими и Глинскими; на первой свадьбѣ Іоанновой, въ 1547 году, былъ Дружкою, слѣдственно ближнимъ Царскимъ человѣкомъ; высился и во время Адашева, опираясь на достоинства; служилъ въ Посольствахъ и воинствахъ, управлялъ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Казанской осадѣ; не вписанный въ Опричнину, не являлся на кровавыхъ пирахъ съ Басмановыми и съ Малютою, но еще умомъ и трудами содѣйствовалъ благу государственному; наконецъ палъ въ чреду свою, какъ противный остатокъ, какъ ненавистный памятникъ временъ лучшихъ. — Такъ же палъ (въ 1575 году) старый Бояринъ, Князь Петръ Андреевичь Куракинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Воеводъ въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, вмѣстѣ съ Боя-

Г. 1577.

г. 1577. риномъ Иваномъ Андреевичемъ Бутурлинымъ, который, переживъ гибель своихъ многочисленныхъ единородцевъ, умѣвъ снискать даже особенную милость Іоаннову[469], не избавился опалы ни заслугами, ни искусствомъ придворнымъ. Въ сей годъ и въ слѣдующіе два казнили Окольничихъ: Петра Зайцева, ревностнаго Опричника; Григорія Собакина, дядю умершей Царицы Мароы; Князя Тулупова, Воеводу *Дворов止ого*, слѣдственно любимца Государева, и Никиту Борисова; Крайчаго, Іоаннова шурина, Маренина брата, Калиста Васильевича Собакина, и Оружничаго, Князя Ивана Деветелевича[470]. Не знаемъ вины ихъ, или, лучше сказать, предлога казни. Видимъ только, что Іоаннъ не измѣнялъ своему *правилу смѣшенія* въ губительствѣ: довершая истребленіе Вельможъ старыхъ, осужденныхъ его Политикою, *безпристрастно* губилъ и новыхъ; карая добродѣтельныхъ, каралъ и злыхъ. Такъ онъ, въ сіе же время, велѣлъ умертвить Псковскаго Игумена Корнилія, мужа святаго, — смиреннаго ученика его, Вассіана Муромцева, и Новогородскаго Архіепископа, Леонида, Пастыря недостойнаго, алчнаго корыстолюбца: первыхъ какимъ-то мучительскимъ орудіемъ раз-

давили; послѣдняго обшили въ медвѣжью кожу и затравили псами[471]!... Тогда уже ничто не изумляло Россіянъ: тиранство притупило чувства.... Пишутъ, что Корнилій оставилъ для потомства исторію своего времени, изобразивъ въ ней бѣдствія отечества, мятежъ, раздѣленіе Царства и гибель народа, отъ гнѣва Іоаннова, глада, мора и нашествія иноплеменниковъ. г. 1577.

Здѣсь Курбскій повѣствуетъ еще о гибели добродѣтельнаго Архимандрита Ѳеодорита. Сей мужъ, бывъ Инокомъ Соловецкой Обители, другомъ Св. Александра Свирскаго и знаменитаго Старца Порфирія, гонимаго отцемъ Іоанновымъ за смѣлое ходатайство о несчастномъ Князѣ Шемякинѣ[472], имѣлъ славу крестить многихъ дикихъ Лопарей; не убоялся пустынь снѣжныхъ; проникъ во глубину мрачныхъ, хладныхъ лѣсовъ, и возвѣстилъ Христа Спасителя на берегахъ Туломы; узнавъ языкъ жителей, истолковалъ имъ Евангеліе, изобрѣлъ для нихъ письмена, основалъ монастырь близъ устья Колы, училъ, благотворилъ, подобно Св. Стефану Пермскому, и съ сердечнымъ умиленіемъ видѣлъ ревность сихъ мирныхъ, простодушныхъ людей къ Вѣрѣ истинной. Въ

г. 1577. 1560 году, по волѣ Іоанна, онъ ѣздилъ въ Константинополь, и привезъ ему отъ тамошняго Греческаго Духовенства *благословеніе на санъ Царскій* вмѣстѣ *съ древнею книгою вѣнчанія* Императоровъ Византійскихъ[475]. Послѣ того жилъ въ Вологдѣ, въ монастырѣ Св. Димитрія Прилуцкаго, и не смотря на старость, часто бывалъ въ своей любимой Кольской Обители, у новыхъ Христіанъ Лапландскихъ; ѣздилъ изъ пустыни въ пустыню, лѣтомъ рѣками и моремъ, зимою на оленяхъ; находилъ вездѣ любовь къ нему и вниманіе къ его ученію. Всѣми уважаемый, и самимъ Царемъ, Ѳеодоритъ возбудилъ гнѣвъ Іоанновъ дружбою къ Князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностнаго Христіанскаго Пастыря: дерзнулъ напомнить Государю о жалостной судьбѣ знаменитаго бѣглеца, столь же несчастнаго, сколь и виновнаго; дерзнулъ говорить о прощеніи. Ѳеодорита утопили въ рѣкѣ, по сказанію нѣкоторыхъ; другіе увѣряли, что онъ хотя и заслужилъ опалу, но мирно преставился въ уединеніи[474].

Мѣстничества. Не щадя ни добродѣтели, ни святости, — требуя во всемъ повиновенія безмолвнаго, Іоаннъ въ тоже время съ уди-

вишельнымъ хладнокровіемъ терпѣлъ непрестанныя *мѣстничества* нашихъ Воеводъ, которые въ семъ случаѣ не боялись изъявлять самаго дерзкаго упрямства: молча видѣли казнь своихъ ближнихъ; молча склоняли голову подъ сѣкиру палачей: но не слушались Царя, когда онъ назначалъ имъ мѣста въ войскѣ не по ихъ родовому старѣйшинству. На примѣръ: чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ *Большомъ Полку*, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ Воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ *Передовомъ* или въ *Сторожевомъ*, въ *Правой* или въ *Лѣвой Рукѣ*[475]. Недовольный отсылалъ Указъ Государевъ назадъ съ жалобою, требуя суда. Царь справлялся съ Книгами Розрядными и рѣшилъ тяжбу о старѣйшинствѣ, или, въ случаяхъ важныхъ, отвѣтствовалъ: »*быть Воеводамъ безъ мѣстъ*; каждому »оставаться на своемъ, впредь до разбо»ра.« Но время дѣйствовать уходило, ко вреду Государства, и виновникъ не подвергался наказанію. Сіе мѣстничество оказывалось и въ службѣ придворной: любимецъ Іоанновъ, Борисъ Годуновъ, новый Крайчій, (въ 1578 году) судился съ Бояриномъ, Княземъ Василіемъ Сицкимъ, ко-

г. 1577.

Г. 1577. тораго сынъ не хотѣлъ служить на-ряду съ нимъ за столомъ Государевымъ; не смотря на Боярское достоинство Князя Василія, Годуновъ Царскою грамотою былъ объявленъ выше его *многими мѣстами*, для того, что дѣдъ Борисовъ въ старыхъ Розрядахъ стоялъ выше Сицкихъ[476]. — Дозволяя Воеводамъ спорить о первенствѣ, Іоаннъ не спускалъ имъ оплошности въ ратномъ дѣлѣ: на примѣръ, знатнаго сановника, Князя Михайла Ноздроватаго, *высѣкли на конюшнѣ* за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена[477].

»Но сіи люди« — пишетъ Историкъ Ливонскій — »ни отъ казней, ни отъ без»честія не слабѣли въ усердіи къ ихъ »Монарху. Представимъ достопамятный »случай[478]. Чиновникъ Іоанновъ, Князь Су»горскій, посланный (въ 1576 году) къ »Императору Максимиліану, занемогъ въ »Курляндіи. Герцогъ, изъ уваженія къ Ца»рю, нѣсколько разъ навѣдывался о боль»номъ чрезъ своего Министра, который »всегда слышалъ отъ него сіи слова: *жизнь »моя ничто: лишь бы Государь нашъ здрав»ствовалъ!* Министръ изъявилъ ему удивленіе. *Какъ можете вы* — спросилъ онъ — *»служить съ такою ревностію тирану?* Князь Сугорскій отвѣтствовалъ: »*Мы*

»*Русскіе преданы Царямъ и милосердымъ* Г. 1577.
»*и жестокимъ*. Въ доказательство больный
»разсказалъ ему, что Іоаннъ не задолго
»предъ тѣмъ велѣлъ, за малую вину, одно-
»го изъ знатныхъ людей посадить на
»колъ; что сей несчастный жилъ цѣлыя
»сутки, въ ужасныхъ мукахъ говорилъ
»съ своею женою, съ дѣтьми, и безпре-
»станно твердилъ: *Боже! помилуй Ца-*
»*ря!*« . . . То есть, Россіяне славились
тѣмъ, чѣмъ иноземцы укоряли ихъ: слѣ-
пою, неограниченною преданностію къ
Монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсуд-
ныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ
и человѣческихъ законовъ.

Примѣръ вѣрности.

Въ сіи годы необузданность Іоаннова
явила новый соблазнъ въ преступленіи
святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыд-
ствомъ неслыханнымъ. Царица Анна ско-
ро утратила нѣжность супруга, своимъ
ли безплодіемъ, или единственно по то-
му, что его любострастіе, обманывая за-
конъ и совѣсть, искало новыхъ предме-
товъ наслажденія: сія злосчастная, какъ
нѣкогда Соломонія, должна была отка-
заться отъ свѣта, заключилась въ мо-
настырѣ Тихвинскомъ, и названная въ
Монашествѣ или въ Схимѣ Даріею, жила
тамъ до 1626 года[479]; а Царь, уже не со-

Г. 1577. блюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой[480]. Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго*; не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева: онъ, безъ всякихъ иныхъ священныхъ обрядовъ, *взялъ только молитву* для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы Царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи!

Пятое и шестое супружество Іоанново.

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею. Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка, Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Седьмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію: отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

Г. 1577 — 1582.

Торжествуя въ Москвѣ свои Ливонскія завоеванія, презирая Баторія и Швецію, Іоаннъ, кажется, не видалъ, не угадывалъ великихъ для себя опасностей; однакожь искалъ союзниковъ: писалъ къ новому Императору, Рудольфу, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе о кончинѣ Максиміліановой; изъявлялъ готовность заключить съ нимъ договоръ о *любви* и *братствѣ*; посылалъ въ Вѣну Дворянина Ждана Квашнина[481], въ надеждѣ склонить Цесаря къ войнѣ

Г. 1577 —78. Переговоры съ Австріею

Г. 1577 —78. съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу, Литву, — наконецъ ополчиться со всею Европою на Султана: главная мысль сего времени, внушенная Папами Императорамъ! При Дворѣ Вѣнскомъ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, Сирадскій Воевода, Албрехтъ Ласко, врагъ Стефановъ, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ: Государь убѣждалъ его одушевить умомъ своимъ и ревностію медленную, слишкомъ хладнокровную Политику Австрійскую. Замѣтимъ, что Квашнинъ долженъ былъ развѣдать въ Германіи, друженъ ли Папа съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Французскимъ, Шотландскимъ, Елисаветою Англійскою; усмирились ли внутренніе мятежи во Франціи; какіе переговоры идутъ у Цесаря съ нею и съ другими Державами; сколько у него доходу и войска? Такъ со временъ Іоанна III, первоначальника Державы Россійской и государственной ея системы, Цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотѣли знать взаимныя отношенія Государствъ, отчасти изъ любопытства, свойственнаго разуму дѣятельному, отчасти и для того, чтобы въ ихъ союзахъ и непріязни искать непосредственной

или хотя отдаленной выгоды для нашей собственной Политики. Но Квашнинъ возвратился только съ обѣщаніемъ, что Императоръ не замедлитъ прислать кого нибудь изъ первыхъ Вельможъ въ Москву, желая утвердить дружбу съ нами; и, къ неудовольствію Іоанна, Рудольфъ жаловался ему на бѣдственное опустошеніе Ливоніи, несогласное ни съ ихъ *братствомъ*, ни съ человѣколюбіемъ, ни съ справедливостію. Квашнинъ привезъ также грамоту отъ Венгерскаго Воеводы Роберта, который, хваля умъ сего Царскаго Посланника, молилъ Іоанна, какъ *втораго* Христіанскаго Вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ Турками, убѣждалъ его взять Молдавію, *отказанную Россіи* умершимъ въ Москвѣ Господаремъ Богданомъ[482]. Сіе письмо было тайное: ибо Австрійскій Кабинетъ, издавна опасливый, безъ сомнѣнія не дозволилъ бы Магнату Венгерскому отъ имени своего народа сноситься съ чужеземнымъ Государемъ о дѣлахъ столь важныхъ. Робертъ уже зналъ Императора, искуснаго Химика, Астронома и всадника, но весьма худаго Монарха; предвидѣлъ грозу для Венгріи отъ вла-

Г. 1578, Іюня 18.

Г. 1578. столюбія Султановъ и желалъ противоборствовать оному новымъ властолюбіемъ Россіи, ославленной тогда могуществомъ: ибо Максиміліановы Послы, бывшіе у насъ въ 1576 году, распустили слухъ въ Европѣ о несмѣтности Іоаннова войска[483]. Но слабодушный преемникъ Максиміліановъ хотя и ненавидѣлъ Баторія, хотя и трепеталъ Султана, но не думалъ воспользоваться союзомъ Царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію.

Договоръ съ Даніею. Другимъ естественнымъ союзникомъ нашимъ могъ быть Король Датскій, Фридерикъ: не смотря на миръ съ Швеціею, онъ не вѣрилъ ея дружбѣ, искалъ Іоанновой, и (въ 1578 году) прислалъ въ Москву знатныхъ чиновниковъ, Якова Ульфельда и Григорія Ульстанда[484], съ жалобою, что Россіяне заняли въ Ливоніи нѣкоторыя Датскія владѣнія: Габзаль, Леаль, Лоде, и съ предложеніемъ вѣчнаго мира на условіяхъ выгодныхъ для обѣихъ Державъ. Фридерикъ желалъ имѣть часть Эстоніи и способствовать намъ въ изгнаніи Шведовъ, хваляся тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ льстивыхъ обѣщаній врага нашего, Стефана. Но гордые, непреклонные Бояре Московскіе, какъ пишетъ Уль-

фельдъ[485], думали только о выгодахъ собственнаго властолюбія; не оказали ни малѣйшаго снисхожденія; не хотѣли слушать ни требованій, ни противорѣчій; отвергнули искренній союзъ Даніи, вѣчный миръ, и заключили единственно перемиріе на 15 лѣтъ, коего условія были слѣдующія: 1) Король признаетъ всю Ливонію и Курляндію собственностію Царя, а Царь утверждаетъ за нимъ островъ Эзель съ его землями и городами; 2) первому не давать ни людей, ни денегъ Баторію, ни Шведамъ въ ихъ войнѣ съ Россіею, которая также не будетъ помогать врагамъ Даніи; 3) въ Норвегіи возстановятся древнія границы между Россійскими и Датскими владѣніями; 4) съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцевъ и безопасность для путешественниковъ; 5) Фридерикъ не долженъ останавливать Нѣмецкихъ художниковъ на пути въ Москву. За сей договоръ, явно выгодный для одного Царя, Ульфельдъ лишился Фридериковой милости[486], и злобясь на Россіянъ, въ описаніи своего путешествія клянетъ ихъ упрямство, лукавый умъ, необузданность безпримѣрную. Г. 1578.

Желая если не союза, то хотя мира съ Девлетъ-Гиреемъ, уже слабымъ, изды- Дѣла Крымскія.

Г. 1578. хающимъ, Іоаннъ не преставалъ сноситься съ нимъ чрезъ гонцевъ; если не уступалъ, то и не требовалъ ничего, кромѣ Шертной грамоты и мирнаго бездѣйствія отъ Хана. Девлетъ-Гирей умеръ (29 Іюня 1577), и сынъ его, Магметъ-Гирей, заступивъ мѣсто отца, весьма дружелюбно извѣстилъ о томъ Іоанна; сдѣлалъ еще болѣе: напалъ на Литву, разорилъ и выжегъ не малую часть земли Волынской, исполняя совѣтъ Вельможъ, которые говорили, что новый Ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе пожарами и кровопролитіемъ въ земляхъ сосѣдственныхъ! Іоаннъ спѣшилъ отправить къ нему знатнаго сановника, Князя Мосальскаго, съ привѣтствіемъ, съ богатыми дарами, какихъ дотолѣ не видала Таврида, и съ наказомъ весьма снисходительнымъ; на примѣръ: »*Бить челомъ* Хану; обѣщать дары *ежегодные* въ случаѣ союза, но не писать »ихъ въ Шертную грамоту; требовать, »но безъ упорства, чтобы Магметъ-Гирей называлъ Великаго Князя *Царемъ;* »вообще вести себя *смирно*, убѣгать рѣчей колкихъ, и если Ханъ или Вельможи »его вспомянутъ о временахъ Калиты и »Царя Узбека, то не оказывать гнѣва, »но отвѣтствовать тихо: *не знаю ста-*

»*рины; вѣдаетъ ее Богъ и вы, Государи!*« Столь домогался Іоаннъ найти сподвижника въ новомъ Ханѣ, чтобы обуздать Стефана ужасомъ Крымскихъ, гибельныхъ для Литвы набѣговъ! Но сія Политика, счастливая только въ государствованіе Іоанна III, ни для сына, ни для внука его не имѣла успѣха. Магметъ-Гирей за свою дружбу хотѣлъ Астрахани, обѣщая отдать намъ Литву и Польшу! хотѣлъ также, чтобы Царь свелъ Козаковъ съ Днѣпра и съ Дона. Сіи требованія были объявлены Ханскими Послами въ Москвѣ[487]. Имъ сказали, что Днѣпровскіе и Донскіе Козаки не зависятъ отъ насъ; что первые служатъ Баторію, а вторые суть бѣглецы Россійскіе и Литовскіе, коихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ; что оружіе и Вѣра навѣки утвердили Астрахань за Россіею; что тамъ уже воздвигнуты храмы Бога Христіанскаго, основаны монастыри, живутъ коренные Христіане. Магметъ-Гирей твердилъ Царю: »Ты уступалъ намъ сей го»родъ: исполни же *обѣщаніе!* Тогда вдовы »и сироты ваши могутъ спокойно хо»дить въ серебрѣ и золотѣ: никто изъ »моихъ воиновъ не тронетъ ихъ на са»мыхъ пустынныхъ дорогахъ.« Между тѣмъ

Г. 1578.

г. 1578. онъ просилъ четырехъ тысячь рублей: Государь послалъ ему тысячу; не жалѣлъ даровъ ни для женъ, ни для Вельможъ его, но не достигъ цѣли: Стефанъ предупредилъ насъ, и купивъ постыдное дружество сего Атамана разбойниковъ, могъ дѣйствовать всѣми силами противъ Россіи.

Переговоры и война съ Баторіемъ. Любя великія дѣла и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадою Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло, однакожь писалъ къ Царю, что онъ удивляется его явному недружелюбію и предлагаетъ не лить крови, буде еще можно согласить миромъ выгоды, честь, безопасность обѣихъ Державъ, Россіи и Польши. »Твоя досада неосновательна,« отвѣтствовалъ ему Іоаннъ: »взявъ города свои въ »Ливоніи, я выслалъ оттуда людей ва»шихъ безъ всякаго *наказанія*. Ты Король, »но не Ливонскій«[488]. Послы Стефановы, Воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву (въ Генварѣ 1578), торжественно объявили Боярамъ, что Король мыслитъ единственно о спокойствіи Державъ Христіанскихъ, хочетъ жить въ дружбѣ со всѣми и въ особенности съ

Россiею; что перемирiе нарушено непрiятельскими дѣйствiями Царя въ Ливонiи; что Стефанъ уполномочилъ ихъ (Пословъ) возстановить тишину навѣки. Для сего Бояре требовали, чтобы Король, именуя Іоанна Царемъ, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, не вступался ни въ Ливонiю, ни въ Курляндiю, нераздѣльную съ нею, и еще отдалъ Россiи Кiевъ, Каневъ, Витебскъ съ другими городами; а Паны Королевскiе требовали не только всей Ливонiи, но и *всѣхъ* древнихъ Россiйскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемирiе на три года, но въ Русскую грамоту включили слова: *Королю не вступаться въ Ливонiю* (чего не было въ Польской грамотѣ), и Государь, утверждая сей договоръ обыкновенною присягою, сказалъ: »цѣлую крестъ *сосѣду* моему, Стефану Королю, въ томъ, что исполню »условiя; а Ливонской и Курляндской земли не отступаюсь.« Сановники Карповъ и Головинъ поѣхали къ Стефану быть свидѣтелями его клятвы и размѣняться записями[439]. Но сей договоръ остался безъ дѣйствiя и не унялъ кровопролитiя. г. 1578.

Уже обстоятельства начали измѣнять-

Г. 1578. ся, къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Еще въ 1577 году Шведскій Адмиралъ Гилленанкеръ съ вооруженными судами явился передъ Нарвою, сжегъ тамъ деревянныя укрѣпленія, умертвилъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько Россіянъ[490]; другая толпа Шведовъ опустошила часть Кексгольмскаго Уѣзда. Ревельцы и Шенкенбергъ-Аннибалъ также непрестанными впаденіями тревожили Эстонію Россійскую; а Воеводы Іоанновы спокойно отдыхали въ городахъ, презирая слабыхъ враговъ, и своимъ бездѣйствіемъ вселяя въ нихъ смѣлость. Пишутъ, что Литовскіе сановники, желая отнять у насъ Дюнебургъ, употребили хитрость: какъ бы въ знакъ дружбы прислали тамошнимъ Московскимъ воинамъ бочку вина, ночью ворвались въ крѣпость и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Нѣмцы, служащіе Баторію, столь же внезапно и легко взяли еще гораздо важнѣйшее мѣсто, Венденъ, прославленный великодушною гибелію Магнусовой дружины и жестокою местію Царя. Оплошные Воеводы не видали, не слыхали, какъ Нѣмцы, поддѣлавъ ключи къ воротамъ Венденскимъ, вступили въ городъ, чтобы рѣзать сонныхъ Россіянъ[491]. Въ то же время свѣдалъ Іоаннъ, что

тѣнь мнимаго Королевства Ливонскаго, Г.
изобрѣтеніе хитрой его Политики, исчезла наконецъ бѣгствомъ мнимаго Короля. 1578.
Измѣна, уже давно замышляемая, совершилась: жертва честолюбія и страха, Магнусъ, снова присягнувъ въ вѣрности къ Іоанну, снова обратился къ Баторію, заключилъ съ нимъ договоръ и тайно уѣхалъ изъ Оберпалена въ Курляндію, въ городокъ Пильтенъ, вмѣстѣ съ юною супругою, которая не безъ горести пожертвовала ему своимъ отечествомъ, хотя и не могла любить дяди, убійцы несчастныхъ ея родителей [492].

Легковѣріе не было свойственно Іоанну: онъ конечно не удивился бѣгству Магнуса, желавъ только на время имѣть въ немъ орудіе для своей Политики; но казался изумленнымъ, винилъ себя въ излишнемъ милосердіи къ вѣроломному [493] и послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ къ Венdену, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ сыномъ, Боярина Морозова и другихъ, чтобы землю, омоченную тамъ кровію Россіянъ, омочить Нѣмецкою; но Воеводы не умѣли взять крѣпости: стрѣляли изъ пушекъ, и сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, удалились: ибо свѣдали, что на нихъ идутъ Воеводы Баторіевы, Дембинскій, Бюрингъ

г. 1578. и Хоткѣвичь. Сію неудачу загладили младшіе сановники Царскіе, Князь Иванъ Михайловичь Елецкій и Дворянинъ Леонтій Григорьевичь Волуевъ: съ горстію людей осажденные въ Ленварденѣ Рижскими Нѣмцами и Литовскимъ Воеводою, не имѣя хлѣба, имѣя только желѣзо и порохъ, они бились какъ Герои въ теченіе мѣсяца: питались лошадинымъ мясомъ, кожами, и своимъ мужествомъ, своимъ терпѣніемъ побѣдили непріятеля: онъ ушелъ, оставивъ множество труповъ подъ стѣнами[494]. Между тѣмъ Шведы и неутомимый Шенкенбергъ - Аннибалъ сожгли предмѣстіе Дерпта, и всѣхъ, захваченныхъ ими Россіянъ умертвили, женъ и дѣтей. Не было милосердія, ни человѣчества: обѣ стороны въ ужасныхъ своихъ лютостяхъ оправдывались закономъ мести.

Въ концѣ лѣта Воеводы Московскіе, Князья Иванъ Юрьевичь Голицынъ, Василій Агишевичь Тюменскій, Хворостининъ, Тюфякинъ, приступили къ Оберпалену, занятому Шведами послѣ Магнусова бѣгства съ согласія тамошнихъ Нѣмцевъ. Взявъ сію крѣпость и 200 плѣнниковъ, Воеводы отослали ихъ въ Москву на казнь и смерть; должны были итти немедленно къ Вендену, но споря между собою о

начальствѣ, не исполняли Царскаго указа: Г.
Іоаннъ съ гнѣвомъ прислалъ въ Дерптъ 1578.
знаменитаго Дьяка, Андрея Щелкалова, и любимаго Дворянина своего, Данила Салтыкова, велѣвъ имъ смѣнить Воеводъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго ослушанія[495]. Наконецъ они выступили, давъ время изготовиться непріятелю и Литовцамъ соединиться съ Шведами; осадили Венденъ и чрезъ нѣсколько дней (21 Октября) увидѣли непріятеля за собою: Сапѣга съ Литвою и Нѣмцами, Генералъ Бое съ Шведами напали на 18,000 Россіянъ, едва успѣвшихъ построиться внѣ своихъ окоповъ. Долго бились мужественно; но худая конница Татарская въ рѣшительный часъ выдала нашу пѣхоту и бѣжала. Россіяне дрогнули, смѣшались, отступили къ укрѣпленіямъ, гдѣ сильною пальбою еще удерживали стремленіе непріятеля. Ночь прекратила битву: Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, Окольничій Ѳедоръ Шереметевъ, Князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ Дьякомъ Щелкаловымъ, равно умнымъ и малодушнымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее

г. 1578. бѣгство. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали — но они говорили, что думали, и явили примѣръ достойный лучшихъ временъ Рима: Воеводы, Бояринъ Князь Василій Андреевичь Сицкій, Окольничій Василій Ѳедоровичь Воронцовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Данило Борисовичь Салтыковъ, Князь Михайло Васильевичь Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти, и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, видя единственно горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ ударилъ; Окольничаго Татева, Князей Хворостинина, Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова, взялъ въ плѣнъ; кинулся на снарядъ огнестрѣльный, и съ изумленіемъ увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской

Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей.

вѣрности: Московскіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю, повѣсились на своихъ орудіяхъ[496].... Сіи люди не мечтали о славѣ; имена ихъ остались неизвѣстными: самое дѣло не дошло бы до потомства, если бы умный Секретарь Королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ оначего въ свою Исторію, съ удивленіемъ души благородной, чувствительной къ великому и въ самыхъ непріятеляхъ. Добычею побѣдителей были 17 пушекъ, весь

обозъ и множество коней Татарскихъ. Число убитыхъ Россіянъ простиралось за 6000. — Такъ начался важные успѣхи Баторіевы и несгоды Іоанновы въ сей войнѣ злосчастной, но не безславной для Россіи, которая все имѣла для побѣды: и силу и доблесть, но не имѣла великодушнаго отца-Государя!

Доселѣ Іоаннъ не мыслилъ искренно о мирѣ: безъ сомнѣнія думалъ, что и перемиріе не будетъ утверждено Королемъ съ обязательствомъ не вступаться въ Ливонію[497]; ждалъ вѣстей, съ одной стороны отъ Пословъ Московскихъ изъ Кракова, съ другой отъ Воеводъ о чаемомъ, легкомъ взятіи Вендена, и не хотѣлъ видѣть Стефанова гонца, присланнаго къ нему съ убѣжденіемъ заключить особенный договоръ о городахъ Ливонскихъ[498]. Встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ на письмо Баторіево, что Г. 1579. онъ согласенъ дружелюбно рѣшить судь- 11 Генбу Ливоніи, будетъ ждать для того но- варя. выхъ Пословъ Королевскихъ въ Москву, удивляется невозвращенію нашихъ изъ Кракова и ревностно желаетъ честнаго мира. Но Баторій уже изготовился къ войнѣ, смиривъ Данцигъ.

г. 1579. Сей опасный врагъ, изъявляя намъ миролюбіе, въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность Государства. »Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей,« сказалъ онъ: »Крымцы жгутъ, Россіяне берутъ наши владѣнія. Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?« Уже присутствіе великаго мужа одушевляло Вельможъ и Дворянство ревностію ко благу отечества: Баторій зналъ худо языкъ, но твердо Исторію Литвы и Польши; исчислилъ земли, отнятыя у нихъ Россіею; винилъ слабость Королей, льстилъ народному самолюбію, указывалъ на мечь свой и слушалъ разсужденія Сейма. »Таврида« — говорили Паны — »зависитъ отъ Султана: наступательная война съ нею можетъ раздражить его; когда мы будемъ въ Тавридѣ, Оттоманы »будутъ въ Польшѣ. И что корысти? »Сей дикій непріятель всегда грабитъ и »всегда бѣденъ. Лучше до времени искать »мира съ Ханомъ. — Государство Московское велико и сильно: тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ Природы »и торговлею: тѣмъ болѣе добычи!« Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско; обре-

менили неслыханными доколѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился; вооружались и платили съ чувствомъ или съ видомъ усердія. — Не обольщая себя излишнею надеждою на собственныя силы, Баторій требовалъ вспоможенія отъ другихъ Державъ, отъ Султана и Папы! Желая снискать особенное благоволеніе перваго, онъ не усомнился нарушить святую обязанность чести: ибо думалъ, что совѣсть должна молчать въ Политикѣ, и что государственная выгода есть главный законъ для Государя. Въ самое то время, когда Стефанъ вездѣ искалъ мира и союза, чтобы усильно дѣйствовать противъ насъ, бѣдный Козакъ Днѣпровскій, родомъ Волохъ, славный наѣздникъ и силачь (одною рукою ломавшій на-двое подкову, и для сего прозванный *Подковою*), умѣлъ съ толпою бродягъ нечаянно завоевать Валахію, гдѣ властвовалъ присяжникъ Султанскій, другъ Баторіевъ, Господарь Петръ. Оскорбленный такимъ успѣхомъ дерзости, Стефанъ послалъ войско изгнать хищника. Но мужественный Козакъ, Воеводами и словомъ Баторія удостовѣренный въ личной безопасности, сдался имъ добровольно. Чтожь сдѣлалъ Король? велѣлъ отп- г. 1579.

г. 1579. сѣчь ему голову, въ угодность Султану, и въ присутствіи его Посла, сказавъ Вельможамъ: »для Народнаго Права не раз»дражу сильнаго, ко вреду Государства!« Сіе вѣроломство доставило Баторію одну ласку Амуратову: умный Визирь Махметъ сказалъ Посламъ Стефановымъ въ Царѣградѣ: »Желаемъ Королю славы и побѣды; »возможно, хотя и не легко одолѣть Ца»ря Московскаго, коего одинъ Султанъ »превосходитъ грозою.« Папа обѣщалъ Баторію ходатайствовать за него во всѣхъ Кабинетахъ Европы и прислалъ мечь съ благословеніемъ, а Курфирстъ Бранденбургскій нѣсколько пушекъ[499]. Король Датскій, тайно доброхотствуя врагу нашему, колебался, ждалъ слѣдствій; но Шведскій немедленно заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ[500]. Ханъ требовалъ даровъ отъ Литвы и получилъ ихъ съ условіемъ содѣйствовать ей въ войнѣ Россійской. Изъ Трансильваніи шла къ Стефану его старая, опытная дружина, изъ земли Нѣмецкой рать наемная. Еще не доставало доходовъ государственныхъ для всѣхъ воинскихъ издержекъ: онъ умѣрилъ расходы Двора; сыпалъ въ казну собственное золото и серебро; занималъ, гдѣ могъ; осматривалъ,

училъ войско; готовилъ съѣстные припасы—и какъ бы еще имѣя много свободнаго времени, учреждалъ новыя судилища, давалъ новые уставы государственные, льстилъ Дворянству, утверждалъ власть Королевскую. г. 1579.

Въ сихъ обстоятельствахъ прибыли къ нему Послы Іоанновы, Карповъ и Головинъ, съ мирною грамотою. Чиновники Королевскіе долго задерживали ихъ въ пути; спорили съ ними о титулѣ обоихъ Государей; отвергали пустое имя *сосѣда*, кое Царь давалъ Баторію; хотѣли равенства; не таили, что договоръ, написанный въ Москвѣ, останется безъ исполненія. Встрѣтили Пословъ съ честію; но Баторій, сидя на тронѣ величаво, не хотѣлъ для нихъ встать, ни спросить о здравіи Царя, и равнодушный къ ихъ неудовольствію, велѣлъ сказать имъ, что они могутъ итти вонъ изъ дворца и ѣхать назадъ; что Литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ Королевскій. Послы уѣхали[501], и въ слѣдъ за ними Король выступилъ съ войскомъ, отправивъ чиновника Лопатинскаго съ письмомъ въ Москву.

Но Іоанна уже не было въ столицѣ. Зная, что происходило на Сеймѣ Варшав-

г. 1579. скомъ — долго не имѣя вѣсти отъ Карпова и Головина — слыша о сильномъ, безпримѣрномъ вооруженіи Литвы и Польши, онъ самъ не терялъ времени: въ общемъ совѣтѣ Бояръ и Духовенства объявилъ, что настала *година великаго кровопролитія;* что онъ, прося милости Божіей, идетъ на дѣло *отечественное* и *свое*[502], на землю Нѣмецкую и Литовскую; двинулъ всѣ полки къ Западу; расписалъ имъ пути и мѣста; оставляя войско въ *осьмидесяти* городахъ для ихъ обороны, на берегахъ Волги, Дона, Оки, Днѣпра, Двины, указалъ соединиться главнымъ силамъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Европейскимъ и Азіатскимъ: кромѣ Россіянъ, Князья Черкесскіе, Шевкалскіе, Мордовскіе, Ногайскіе, Царевичи и Мурзы древней Золотой Орды, Казанской, Астраханской, день и ночь шли къ Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пѣхотою и конницею. Зима, весна, часть лѣта миновали въ сихъ движеніяхъ. Наконецъ, поручивъ Москву Князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою всѣхъ Бояръ, Думныхъ Дворянъ, множество Дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, Царь въ Іюлѣ выѣхалъ изъ столицы въ Новгородъ, гдѣ всѣ Воеводы ждали его дальнѣйшихъ по-

велѣній. Туда прибыли къ Іоанну и наши Послы изъ Литвы, съ донесеніемъ, что Баторій, отвергнувъ перемирную грамоту, идетъ на Россію[503]; что у него сорокъ тысячь воиновъ, но что сіе число умножается подходящими дружинами изъ Трансильваніи, изъ Нѣмецкой земли, Литовскою вольницею. Вотъ сила непріятеля, замышлявшаго потоптать Россію! А Царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣлъ сорокъ тысячь: Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, сверхъ главной Новогородской, сверхъ Псковской рати, подъ начальствомъ Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, Князей Ивана Мстиславскаго, Шуйскихъ, Ногтева, Трубецкаго и многихъ иныхъ Воеводъ. Одно слово Іоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и Дворянство не весьма благопріятствовали воинственнымъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россіею, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Воротынскаго мечтались воображенію Іоаннову, среди могилъ Новогородскихъ, исполненныхъ жертвами его гнѣва: онъ не вѣрилъ усердію Воеводъ своихъ, ни самаго народа; довѣ- г. 1579.

Г. 1579. ренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ Героевъ, Царь въ сie время щадилъ Воеводъ недостойныхъ: Князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Ѳедоръ Шереметевъ, запечатлѣнные стыдомъ Венденскаго бѣгства, снова начальствовали въ рати! Видя опасную войну предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ, чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію! Думая такъ о своихъ Полководцахъ, Іоаннъ считалъ медленность, нерѣшительность благоразуміемъ; хотѣлъ угрожать непріятелю только числомъ собраннаго войска; еще надѣялся на миръ, или ждалъ крайней необходимости дѣйствовать мечемъ— и дождался! Узнавъ, что Баторіевъ чиновникъ, Лопатинскій, ѣдетъ въ Москву, Царь велѣлъ остановить его въ Дорогобужѣ. Сей гонецъ прислалъ къ нему письмо Стефаново, весьма плодовитое, не краснорѣчивое, сухое, но умное. Стефанъ писалъ (изъ Вильны, отъ 26 Іюня), что наша перемирная грамота есть подложная; что Бояре Московскіе обманомъ включили въ нее статью о Ливоніи[504]; что Іоаннъ, говоря о мирѣ, воюетъ сію землю Королевскую, и выдумалъ басню о своемъ происхожденіи отъ Кесарей Римскихъ;

что Россія беззаконно отняла у Литвы и Новгородъ и Сѣверскія области, и Смоленскъ и Полоцкъ; что Карповъ и Головинъ, ничего не сдѣлавъ, ничего не сказавъ, уѣхали изъ Кракова; что дальнѣйшія Посольства будутъ безполезны; что онъ (Стефанъ) съ Божіею помощію рѣшился искать управы оружіемъ. Въ тоже время извѣстили Царя, что Баторій уже въ предѣлахъ Россіи. Г. 1579.

Честно объявивъ намъ войну, Король совѣтовался въ Свирѣ съ Вельможами своими и Полководцами, гдѣ и какъ начать оную[505]? Многіе изъ нихъ предлагали вступить въ Ливонію, изгнать Россіянъ, осадить Псковъ, городъ важный, богатый, но — какъ они думали — худо укрѣпленный. Король былъ инаго мнѣнія, доказывая, что трудно вести войну въ Ливоніи опустошенной, неблагоразумно оставить ее за собою, опасно удалиться отъ границъ; что лучше взять Полоцкъ, ключь Ливоніи и самой Литвы; что сіе завоеваніе, надежный щитъ для ихъ тыла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное сообщеніе съ Ригою посредствомъ Двины, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что должно завоевать Ливонію внѣ Ливоніи; что

г. 1579. Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для ободренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Говорилъ мужъ великій: его слушались. Войско Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаями, Вѣрою: изъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ, древнихъ Славянъ Галицкихъ, Волынскихъ, Днѣпровскихъ, Кривскихъ и коренныхъ Литовцевъ: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Выступивъ изъ Свира, онъ издалъ Манифестъ къ народу Россійскому; объявилъ, что извлекаетъ мечь на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, коихъ будетъ щадить, миловать во всякомъ случаѣ; что любя доблесть, гнушается варварствомъ, желаетъ побѣды, а не разрушенія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не бывала для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человѣколюбивѣе сей Баторіевой; говоря какъ Христіанинъ, онъ дѣйствовалъ какъ Политикъ: хотѣлъ преклонить къ себѣ жителей, ибо хотѣлъ завоеваній прочныхъ. — Въ началѣ Августа Баторій осадилъ Полоцкъ.

Тамъ было мало войска: ибо Царь не ожидалъ сильнаго нападенія на Литовской

границѣ, думая, что ѳеатромъ важныхъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія; но Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными, распространенными съ 1561 года. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, обтекаемыя Двиною и Полотою, соединяемыя мостомъ, воздвигнутыя на крутыхъ высотахъ, служили защитою *большому городу*, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Василій Ивановичь Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ Острогѣ, Князь Дмитрій Щербатый и Дьякъ Ржевскій въ крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ нашихъ Розрядныхъ Книгахъ[506]. Чтобы устрашить непріятеля и не оставить себѣ на выборъ ничего, кромѣ побѣды или смерти, они, захвативъ нѣсколько Литовскихъ плѣнниковъ, велѣли ихъ умертвить, привязать къ бревнамъ и кинуть въ Двину, на позорище войску Королевскому[507].... Приступъ начался съ города: Россіяне малочисленные сами зажгли его, оставили, ушли въ крѣпость, гдѣ болѣе трехъ недѣль оборонялись мужественно. Время

Г. 1579. Осада и взятіе Полоцка.

*

Г. 1579. имъ благопріятствовало: лили дожди; бойницы осаждающихъ дѣйствовали худо; обозы ихъ съ хлѣбомъ тонули въ грязи; лошади падали; войско терпѣло голодъ: приступало къ крѣпости, но безъ успѣха. Воспользовался ли Царь сими обстоятельствами?

1 Августа Іоаннъ, будучи во Псковѣ, отрядилъ Воеводъ, Князя Хилкова и Безнина, съ двадцатью тысячами Азіатскихъ всадниковъ за рѣку Двину, въ Курляндскую землю, гдѣ дѣло ихъ состояло въ одномъ безопасномъ губительствѣ [508]; тогда же послалъ другое войско защитить Корелію и землю Ижерскую, опустошаемую Шведами; усилилъ *засады* или гарнизоны въ Ливоніи — но еще имѣлъ столько войска, что могъ бы смѣло итти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцкой [509], онъ велѣлъ Шеину, Князьямъ Лыкову, Палицкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ Козаковъ спѣшить къ сему городу, вступить въ него хитростію или силою, а въ случаѣ невозможности занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи нашей главной рати. Шеинъ приблизился къ Ба-

шоріеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ слухъ, что самъ Іоаннъ немедленно будетъ тамъ съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устрашился: чувствовалъ единственно необходимость скорѣе рѣшить судьбу осады. Видя слабое дѣйствіе бойницъ, онъ предложилъ Венгерскимъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное, сухое время: съ пылающими факелами они устремились къ стѣнамъ..... многіе пали мертвые; нѣкоторые достигли цѣли, и чрезъ пять минутъ вспыхнула крѣпость. Тутъ, воскликнувъ побѣду, вся дружина Венгерская кинулась на приступъ, не слушая ни своихъ Вождей, ни Короля. Осыпаемые ядрами, пулями, головнями, Венгры сквозь огонь падающихъ стѣнъ вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля: онъ возвратился, усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервененію нашихъ. Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ сей кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить бѣгущихъ.

Г. 1579.

г. 1579. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, Князья Лыковъ, Палицкій, ударили на Литву, то могли бы спасти и крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, могли издали видѣть самую битву и слышать громкій кликъ осажденныхъ, побѣдителей въ сію минуту, призывный кликъ къ своимъ братьямъ Сокольскимъ.... Но прозорливый Баторій занялъ дорогу[510]: выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Козаки измѣнили нашимъ Воеводамъ въ Соколѣ[511]: самовольно ушли во-свояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили огонь въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали отъ Литовскихъ ядеръ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ всю бодрость, требовали пе-

реговоровъ. Сперва Воеводы и достойный Архіепископъ Кипріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: »страшимся не злобы »Стефановой, а гнѣва Царскаго!« Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія[512], и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ (изъ острога и крѣпости) въ Россію съ семействами, съ имѣніемъ, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ семъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне, живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая неминуемой казни отъ гнѣвнаго Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ: г. 1579.

г. 1579. »доказательство удивительной любви къ »отечеству!« прибавляетъ сей Историкъ[513]. Но Стефанъ, вопреки условію, не скоро отпустилъ сихъ плѣнниковъ, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ, доблихъ воиновъ. — Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ Воеводствомъ; указавъ строить тамъ великолѣпную церковь Римскаго Исповѣданія, оставилъ Софійскую Христіанамъ Греческимъ; далъ имъ въ Епископы бывшаго Святителя Витебскаго, и грамотою утвердилъ свободу нашей Вѣры, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія въ Россіи и желая угодить ея народу сею благоразумною терпимостію, вопреки своимъ любимцамъ, Іезуитамъ, коимъ онъ далъ тогда богатыя маетности и земли въ Бѣлорусіи, съ обязательствомъ исправлять нравы жителей ученіемъ и примѣромъ[514]. — Съ сего времени древній нашъ Полоцкъ, Удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ 18 лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы, до царствованія Екатерины безсмертной.

Стефанъ послалъ войско къ Соколу, а легкую конницу къ самому Пскову, чтобы наблюдать движенія Іоанновой рати. 19 Сентября Литовцы осадили Соколъ; 25 зажгли башни, и съ трубнымъ звукомъ устремились къ стѣнамъ. Россіяне тушили огонь; но вдругъ запылали многія бренныя зданія, такъ, что не оставалось въ городѣ мѣста безопаснаго для пяти или шести тысячь бывшихъ тамъ воиновъ. Они сдѣлали вылазку; бились долго; уступивъ наконецъ превосходной силѣ, обратились назадъ, а Нѣмцы вмѣстѣ съ ними втѣснились въ крѣпость. Тутъ началася ужасная сѣча, отчаянная для тѣхъ и другихъ: ибо Россіяне захлопнули ворота, опустили желѣзную решетку и не оставили возможности спасенія ни себѣ, ни врагамъ; рѣзались въ пламени, задыхались и горѣли, до той минуты, какъ Литовцы и Поляки вломились въ городъ, для совершеннаго истребленія нашихъ, коихъ пало 4000; плѣнили только Шереметева съ малымъ числомъ Дѣтей Боярскихъ[515]. Въ остервененіи злобы Нѣмцы, терзая мертвыхъ, исказили трупы Шеина и многихъ иныхъ Россіянъ. — Литовцы взяли Красный, Козьянъ, Ситну, Туровль, Нещерду; опустошили

Г. 1579.

Взятіе Сокола.

Г. 1579. землю Сѣверскую до Стародуба; выжгли 2000 селеній въ Смоленской области.... а Царь стоялъ неподвижно во Псковѣ!

Въ то время, когда гибли добрые Россіяне, предаваемые въ жертву врагамъ Іоанновою боязливостію; когда отечество сѣтовало въ незаслуженномъ уничиженіи, торжествовалъ, къ вѣчному стыду своему, одинъ Россіянинъ, нѣкогда любезный отечеству: Князь Андрей Курбскій. Преступленіемъ лишенный имени Русскаго, онъ въ злобѣ своей искалъ новаго утѣшенія мести и находился подъ знаменами Баторіевыми, вмѣстѣ съ другимъ бѣглецомъ Московскимъ, Владиміромъ Заболоцкимъ; дѣятельно способствовалъ успѣхамъ Королевскаго оружія, и съ свѣжаго пепла завоеванной крѣпости Полоцкой, гдѣ дымилась кровь Россіянъ, написалъ отвѣтъ на Вольмарское къ нему письмо Іоанново[516]. »Гдѣ твои побѣды?« говорилъ онъ: »въ могилѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ Святой Руси, истребленныхъ тобою. Король съ малыми тысячами, единственно мужествомъ его сильными, въ твоемъ Государствѣ, беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя; а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣ-

Письмо Курбскаго.

»сами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, г. 1579.
»кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ »беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, »даннаго тебѣ Лжесвятителемъ Вассіаномъ [517]! Единъ царствуешь безъ *мудрыхъ* »совѣтниковъ; единъ воюешь безъ *гордыхъ* »Воеводъ — и что же? вмѣсто любви и »благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто »славы ратной стыдомъ упиваешься: ибо »нѣтъ добраго царствованія безъ добрыхъ »Вельможъ, и несмѣтное войско безъ искуснаго Полководца есть стадо овецъ, разгоняемое шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ листьевъ. Ласкатели не Синклиты, и карлы, увѣчные духомъ, не суть »Воеводы. Не явно ли совершился судъ »Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, »мечь варваровъ, пепелъ столицы и — »что всего ужаснѣе — позоръ, позоръ для »Вѣнценосца, нѣкогда столь знаменитаго! »Того ли мы хотѣли, то ли готовили »ревностною, кровавою службою нашему »древнему отечеству?« Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дому и словами: »кладу перстъ на уста, »изумляюся и плачу!« Движимый не-

г. 1579. навистію къ Іоанну, Курбскій могъ оправдывать себя умомъ, но не въ совѣсти, которая тревожила его до конца жизни; владѣя городами и селами въ Волыніи[518], ни въ богатствѣ, ни въ знатности не находилъ успокоенія; женился тамъ на Княгинѣ Дубровицкой, но не любилъ ее; искалъ утѣшенія въ дружествѣ и въ ученіи; зная языкъ Латинскій, переводилъ Цицерона; описалъ славное взятіе Казани, войну Ливонскую, мучительства Іоанна; пережилъ его, и въ старости еще тосковалъ о Россіи, съ чувствомъ называя оную своимъ *любимымъ отечествомъ*. Мракъ неизвѣстности сокрылъ послѣдніе дни и могилу мужа ознаменованнаго славою ратныхъ дѣлъ, ума, краснорѣчія — и безславіемъ преступленія!

Іоаннъ уже не отвѣчалъ Курбскому: ибо не могъ ничѣмъ хвалиться, ни грозить въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ расположеніи своего духа. Онъ написалъ въ Москву къ Государственному Дьяку, Андрею Щелкалову, что должно объявить успѣхи непріятеля жителямъ ея хладнокровно и спокойно. Созвавъ граждан, умный Дьякъ сказалъ имъ: »Добрые люди! знайте, что Король взялъ »Полоцкъ и сжегъ Соколъ: вѣсть печаль-

»ная; но благоразуміе требуетъ отъ насъ »твердости. Нѣтъ постоянства въ свѣ»тѣ; счастіе измѣняетъ и великимъ Го»сударямъ. Полоцкъ въ рукахъ у Стефана: »вся Ливонія въ нашихъ. Пали нѣкоторые »Россіяне: пало гораздо болѣе Литовцевъ. »Утѣшимся въ малой несгодѣ воспомина»ніемъ столь многихъ побѣдъ и завоеваній »Царя православнаго[519]!« Удостовѣренный въ тишинѣ, въ спокойствіи Москвы, Іоаннъ велѣлъ Боярамъ написать къ Литовской Думѣ, что онъ мыслилъ немедленно итти на Короля, но что совѣтники Государственные, жалѣя слезъ Христіанскихъ, умолили его, хотя и не безъ великаго труда, остановить всѣ непріятельскія дѣйствія; что Стефанъ докажетъ свою истинную любовь къ человѣчеству и справедливости, если, унявъ кровопролитіе, вступитъ съ Царемъ въ переговоры о вѣчномъ мирѣ, *о родствѣ* и дружбѣ искренней. Съ такою миролюбивою грамотою послали гонца въ Вильну[520]. Самъ Баторій прислалъ чиновника къ Іоанну, но съ письмомъ весьма грубымъ, объявляя, что воюетъ за Ливонію, для обузданія его безразсуднаго властолюбія, и требуя, чтобы Лопатинскій, не выпускаемый изъ Дорогобужа, былъ освобож- г. 1579.

денъ согласно съ Народнымъ Правомъ. Сей гонецъ непріятельскій обѣдалъ у Царя въ Новѣгородѣ, угощаемый какъ бы Вельможа дружественной Державы: чего дотолѣ не бывало. »Не хочу« (отвѣтствовалъ Іоаннъ Королю) »возражать на упреки: »ибо хочу быть въ братствѣ съ тобою. »Даю *опасную грамоту* для твоихъ По»словъ, коихъ ожидаю съ доброжелатель»ствомъ. Между тѣмъ да будетъ тиши»на въ Ливоніи и на всѣхъ границахъ! А »въ залогъ мира отпусти плѣнниковъ »Россійскихъ, на обмѣнъ или выкупъ.« То же писалъ Іоаннъ и съ Лопатинскимъ, немедленно освобожденнымъ, и съ новымъ гонцемъ, посланнымъ къ Королю; нѣсколько мѣсяцевъ занимался спорами Воеводъ своихъ о первенствѣ [519] и не думалъ итти на Стефана, будучи доволенъ нѣкоторыми успѣхами нашей оборонительной системы въ Ливоніи, гдѣ Россіяне въ жаркой схваткѣ, плѣнили наконецъ славнаго разбойника, Аннибала (послѣ казненнаго во Псковѣ), мужественно отразили Шведовъ отъ Нарвы и гнали ихъ до Ревеля [522]. Симъ заключился 1579 годъ. Царь уже былъ въ Москвѣ, и не праздно.

г. 1580. Въ Генварѣ 1580 года онъ созвалъ знаменитѣйшее Духовенство въ столицу:

Архіепископа Александра Новогородскаго, Іеремію Казанскаго, Давида Ростовскаго, всѣхъ Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, славнѣйшихъ умомъ или благочестіемъ Иноковъ; торжественно объявилъ имъ, что Церковь и Православіе въ опасности; что безчисленные враги возстали на Россію; что съ одной стороны невѣрные Турки, Ханъ, Ногаи, — съ другой Литва, Польша, Венгры, Нѣмцы, Шведы какъ дикіе звѣри разинули челюсти, дабы поглотить насъ; что онъ съ сыномъ своимъ, съ Вельможами и Воеводами бодрствуетъ день и ночь для спасенія Державы, но что Духовенство обязано содѣйствовать имъ въ семъ великомъ подвигѣ; что мы, имѣя людей, не имѣемъ казны достаточной; что войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри богатѣютъ; что Государь требуетъ жертвы отъ Духовенства, и что Всевышній благословитъ его усердіе къ отечеству. Предложеніе было важно и затруднительно. Великій дѣдъ Іоанновъ хотѣлъ коснуться церковнаго достоянія, но оставилъ сію мысль, встрѣченный сильнымъ прекословіемъ Святителей: внукъ умѣрилъ требованія, и Соборъ приговорилъ грамотою, что земли и села *Княжескія*, когда либо

г. 1580. Соборъ въ Москвѣ.

г. 1580. отказанныя Митрополитамъ, Епископамъ, монастырямъ и церквамъ, или купленныя ими, отполѣ будутъ Государевыми, а всѣ другія остаются навѣки ихъ неотъемлемымъ достояніемъ; что впредь они уже не должны присвоивать себѣ имѣній недвижимыхъ, ни добровольною уступкою, ни куплею, и что *заложенныя* имъ земли также отдаются въ казну[523]. — Симъ легкимъ способомъ умноживъ владѣнія и доходы государственные, Іоаннъ непрестанно умножалъ и войско[524]: чиновники ѣздили изъ области въ область съ списками Дѣтей Боярскихъ; отыскивали всѣхъ, кто укрывался или бѣгалъ отъ службы; наказывали ихъ тѣлесно и за порукою отсылали во Псковъ или Новгородъ, гдѣ стояла главная рать, упуская благопріятное время дѣйствовать наступательно: ибо Россіяне любили всегда выходить въ поле, когда другіе уходили въ домы отъ ненастья и морозовъ.

Хотя Баторій не мыслилъ дать намъ перемирія, но осень и зима остановили его блестящіе успѣхи. Наемники требовали денегъ, свои отдохновенія. Расположивъ войско въ привольныхъ мѣстахъ близъ границы, онъ спѣшилъ въ Вильну и на Сеймъ въ Варшаву, готовить новыя

средства побѣды, наслаждаться славою, Г. 1580.
испытать, устыдить неблагодарность и все одолѣть, чтобы достигнуть цѣли. Въ Вильнѣ граждане и Дворянство встрѣтили его съ громогласными благословеніями, а въ Варшавѣ многіе Паны съ мрачными лицами и съ ропотомъ неудовольствія — тѣ, которые любили законную и беззаконную власть свою болѣе отечества, разслабленнаго ихъ своевольствомъ, нѣгою, корыстолюбіемъ. Великихъ мужей славятъ и злословятъ: устрашенные сильною волею, сильными мѣрами Короля, Паны жаловались на его самовластіе и довѣренность къ чужеземцамъ; распускали слухъ, что онъ воюетъ только для вида, налогами тяготитъ землю и мыслитъ тайно уѣхать въ Трансильванію съ богатою казною Королевскою. Дѣйствіемъ сей клеветы могъ быть отказъ въ государственныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для войны. Баторій предсталъ Сейму: клевета умолкла. Сказалъ, что сдѣлалъ и сдѣлаетъ: единодушно, единогласно одобрили всѣ его предложенія; уставили новые налоги, велѣли собирать новое войско [525]

А Царь домогался мира. Когда гонцы наши возвратились съ отвѣтомъ, что

Г. 1580. Король не хочетъ и слышать о Посольствѣ въ Москву, готовый единственно изъ снисхожденія принять Іоанново въ своей столицѣ, если мы дѣйствительно расположены къ умѣренности и договорамъ честнымъ; что плѣнниковъ не отпускаютъ во время кровопролитія; что они въ землѣ Христіанской, слѣдственно въ безопасности и не въ утѣсненіи: тогда Іоаннъ вторично написалъ къ Стефану письмо дружелюбное. »Въ Московскихъ перемирныхъ грамотахъ« (говорилъ онъ) »были слова *разныя*, внесенныя »въ нихъ съ вѣдома и согласія твоихъ »Пословъ. Ты могъ отвергнуть сей договоръ; но для чего же укоряешь насъ обманомъ? Для чего безъ дѣла выслалъ нашихъ Пословъ изъ Кракова, и столь грубо, и писалъ къ намъ въ выраженіяхъ »столь язвительныхъ? Забудемъ слова »гнѣвныя, вражду и злобу. Не въ Литвѣ »и не въ Польшѣ, а въ Москвѣ издревле »заключались договоры между сими Державами и Россіею. Не требуй же новаго! »Здѣсь мои Бояре съ твоими Уполномоченными рѣшатъ всѣ затрудненія къ »обоюдному удовольствію Государствъ »нашихъ«[526]. Но гонецъ Московскій, въ случаѣ упрямства и явной готовности Ба-

торіевой къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій, долженъ былъ тайно сказать ему, что Царь согласенъ прислать Бояръ своихъ въ Вильну или въ Варшаву. — Уничиженіе безполезное: Король отвѣтствовалъ, что даетъ Іоанну пять недѣль сроку и будетъ ждать Пословъ нашихъ въ мирномъ бездѣйствіи, хотя войско его готово вступить въ Россію, пылая нетерпѣніемъ мужества. Уже знатные сановники Царскіе, Стольникъ Князь Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Петелинъ ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи. »Назначенный срокъ минулъ,« писалъ онъ къ Царю: »ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, со всѣми »областями Витебскими и Полоцкими, »также всю Ливонію, если желаешь мира.« г. 1580. Августъ.

Сіе нападеніе казалось Іоанну вѣроломствомъ: по крайней мѣрѣ онъ не чаялъ его въ концѣ лѣта; совѣтовался съ Боярами и спѣшилъ отправить гонца (Шевригина) къ Императору, даже къ Папѣ, съ убѣжденіемъ, чтобы они вступились за насъ; въ грамотѣ къ первому доказывалъ, что Стефанъ воюетъ Россію за ея тѣсную дружбу съ Максимиліаномъ; пре- Посольство къ Императору и къ Папѣ.

г. 1580. бовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ Уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ; жаловался Папѣ на злобу и вѣроломство Баторіево; предлагалъ ему усовѣстить, отвести его отъ ненавистной связи съ Турками; увѣрялъ, что ревностно желаетъ вмѣстѣ со всѣми Европейскими Государями ополчиться на Султана и быть для того въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ [527]. Имѣя силу въ рукахъ, но робость въ душѣ, Іоаннъ унижался исканіемъ чуждаго, отдаленнаго вспоможенія, ненужнаго и невѣроятнаго. Онъ не думалъ самъ выступить въ поле; расположилъ войско единственно для обороны, и не зная, куда устремится Баторій, направлялъ полки къ Новугороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску [528]; занялъ и берега Оки близъ Серпухова, опасаясь Хана. Сія неизвѣстность продолжалась около двухъ или трехъ недѣль, и Баторій опять явился тамъ, гдѣ его не ожидали.

Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ описываетъ устройство, ревность войска, одушевленнаго Геніемъ начальника. Конницею предводительствовали Сенаторы и лучшіе Воеводы; многіе

изъ знатныхъ чиновниковъ, гражданскихъ и придворныхъ, служили въ ней на-ряду съ простыми всадниками. Большая часть пѣхоты, новаго набора, еще не видала огня: Нѣмецкіе и Седмиградскіе опытные воины составляли ея твердую основу, и между ими отличался бодростію измѣнникъ нашъ, Датскій Полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, который зналъ силу и слабость Россіянъ, бывъ предводителемъ Іоанновой Ливонской дружины. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дикими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовтъ въ 1428 году умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новогородскимъ, и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты: сражался съ трудностями, терпѣлъ недостатокъ; вышелъ къ Велижу, къ Усвяту; взялъ ту и другую крѣпость, наполненныя запасами, и разбивъ легкій отрядъ нашей конницы, приступилъ, въ исходѣ Августа, къ Великимъ Лукамъ[529]. Сей городъ, красивый мѣстоположеніемъ, богатый и торговый, ключь древнихъ южныхъ владѣній Новогородской Державы, обѣщалъ знатную добычу корыстолюбивому войску, близо-

г. 1580.

г. 1580. стію своею къ Витебску и другимъ Литовскимъ крѣпостямъ, представляя удобность для осады. Тамъ находилось тысячь шесть или семь Россіянъ; но въ Торопцѣ стоялъ Воевода Князь Хилковъ съ полками, довольно многочисленными. Были вылазки смѣлыя, иногда и счастливыя; въ одной изъ нихъ осажденные взяли знамя Королевское[530]. Хилковъ, избѣгая общаго сраженія, вездѣ стерегъ Литовцевъ, хваталъ ихъ въ разъѣздахъ, истреблялъ цѣлыми толпами, и ждалъ другихъ Воеводъ, изъ Смоленска, Пскова, Новагорода.

Въ сіе время, когда надлежало возстать Россіи и подавить дерзкаго Баторія, спѣшили къ нему въ станъ Уполномоченные Іоанновы, Князь Сицкій и Пивовъ, для унизительныхъ договоровъ. Стефанъ принялъ ихъ въ шатрѣ, величаво, надменно; сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему *кланялись* отъ Царя; не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. Послы требовали, чтобы Король немедленно снялъ осаду: вмѣсто отвѣта загремѣли пушки Литовскія. Тутъ Послы изъявили снисхожденіе: сказали, что еще въ первый разъ Московскій Государь начинаетъ переговоры съ Литвою внѣ Москвы; что онъ будетъ

именовать Стефана *братомъ*, если Король возвратитъ намъ Полоцкъ; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндію и двадцать-четыре города въ самой Ливоніи. Но Стефанъ хотѣлъ всѣхъ областей Ливонскихъ, даже Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новагорода. Тутъ Сицкій и Пивовъ, объявивъ, что уже не могутъ уступить ничего болѣе, потребовали отпуска или дозволенія писать къ Іоанну. Отправили гонца въ Москву — и въ тотъ же день, Сентября 5, отъ взрыва башни, наполненной порохомъ, взлетѣла на воздухъ часть крѣпости[531]; огонь довершилъ разрушеніе стѣнъ, а мечь непріятельскій гибель Россіянъ: Король взялъ пепелище, омоченное ихъ кровію, покрытое истерзанными тѣлами и членами. Велѣвъ немедленно возстановить укрѣпленія сего важнаго мѣста, онъ напалъ на Хилкова близъ Торопца и разбилъ его. Въ семъ жаркомъ дѣлѣ плѣнили сановника Царскаго, Григорья Нащокина, употребляемаго въ Посольствахъ, Думнаго Дворянина Черемисинова, любимца Іоаннова, и 200 Дѣтей Боярскихъ[532]. Въ то же время Литовскій Вельможа, Филонъ Кмита, съ девятью тысячами всадниковъ приближился къ Смоленску,

Г. 1580.

Завоеваніе Великихъ Лукъ.

г. 1580. въ надеждѣ сжечь его предмѣстія; но встрѣченный въ полѣ тамошними храбрыми начальниками, Даниломъ Ногтевымъ и Княземъ Ѳедоромъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ[533]. Сіи единственные наши трофеи, вмѣстѣ съ тремя стами осьмидесятью взятыми плѣнниками, были посланы въ Москву: за что Іоаннъ наградилъ Воеводъ золотыми медалями. Еще Баторій, не смотря на глубокую осень, усильно продолжалъ войну. Невель, Озерище ему сдалися. Заволочье, крѣпостію мѣста и мужествомъ Воеводы Сабурова, держалось и стоило непріятелю дорого; наконецъ также сдалося, и Баторій выпустилъ оттуда Россіянъ съ честію[534]. Симъ заключился его походъ. Войско изнемогало отъ трудовъ и недуговъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ — и еще съ блѣднымъ лицемъ явился на Сеймѣ Варшавскомъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. »Радуйтесь побѣдѣ,« говорилъ онъ Панамъ: »но сего не довольно: умѣйте пользоваться ею. Судьба предаетъ вамъ, кажется, »все Государство Московское: смѣлость »и надежда руководствуютъ къ великому. »Хотите ли быть умѣренными? возьмите по крайней мѣрѣ Ливонію, которая

»есть главная цѣль войны, и присоеди- Г. 1580.
»ненная навѣки къ Имперіи Ляховъ, оста-
»нется для потомства знаменитымъ па-
»мятникомъ вашего мужества. Дотолѣ
»нѣтъ для насъ мира[535]!« Требуя новаго
вспоможенія людьми и деньгами, Король
жаловался Панамъ, что они не даютъ
ему способовъ вести войну непрерывно;
что время теряется для него въ пере-
ѣздахъ и шумныхъ пренiяхъ Сейма, а вой-
ско слабѣетъ духомъ въ праздности и
Россія отдыхаетъ. Баторій дѣйствитель-
но тратилъ время; но Литовскіе Воево-
ды и зимою еще тревожили Россію: вне-
запнымъ набѣгомъ взяли Холмъ, выжгли Бѣдствія Россіи.
Старую Русу, обогатились въ ней добы-
чею[536]; въ Ливоніи взяли Шмильтенъ;
опустошили, вмѣстѣ съ измѣнникомъ
Магнусомъ, часть Дерптскихъ и самыхъ
Псковскихъ владѣній. Съ другой стороны
показались и Шведы: завоевали Кексгольмъ,
осадили Падисъ, гдѣ малочисленные Рос-
сіяне, томимые голодомъ, ѣли собакъ, ко-
шекъ, даже мертвыя тѣла младенцевъ,
но застрѣлили Шведскаго чиновника, пред-
лагавшаго имъ сдать крѣпость. Тамъ, съ
горстію отчаянныхъ, сидѣлъ Воевода,
старецъ, Данило Чихачевъ. Шведы, овла-
дѣвъ замкомъ, нашли въ немъ не людей,

г. 1580. а тѣни: умертвили всѣхъ, кромѣ одного молодаго сановника, Князя Михайла Сицкаго[537]. Въ теченіе зимы они взяли на договоръ и Везенбергъ, гдѣ находилось около тысячи Стрѣльцевъ Московскихъ, которые вышли оттуда съ однѣми деревянными иконами.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до осьмидесяти становъ воинскихъ или крѣпостей, наполненныхъ снарядами и людьми ратными — имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовыя устремиться на битву! Зрѣлище удивительное, навѣки достопамятное для самаго отдаленнѣйшаго потомства, для всѣхъ народовъ и Властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижаетъ душу, ослѣпляетъ умъ привидѣніями страха, мертвитъ силы и въ Государѣ и въ Государствѣ! Не измѣнились Россіяне, но Царь измѣнилъ имъ! Укрываясь въ Слободѣ Александровской, онъ написалъ къ главнымъ Воеводамъ во Ржевъ или въ Вязьму, къ Великому Князю Тверскому, Симеону Бекбулатовичу, и Князю Ивану Мстиславскому: »Промышляйте дѣломъ Государе»вымъ и земскимъ, какъ Всевышній вразу»митъ васъ, и какъ лучше для безопасности

»Россіи. Все упованіе мое возлагаю на Бо- Г. 1580.
»га и на ваше усердіе[538].« Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно; посылали отряды для наблюденія, для защиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Дмитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову, Могилеву, Радомлю; выжгли Уѣзды и посады сихъ городовъ; разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова (гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный Бутурлинъ), и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ[539]. Іоаннъ далъ имъ золотыя медали, но не ободрился въ духѣ, какъ увидимъ.

Въ то время, когда Герой Баторій въ излишней надменности обѣщалъ Вельможнымъ Панамъ всю Россію, Царь ея праздновалъ свадьбы: женилъ втораго сына своего, Ѳеодора, на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова, Иринѣ, и самъ женился, въ шестый или въ седьмый разъ[540], безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, на дѣвицѣ Маріи, дочери сановника Ѳеодора Ѳедоровича Нагаго: два брака ужасные своими неожиданными слѣд- Седьмое супружество Іоанново.

*

г. 1580. ствіями для Россіи, вина и начало злу долговременному! Уже Годуновъ, возведенный тогда на степень Боярства, усматривалъ, можетъ быть, вдали, неясно, смѣлую цѣль его властолюбія, дотолѣ безпримѣрнаго въ нашей Исторіи! Какъ любимецъ Государевъ, онъ могъ завидовать только Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Оружничему, ближнему слугѣ, днемъ и ночью неотходному хранителю особы Іоанновой; какъ шуринъ Царевича, дѣлился уваженіемъ и честію съ Царскими свойственниками, съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ и съ Нагими, коими вдругъ наполнился дворецъ Іоанновъ; какъ Думный Совѣтникъ, видѣлъ еще многихъ старѣйшихъ Бояръ, Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Юрьевыхъ, Сабуровыхъ, но ни единаго равнаго ему въ умѣ государственномъ. На сихъ двухъ роковыхъ свадьбахъ, празднуемыхъ Іоанномъ только съ людьми ближними, въ Слободѣ Александровской, во дни горестные для отечества, подъ личиною усердныхъ слугъ и льстецовъ скрывались два будущіе Царя и третій гнусный предатель Россіи: Годуновъ былъ Дружкою Маріи, Князь Василій Ивановичь Шуйскій Іоанновымъ, Михайло Ми-

хайловичь Кривой - Салтыковъ чиновни- Г.
комъ поѣзда! Съ ними же пировалъ и дру- 1580.
гой, менѣе важный, хотя и равно презрительный измѣнникъ, свойственникъ Малюты Скуратова, Давидъ Бѣльскій, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ къ Стефану. Не знаемъ ни опалъ, ни казней сего времени, кромѣ одной, весьма достопамятной, и всѣми одобренной. Мы упоминали о Медикѣ Бомеліи, ненавистномъ совѣтникѣ убійствъ: не за-долго до бракосочетанія Іоаннова съ Нагою онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ, уличенный въ тайной связи съ Баторіемъ[541]. Другіе пишутъ, что Россіяне, выведенные изъ терпѣнія злобою сего наушника Царскаго, искали и нашли способъ погубить его; что онъ, клеветою губивъ невинныхъ, сдѣлался жертвою навѣта, ко славѣ Небеснаго правосудія. Можетъ быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бѣльскаго; можетъ быть, подобно Курбскому, онъ ушелъ невиннымъ, но оказался преступникомъ, ибо началъ давать совѣты Баторію ко вреду Россіи[542].

Изъ сей несчастной Александровской Слободы (гдѣ тиранъ обыкновенно свирѣпствовалъ или пировалъ, ужасалъ вѣрныхъ подданныхъ или трепеталъ враговъ

отечества) Царь, свѣдавъ о паденіи Великихъ Лукъ, далъ новый наказъ Сицкому и Пивову, которые въ слѣдъ за Баторіемъ ѣздили изъ мѣста въ мѣсто, будучи смиренными, жалкими свидѣтелями
г. 1581. торжества его[543]. Въ Варшавѣ они уступали ему еще нѣсколько областей Ливонскихъ за взятые имъ города Россійскіе, убѣждая Стефана отправить Пословъ въ Москву для мирныхъ условій и прекратить войну; но имъ велѣно было ѣхать къ Царю съ отвѣтомъ: »не будетъ ни »Посольства, ни мира, ни перемирія, до»колѣ войско Россійское не очиститъ Ли»вонiи!« Болѣе и болѣе снисходительный, Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ именовалъ Стефана *братомъ;* жаловался, что Литовцы не престаютъ тревожить Россіи нападеніями; молилъ его не собирать войска къ лѣту, не истощать тѣмъ казны государственной — и немедленно послалъ къ нему Думныхъ Дворянъ, Пушкина и Писемскаго, велѣвъ имъ не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже (неслыханное уничиженіе!) терпѣть и побои[544]! Такъ Іоаннъ пилъ чашу стыда, имъ, не Россіею заслуженнаго! Новая уступчивость производила новыя требованія: Баторій, кромѣ всей

Неслыханное уничиженіе.

Ливоніи, хотѣлъ городовъ Сѣверскихъ, Смоленска, Пскова, Новагорода, — по крайней мѣрѣ Себежа; хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 *тысячъ золотыхъ Венгерскихъ*, и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ! Наконецъ Іоаннъ изъявилъ досаду: принимая гонца Литовскаго, не вставъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ Короля, и написалъ къ Стефану[545]: »Мы, смиренный Государь всея »Россіи, *Божіею, а не человѣческою многомятежною волею* . . . Когда Польша и »Литва имѣли также Вѣнценосцевъ на»слѣдственныхъ, законныхъ, они ужаса»лись кровопролитія: нынѣ нѣтъ у васъ »Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ »не нарушали перемирія; а ты, заклю»чивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію »съ нашими злодѣями, Курбскимъ и дру»гими; взялъ Полоцкъ измѣною, и тор»жественнымъ Манифестомъ обольщаешь »народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти »и Богу! Воюешь не мечемъ, а предатель»ствомъ — и съ какимъ лютымъ звѣр»ствомъ! Воины твои рѣжутъ мерт»выхъ[546]. . . . Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ »съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки »калеными ядрами (изобрѣтеніемъ новымъ, »безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ то-

Г. 1581.

Письмо къ Баторію.

г. 1581. »бою о дружбѣ и любви, а ты губишь, »истребляешь! Какъ Христіанинъ, я могъ »бы отдать тебѣ Ливонію; но будешь ли »доволенъ ею? Слышу, что ты клялся »Вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ »завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ »согласиться? Хочу мира, хочешь убій»ства; уступаю, требуешь болѣе, и не»слыханнаго: требуешь отъ меня золота »за то, что ты беззаконно, безсовѣстно »разоряешь мою землю!... Мужъ кровей! »вспомни Бога!« Но Іоаннъ, не смотря на досаду свою, еще уступалъ Литвѣ всѣ завоеванныя Баторіемъ крѣпости Россійскія, желая единственно удержать восточную Эстонію и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ, и на такомъ условіи заключить семилѣтнее перемиріе. Отвѣтомъ на сію грамоту было *третіе* выступленіе Баторіево въ поле и письмо исполненное язвительныхъ укоризнъ, равно плодовитое и непристойное для Вѣнценосца [547]. »Хвалишься своимъ наслѣдственнымъ Государствомъ,« писалъ Стефанъ: »не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ пріобрѣсти корону, »нежели родиться на тронѣ отъ Глинской, дочери Сигизмундова предателя. »Упрекаешь меня терзаніемъ *мертвыхъ*:

Отвѣтъ Баторіевъ.

»я не терзалъ ихъ; а ты мучишь *живыхъ*: г.
»что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство 1581.
»мнимое, ты, сочинитель подложныхъ
»договоровъ, измѣняемыхъ въ смыслѣ обма-
»номъ и тайнымъ прибавленiемъ словъ,
»угодныхъ единственно твоему безумно-
»му властолюбiю! Называешь измѣнника-
»ми Воеводъ своихъ, честныхъ плѣнни-
»ковъ, коихъ мы должны были отпустить
»къ тебѣ, ибо они вѣрны отечеству! Бе-
»ремъ земли доблестiю воинскою, и не
»имѣемъ нужды въ услугѣ твоихъ мни-
»мыхъ предателей. Гдѣ же ты, *Богъ* зе-
»мли Русской, какъ велишь именовать се-
»бя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали
»мы лица твоего, ни сей *крестоносной*
»хоругви, коею хвалишься, ужасая *кре-*
»*стами* своими не враговъ, а только бѣд-
»ныхъ Россiянъ. Жалѣешь ли крови Хри-
»стiанской? назначь время и мѣсто; яви-
»ся на конѣ, и единъ сразися со мною
»единымъ, да праваго увѣнчаетъ Богъ по-
»бѣдою!« Не соглашаясь оставить за Рос-
сiею ни пяди земли въ Ливонiи, Баторiй
не хотѣлъ далѣе говорить съ нашими
Послами, выгналъ ихъ изъ своего ратна-
го стана [548], и съ насмѣшкою прислалъ
къ Іоанну изданныя въ Германiи на Ла-
тинскомъ языкѣ книги о Россiйскихъ

г. 1581. Князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство (какъ онъ изъяснялся), что древніе Государи Московскіе были не Августовы родственники, а данники Хановъ Перекопскихъ; совѣтовалъ ему также читать пятидесятый Псаломъ Давидовъ и Христіански узнать самого себя. Сію бранную Стефанову грамоту подалъ Іоанну гонецъ Литовскій: Царь, выслушавъ оную, тихо сказалъ ему: »мы будемъ отвѣчать *брату* нашему, Королю Стефану,« и вставъ съ мѣста, примолвилъ учтиво: »кланяйся отъ насъ своему Государю!« То есть, Іоаннъ, приведенный въ новый страхъ движеніемъ Литовскаго войска, хотѣлъ снова искать мира, въ надеждѣ на важнаго посредника, который тогда явился между имъ и Баторіемъ.

Гонецъ Московскій, Шевригинъ, посланный въ Вѣну и въ Римъ, возвратился. Слабый, безпечный Рудольфъ[549] отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома Князей Имперскихъ; что его Вельможи, коимъ надлежало ѣхать въ Москву для заключенія союза, или умерли или больны. Но Папа, славный ревностію къ успѣхамъ Латинской Вѣры — тотъ, который освѣтилъ Римъ

потѣшными огнями, свѣдавъ о злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи во Франціи — Григорій XIII изъявилъ живѣйшее удовольствіе, видя, какъ онъ думалъ, случай присоединить Россію къ своей обширной паствѣ. Еще въ 1576 году Григорій хотѣлъ послать въ Москву одного Священника, именемъ Рудольфа Кленхена, знавшаго обычаи и языкъ Россіи, съ письменнымъ наставленіемъ, весьма умнымъ и хитрымъ, въ коемъ сказано (для объявленія Царскимъ Вельможамъ), что Папа, много слышавъ о силѣ, завоеваніяхъ, геройствѣ, мудрости, благочестіи и всѣхъ великихъ свойствахъ Іоанновыхъ, равно удивительныхъ и любезныхъ, исполняетъ наконецъ свое давнишнее равностное желаніе изъявить столь необыкновенному Вѣнценосцу сердечную пріязнь и надежду, что ему угодно будетъ смирить ненавистниковъ Христіанства, Оттомановъ, и возстановить цѣлость Святой Вѣры на земномъ шарѣ[550]. Вѣроятно, что сію мысль внушилъ Григорію Посолъ Императорскій, Кобенцель: ибо онъ славилъ въ Европѣ не только могущество, но и мнимое доброжелательство Россіянъ къ Латинской Церкви, говоря въ донесеніи къ Вѣнскому Министерству: »Несправедли- г. 1581.

Г. 1581. »во считают их врагами нашей Веры;
»так могло быть прежде: ныне же Россіяне любят беседовать о Риме; желают его видеть; знают, что в нем страдали и лежат великіе Мученики »Христіанства, ими еще более, нежели »нами уважаемые; знают, лучше многих Немцев и Французов, святость »Лоретты; не усомнились даже вести меня к образу Николая Чудотворца, главной Святыне сего народа, слыша, что »я древняго Закона, а не Лютерова, для »них ненавистнаго«[551]. Но Кленхен, кажется, не был в Москве: наставленіе, ему данное, осталось только в Римских Архивах. Ласково приняв Шевригина, одарив его золотыми цепями и бархатными ферезями, Папа велел славному Богослову, Іезуиту Антонію Поссевину, ехать к Баторію и в Москву для примиренія воюющих Держав. Антоній нашел Короля в Вильне. »Государь Московскій« (сказал Баторій Іезуиту) »хочет обмануть Св. Отца; видя грозу »над собою, рад все обещать: и соединеніе Вер и войну с Турками; но меня »не обманет. Иди и действуй: не противлюсь; знаю только, что для выгоднаго и честнаго мира надобно воевать:

Посольство от Папы

»мы будемъ имѣть его; даю слово«[552]. И миротворецъ Антоній, благословивъ Короля на дѣла достойныя Героя и Христіанина, поѣхалъ къ Царю; а Баторій, въ слѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову, въ Августѣ мѣсяцѣ. г. 1581.

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова Воеводамъ надежнымъ: Боярамъ Князьямъ Шуйскимъ, Ивану Петровичу и Василію Өедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти[553]. Воеводы такою же клятвою обязали и Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, гражданъ Псковскихъ, *старыхъ* и *малыхъ*; всѣ цѣловали крестъ въ восторгѣ любви къ отечеству, взывая: »умремъ, но не сдадимся!« Ихъ было тридцать тысячь[554]. Исправили ветхія укрѣпленія; разставили пушки, ручницы, пищали; назначили мѣста, гдѣ быть каждому Воеводѣ съ своею особенною дружиною для обороны Кремля, Славная осада Пскова.

г. 1581. города Средняго и Большаго, Запсковья и такъ называемой *Окольней* или внѣшней стѣны, на пространствѣ семи или осьми верстъ. Царь непрестанно писалъ къ сановникамъ и войску, чтобы они помнили клятву и должность. Тоже писалъ къ нимъ и Новогородскій Владыка Александръ. Игуменъ Печерскій, добродѣтельный Тихонъ, оставивъ свою Обитель, явился на театрѣ будущаго кровопролитія, чтобы увѣщаніями и молитвою служить отечеству. Все изготовилось принять Баторія, съ тѣмъ великодушіемъ, коего онъ не любилъ въ Россіянахъ, но коему умѣлъ отдавать справедливость. Въ Новѣгородѣ было 40,000 воиновъ съ Княземъ Юріемъ Голицынымъ, во Ржевѣ тысячь пятнадцать, для вспоможенія угрожаемому Пскову. На берегахъ Оки стояли Князья Василій Ивановичь Шуйскій и Шестуновъ, чтобы дѣйствовать оборонительно въ случаѣ Ханскаго впаденія; въ Волокѣ Великій Князь Тверскій Симеонъ, Мстиславскіе и Курлятевъ съ главными силами, такъ, что Государь имѣлъ въ полѣ до трехъ сотъ тысячь воиновъ[555]: рать, какой не видала ни Россія, ни Европа съ нашествія Моголовъ! Іоаннъ выѣхалъ наконецъ изъ Слободы

Александровской и прибылъ въ Старицу со всѣмъ Дворомъ, съ Боярами, съ дружиною Царскою — казалось, для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять и двинуть ихъ громаду, по примѣру Героя Донскаго, на встрѣчу къ новому Мамаю..... Но Іоаннъ готовился къ хитростямъ и лести, а не къ битвамъ! г. 1581.

18 Августа пріѣхалъ къ Государю въ Старицу нетерпѣливо ожидаемый имъ Іезуитъ Поссевинъ, коего отъ Смоленска до сего мѣста вездѣ честили, привѣтствовали съ необыкновенною пышностію и ласкою. Дружины воинскія, блестящія золотомъ, стояли въ ружьѣ предъ Іезуитомъ; чиновники сходили съ коней, низко кланялись и говорили рѣчи. Никогда не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни Королевскимъ, ни Императорскимъ Посламъ [556]. Чрезъ два дни, данные путешественнику на отдохновеніе, Антоній съ четырмя братьями своего Ордена былъ представленъ Государю, удивленный великолѣпіемъ Двора, множествомъ Царедворцевъ, сіяніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ, порядкомъ и тишиною. Іоаннъ и старшій Царевичъ встали при имени Григорія XIII и съ великимъ вни-

г. 1581. маніемъ разсматривали дары его: крестъ съ изображеніемъ Страстей Господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о Флорентійскомъ Соборѣ[557]. Григорій писалъ особенно и къ Царевичамъ и къ Царицѣ (именуя Марію *Анастасіею*); называлъ Іоанна, въ письмѣ къ нему, своимъ сыномъ возлюбленнымъ, а себя единственнымъ Намѣстникомъ Христовымъ; увѣрялъ Россію въ усердномъ доброжелательствѣ; обѣщалъ склонить Баторія къ миру, нужному для общаго блага Христіанскихъ Державъ, и къ возвращенію отнятаго несправедливо, и въ надеждѣ, что Іоаннъ умиритъ Церковь соединеніемъ нашей съ *Апостольскою*, вспомнивъ, что Греческая Имперія пала отъ непріятія уставовъ Флорентійскаго Собора[558]. Антоній объявилъ на словахъ Думнымъ Дворянамъ и Дьяку Андрею Щелкалову, что онъ, исполняя волю Папы, и готовый отдать душу за Царя, склонилъ Баторія не требовать съ насъ денегъ за убытки войны; что Стефанъ удовольствуется одною Ливоніею, но всею; что заключивъ миръ съ нимъ и съ Королемъ Шведскимъ (чего желаетъ Папа), Іоаннъ долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ Императоромъ, съ Королями

Испанскимъ, Французскимъ, съ Венецiею и съ другими Европейскими Державами противъ Оттоманской; что Папа дастъ 50,000 или болѣе воиновъ въ составъ сего Христiанскаго ополченiя, въ коемъ и Шахъ Персидскiй можетъ взять участiе. Наконецъ Антонiй просилъ Государя, чтобы онъ дозволилъ Венецiанамъ свободно торговать и строить церкви въ Россiи. Ему отвѣтствовали ласково, однакожь съ нѣкоторою твердостiю. Царь благодарилъ Папу за любовь и доброжелательство; хвалилъ за великую мысль наступить на Турковъ общими силами Европы; не отвергалъ и соединенiя Церквей и мира съ Швецiею, въ угодность Григорiю, но прежде хотѣлъ мира съ Баторiемъ; изъявлялъ довѣренность къ Поссевину; сказалъ, чтобы онъ снова ѣхалъ къ Королю для совершенiя начатаго имъ дѣла; что Россiя, отъ временъ Ярослава I владѣвъ Ливонiею, уступаетъ въ ней Стефану 66 городовъ, и сверхъ того Великiя Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, удерживая за собою единственно 35 городовъ Ливонскихъ, Дерптъ, Нарву и проч.; что болѣе ничего уступить не можетъ, и что отъ Стефана зависитъ прекратить войну на сихъ условiяхъ. Позволяя Ита- г. 1581.

г. 1581. ліанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть Латинскихъ Священниковъ и молиться Богу, какъ имъ угодно, Іоаннъ примолвилъ: »а церквей Римскихъ у насъ »не бывало и не будетъ.« — Во время сихъ переговоровъ смиренные Іезуиты обѣдали у Государя на золотѣ, вмѣстѣ съ Боярами и людьми знатнѣйшими. »Я »видѣлъ (пишетъ Антоній) не грознаго »Самодержца, но радушнаго хозяина среди »любезныхъ ему гостей, привѣтливаго, »внимательнаго, разсылающаго ко всѣмъ »яства и вина. Въ половинѣ обѣда Іоаннъ, »облокотясь на столъ, сказалъ мнѣ: *Антоній! укрѣпляйся пищею и питіемъ. »Ты совершилъ путь дальній отъ Рима »до Москвы, будучи посланъ къ намъ Святымъ Отцемъ, Главою и Пастыремъ »Римской Церкви, коего мы чтимъ душев»но*«[559]. Исполненный надежды услужить Царю миромъ и тѣмъ содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ Папы въ отношеніи къ Россіи, Антоній поѣхалъ къ Стефану, и нашелъ его уже среди кровопролитія.

Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Псковъ, тамошніе Воеводы и воины, Духовенство и граждане съ крестами, чудотворными иконами и мощами Св.

Князя Всеволода-Гаврïила обошли вокругъ всѣхъ укрѣпленiй; матери несли младенцевъ на рукахъ[560]. Молились, да будетъ древнiй градъ Ольгинъ неодолимою твердынею для враговъ, да спасется и спасетъ Россiю! Услышавъ, что Баторiй взялъ Опочку, Красный, Островъ и на берегахъ Черехи разбилъ легкiй отрядъ нашей конницы, Воеводы (18 Августа) зажгли предмѣстiе, сѣли на коней, велѣли звонить въ *осадный колоколъ*, и скоро увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслися къ городу. Явилась и рать Стефанова: она шла медленно, осторожно, толпами необозримыми; заняла дорогу Порховскую, и стала вдоль рѣки Великой. Россiяне сдѣлали жаркую вылазку: съ обѣихъ сторонъ взяли плѣнниковъ; узнали силу непрiятеля. Разноплеменное войско Баторiево состояло изъ Поляковъ, Литвы, Мазовшанъ, Венгровъ, Нѣмцевъ Брауншвейгскихъ, Любскихъ, Австрiйскихъ, Прусскихъ, Курляндскихъ, изъ Датчанъ, Шотландцевъ, числомъ до ста тысячь, конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ, вооруженныхъ столь красиво, что Посолъ Оттоманскiй, прибывъ въ станъ къ Королю и смотря на его блестящую рать, сказалъ въ востор- г. 1581.

г. 1581. гѣ: »ежели Султанъ и Баторій захотятъ »дѣйствовать единодушно, то побѣдятъ »вселенную«[561]. Но сіе многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крѣпость города, обширнаго, наполненнаго запасами, снарядами и воинами, которые въ самой первой битвѣ оказали необыкновенное мужество. Еще въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ, Давидъ Бѣльскій, совѣтовалъ Королю не ходить къ Новугороду, ни къ Пскову, городамъ окруженнымъ болотами и рѣками, твердымъ и каменными стѣнами и духомъ Русскимъ, но осадить Смоленскъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый Литовскаго духа[562]. Король отвергнулъ сей совѣтъ благоразумный; не слушалъ и Воеводъ, которые думали, что скорѣе можно взять Новгородъ. Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска; любилъ одолѣвать трудности — и началъ достопамятную осаду Пскова.

26 Августа непріятель обступалъ городъ, подъ громомъ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь лѣсомъ отъ ихъ пальбы, но теряя не мало людей, къ удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить столь

мѣткому и сильному дѣйствію Россій- г. 1581.
скихъ пушекъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на Московской дорогѣ, близъ Любатовской церкви Св. Николая, и долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалиться отъ свисту летающихъ надъ нимъ ядеръ, къ берегамъ Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ, и 1 Сентября началъ *копать борозды* (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки; работалъ день и ночь; прикатилъ туры, сдѣлалъ осыпь. Воеводы Псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе, и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и смѣлаго вождя, Князя Андрея Хворостинина, для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и Князья Шуйскіе и Дьяки Государевы, данные имъ для совѣта[563]. Поляки 7 Сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; громили стѣны между

Г. 1581. воротами Покровскими и Свиными; въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ — и Король объявилъ своимъ Воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для Героевъ; что Россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ Королевскомъ, сказали Баторію: »Государь! мы будемъ нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ Псковскомъ.« Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проломамъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ звукомъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ: извѣщенные о приступѣ звономъ *осаднаго колокола*, всѣ граждане простились съ женами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще не достроенною. Игуменъ Тихонъ и Священники молились въ храмѣ Соборномъ. Господь услышалъ сію молитву: 8 Сентября осталось въ Исторіи славнѣйшимъ днемъ для Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бойницъ, непріятель по тѣламъ своихъ достигъ крѣпости, ворвался въ проломы, взялъ башню Покровскую, Свиную, и распустилъ на нихъ знамена Ко-

ролевскія, къ живѣйшей радости Баторія, смотрѣвшаго битву съ колокольни Св. Никиты Мученика (въ полуверстѣ отъ города). Поляки въ отверстіяхъ стѣны рѣзались съ гражданами, съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами; изъ башенъ, занятыхъ Венграми и Нѣмцами, сыпались пули на Россіянъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Тутъ Князь Шуйскій, облитый кровію, сходитъ съ раненнаго коня, удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св. Всеволода-Гавріила, несомыя Іереями изъ Соборнаго храма: свѣдавъ, что Литва уже въ башняхъ и на стѣнѣ, они шли съ сею святынею, въ самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ Небеснымъ вдохновеніемъ мужества. Россіяне укрѣпились въ духѣ; стали непоколебимо — и вдругъ Свинская башня [364], въ рѣшительный часъ ими подорванная взлетѣла на воздухъ съ Королевскими знаменами.... ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ; а къ нашимъ приспѣли новыя дружины воиновъ изъ дальнихъ, безопасныхъ частей города: всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: »не предадимъ Богоматери и Св. Всеволода!« дружнымъ ударомъ смяли изум-

г. 1581.

Г. 1581. ленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергнули съ раскатовъ. Долѣе иныхъ упорствовали Венгры, засѣвъ въ Покровской башнѣ: ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилася до вечера (ибо Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ Поляковъ), но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти: самыя жены, узнавъ, что *стѣна очищена отъ ногъ Литовскихъ* — что Царскія знамена опять стоятъ на ея раскатахъ, и что непріятель бросилъ нѣсколько легкихъ пушекъ въ воротахъ — явились на мѣстѣ битвы: однѣ съ веревками, чтобы тащить сіи взятыя орудія въ Кремль; другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогающихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ[565]. Наконецъ все неРусское бѣжало. Съ трофеями, знаменами, трубами Литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу и въ Соборной церкви, гдѣ Воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: »Такъ миновалъ для насъ первый день »трудовъ, мужества, плача и веселія! Со»вершимъ, какъ мы начали! Пали сильные

»враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣ- г.
»хами стоимъ предъ олтаремъ Всевышня- 1581.
»го. Гордый *исполинъ лишился хлѣба*, а
»мы въ Христіанскомъ смиреніи насыти-
»лись милосердіемъ Небеснымъ. Исполнимъ
»клятвенный обѣтъ, данный нами безъ
»лукавства и хитрости; не измѣнимъ
»Церкви и Государю, ни робостію, ни ма-
»лодушнымъ отчаяніемъ«[566]! Воины и гра-
ждане отвѣтствовали съ слезами умиле-
нія: »Мы готовы умереть за Вѣру Хри-
»стову! какъ начали, такъ и совершимъ
»съ Богомъ, безъ всякой хитрости!« —
Послали гонца въ Москву съ радостною
вѣстію: онъ счастливо миновалъ станъ
Литовскій. Велѣли успокоить и лечить
раненыхъ изъ казны Государевой. Ихъ
было 1626 человѣкъ, убитыхъ же 863.
Непріятелей легло около пяти тысячь,
болѣе осьмидесяти знатныхъ сановниковъ,
и въ числѣ ихъ Бекези, Полководецъ Вен-
герскій, отмѣнно уважаемый, любимый
Стефаномъ, который съ досады заклю-
чился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть
Воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ
нимъ въ замкѣ Псковскомъ.

Но, какъ бы устыдясь сего душевна-
го огорченія, Баторій на другой день вы-
шелъ къ войску съ лицемъ покойнымъ;

Г. 1581. созвалъ Думу; сказалъ, что должно умереть или взять Псковъ, осенью или зимою, не взирая ни на какія трудности; велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, готовиться къ новымъ приступамъ, и написалъ къ Воеводамъ Россійскимъ: »Дальнѣйшее кровопро»литіе для васъ безполезно. Знаете, столь»ко городовъ завоевано мною въ два года! »Сдайтеся мирно: вамъ будетъ честь и »милость, какой не заслужите отъ Мо»сковскаго тирана, а народу льгота, не»извѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами »свободной торговли, нѣкогда процвѣтав»шей въ землѣ его. Обычаи, достояніе, »Вѣра будутъ неприкосновенны. Мое сло»во законъ. Въ случаѣ безумнаго упрям»ства гибель вамъ и народу!« Съ сею бумагою пустили стрѣлу въ городъ (ибо осажденные не хотѣли имѣть никакого сношенія съ врагами). Воеводы такимъ же способомъ отвѣчали Королю: »Мы не Жи»ды: не предаемъ ни Христа, ни Царя, »ни отечества. Не слушаемъ лести, не »боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда за»виситъ отъ Бога«[567]. Они спѣшили довершить деревянную стѣну, защитили ею проломъ, выкопали ровъ между ими, утвердили въ немъ дубовый острый ча-

Г. 1581.

споколь; пѣли молебны въ укрѣпленіяхъ, подъ ядрами Литовскихъ бойницъ; спокойно ждали битвъ — и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ нападенія. Бодрость осажденныхъ возрастала: осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда и голодъ; роптали; не смѣя винить Короля, винили главнаго Воеводу, Замойскаго; говорили, что онъ въ Академіяхъ Италіянскихъ выучился всему, кромѣ искусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія уѣдетъ съ Королемъ въ Варшаву, блистать краснорѣчіемъ на Сеймѣ, а войско будетъ жертвою зимы и свирѣпаго непріятеля. Баторій велѣлъ рыть землянки; запасался порохомъ и хлѣбомъ; не слушалъ ропота; надѣялся на дѣйствіе подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились[568]. Тщетны были всѣ дальнѣйшіе опыты, хитрости, усилія Баторіевы; ни огненныя ядра его, столь бѣдственныя для Великихъ Лукъ и Сокола, ни отчаянная смѣлость не производили желаемаго дѣйствія. Такъ въ одинъ день (Октября 28), при ужасной пальбѣ всѣхъ Литовскихъ бойницъ, Ко-

Г. 1581. ролевскіе Гайдуки устремились отъ рѣки Великой прямо къ городу съ кирками и съ ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стѣну, закрывая себя широкими щитами; лѣзли въ отверстія и хотѣли сжечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Россіяне удивились, но въ нѣсколько минутъ истребили сихъ Баторіевыхъ смѣльчаковъ: лили на нихъ пылающую смолу, кидали гранаты (*кувшины съ зеліемъ*), зажигали щиты; однихъ кололи въ отверстіяхъ, другихъ били каменьями, изъ ручницъ, самопаловъ; не многіе спаслися бѣгствомъ. Въ слѣдующіе пять дней пальба не умолкала; оказался новый проломъ въ стѣнѣ, отъ рѣки Великой, и Баторій (2 Ноября) хотѣлъ *въ послѣдній разъ* испытать счастіе приступомъ. Литовцы густыми толпами шли по льду рѣки, сперва отважно и бодро; но вдругъ, осыпанные ядрами изъ крѣпости, стали, замѣшались. Напрасно Воеводы Стефановы, разъѣзжая на коняхъ, кричали, махали саблями, даже сѣкли робкихъ: вторый сильный залпъ изъ города обратилъ въ бѣгство и воиновъ и Воеводъ, въ виду Короля! Онъ имѣлъ твердость и нужду въ ней. Къ умноженію Баторіевой досады,

Голова Стрѣлецкій, Өедоръ Мясоѣдовъ, съ свѣжею, довольно многочисленною дружиною сквозь цѣпь непріятельскихъ полковъ открылъ себѣ путь и вступилъ въ славный Псковъ[469], къ несказанной радости его защитниковъ, неуломимыхъ въ мужествѣ, но уменьшенныхъ числомъ. Наконецъ Стефанъ далъ повелѣніе оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры, и дѣятельную, жестокую осаду превратить въ тихое облежаніе, думая изнурить осажденныхъ голодомъ[570]. Россіяне ликовали на стѣнахъ, видя, какъ непріятель удалялся, бѣжалъ отъ крѣпости съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. г. 1581.

Сего мало! Чтобы какимъ нибудь легкимъ завоеваніемъ ободрить унылую рать свою и потѣшить корыстолюбивыхъ наемниковъ, Баторій хотѣлъ взять, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Пскова, древній Печерскій монастырь, въ 1519 году обновленный, украшенный Великокняжескимъ Дьякомъ Мунехинымъ, и съ того времени славный чудесами исцѣленія для набожныхъ, богатыми вкладами, красотою зданій[571]. Тамъ, кромѣ Монаховъ, находилось для защиты каменныхъ стѣнъ и башенъ 200 или 300 воиновъ, которые, имѣя отважнаго Вождя, Юрья

г. Нечаева, безпрестанными нападеніями тре-
1581. вожили подвозы Литовскіе[572]. Витязь Георгій Фаренсбахъ съ Нѣмцами и Воевода Королевскій Борнемисса съ Венгерскою дружиною, приступивъ къ монастырю, требовали немедленной сдачи; но добрые Иноки отвѣтствовали имъ: »Похвально »ли для Витязей воевать съ Чернцами? »Если хотите битвы и славы, то иди»те ко Пскову, гдѣ найдете бойцевъ до»стойныхъ[573]. А мы не сдаемся.« Монахи еще лучше дѣйствовали, нежели говорили: вмѣстѣ съ воинами, съ ихъ женами и дѣтьми, отразили два приступа; взяли молодаго Кеплера, Герцогова племянника, и двухъ знатныхъ Ливонскихъ сановниковъ. — Съ того времени многочисленная рать непріятельская сражалась болѣе всего съ холодомъ и голодомъ. Воины на часахъ замерзали, цѣпенѣли въ шатрахъ. За четверть ржи въ Баторіевомъ станѣ платили не менѣе *десяти* нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, за яловицу около *двадцати-пяти;* кормовщиковъ надлежало посылать, съ великою опасностію, верстъ за 150; лошади, скудно питаемыя сѣномъ и соломою, умирали. Казна истощалась; войску не выдавали жалованья, и 3000 Нѣмцевъ ушло во-свояси. »Король хочетъ

»сдержать слово«[574], писали Вожди Литовскіе къ друзьямъ своимъ въ Вильну: »не »возметъ города, но можетъ умереть въ »снѣгахъ Псковскихъ.« Г. 1581.

Гибель дѣйствительно казалась вѣроятнымъ слѣдствіемъ Баторіева упрямства. Если бы Князь Юрій Голицынъ изъ Новагорода, Мстиславскіе изъ Волока, Шуйскій изъ Пскова вдругъ наступили на Баторія, то онъ увидѣлъ бы, что Судьба еще *не предаетъ ему всей Державы Россійской*[575]. Но одинъ Шуйскій дѣйствовалъ, безпокоилъ непріятеля вылазками. Голицынъ, славный бѣглецъ[576], сидѣлъ крѣпко въ стѣнахъ каменныхъ, и слыша, что Литовскіе Козаки жгутъ Русу, едва не обратилъ всей Торговой Стороны въ пепелъ, боясь осады. Великій Князь Тверскій, Симеонъ, и Мстиславскіе стояли неподвижно, охраняя Москву и Государя; а Государь, встревоженный вѣстію о новыхъ успѣхахъ Шведовъ въ Ливоніи и еще болѣе приближеніемъ Радзивила съ легкимъ отрядомъ Баторіевымъ къ самому Ржеву, ускакалъ изъ Старицы въ Александровскую Слободу.

Отважный набѣгъ Литовцевъ на берега Волги, испугавъ Іоанна, не доставилъ имъ иной, существенной выгоды:

Г. 1581. Радзивилъ бѣжалъ, встрѣтивъ превосходную силу Воеводъ Московскихъ; хотѣлъ взять Торопецъ, не могъ, и возвратился къ Королю. Но происшествія Ливонскія были важны. Баторій требовалъ, чтобы Шведы напали моремъ на сѣверные берега Россіи, истребили гнѣздо нашей торговли съ Англіею, взяли гавань Св. Николая, Колмогоры и Бѣлозерскъ, гдѣ хранилась главная казна Царская[577]. Сія мысль, дѣйствительно смѣлая, казалась Шведамъ дерзостію безразсудною: ужасаясь отдаленныхъ, хладныхъ пустынь Россійскихъ, они, къ досадѣ Баторія, искали ближайшихъ, вѣрнѣйшихъ, прочныхъ завоеваній въ Ливоніи, и не думали уступить ему всѣхъ областей ея безъ раздѣла; пользуясь долговременною осадою Пскова, бездѣйствіемъ Воеводъ Іоанновыхъ, въ два или три мѣсяца отняли у насъ Лоде, Фиккель, Леаль, Габзаль, самую Нарву, гдѣ, въ кровопролитной сѣчѣ, легло 7000 Россіянъ, Стрѣльцевъ и жителей; гдѣ мы уже двадцать лѣтъ торговали съ Европою: съ Даніею, съ Германіею, съ Нидерландами; гдѣ находилось множество товаровъ и богатства. Чрезъ нѣсколько дней знаменитый Вождь Шведскій, Французъ де-ла-Гарди, поставилъ ногу и на древ-

Шведы берутъ Нарву.

нюю Русь: завоевалъ Иваньгородъ, Яму, г.
Копорье; плѣнилъ дружину Московскихъ 1581.
Дворянъ, и въ числѣ ихъ нашелъ опаснаго для насъ измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, который, будучи достойнымъ родственникомъ Малюты Скуратова и бѣглеца Давида, предложилъ свои ревностныя услуги Шведамъ. Овладѣвъ и крѣпкимъ Виттенштейномъ, величавый де-ла-Гарди торжествовалъ побѣду въ Ревелѣ, и навелъ, какъ пишутъ, такой *ужасъ* на Россіянъ, что они уставили молебствія въ церквахъ, да спасетъ ихъ Небо отъ сего врага лютаго[578].

По крайней мѣрѣ Іоаннъ былъ въ *ужасѣ:* не видалъ силъ и выгодъ Россіи, видѣлъ только непріятельскія, и ждалъ спасенія не отъ мужества, не отъ побѣды, но единственно отъ Іезуита Папскаго, Антонія, который писалъ къ нему изъ Баторіева стана, что сей Герой, истинно Христіанскій, не обольщаясь славою, готовъ, какъ и прежде, дать миръ Россіи на условіяхъ извѣстныхъ Царю, отвергая всѣ иныя, и ждетъ для того нашихъ уполномоченныхъ сановниковъ; что войско Литовское бодро и многочисленно; что дальнѣйшее кровопролитіе угрожаетъ намъ великими бѣдствіями. Сего

г. 1581. было довольно для Іоанна: онъ положилъ на совѣтѣ съ Царевичемъ и съ Боярами: »уступить необходимости и могуществу »Баторія, союзника Шведовъ, располагаю»щаго силами многихъ земель и народовъ; »отдать ему, но только *въ конечной не»волѣ, всю* Россійскую Ливонію, съ тѣмъ, »чтобы онъ возвратилъ намъ всѣ иныя »завоеванія и не включалъ Шведовъ въ до»говоръ, дабы мы на свободѣ могли унять »ихъ«[579].

Съ такимъ наказомъ отправили къ Стефану Дворянина Князя Дмитрія Пе- Переговоры о мирѣ. тровича Елецкаго и Печатника Романа Васильевича Олферьева, чтобы заключить миръ или перемиріе. Между Опоками и Порховымъ[580], въ селѣ Бешковичахъ, ждалъ ихъ Римскій Посолъ, Іезуитъ Антоній Поссевинъ, и вмѣстѣ съ ними, Декабря 13, прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яму, гдѣ уже находились Уполномоченные Стефановы, Воевода Янушъ Збаражскій, Маршалокъ Князь Албрехтъ Радзивилъ и Секретарь Великаго Княжества Литовскаго, извѣстный Михайло Гарабурда. Въ сихъ мѣстахъ, разоренныхъ, выжженныхъ непріятелемъ, среди пустынь и снѣговъ, вдругъ явились вели-

колѣпіе и пышноспь: чиновники Іоанновы и люди ихъ блиспали нарядами, золопомъ одеждъ своихъ и приборовъ конскихъ; купцы навезли шуда богапыхъ поваровъ и раскладывали ихъ въ шапрахъ, согрѣваемыхъ пылающими коспрами. Но всѣ жили въ дымныхъ избахъ, пипались худымъ хлѣбомъ, пили снѣжную воду: одни Послы наши имѣли мясо, доспавляемое имъ изъ Новагорода, и могли ежедневно угощапь Іезуипа Анпонія[581]. — Немедленно начались переговоры; а Баторій, давъ всѣ нужныя наспавленія своимъ Повѣреннымъ и главному Воеводѣ Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву. Послѣднимъ его словомъ было: »ѣду съ малою, упо»мленною дружиною за сильнымъ, свѣ»жимъ войскомъ.« г. 1581.

Сей опъѣздъ, безъ сомнѣнія необходимый для испребованія новыхъ пособій опъ Сейма, былъ въ погдашнихъ обспояпельспвахъ величайшею для Короля смѣлостію. Войско изнуренное оказывало духъ мяпежный; проклинало бѣдспвенную осаду Пскова, пребовало мира, и кричало, что Спефанъ воюепъ за Ливонію въ намѣреніи опдапь ее своимъ племянникамъ. Присупспвіе Короля еще обуздывало недовольныхъ: безъ него могъ вспыхнупь

Г. 1581. общій бунтъ. Но Король вѣрилъ Замойскому, какъ самому себѣ, и не обманулся: сей Вельможа-Полководецъ, презирая жестокія укоризны, язвительныя насмѣшки, угрозы, смирилъ мятежниковъ строгостію, ободрилъ слабыхъ надеждою. »Послы Московскіе« — говорилъ онъ — »смотрятъ на васъ изъ Запольскаго Яма: »если будете мужественны и терпѣливы, то они все уступятъ[582]; если изъявите малодушіе, то возгордятся, и мы »останемся безъ мира или безъ славы, »утративъ плоды столь многихъ побѣдъ »и трудовъ!« Но, имѣя твердость великодушную, Замойскій не стыдился коварства: вымыслилъ или одобрилъ гнусную хитрость, чтобы погубить главнаго защитника Псковскаго. Къ нашимъ Воеводамъ явился Россійскій плѣнникъ, безъ всякаго условія отпущенный изъ Липовскаго стана, съ большимъ ларцемъ и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Нѣмца Моллера къ Шуйскому: »Государь Князь »Иванъ Петровичь! я долго служилъ Царю вмѣстѣ съ Георгомъ Фаренсбахомъ; »нынѣ вспомнилъ его хлѣбъ-соль; желаю »тайно уйти къ вамъ и шлю напередъ »казну свою: возьми сей ящикъ, отомкни, »вынь золото и блюди до моего прихода.«

Къ счастію, Воеводы усомнились: велѣли искусному мастеру бережно открыть ящикъ и нашли въ немъ нѣсколько заряженныхъ пищалей, осыпанныхъ порохомъ. Если бы самъ Шуйскій неосторожно снялъ крышку, то могъ бы лишиться жизни отъ выстрѣловъ и разорванія пищалей. Спасенный Небомъ, онъ написалъ къ Замойскому, что храбрые убиваютъ непріятелей только въ сѣчахъ; предлагалъ ему бой честный, единоборство, какъ Баторій Іоанну. Уже Воеводы наши знали о съѣздѣ Повѣренныхъ, но все еще бодрствовали, не отдыхали, днемъ и ночью тревожили, били слабѣющихъ Литовцевъ, коихъ оставалось наконецъ не болѣе двадцати-шести тысячь[583]. Г. 1581.

Мужи ратные дѣлали свое дѣло: Думные также. Если Князь Елецкій и Олферьевъ, исполняя въ точности волю Іоаннову, не могли сохранить достоинства и всѣхъ выгодъ Россіи, то не ихъ вина: по крайней мѣрѣ они умѣли наблюдать обстоятельства, извѣщая Государя о крайности непріятеля; умѣли длить время, медлить въ уступкахъ, ожидая новыхъ повелѣній и счастливой перемѣны въ духѣ робкаго Іоанна; объяснялись съ Литовскими сановниками тихо, но бла-

г. 1581. городно, не унижаясь; обличали ихъ хвастливость безъ грубости. »Когда вы (говорилъ Панъ Збаражскій) »пріѣхали сюда »за дѣломъ, а не съ пустымъ многорѣ»чіемъ: то скажите, что Ливонія наша, »и внимайте дальнѣйшимъ условіямъ по»бѣдителя, который уже завоевалъ не ма»лую часть Россіи, возьметъ и Псковъ и »Новгородъ, ждетъ рѣшительнаго слова, »и даетъ вамъ три дни сроку[334].« Россійскіе сановники отвѣтствовали: »Высоко»мѣріе не есть миролюбіе. Вы хотите, »чтобы Государь нашъ безъ всякаго воз»мездія отдалъ вамъ богатую землю и »лишился всѣхъ морскихъ пристаней, не»обходимыхъ для свободнаго сообщенія »Россіи съ иными Державами. Вы осаж»даете Псковъ уже четыре мѣсяца, ко»нечно съ достохвальнымъ мужествомъ, »но съ успѣхомъ ли? имѣете ли дѣйстви»тельно надежду взять его? а если не »возьмете, то не погубите ли и войска »и всѣхъ своихъ завоеваній?« Вмѣсто трехъ дней, назначенныхъ Баторіемъ, миновало болѣе трехъ недѣль въ съѣздахъ, въ прѣніяхъ, съ нашей стороны хладнокровныхъ, жаркихъ съ Литовской. Послы Іоанновы уступали Королю 14 городовъ Ливонскихъ, занятыхъ Россійскимъ войскомъ, —

Полоцкъ со всѣми его пригородами, Озерище, Усвятъ, Луки, Велижъ, Невель, Заволочье, Холмъ, чтобы удержать единственно Дерптъ съ пятнадцатью крѣпостями. Стефановы Вельможи не соглашались; требовали и Ливоніи и денегъ за убытки войны; хотѣли также включить Шведскаго Короля въ договоръ. Напрасно Елецкій и Олферьевъ просили добраго содѣйствія Поссевинова: Іезуитъ хитрилъ, угадывалъ тайный наказъ Царскій, славилъ неодолимаго Баторія и коварно жалѣлъ о новыхъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ Россіи, въ случаѣ продолженія войны отъ нашего упрямства. Доброе содѣйствіе было только отъ Воеводъ Псковскихъ: они 4 Генваря, еще сильно напали на Замойскаго, съ конницею и пѣхотою; взяли знатное число плѣнныхъ, убили многихъ сановниковъ непріятельскихъ, и съ трофеями возвратились въ городъ [535]. Сія вылазка была сорокъ-шестая — *и прощальная:* ибо Замойскій далъ знать своимъ Посламъ, что терпѣніе войска уже истощилось; что надобно подписать договоръ или бѣжать. Настала минута рѣшительная. Збаражскій объявилъ, что Стефанъ велѣлъ кончить переговоры, и сею твердостію побѣдилъ

Г. 1582.

г. 1582. нашу: видя крайность, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, не смѣя ослушаться Государя, Елецкій и Олферьевъ должны были принять главное условіе: то есть, именемъ Іоанновымъ отказались отъ Ливоніи; уступили и Полоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согласился не требовать съ насъ денегъ, не упоминать въ записи ни о Шведскомъ Королѣ, ни о городахъ Эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ), возвратить намъ Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе Псковскіе занятые имъ пригороды [586]. На сихъ условіяхъ положили быть десятилѣтнему перемирію отъ 6 Генваря 1582 года. Но еще нѣсколько дней спорили о титулахъ и словахъ, однажды съ такимъ жаромъ, что смиренный Іезуитъ Антоній вышелъ изъ себя: вырвалъ черную запись изъ рукъ Олферьева, бросилъ на землю, схватилъ его за воротъ [587]. Теряя Ливонію, Іоаннъ желалъ еще именоваться, въ договорѣ, *Ливонскимъ Властителемъ* и *Царемъ*, въ смыслѣ *Императора:* о чемъ ни Послы Стефановы, ни Папскій не хотѣли слышать. Первые, какъ бы въ насмѣшку, требовали Смоленска, Великихъ Лукъ и всѣхъ городовъ Сѣверскихъ, что-

Заключеніе перемирія.

бы назвать Іоанна Царемъ, но единственно Казанскимъ и Астраханскимъ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ Молдавскихъ Воеводъ называютъ Господарями; а Поссевинъ утверждалъ, что одинъ Папа можетъ возвышать Вѣнценосцевъ новыми титулами. Наконецъ условились дать Іоанну только въ Россійской перемирной грамотѣ имя *Царя*, Властителя *Смоленскаго* и *Ливонскаго;* въ Королевской же просто *Государя*, а Стефану титулъ *Ливонскаго!* Утвердивъ грамоты крестнымъ цѣлованіемъ, Повѣренные обѣихъ Державъ обнялися какъ друзья, и 17 Генваря извѣстили Воеводъ Псковскихъ о замиреніи. Тихій, полумертвый станъ Литовскій ожилъ шумною радостію: защитники Пскова съ умиленіемъ принесли жертву благодарности Небу, совершивъ свой подвигъ съ честію для Россіи. Замойскій звалъ ихъ на пиръ: Князь Иванъ Шуйскій отпустилъ къ нему Воеводъ младшихъ, но самъ не поѣхалъ: успокоился, но не хотѣлъ веселиться[588]. г. 1582.

Такъ кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ ока-

г. 1582. залъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ; который, съ неутомимымъ усиліемъ домогаясь Ливоніи, чтобы славно предупредить великое дѣло Петра, имѣть море и гавани для купеческихъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Европою — воевавъ 24 года непрерывно, чтобы медленно, шагъ за шагомъ двигаться къ цѣли — изгубивъ столько людей и достоянія — повелѣвая воинствомъ отечественнымъ, едва не равносильнымъ Ксерксову, вдругъ все отдалъ, и славу и пользу, изнуреннымъ остаткамъ разноплеменнаго сонмища Баторіева! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою; и если удержались еще въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе: то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ *непобѣдимость* Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею; не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть, и Новгородъ, въ *очарованіи* Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ; писали, что Іоаннъ, устрашенный видѣнія-

ми и чудесами, ждалъ только бѣдствій г. 1582.
въ войнѣ съ Баторіемъ, не вѣря никакимъ благопріятнымъ донесеніямъ Воеводъ своихъ[589]; что явленіе Кометы предвѣстило тогда несчастіе Россіи; что громовая стрѣла зимою, въ день Рождества Христова, при ясномъ солнцѣ зажгла Іоаннову спальню въ Слободѣ Александровской; что близъ Москвы слышали ужасный голосъ: *бѣгите, бѣгите, Русскіе!* что въ семъ мѣстѣ упалъ съ неба мраморный гробовый камень съ таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный Царь самъ видѣлъ его и велѣлъ разбить своимъ тѣлохранителямъ. Сказка достойная суевѣрнаго вѣка; но то истина, что Псковъ или Шуйскій спасъ Россію отъ величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится въ нашей Исторіи, доколѣ мы не утратимъ любви къ отечеству и своего имени.

4 Февраля Замойскій выступилъ въ Ливонію, чтобы принять отъ насъ ея города и крѣпости. Сподвижники его, удаляясь съ радостію, не хотѣли смотрѣть на стѣны и башни Псковскія, окруженныя могилами ихъ братьевъ. Только въ сей день отворились наконецъ ворота Ольгина града, гдѣ всѣ жители и

г. 1582. войны, исполнивъ долгъ усердія къ отечеству и славно миновавъ опасности, наслаждались живѣйшимъ для человѣка и гражданина удовольствіемъ[590]. Не таковы были чувства Россіянъ въ Ливоніи, гдѣ они уже давно жительствовали какъ въ отечествѣ, имѣли семейства, домы, храмы, Епископію въ Дерптѣ: согласно съ договоромъ выѣзжая оттуда въ Новгородъ и Псковъ, съ женами, съ дѣтьми — въ послѣдній разъ слыша тамъ благовѣстъ Православія и моляся Господу по обрядамъ нашей Церкви, смиренной, изгоняемой, всѣ горько плакали, а всего болѣе надъ гробами своихъ ближнихъ[591]. Около шести сотъ лѣтъ именовавъ Ливонію своимъ владѣніемъ — повелѣвавъ ея дикими жителями еще при Св. Владимірѣ, строивъ въ ней крѣпости при Ярославѣ Великомъ, и въ самое цвѣтущее время Ордена собиравъ дань съ областей Дерптскихъ[592], Россія торжественно отказалась отъ сей, нашею кровію орошенной земли, на долго, до Героя Полтавскаго.— Между тѣмъ народъ, всегда миролюбивый, въ Москвѣ и вездѣ благословилъ конецъ войны разорительной[593]; но Іоаннъ насладился ли успокоеніемъ робкой души своей? По крайней мѣрѣ Богъ не хотѣлъ

шого, избравъ сіе время для ужасной казни его сердца, жестокаго, но еще не совсѣмъ окаменѣлаго — еще родительскаго, не мертваго. Г. 1528.

Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ, Царь готовилъ Россіи *втораго себя:* вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая Государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ и губилъ людей[594], какъ бы для того, чтобы сынъ не могъ стыдить отца и Россія не могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣдника. Юный Царевичь, не бывъ вдовцемъ, имѣлъ тогда уже третію супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевыхъ[595]: двѣ первыя, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены. Своевольно или въ угодность родителю мѣняя женъ, онъ еще мѣнялъ и наложницъ, чтобы во всемъ ему уподобляться. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ Бояръ — слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ — Царевичь исполнился

Сыноубійство.

г. 1582. ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи[596]. Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: »мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Боярами хочешь свергнуть меня съ престола!« и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: Царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ своимъ[597] и сильно ударилъ имъ Царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи онъ воскликнулъ: »я убилъ сына!« и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей: молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ Небесный совершился!... Царевичь, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и сострраданіе; убѣждалъ его не предаваться отчаянію; сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ.... жилъ четыре дни, и скончался 19 Ноября, въ ужасной Слободѣ Александровской[598].... Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилася кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпененіи сидѣлъ не-

подвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней..... 22 Ноября Вельможи, Бояре, Князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви Св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу Державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцевская, назло Природѣ, безвременно не ввергнула его и въ развратъ и въ могилу! Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна!... Обнаженный всѣхъ знаковъ Царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простаго, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ пронзительнымъ. г. 1582.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія: ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія; нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ

г. 1582. предѣломъ: исправленіе *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ..... Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стеналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и зголовье; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боясь видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы[599].

Мысл. Іоаннова оставить свѣтъ.

Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ, Өеодоръ, неспособенъ управлять Россіею, и не могъ бы царствовать долго; что Бояре должны избрать Государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ Царство. Всѣ изумились: одни вѣрили искренности Іоанновой и были тронуты до глубины сердца; другіе опасались коварства, думая, что Государь желаетъ только вывѣдать ихъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого они признали бы достойнымъ

вѣнца, не миновать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ было: »не оставляй »насъ; не хотимъ Царя, кромѣ Богомъ »даннаго, тебя и твоего сына!« Іоаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія[600]; но удалилъ отъ глазъ своихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и Дворъ въ одежду скорби; служилъ Панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей[601] въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ Патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души Царевича — и самъ наконецъ успокоился! Хотя, какъ пишутъ, онъ не переставалъ оплакивать любимаго сына, и даже въ *веселыхъ* разговорахъ часто воспоминалъ объ немъ со слезами[602], но, слѣдственно, могъ снова *веселиться;* снова, если вѣрить чужеземнымъ Историкамъ, свирѣпствовалъ и казнилъ многихъ людей воинскихъ, которые будто бы малодушно сдавали крѣпости Баторію, хотя сами враги наши должны были признать тогда Россіянъ храбрѣйшими, неодолимыми защитниками городовъ[603]. Въ сіе же время, и подъ симъ же видомъ правосудія, Іоаннъ изобрѣлъ необыкновенное наказаніе для отца супруги своей. г. 1582.

г. 1582. Долго не видя Годунова, избитаго, израненнаго за Царевича, и слыша отъ Өедора Нагаго, что сей любимецъ не отъ болѣзни, но единственно отъ досады и злобы скрывается, Іоаннъ хотѣлъ узнать истину: самъ пріѣхалъ къ Годунову; увидѣлъ на немъ язвы и заволоку, сдѣланную ему купцемъ Строгановымъ, искуснымъ въ леченіи недуговъ; обнялъ больнаго, и въ знакъ особенной милости давъ его цѣлителю право *именитыхъ* людей, называться полнымъ отчествомъ или *Вичемъ*, какъ только знатнѣйшіе государственные сановники именовались, велѣлъ, чтобы Строгановъ въ тотъ же день сдѣлалъ самыя мучительныя заволоки, на бокахъ и на груди, клеветнику Өедору Нагому[604]! Клевета есть конечно важное преступленіе; но сія *замысловатость* въ способахъ муки изображаетъ ли сердце умиленное, сокрушенное горестію? Тогда же въ дѣлахъ государственныхъ видимъ обыкновенное хладнокровіе Іоанново, его осмотрительность и спокойствіе, которое могло происходить единственно или отъ удивительнаго величія души или отъ малой чувствительности въ обстоятельствахъ столь ужасныхъ для отца и человѣка. 28 Ноября, въ Москвѣ, онъ уже

Врачъ Строгановъ

слушалъ донесеніе гонца своего о Псков- Г. 1582.
ской осадѣ[605]; во время переговоровъ зналъ все и разрѣшалъ недоумѣнія нашихъ повѣренныхъ, которые въ Февралѣ мѣсяцѣ возвратились къ нему съ договоромъ.

Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

Скоро явился въ Москвѣ и хитрый Іезуитъ Антоній, принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то есть, достигнуть главной цѣли его посланія, исполнить давнишній замыселъ Рима, соединить Вѣры и силы всѣхъ Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ. Тутъ Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразуміе, коимъ и самъ Іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость. Опишемъ сіи любопытныя подробности.

»Я нашелъ Царя въ глубокомъ уны»ніи,« говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ: »сей Дворъ пышный казался то»гда смиренною Обителію Иноковъ, чер»нымъ цвѣтомъ одежды изъявляя мрач»ность души Іоанновой. Но судьбы Все»вышняго неисповѣдимы: самая печаль Ца»ря, нѣкогда столь необузданнаго, распо»ложила его къ умѣренности и терпѣнію »слушать мои убѣжденія[606].« Изобразивъ важность оказанной имъ услуги Государству Россійскому доставленіемъ ему счаст-

г. ливаго мира, Антоній прежде всего ста-
1582. рался увѣрить Іоанна въ искренности Стефанова дружества, и повторилъ слова Баторіевы: »Скажи Государю Московско»му, что вражда угасла въ моемъ сердцѣ; »что не имѣю никакой тайной мысли о »будущихъ завоеваніяхъ, желаю его истин»наго братства и счастія Россіи. Во всѣхъ »нашихъ владѣніяхъ пути и пристани »должны быть открыты для купцевъ и »путешественниковъ той и другой земли, »къ ихъ обоюдной пользѣ: да ѣздятъ къ »нему свободно и Нѣмцы и Римляне чрезъ »Польшу и Ливонію! Тишина Христіанамъ, »но месть разбойникамъ Крымскимъ! Пой»ду на нихъ: да идетъ и Царь! Уймемъ »вѣроломныхъ злодѣевъ, алчныхъ ко зла»ту и крови нашихъ подданныхъ. Усло»вимся, когда и гдѣ дѣйствовать. Не »измѣню, не ослабѣю въ усиліяхъ: пусть »Іоаннъ дастъ мнѣ свидѣтелей изъ сво»ихъ Бояръ и Воеводъ! Я не Ляхъ, не »Литвинъ, а пришлецъ на тронѣ: хочу »заслужить въ свѣтѣ доброе имя навѣ»ки«[607]. Но Іоаннъ, признательный къ дружественному расположенію Баторіеву, отвѣтствовалъ, что мы уже не въ войнѣ съ Ханомъ: Посолъ нашъ, Князь Василій Мосальскій, живъ нѣсколько лѣтъ въ

Тавридѣ, наконецъ заключилъ перемиріе съ нею: ибо Магметъ-Гирей имѣлъ нужду въ отдыхѣ, будучи изнуренъ долговременною войною Персидскою, въ коей онъ невольно помогалъ Туркамъ, и которая спасала Россію отъ его опасныхъ нашествій въ теченіе пяти лѣтъ[608]. Далѣе Антоній, приступивъ къ главному дѣлу, требовалъ особенной бесѣды съ Царемъ о соединеніи Вѣръ. »Мы готовы бесѣдовать съ тобою (сказалъ Іоаннъ), »но только въ присутствіи нашихъ ближнихъ людей, и безъ »споровъ, если возможно: ибо всякой человѣкъ хвалитъ свою Вѣру и не любитъ »противорѣчія. Споръ ведетъ къ ссорѣ, »а я желаю тишины и любви.« Въ назначенный день (Февраля 21) Антоній съ тремя Іезуитами пришелъ изъ *Совѣтной палаты* въ Тронную, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *Сверстными* и Князьями *Служилыми:* Стольниковъ и младшихъ Дворянъ выслали[609]. Изъявивъ Послу ласку, Государь снова убѣждалъ его не касаться Вѣры, примолвивъ: »Антоній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и не долго жить въ свѣтѣ: воспитанный въ правилахъ нашей *Христіанской* Церкви, издавна несогласной съ *Латинскою*[610], могу ли измѣнить ей предъ

Г. 1582.

Г. 1582. »концемъ земнаго бытія своего? День су»да Небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, »чья Вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе »и святѣе. Но говори, если хочешь.« Тутъ Антоній съ живостію и съ жаромъ сказалъ: »Государь Свѣтлѣйшій! изъ всѣхъ »твоихъ милостей, мнѣ понынѣ оказан»ныхъ, самая величайшая есть сіе дозво»леніе говорить съ тобою о предметѣ »столь важномъ для спасенія душъ Хри»стіанскихъ. Не мысли, о Государь! чтобы »Св. Отецъ нудилъ тебя оставить Вѣру »Греческую: нѣтъ, онъ желаетъ един»ственно, чтобы ты, имѣя умъ глубокій »и просвѣщенный, изслѣдовалъ дѣянія пер»выхъ ея Соборовъ, и все истинное, все »древнее навѣки утвердилъ въ своемъ Цар»ствѣ какъ законъ неизмѣняемый[611]. То»гда исчезнетъ разнствіе между Восточ»ною и Римскою Церковію; тогда мы всѣ »будемъ единымъ тѣломъ Іисуса Христа, »къ радости единаго истиннаго, Богомъ »уставленнаго Пастыря Церкви. Государь! »моля Св. Отца доставить тишину Евро»пѣ и соединить всѣхъ Христіанскихъ »Вѣнценосцевъ для одолѣнія невѣрныхъ, »не признаешь ли его самъ Главою Хри»стіанства? Не изъявилъ ли ты особен»наго уваженія къ Апостольской Римской

»Вѣрѣ, дозволивъ всякому, кто исповѣ- Г. 1582.
»дуетъ оную, жить свободно въ Россій-
»скихъ владѣніяхъ и молиться Всевышне-
»му по ея святымъ обрядамъ, ты, Царь
»великій, никѣмъ не нудимый къ сему
»торжеству истины, но движимый явно
»волею Царя Царей, безъ коей и листъ
»древесный не падаетъ съ вѣтьви [612]? Сей
»желаемый тобою общій миръ и союзъ
»Вѣнценосцевъ можетъ ли имѣть твер-
»дое основаніе безъ единства Вѣры?
»Ты знаешь, что оно утверждено Собо-
»ромъ Флорентійскимъ, Императоромъ,
»Духовенствомъ Греческой Имперіи, са-
»мымъ знаменитымъ Іерархомъ твоей
»Церкви, Исидоромъ: читай представлен-
»ныя тебѣ дѣянія сего осьмаго Вселен-
»скаго Собора, и если гдѣ усомнишься,
»то повели мнѣ изъяснить темное. Исти-
»на очевидна: пріявъ ее, въ братскомъ
»союзѣ съ сильнѣйшими Монархами Евро-
»пы, какой не достигнешь славы, какого
»величія? Государь! ты возмешь не толь-
»ко Кіевъ, древнюю собственность Рос-
»сіи, но и всю Имперію Византійскую,
»отъятую Богомъ у Грековъ за ихъ рас-
»колъ и неповиновеніе Христу Спасите-
»лю.« Царь спокойно отвѣтствовалъ: »Мы
»никогда не писали къ Папѣ о Вѣрѣ. Я

Г. 1582. »и съ тобою не хотѣлъ бы говорить »объ ней: вопервыхъ опасаюсь уязвить »твое сердце какимъ нибудь жесткимъ »словомъ; вовторыхъ, занимаюсь един»ственно мірскими, государственными дѣ»лами Россіи, не толкуя церковнаго уче»нія, которое есть дѣло нашего Бого»мольца, Митрополита. Ты говоришь смѣ»ло, ибо ты Попъ и для того сюда прі»ѣхалъ изъ Рима. Греки же для насъ не »Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не Гре»камъ. Что касается до Восточной Им»періи, то знай, что я доволенъ своимъ »и не желаю никакихъ новыхъ Государствъ »въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только »милости Божіей въ будущемъ«[613]. Не упоминая ни о Флорентійскомъ Соборѣ, ни о всеобщемъ Христіанскомъ союзѣ противъ Султана, Іоаннъ въ знакъ дружбы своей къ Папѣ снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и Священникамъ Латинской Вѣры въ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не толковали о Законѣ съ Россіянами. Но ревностный Іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго пренія; утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ; что Римъ есть древняя столица онаго. Уже Царь начиналъ досадовать. »Ты хвалишься право-

»славіемъ (сказалъ онъ), а стрижетъ бо- г.
»роду[614]; вашъ Папа велитъ носить себя 1582.
»на престолѣ и цѣловать въ туфель, гдѣ
»изображено распятіе: какое высокомѣріе
»для смиреннаго Пастыря Христіанскаго!
»какое уничиженіе Святыни!«.... »Нѣтъ
»уничиженія,« возразилъ Антоній: »достой-
»ное воздается достойному. Папа есть Глава
»Христіанъ, учитель всѣхъ Монарховъ пра-
»вославныхъ, сопрестольникъ Апостола Пе-
»тра, Христова сопрестольника. Мы вели-
»чаемъ и тебя, Государь, какъ наслѣдника
»Мономахова; а Св. Отецъ«..... Іоаннъ, пе-
рервавъ его рѣчь, сказалъ: »У Христіанъ
»единъ Отецъ на небесахъ! Насъ, земныхъ
»Властителей, величать должно по мір-
»скому уставу; ученики же Апостольскіе
»да смиренномудрствуютъ! Намъ честь
»Царская, а Папамъ и Патріархамъ Свя-
»тительская. Мы уважаемъ Митрополи-
»та нашего и требуемъ его благослове-
»нія; но онъ ходитъ по землѣ и не воз-
»носится выше Царей гордостію. Были
»Папы дѣйствительно учениками Апо-
»стольскими: Климентъ, Сильвестръ, Ага-
»ѳонъ, Левъ, Григорій; но кто именует-
»ся Христовымъ сопрестольникомъ, ве-
»литъ носить себя на сѣдалищѣ какъ бы
»на облакѣ, какъ бы Ангеламъ; кто жи-

г. 1582. »вѣтъ не по Христову ученію, тотъ Папа есть волкъ, а не Пастырь«.... Антоній въ сильномъ негодованіи воскликнулъ: »если уже Папа волкъ, то мнѣ говорить »нечего«[615]!... Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: »Вотъ для чего не хотѣлъ я »бесѣдовать съ тобою о Вѣрѣ! Невольно »досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ называю волкомъ не Григорія XIII, а Папу »не слѣдующаго Христову ученію. Теперь »оставимъ.« Государь съ ласкою положилъ руку на Антонія, отпустилъ его милостиво и приказалъ чиновникамъ отнести къ нему лучшія блюда стола Царскаго.

На третій день снова позвали Іезуита во дворецъ. Царь, указавъ ему мѣсто противъ себя, сказалъ громко, такъ, чтобы всѣ Бояре могли слышать: »Антоній! »прошу тебя забыть сказанное мною, къ »твоему неудовольствію, о Папахъ. Мы »несогласны въ нѣкоторыхъ правилахъ »Вѣры; но я хочу жить въ дружбѣ со »всѣми Христіанскими Государями, и по»шлю съ тобою одного изъ моихъ санов»никовъ въ Римъ[616]; а за твою оказанную »намъ услугу изъявлю тебѣ признатель»ность.« Царь велѣлъ ему говорить съ Боярами, коимъ Антоній опять силился

доказывать истину Римскаго Исповѣдания, и согласно съ ихъ желаніемъ (какъ онъ увѣряетъ) въ три дни написалъ цѣлую книгу о мнимыхъ заблужденіяхъ Грековъ, основываясь на богословскихъ твореніяхъ Геннадія, Константинопольскаго Патріарха, утвержденнаго въ Первосвятительствѣ Магометомъ II! Именемъ Папы онъ убѣждалъ Царя послать въ Римъ нѣсколько грамотныхъ молодыхъ Россіянъ, съ тѣмъ, чтобы они узнали тамъ истинные *Догматы древней Греческой Церкви*, выучились языку Италіянскому, или Латинскому, и выучили Италіянцевъ нашему для удобной переписки съ Москвою [617]; убѣждалъ также, чтобы Іоаннъ выгналъ ядовитыхъ *Лютерскихъ Магистровъ*, отвергающихъ Богоматерь и святость Угодниковъ Христовыхъ, а принималъ единственно Латинскихъ Іереевъ. Ему отвѣтствовали, что Царь будетъ искать людей способныхъ для науки, и *если* найдетъ, то пришлетъ ихъ къ Григорію; что Лютеране, какъ и всѣ иновѣрцы, живутъ свободно въ Россіи, но не смѣютъ сообщать другимъ своихъ заблужденій. Антоній желалъ еще примирить Швецію съ Россіею; всего же болѣе настоялъ въ томъ, чтобы мы заключили союзъ

г. 1582.

г. 1582. съ Европою для усмиренія Турковъ. »Пусть »Король Шведскій (сказалъ Іоаннъ) самъ »изъявитъ мнѣ миролюбіе: тогда увидимъ »его искренность. Унять невѣрныхъ же»лаю; но Папа, Императоръ, Король Ис»панскій, Французскій и всѣ другіе Вѣн»ценосцы должны прежде чрезъ торже»ственное Посольство условиться со мною »въ мѣрахъ сего Христіанскаго ополченія. »Теперь не могу войти ни въ какое обя»зательство.« То есть, Іоаннъ, уже не страшась Баторія, явно охладѣлъ къ мысли изгнать Турковъ изъ Европы: Іезуитъ видѣлъ сію перемѣну, и жалуется на его лукавство. »Не ожидая ничего болѣе отъ »Св. Отца для выгодъ своей Политики (пишетъ онъ), »Царь выдумалъ хитрость, »чтобы успокоить суевѣрныхъ Россіянъ, »не довольныхъ моимъ смѣлымъ сужде»ніемъ объ ихъ Законѣ. Чтожь сдѣлалъ? »призвалъ меня во дворецъ, въ первое »Воскресеніе Великаго поста[618], и сказалъ: »*Антоній! зная, что ты желаешь видѣть* »*обряды нашей Церкви, я велѣлъ нынѣ* »*отвести тебя въ храмъ Успенія (гдѣ бу*»*ду и самъ), да созерцаешь красоту и ве*»*личіе истиннаго Богослуженія. Тамъ обо*»*жаемъ мы небесное, а не земное; чтимъ,* »*но не носимъ Митрополита на рукахъ....*

»*и Св. Апостола Петра также не носили* г.
»*вѣрные: онъ ходилъ пѣшъ и босъ; а вашъ* 1582.
»*Папа именуетъ себя его Намѣстникомъ!....*
»Государь! отвѣчалъ я хладнокровно, удивленный сею новою грубостію: всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа; но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ Догматахъ, и пока Митрополитъ Россійскій не будетъ въ сношеніяхъ съ Св. Отцемъ, я не могу видѣть вашего Богослуженія. Вторично скажу тебѣ, что воздавать честь Архипастырю Церкви есть долгъ, а не грѣхъ. Вы не носите Митрополита, но моете себѣ глаза водою, которою онъ моетъ руки свои. — Изъяснивъ мнѣ, что сей обрядъ уставленъ въ воспоминаніе страстей Господнихъ, а не въ честь Митрополиту, Іоаннъ далъ знакъ, — и толпы сановниковъ двинулись впередъ, къ дверямъ; увлекли и меня съ собою; а Царь издали сказалъ мнѣ громко: *Антоній! смотри, чтобы кто нибудь изъ Лютеранъ не вошелъ за тобою въ церковь*. Но я самъ не хотѣлъ войти въ нее; ждалъ минуты, и тихонько ушелъ, когда Царедворцы остановились предъ Соборомъ. Всѣ думали, что мнѣ не миновать бѣды; но Іоаннъ, изумленный моимъ ослушаніемъ, задумался,

Г. »потеръ себѣ лобъ рукою и сказалъ: *его*
1582. »*воля!*.... Какое было намѣреніе Царя?
»представить Россіянамъ торжество Вѣ»ры своей: Посла Римскаго молящагося »въ ихъ храмѣ, лобызающаго руку у Ми»трополита, во славу Церкви Восточной, »къ уничиженію Западной, и тѣмъ выве»сти народъ изъ соблазна, произведеннаго »необыкновенными знаками Царскаго ува»женія къ Папѣ.« Поссевинъ, какъ вѣроятно, не обманывался въ своей догадкѣ; но обманулся въ надеждѣ присоединить насъ къ Римской Церкви!

Впрочемъ до самаго отъѣзда своего онъ видѣлъ знаки Іоанновой къ нему милости: его встрѣчали, провожали во дворцѣ знатные сановники, водили обыкновенно сквозь блестящіе ряды многолюдной Царской дружины: честь, какой, можетъ быть, никогда и нигдѣ не оказывали Іезуиту! Онъ выпросилъ свободу осьмнадцати невольникамъ, Испанцамъ, ушедшимъ изъ Азова въ Россію и сосланнымъ въ Вологду[619]; исходатайствовалъ также облегченіе Литовскимъ и Нѣмецкимъ плѣнникамъ, впредь до размѣны: ихъ выпустили изъ темницъ, отдали въ домы гражданамъ, велѣли довольствовать всѣмъ нужнымъ. Но Іоаннъ снова отри-

нулъ сильныя домогательства Iезуитовы о строенiи Латинскихъ церквей въ Россiи. »Католики вольны (сказали Антонiю) »жить у насъ по своей Вѣрѣ, *безъ укоризны и »зазору:* сего довольно.« Бесѣдуя съ Думными Совѣтниками о нашихъ обычаяхъ, странныхъ для Европы, онъ ссылался на Герберштейнову книгу о Россiи, гдѣ сказано, что Царь, давая цѣловать руку Нѣмецкимъ Посламъ, въ туже минуту моетъ ее водою, какъ бы оскверниъ себя ихъ прикосновенiемъ; но Бояре объявили Герберштейна, два раза столь обласканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ клеветникомъ, всклепавшимъ небылицу на Государей Московскихъ[620]. Съ удивленiемъ также слыша отъ Поссевина, что будто бы отецъ Iоанновъ, Великiй Князь Василiй, обѣщалъ Императору Карлу V тридцать тысячь воиновъ за отпускъ въ Россiю многихъ Нѣмецкихъ художниковъ, Бояре отвѣчали: »людей ратныхъ даютъ Государи Государямъ по договорамъ, а не въ обмѣнъ за »ремесленниковъ.« — Наконецъ, въ день отпуска, Iоаннъ торжественно благодарилъ Поссевина за дѣятельное участiе въ мирѣ; увѣрилъ его въ своемъ личномъ уваженiи; вставъ съ мѣста, велѣлъ кланяться Григорiю и Королю Стефану; далъ

Г. 1582.

г. 1588. ему руку — и прислалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ черныхъ соболей, для Папы и для Антонія. Іезуитъ не хотѣлъ-было взять своего дара, славя бѣдность учениковъ Христовыхъ; однакожь взялъ и выѣхалъ изъ Москвы (15 Марта) вмѣстѣ съ нашимъ гонцемъ, Яковомъ Молвяниновымъ, съ коимъ Царь написалъ къ Папѣ отвѣтъ на грамоту его, увѣряя, что мы готовы участвовать въ союзѣ Христіанскихъ Державъ противъ Оттомановъ, но ни слова не говоря о соединеніи Церквей[621].

Симъ на долгое время пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, безполезныя и для насъ и для Папы: ибо не ходатайство Іезуита, но доблесть Воеводъ Псковскихъ склонила Баторія къ умѣренности, не лишивъ его ни славы, ни важныхъ пріобрѣтеній, коими сей Герой обязанъ былъ смятенію Іоаннова духа еще болѣе, нежели своему мужеству.

ГЛАВА VI.

Первое завоеванiе Сибири.

Первыя свѣдѣнiя о Сибири. Извѣстiя о Татарской Державѣ въ Сибири. Древнѣйшее путешествiе Россiянъ въ Китай. Знатные купцы Строгановы. Невѣрность Царя Кучюма. Разбой Козаковъ. Ермакъ. Походъ на Сибирь. Гнѣвъ Iоанновъ. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночный совѣтъ Козаковъ. Рѣшительная битва. Взятiе Искера или города Сибири. Строгость Ермака. Плѣненiе Царевича Маметкула. Дальнѣйшiя завоеванiя. Посольство въ Москву. Радость въ Москвѣ. Посланiе рати въ Сибирь. Новыя завоеванiя. Жалованье Царское. Болѣзни и голодъ въ Сибири. Неосторожность Козаковъ. Осада Искера. Послѣднiя завоеванiя Ермаковы. Гибель Ермака. Изображенiе Героя Сибирскаго. Козаки оставляютъ Сибирь.

Въ то время, когда Iоаннъ, имѣя триста тысячь добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнiя, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ Ляховъ и Нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностiю къ корысти и благородною любовiю ко славѣ, прiобрѣла новое Царство для Россiи, открыла *второй новый мiръ* для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни

человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ Естества, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ пушистые звѣри, и сама Природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ[622]; гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства.— Три купца и бѣглый Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ Царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Сіе неизмѣримое пространство Сѣверной Азіи, огражденное Каменнымъ Поясомъ, Ледовитымъ моремъ, Океаномъ Восточнымъ, цѣпію горъ Альтайскихъ и Саянскихъ — отечество малолюдныхъ племенъ Могольскихъ, Татарскихъ, Чудскихъ (Финскихъ), Американскихъ[623] — укрывалось отъ любопытства древнихъ Космографовъ. Тамъ, *на главной высотѣ земнаго шара*, было, какъ угадывалъ великій

Линней[624], первобытное убѣжище Ноева семейства послѣ гибельнаго, всемірнаго наводненія; тамъ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало *грифовъ, стрегущихъ золото*[625]: но Исторія не вѣдала Сибири до нашествія Гунновъ, Турковъ, Моголовъ на Европу: предки Аттилины скитались на берегахъ Енисея; славный Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Альтайскихъ; Послы Иннокентія IV и Св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура[626]. Какъ данники Моголовъ узнавъ въ XIII вѣкѣ Югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея Сѣверо-Западъ, гдѣ смѣлые Новогородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными[627]. Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ, и Воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей Монархъ именовался въ своемъ титулѣ *Югорскимъ*, сынъ его *Обдорскимъ* и *Кондинскимъ*[623], а внукъ

Первыя свѣдѣнія о Сибири.

Сибирскимъ, обложивъ данію сію Могольскую или Татарскую Державу, которая составилась изъ древнихъ Улусовъ Ишимскихъ, Тюменскихъ или Шибанскихъ, извѣстныхъ намъ съ 1480 года и названныхъ такъ, вѣроятно, по имени брата Батыева, Шибана[629], Единовластителя Сѣверной Азіи, на Востокъ отъ моря Аральскаго.

Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибирѣ.

Пишутъ, что »Князь Ивакъ или Онъ[630], племени *Ногайскаго*, Вѣры Магометовой, жилъ на рѣкѣ Ишимѣ, повелѣвая многими Татарами, Остяками и Вогуличами; что какой-то мятежникъ Чингисъ свергнулъ Ивака, но изъ любви къ его сыну, Тайбугѣ, далъ ему рать для завоеванія береговъ Иртыша и Великой Оби, гдѣ сей юный Князь основалъ Сибирское Ханство и городъ Чингій на Турѣ, въ коемъ властвовали послѣ сынъ Тайбугинъ, Ходжа, и внукъ Маръ, отецъ Адера и Яболака[631], женатый на Царевнѣ *Казанской*, сестрѣ Упаковой; что Упакъ убилъ Мара, а сынъ Адеровъ, Магметъ, убивъ Упака, построилъ Искеръ или Сибирь на Иртышѣ (въ шестнадцати верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска); что преемниками Магметовыми были Агишъ, сынъ Яболаковъ, Магметовъ сынъ Казый и дѣти Казыевы,

Едигеръ (данникъ Московскій) и Бекбулашъ, сверженные Кучюмомъ, сыномъ Киргизскаго Хана Муртазы[632], *первымъ Царемъ Сибирскимъ*« (также Іоанновымъ данникомъ). Сказанія не весьма достовѣрныя, слышанныя Россіянами отъ Магометанскихъ жителей Сибири и внесенныя въ ея лѣтописи безъ всякаго критическаго изслѣдованія! Въ Царской же грамотѣ 1597 года наименованъ первымъ Ханомъ Сибирскимъ *Ибакъ*, дѣдъ Кучюмовъ, вторымъ Магметъ, третьимъ Казый, четвертымъ Едигеръ, Князья Тайбугина рода. Замѣтимъ, что полки Московскіе, въ 1483 году воюя на берегахъ Иртыша, еще не видали *Татаръ* въ сихъ мѣстахъ, гдѣ уже существовала крѣпость *Сибирь* и властвовалъ *Князь Лятикъ*[633], безъ сомнѣнія Югорскій, или Остяцкій: слѣдственно Ишимскіе Ногаи, соединясь съ Тюменскими, завладѣли устьемъ Тобола едва ли ранѣе XVI вѣка, и не *основали*, а *взяли* городокъ *Сибирь*, названный ими Искеромъ.

Уже твердо зная путь въ сію столицу Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники Московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія: для того въ 1567 году послалъ двухъ

Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай.

Атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ Властителямъ неизвѣстныхъ народовъ[634]. Атаманы благополучно возвратились и представили Государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до моря Корейскаго, бывъ въ Улусахъ *Черной* или Западной Мунгаліи, подвластной разнымъ Князьямъ, и въ городахъ Восточной или *Желтой*[635], гдѣ царствовала женщина, и гдѣ народъ пользовался выгодами земледѣлія, скотоводства, торговли. Упомянувъ по слуху о Туркестанѣ, Бухаріи, Кашгарѣ, Тибетѣ, путешественники Іоанновы сказываютъ въ своемъ любопытномъ донесеніи, что грамота Мунгальской Царицы отверзла для нихъ желѣзныя врата стѣны Китайской; но что, свободно достигнувъ богатаго, многолюднаго Пекина, они не могли видѣть Императора, не имѣвъ къ нему даровъ отъ Государя. Такъ мы узнали Китай, бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ Козаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отча-

сти славнымъ Венеціянскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ[656].

Но еще господство наше за Каменнымъ Поясомъ было слабо и ненадежно: Татары Сибирскіе, признавъ Іоанна своимъ верховнымъ Властителемъ, не только худо платили ему дань, но и частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Россіи. Озабоченный важными, непрестанными войнами, Царь не могъ утвердить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью, ни спокойствія нашихъ владѣній между Камою и Двиною, гдѣ уже издавна селились многіе Россіяне, привлекаемые туда естественнымъ изобиліемъ земли, дешевизною всего нужнаго для жизни, выгодами мѣны съ полудикими, сосѣдственными народами, въ особенности богатыми мягкою рухлядью. Въ числѣ тамошнихъ Россійскихъ всельниковъ были и купцы Строгановы, Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины, коихъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ на Вычегдѣ и (если вѣрить сказанію иностранцевъ) *первый* открылъ путь для нашей торговли за хребетъ горъ Уральскихъ[637]. Пишутъ, что сіи купцы происходили отъ знатнаго, крещенаго Мурзы Золотой Орды, именемъ

Знатные купцы Строгановы.

Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто бы *застрогали* до смерти; что сынъ его по тому названъ *Строгановымъ*, а внукъ[638] способствовалъ искупленію Великаго Князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ Улусахъ. Желая взять дѣятельныя мѣры для обузданія Сибири, Іоаннъ призвалъ упомянутыхъ двухъ братьевъ, Якова и Григорія, какъ людей умныхъ и знающихъ всѣ обстоятельства сѣверо-восточнаго края Россіи[639]; бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ мысли и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста, лежащія внизъ по Камѣ отъ земли Пермской до рѣки Сылвы, и берега̀ Чусовой до ея вершины; позволилъ имъ ставить тамъ крѣпости въ защиту отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ на собственномъ иждивеніи, принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ, — вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ, *не возить и не кормить* Пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы, — заводить селенія,

пашни и соляныя варницы, — въ теченіе двадцати лѣтъ торговать безъ пошлины солью и рыбою, но съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно извѣщать о семъ Казначеевъ Государевыхъ[640]. Довольные Царскою милостію, дѣятельные и богатые Строгановы основали въ 1558 году г.
близъ устья Чусовой городокъ Канкоръ, 1558—72.
на мысу Пыскорскомъ (гдѣ стоялъ монастырь Всемилостиваго Спаса), въ 1564 г. крѣпость Кергеданъ на Орловскомъ Волокѣ, въ 1568 и 1570 г. нѣсколько остроговъ на берегахъ Чусовой и Сылвы[641]; приманили къ себѣ многихъ людей, бродягъ и бездомковъ, обѣщая богатые плоды трудолюбію и добычу смѣлости; имѣли свое войско, свою управу, подобно Князькамъ Владѣтельнымъ; берегли Сѣверо-Востокъ Россіи, и въ 1572 году смирили бунтъ Черемисы, Остяковъ, Башкирцевъ[642], одержавъ знатную побѣду надъ ихъ соединенными толпами, и снова взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности къ Государю. Сіи усердные стражи земли Пермской, сіи населители пустынь Чусовскихъ, сіи купцы-Владѣтели, распространивъ предѣлы обитаемости и Государства Мо-

сковскаго до Каменнаго Пояса, устремили мысль свою и далѣе.

Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ Магометанскую Вѣру[643], и Ногаевъ, друзей Россіи: но утвердивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвавъ къ себѣ многихъ степныхъ Киргизовъ и женивъ сына, Алея, на дочери Ногайскаго Князя, Тинъ-Ахмата[644], уже не исполнялъ

Невѣрность Царя Кучюма.

обязанностей нашего данника, тайно сносился съ Черемисою, возбуждалъ сей народъ свирѣпый къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Остякамъ, Югорцамъ[645], Вогуличамъ, платить древнюю дань Россіи. Встревоженный слухомъ о Строгановскихъ крѣпостяхъ, Кучюмъ (въ Іюлѣ 1573 года) послалъ своего племянника[646],

Г. 1573.

Маметкула, развѣдать объ нихъ и, если можно, истребить всѣ наши заведенія въ окрестностяхъ Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ какъ непріятель: умертвилъ нѣсколько вѣрныхъ намъ Остяковъ, плѣнилъ ихъ женъ, дѣтей и Посла Московскаго, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Орду Киргизъ-Кайсакскую; но узнавъ, что въ городкахъ Чусовскихъ довольно и рат-

ныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Строгановы не смѣли гнаться за разбойникомъ безъ Государева повелѣнія: извѣстили о томъ Іоанна, и просили указа строить крѣпости въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснить Кучюма въ его собственныхъ владѣніяхъ и навсегда утвердить безопасность нашихъ. Они не требовали ни полковъ, ни оружія, ни денегъ; требовали единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую — и получили: 30 Мая, 1574 года, Іоаннъ далъ имъ сію грамоту, гдѣ сказано, что Яковъ и Григорій Строгановы могутъ укрѣпиться на берегахъ Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучюмомъ для освобожденія первобытныхъ жителей Югорскихъ, нашихъ данниковъ, отъ его ига; могутъ, въ возмездіе за ихъ добрую службу, выдѣлывать тамъ не только желѣзо, но и мѣдь, олово, свинецъ, сѣру для опыта, до нѣкотораго времени; могутъ свободно и безъ пошлины торговать съ Бухарцами и съ Киргизами[647]. — Слѣдственно Строгановы имѣли законное право итти съ огнемъ и мечемъ за Каменный Поясъ; но силы, можетъ быть, не отвѣтствовали ревности для такого важнаго предпріятія. Миновало шесть лѣтъ,

Г. 1574.

*

и въ теченіе сего времени Яковъ съ Григоріемъ умерли, оставивъ свое богатство, умъ и дѣятельность въ наслѣдіе меньшему брату, Семену, который вмѣстѣ съ племянниками, Максимомъ Яковлевымъ и Никитою Григорьевымъ, счастливо исполнилъ ихъ славное намѣреніе, заслуживъ тѣмъ сперва гнѣвъ Іоанновъ, а благодарность, его и Россіи, уже послѣ!

Разбои Козаковъ. Мы говорили о происхожденіи, доброй и худой славѣ, вѣрности и невѣрности Донскихъ Козаковъ, то честныхъ воиновъ Россіи, то мятежниковъ, ею не признаваемыхъ за Россіянъ. Гнѣвные отзывы Іоанновы о сей вольницѣ, въ письмахъ къ Султанамъ и къ Ханамъ Таврическимъ, были истиною [648]: ибо Козаки дѣйствительно, разбивая купцевъ, даже Пословъ Азіатскихъ на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы истребить сихъ хищниковъ [649]:
г. 1577. такъ въ 1577 году Стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ; но другіе не смирились: уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ

быстромъ набѣгѣ взяли даже столицу Ногайскую, городъ Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычею, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ. Къ числу буйныхъ Атамановъ Волжскихъ принадлежали тогда Ермакъ (Германъ) Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный Государемъ на смерть, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ[650], извѣстные удальствомъ рѣдкимъ: слыша, какъ они ужасаютъ своею дерзостію не только мирныхъ путешественниковъ, но и всѣ окрестные Улусы кочевыхъ народовъ, умные Строгановы предложили симъ пяти храбрецамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую (6 Апрѣля 1579 года), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Бѣлаго*, искать опасностей не безславныхъ, примириться съ Богомъ и съ Россіею; сказали: »имѣемъ крѣпости и земли, но мало дружины: идите къ намъ оборонять »Великую Пермь и восточный край Христіанства.« Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною, и

Ермакъ.

Г. 1579.

промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцевъ[651] и (21 Іюня) прибыли къ Строгановымъ — »съ »радостію и на радость,« говоритъ Лѣтописецъ: »чего хотѣли одни, что обѣ»щали другіе, то исполнилось: Атаманы »стали грудью за область Христіанскую. »Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, »тамъ гибли.« И дѣйствительно (22 Іюля
г. 1581. 1581 года) усердные Козаки разбили на голову Мурзу Бегулія[652], дерзнувшаго съ семью стами Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшихъ.

Призывая Донскихъ Атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ: испытавъ бодрость, мужество и вѣрность Козаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго Вождя, Ермака Тимоѳеева, *родомъ неизвѣстнаго, душею знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ еще особенную дружину изъ Русскихъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ

г. 1581.

Походъ на Сибирь.

неволи у Ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну[653], возвращались обыкновенно въ Улусы свои съ плѣнниками); добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы[654] объявили походъ, Ермака Воеводою и Сибирь цѣлію. Ратниковъ было 840, одушевленныхъ ревностію и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто добычи; Донцы надѣялись заслужить милость Государеву, а Нѣмецкіе и Литовскіе плѣнники свободу: Сибирь казалась имъ путемъ въ любезное отечество! Воевода устроилъ войско; сверхъ Атамановъ, избралъ Есауловъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ[655]: главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ ладіи запасами и снарядами, легкими пушками, *семипядными* пищалями; взявъ вожатыхъ, толмачей, Іереевъ; отпѣвъ молебенъ; выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: »иди съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго »Салтана Кучюма,« Ермакъ *съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 Сентября 1581 года[656] отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, на подвигъ славы, безъ всякаго содѣйствія, даже безъ вѣдома Государева: ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалован-

г. 1581. ную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго Царскаго указа для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ, какъ увидимъ.

Въ то самое время, когда Россійскій Пизарро, не менѣе Испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучюмову Державу, Князь Пелымскій[657] съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ; умертвилъ, плѣнилъ множество Христіанъ. Защитниковъ не было; но свѣдавъ о походѣ Козаковъ въ Сибирь, онъ спѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой

Гнѣвъ Іоанновъ. поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій Намѣстникъ, Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно* призвали опальныхъ Козаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и Князя Пелымскаго и Салтана Кучюма; что такое дѣло есть измѣна, достойная казни. »Приказываю вамъ (пи-

салъ онъ далѣе) »немедленно выслать Ер- »мака съ товарищами въ Пермь и въ »Усолье Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* »вины свои совершеннымъ усмиренiемъ »Остяковъ и Вогуличей; а для безопасно- »сти вашихъ городковъ можете оставить »у себя Козаковъ сто, не болѣе. Если же »не исполните нашего указа; если впредь »что нибудь случится надъ Пермскою зе- »млею отъ Пелымскаго Князя и Сибир- »скаго Салтана: то возложимъ на васъ »*большую опалу*, а Козаковъ измѣнниковъ »велимъ перевѣшать«[658]. Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгановыхъ; но бле- стящiй, неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ Iоанновъ перемѣнился въ милость. Г. 1581.

Начиная описанiе Ермаковыхъ подви- говъ, скажемъ, что они, какъ все необык- новенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя на воображенiе людей, произвели многiя басни, которыя смѣшались въ преданiяхъ съ истиною и подъ именемъ лѣтописа- нiй обманывали самыхъ Историковъ. Такъ, на примѣръ, сотни Ермаковыхъ воиновъ, подобно Кортецовымъ или Пизарровымъ, обратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствiя въ годы, плаванiе трудное въ чудесное. Оставляя баснословiе, слѣдуемъ въ важнѣй- Подвиги Ермаковы.

г. 1581. шихъ обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣрнѣйшему современному повѣствованію[659] о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйствительно удивительномъ, если и не чудесномъ.

Атаманы плыли четыре дни вверхъ по рѣкѣ Чусовой[660], быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральскаго и между горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ; два дни рѣкою Серебряною, и достигли ею такъ называемаго *пути Сибирскаго;* остановились, и не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя *Кокуя городка;* видѣли только пустыни, или малочисленныхъ жителей мирныхъ, и черезъ волокъ перевезлися оттуда до рѣки Жаравли[661]. Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладіи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья[662]. — Жаравлею и Тагиломъ вошли Атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго Царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечь завоеванія. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ

городокъ Князя Епанчи, который, повелѣвая многими Татарами и Вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцевъ тучею стрѣлъ съ берега (гдѣ теперь село Усениново), но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Ермакъ велѣлъ разорить сей городокъ; осталось только имя: ибо жители донынѣ называютъ Туринскъ Епанчинымъ[663]. Опустошивъ Улусы и селенія внизъ по Турѣ, Атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей, и будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ея Царя, что предсказаніе Сибирскихъ волхвовъ сбывается[664]: ибо сіи кудесники уже давно, какъ пишутъ, вопили на стогнахъ о неминуемомъ скоромъ паденіи его Державы отъ нашествія Христіанъ. Таузакъ описывалъ Козаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стрѣляющими огнемъ и громомъ смертоноснымъ* навылетъ сквозь латы. Но Кучюмъ, лишенный зрѣнія[665], имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за Царство и Вѣру; собралъ войско изъ всѣхъ Улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле со многочисленною конницею, а самъ

г. 1581.

г. 1581. укрѣпился въ засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая Атаманамъ путь къ Искеру.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха, и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей[666], смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Битвы Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленіе десяти или болѣе тысячь всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися, во весь духъ, потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ[667], и довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутый берегъ сей рѣкѣ, называемый *Долгимъ Яромъ*[668], стрѣлами осыпали ладіи Козаковъ. Второе, менѣе важное дѣло, было

въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, где властвовалъ Улусный Князь, Царскій Думный Совѣтникъ Карача, на берегахъ озера, и теперь именуемаго *Карачинскимъ*: Ермакъ взялъ его Улусъ, и въ немъ богатую добычу, запасы и множество кадей Царскаго меду. Третія битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ[669], доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: Сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду. Слѣпый Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленій и сталъ на горѣ Чувашьей: Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и Козаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенія. г. 1581.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно; кромѣ убитыхъ, многіе были ранены; многіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ. Въ сію ночь Атаманы совѣтовались съ товарищами, что дѣлать — и голосъ слабыхъ раздался. »Мы удовлетворили ме»сти,« сказали они: »время итти назадъ. Ночный совѣтъ Козаковъ.

Г. 1581. »Всякая новая битва для насъ опасна: ибо »скоро не кому будетъ побѣждать.« Но Атаманы отвѣтствовали: »Нѣтъ, братья: »намъ путь только впередъ! Уже рѣки »покрываются льдомъ: обративъ тылъ, »замерзнемъ въ глубокихъ снѣгахъ; а если »и достигнемъ Руси, то съ пятномъ »клятвопреступниковъ, обѣщавъ смирить »Кучюма, или великодушною смертію за»гладить наши вины предъ Государемъ. »Мы долго жили худою славою: умремъ же »съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хо»четъ: не рѣдко слабымъ мимо сильныхъ, »да святится имя Его«[670]! Дружина сказала: *аминь!* и съ первыми лучами солнца, 23 Октября, устремилась къ засѣкѣ, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ Козаковъ, и въ трехъ мѣстахъ самъ разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковыхъ малочисленныхъ витязей; дѣйствовали сабли и копья: люди падали съ обѣихъ сторонъ; но Козаки, Нѣмецкіе и Литовскіе воины стояли единодушнѣе, крѣпкою стѣною — успѣвали заряжать пищали и бѣглымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое воскли-

Рѣшительная битва.

цаніе: *съ нами Богъ!* а слѣпый Кучюмъ, стоя на горѣ, съ Иманами, съ Муллами своими, кликалъ Магомета для спасенія Правовѣрныхъ. Къ счастію Россіянъ, къ ужасу непріятелей, раненный Маметкулъ долженъ былъ оставить сѣчу: Мурзы увезли его въ ладіи на другую сторону Иртыша, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ: Князья Остяцкіе дали тылъ; бѣжали и Татары. Слыша, что знамена Христіанскія уже развѣваются на засѣкѣ, Кучюмъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ Сибирской столицѣ. Сія главная, кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ Соборной Тобольской церкви[671], рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола. г. 1581.

26 Октября Ермакъ, уже знаменитый для Исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить Лѣтописцу: Взятіе Искера или города Сибири.

г. 1581. множество золота и серебра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣлили между собою[672]. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 Октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежніе Юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, *на краю свѣта,* не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и каз-

нилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное*[675]: ибо требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго Лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

г. 1581. Строгость Ермака.

Прошло нѣсколько времени: не имѣя слуха о Кучюмѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ не далеко: племянникъ его, Маметкулъ, не смотря на язву свою, уже бодрствовалъ въ полѣ, и 5 Декабря незапно ударивъ на 20 Россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ[674], умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелемъ: настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскіе Юрты) разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Саусканскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее Ханское кладбище. — Чрезвычайный хо-

лодъ, опасныя вьюги и крапкость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полунощныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія Козаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ Князей Вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами[675], на берегахъ Конды или Тавды, а второй въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добровольно платить ясакъ или дань соболями, и присягнули Россіи въ вѣрности, которою Ишбердей пріобрѣлъ особенную любовь Козаковъ, служа имъ добрымъ совѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣстахъ незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла внутренняго управленія, собираніе дани, звѣриная и рыбная
г. ловля, нужная для продовольствія въ землѣ
1582. безхлѣбной, занимали Ермака до Апрѣля мѣсяца[676], когда одинъ Мурза извѣстилъ его, что дерзкій Маметкулъ снова приблизился къ Иртышу и кочуетъ на Вагаѣ съ малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны болѣе, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго: Атаманы выбрали только 60 удальцевъ, которые ночью подкрались къ Маметкулову стану[677], напали въ расплохъ, умертвили

многихъ сонныхъ Татаръ, взяли самого Царевича живаго и привели съ торжествомъ въ Искеръ, къ великой радости Ермака: ибо онъ симъ счастливымъ плѣномъ избавился отъ смѣлаго, мужественнаго непріятеля и могъ имъ воспользоваться, какъ важнымъ залогомъ, въ случаѣ войны или мира съ изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Маметкула обагреннаго кровію своихъ братьевъ, но не думалъ о мести личной: ласкалъ и честилъ его подъ крѣпкою стражею. Уже имѣя лазутчиковъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, Ермакъ въ то же время узналъ, что Кучюмъ, сраженный вѣстію о несчастіи Маметкула, скитается въ пустыняхъ за Ишимомъ; что юный сынъ убитаго имъ Князя Сибирскаго, Бекбулата[678], Сейдекъ, увезенный въ Бухарію слугами отца своего, возмужавъ лѣтами и духомъ, идетъ на сего Царя-хищника съ шайками Узбековъ, и что Вельможа Карача измѣнилъ ему въ бѣдствіи: оставилъ Кучюма, увелъ многихъ людей съ собою и расположился кочевать въ *Лымской* землѣ[679], на большемъ озерѣ, выше устья Тары, впадающей въ Иртышъ, близъ рѣки Осмы. Сіе достовѣрное извѣстіе о безсиліи главнаго, злобнаго врага и наступленіе весны благопріятство-

г. 1582.

Плѣненіе Царевича Маметкула.

г. 1582. вали новымъ подвигамъ знаменитаго Атамана.

Дальнѣйшія завоеванія. Оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ съ Козаками поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу [680]. Уже ближайшіе Улусы признавали власть его: онъ шелъ мирно до устья Аримдзянки, гдѣ Татары, еще независимые, засѣли въ крѣпости и не хотѣли сдаться: взявъ ее приступомъ, Атаманы велѣли разстрѣлять или повѣсить главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, клялися быть подданными Россіи, цѣлуя омоченную кровію саблю. Нынѣшнія волости Нацпинская, Карбинская, Турпасская не смѣли противиться. Далѣе начинались Юрты Остяковъ и Кондинскихъ Вогуличей: тамъ, на высокомъ берегу Иртыша, Князь ихъ Демьянъ, имѣя крѣпость и въ ней двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ къ битвѣ, отвергнулъ всѣ предложенія Ермаковы. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ семъ городкѣ былъ золотой кумиръ, будто бы вывезенный изъ древней Россіи, во время ея крещенія; что Остяки держали его въ чашѣ, пили изъ нее воду и тѣмъ укрѣплялись въ мужествѣ; что Атаманы, стрѣльбою изгнавъ осажденныхъ, вступили въ городъ,

но не могли найти въ немъ драгоцѣннаго идола[681]. — Далѣе, плывя Иртышемъ, завоеватели увидѣли толпу кудесниковъ, приносящихъ жертву славному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да спасетъ ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Идолъ безмолвствовалъ, Россіяне шли съ своимъ *громомъ*, и кудесники бѣжали въ темноту лѣсовъ. На семъ мѣстѣ нынѣ селеніе *Рачевые* Юрты, ниже *Демьянскаго* Яма. — Далѣе, въ Цынгальской волости, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралося множество вооруженныхъ людей: одинъ выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и Козаки овладѣли городкомъ Нарымскимъ, гдѣ были только жены съ дѣтьми, въ страхѣ, въ ожиданіи смерти; но Ермакъ обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прійти къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую[682], Атаманы вступили въ страну знатнѣйшаго Князя Остяцкаго, Самара, который соединился съ другими осмью Князьками и ждалъ Россіянъ для битвы, чтобы рѣшить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ и стра- г. 1582.

г. 1582. жею, когда Атаманы въ часъ разсвѣта ударили на его станъ: пробужденный шумомъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мертвый отъ первой пули; войско разбѣжалось, а жители обязались платить ясакъ Россіи. — Уже Ермакъ достигъ славной Оби, коей теченіе извѣстно было и древнимъ Новогородцамъ, но устье и вершина, по выраженію Московскихъ путешественниковъ 1567 года[683], таились во мракѣ отдаленія. Завоевавъ еще главный Остяцкій городъ Назымъ и многія иныя крѣпости на берегахъ ея, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ кончину храбраго сподвижника, Атамана Никиту Пана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Козаковъ[684], Ермакъ не хотѣлъ итти далѣе: ибо видѣлъ предъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и гдѣ, среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамантовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища Природы. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача Главою надъ Обскими Юртами, Ермакъ тѣмъ же путемъ возвратился въ Сибирскую столицу, честимый своими данниками какъ побѣдитель и Владыка; вездѣ,

съ изъявленіями раболѣпства, встрѣчали, провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Козаки плыли съ воинскою музыкою и выходили на берегъ всегда въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ, чтобы удивлять жителей пышностію и богатствомъ[685]. Отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный. г. 1582.

Тогда единственно, по сказанію Лѣтописца, сей витязь счастливый далъ знать Строгановымъ, что Богъ помогъ ему одолѣть Салтана, взять его столицу, землю и Царевича, а съ народовъ присягу въ вѣрности; написалъ и къ Іоанну, что его бѣдные, опальные Козаки, угрызаемые совѣстію, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу къ Россіи, во имя Христа и Великаго Государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру*; что они ждутъ указа и Воеводъ его[686]: сдадутъ имъ Царство Сибирское, и безъ всякихъ условій, готовые умереть или въ новыхъ подвигахъ чести или на плахѣ, какъ будетъ угодно ему и Богу. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву второй Атаманъ, первый сподвижникъ Ер- Посольство въ Москву.

г. 1582. мака Тимоѳеева, первый съ нимъ въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ Кольцо, не боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника[687].

Здѣсь предупредимъ вопросъ Читателя: столь поздно извѣстивъ Строгановыхъ о своемъ успѣхѣ, не думалъ ли Ермакъ, обольщенный легкимъ завоеваніемъ Сибири (какъ угадывали нѣкоторые Историки) властвовать тамъ независимо? не для того ли наконецъ обратился къ Іоанну, что увидѣлъ необходимость требовать его вспоможенія, ежедневно слабѣя въ силахъ, хотя и побѣждая? Но могъ ли умный Атаманъ и съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленныхъ Россіею, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла? Гораздо вѣроятнѣе, что Лѣтописецъ, не бывъ очевидцемъ дѣяній, означаетъ ихъ порядокъ на-угадъ; или Ермакъ опасался безвременно хвалиться въ Россіи успѣхомъ: хотѣлъ прежде довершить завоеваніе, и довершилъ, по его мнѣнію,

загнавъ Кучюма въ дальнія степи и водрузивъ межевый столпъ Государства Московскаго на берегу Оби. Г. 1582.

Восхищенные вѣстію Атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву, донесли Государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею: ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное завоеваніе. Явились и Послы Ермаковы, Атаманъ Кольцо съ товарищами, *бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ*, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, какъ пишутъ[688], не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: Государь и народъ *воспрянули духомъ*. Слова: »новое Царство послалъ Богъ Россіи!« съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній Казанскаго и Астраханскаго. Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ Козаками; о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ; о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіянъ: забыли ея давнишнюю извѣстность и са- Радость въ Москвѣ.

Г. 1582. мое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Опала сдѣлалась честію: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову предъ Царемъ и Боярами, слышалъ милость, хвалу, имя добраго витязя, и съ слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ Сибирскихъ Пословъ деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядилъ Воеводу, Князя Семена Дмитріевича Болховскаго, чиновника Ивана Глухова и 500 Стрѣльцевъ къ Ермаку[689]; дозволилъ Ивану Кольцу на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край Тобольскій и велѣлъ Епископу Вологодскому отправить туда десять Священниковъ съ ихъ семействами для Христіанскаго богослуженія. Весною Князь Болховскій долженъ былъ взять ладіи у Строгановыхъ и плыть рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибирскаго Героя. Сіи усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, уступивъ оное Государству, не остались безъ возмездія: Іоаннъ за ихъ *службу и радѣніе* пожаловалъ Семену Строганову два мѣстечка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право тор-

Посланіе рати въ Сибирь.

Г. 1583.

говать во всѣхъ своихъ городкахъ без-пошлинно[690]. г. 1583.

Между тѣмъ завоеватели Сибирскіе не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: ходили рѣкою Тавдою въ землю Вогуличей[691]. — Близъ устья сей рѣки господствовали Князья Татарскіе, Лабутанъ и Печенѣгъ, разбитые Ермакомъ въ дѣлѣ кровопролитномъ, на берегу озера, гдѣ, какъ увѣряетъ повѣствователь, и въ его время еще лежало множество костей человѣческихъ[692]. Но робкіе Вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясакъ Атаманамъ. Сіи тихіе дикари жили въ совершенной независимости; не имѣли ни Князей, ни Властителей; уважали только людей богатыхъ и разумныхъ, требуя отъ нихъ суда въ тяжбахъ или ссорахъ; не менѣе уважали и мнимыхъ волхвовъ, изъ коихъ одинъ, съ благоговѣніемъ взирая на Ермака, будто бы предсказалъ ему долговременную славу, но умолчалъ о близкой его смерти. Здѣсь баснословіе изобрѣло еще Гигантовъ между карлами Вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бываютъ ни въ два аршина ростомъ): пишутъ, что Россіяне близъ городка Табаринскаго съ изумленіемъ увидѣли великана, въ двѣ са-

Новыя завоеванія.

г. жени вышиною, который хваталъ рукою
1583. и давилъ вдругъ человѣкъ по-десяти или более; что они не могли взять его живаго и застрѣлили! Вообще извѣстіе о семъ походѣ не весьма достовѣрно, находясь только въ прибавленіи къ Сибирской лѣтописи. Тамъ сказано далѣе, что Ермакъ, достигнувъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ, разсѣявъ толпы Вогуличей и взявъ плѣнниковъ, старался узнать отъ нихъ о пути съ береговъ Верхней Тавды черезъ Каменный Поясъ въ Пермь, дабы открыть новое сообщеніе съ Россіею, менѣе опасное или трудное, но не могъ проложить сей дороги въ пустыняхъ грязныхъ и топкихъ лѣтомъ, а зимою засыпаемыхъ глубокими снѣгами. Умноживъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы и включивъ въ ихъ предѣлы страну *Кондинскую*, дотолѣ мало извѣстную, хотя уже и давно именуемую въ титулѣ Московскихъ Самодержцевъ[693], Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ Государевымъ жалованьемъ, Князь Болховскій съ людьми воинскими. Первый вру-

чилъ Атаманамъ и рядовымъ богатые дары, а Вождю ихъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча Царскаго[694]. Іоаннъ въ ласковой грамотѣ объявилъ Козакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу; назвалъ Ермака (такъ пишутъ) *Княземъ Сибирскимъ*[695]; велѣлъ ему распоряжать и начальствовать, какъ было дотолѣ, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную Государеву власть надъ нею. Козаки же честили Іоаннова Воеводу и всѣхъ Стрѣльцевъ, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью[696], готовясь съ ними къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. — Сіе счастіе Ермаково и сподвижниковъ его не продолжилось: начинаются ихъ бѣдствія. г. 1583. Жалованье Царское.

Вопервыхъ открылась жестокая цынга, болѣзнь обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ климатахъ сырыхъ, холодныхъ, въ мѣстахъ еще дикихъ, мало населенныхъ: занемогли Стрѣльцы, отъ нихъ и Козаки; многіе лишились силъ, многіе и жизни. Вовторыхъ оказался зимою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя Козакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ Болѣзни и голодъ въ Сибири.

сосѣдственныхъ Юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ землепашествомъ. Сдѣлался голодъ: болѣзнь еще усилилась; люди гибли ежедневно, а въ числѣ многихъ другихъ умеръ и самъ Воевода Іоанновъ, Князь Болховскій, съ честію и слезами схороненный въ Искерѣ[697]. Общее уныніе коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, онъ боялся утратить завоеваніе, обмануть
г. 1584. надежду Царя и Россіи. — Сіе бѣдствіе миновало весною: теплота воздуха способствовала излеченію больныхъ, и подвозы доставили Россіянамъ изобиліе. Тогда Ермакъ[698], исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву Царевича Маметкула, написавъ къ Государю, что все опять благополучно въ его Сибири, но моля о сильнѣйшемъ, немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе. — Сей плѣнный Царевичь, вѣрный блюститель Магометова Закона, служилъ послѣ въ нашихъ ратяхъ[699].

Лишась, можетъ быть, половины воиновъ отъ заразы и голода, Ермакъ претерпѣлъ еще знатную убыль въ силахъ отъ легковѣрія и неосторожности. Мурза или Князь Карача, оставивъ Царя своего въ несгодѣ, имѣлъ на Тарѣ Улусъ много-

людный, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во всѣхъ окрестныхъ Юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества; ждалъ времени, и между тѣмъ коварно ласкалъ Россіянъ: прислалъ къ нимъ дары, требовалъ ихъ защиты, будто бы угрожаемый Ногаями; клялся въ вѣрности, и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ Атаманомъ Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть людей отважныхъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые Судьбою на гибель, Козаки шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и мирно спали подъ ножъ убійцъ: первый Герой Ермаковъ, и воины его, львы въ сѣчахъ, пали какъ агнцы въ Тарскомъ Улусѣ[700]! Слѣдствіемъ были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ: Татары, Остяки Сибирскіе возстали на Россіянъ, убили въ разъѣздѣ Атамана Якова Михайлова[701], соединились въ полѣ съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: завоеванія его, Царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями составляли един-

Г. 1584.

Неосторожность Козаковъ.

Осада города Сибири.

г. 1584. ственное владѣніе Козаковъ! Ермакъ могъ дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ; стрѣлялъ, но безполезно, имѣя только легкія пушки: ибо непріятель стоялъ далеко и не хотѣлъ приступать къ стѣнамъ, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, дѣйствительно неминуемымъ для ея защитниковъ, если бы осада продолжилась. Въ сей крайности рѣшились Козаки на дѣло отчаянное: 12 Іюня[702], ночью, съ Атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, прокрались сквозь обозы непріятельскіе къ мѣсту называемому Сасканомъ, гдѣ былъ станъ Карачи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и кинулись на сонныхъ Татаръ: умертвили ихъ множество и двухъ сыновей Карачиныхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны, плавали въ крови невѣрныхъ. Самъ Князь или Мурза ушелъ за озеро только съ малымъ числомъ людей. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ непріятелей; хотя они, приспѣвъ изъ другихъ становъ, удержали бѣглецовъ, сомкнулись и вступили въ бой: но Козаки, засѣвъ въ обозѣ Княжескомъ[703], сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ нападенія, и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими осво-

божденный: ибо Карача, въ ужасѣ немедленно снявъ осаду, бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и Юрты окрестные всѣ снова поддалися Россіянамъ. Еще Судьба благопріятствовала Героямъ! Г. 1584.

Въ страхъ непріятелю и для своей будущей безопасности Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, предпріялъ итти въ слѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, чтобы распространить на Востокъ владѣнія Россіи. Онъ побѣдилъ Князя Бегиша и взялъ городокъ его (коего остатки еще видны[704], на берегу излучистаго озера, далѣе устья Вагайскаго); завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, местію ужасая непокорныхъ, милуя безоружныхъ. Въ Саргацкой волости жилъ тогда какойто знаменитый Старѣйшина, наслѣдственный главный судія всѣхъ Улусовъ Татарскихъ отъ временъ перваго Хана Сибирскаго, и Князь Еличай въ городкѣ Тебендѣ: оба изъявили смиреніе; а Князь вмѣстѣ съ данію представилъ Ермаку и юную дочь, невѣсту сына Кучюмова; но цѣломудренный Атаманъ велѣлъ ей удалиться съ ея прелестями опасными и съ невинностію, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Близъ устья Ишимскаго, въ кровопролитной схваткѣ съ жителями, бѣд- Послѣднія завоеванія Ермаковы.

г. 1584. ными и свирѣпыми, Ермакъ лишился пяти мужественныхъ Козаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ Сибирскихъ пѣсняхъ[705]; взялъ еще городокъ Ташаткaнъ, но не хотѣлъ упорно приступать къ важнѣйшей крѣпости, основанной Царемъ Кучюмомъ на берегу озера Аусаклу; достигнулъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, и распорядивъ дань въ семъ новомъ завоеванiи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, Козаки успѣли завести торговлю съ самыми отдаленными Азiатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ. Уже караваны Бухарскiе ходили къ нимъ мимо Арала, сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, путемъ безъ сомнѣнiя давно проложеннымъ (можетъ быть, еще во времена Чингисовы или его наслѣдниковъ), оживляя пустынную Сибирскую столицу зрѣлищемъ дѣятельной ярмонки и доставляя тамъ Россiянамъ, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды Восточнаго ремесла, нужные или прiятные для воиновъ, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцевъ Бухарскихъ[706], и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучюмъ не даетъ

имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явиться, пылкій Ермакъ съ пятидесятью Козаками спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и на возвратномъ пути расположился ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь на-двое, течетъ весьма кривою излучиною къ Востоку и прямымъ искусственнымъ каналомъ, называемымъ *Ермаковою перекопью*, но вырытымъ, какъ надобно думать, въ древнѣйшія времена, ибо гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія [707]. Тамъ же, къ Югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища Царскаго [708]. Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная Исторія — погибнуть отъ своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ Рока. Ермакъ зналъ о близости врага, и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ

Г. 1584.

г. 1584. стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляя Козаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики сыскали бродъ, тихо приближились къ стану Ермакову, видѣли сонныхъ, взяли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ [709]. *Заиграло Кучюмово сердце*, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 Августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ..... увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ.... Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!... Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!

Гибель Ермакова.

Сей Герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ — сей Герой погибъ

безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучюмъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ Козаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоеванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *Атамана-Князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, ростu средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лице плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго. — Тѣло Ермаково (13 Августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ Татаринъ Янишъ, внукъ Князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертва-

Г. 1584.

Изображеніе Героя Сибирскаго.

г. 1584. го, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго. Пишутъ, что одинъ Мурза, именемъ Кандаулъ, хотѣлъ снять броню съ мертваго, и что изъ тѣла, уже оцѣпенѣлаго, вдругъ хлынула свѣжая кровь; что злобные Татары, положивъ оное на рундукъ, пускали въ него стрѣлы; что сіе продолжалось шесть недѣль; что Царь Кучюмъ и самые отдаленные Князья Остяцкіе съѣхались туда наслаждаться местію; что, къ удивленію ихъ, плотоядныя птицы, стаями летая надъ трупомъ, не смѣли его коснуться; что страшныя видѣнія и сны заставили невѣрныхъ схоронить мертвеца, на Бегишевскомъ кладбищѣ, подъ кудрявою сосною; что они, въ честь ему изжаривъ и съѣвъ 30 быковъ въ день погребенія[710], отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецамъ славнаго Бѣлогорскаго идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу, кафтанъ Князю Сейдеку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Карачѣ; что многія чудеса совершались надъ Ермаковою могилою, сіялъ яркій свѣтъ и пылалъ столпъ огненный; что Духовенство Магометанское, испуганное ихъ дѣйствіемъ,

Изображение Героя Сибирскаго.

г. 1584.

нашло способъ скрыть сію могилу, нынѣ никому неизвѣстную; что Сотникъ Ульянъ Ремезовъ въ 1650 году узналъ всѣ обстоятельства Ермаковыхъ дѣлъ и смерти отъ Таиши Калмыцкаго Аблая, ревностно желавшаго имѣть и наконецъ доставшаго броню Ермакову отъ потомковъ Кандауловыхъ.

Козаки оставляютъ Сибирь.

Вѣсть о гибели Вождя привела въ неописанный ужасъ Россіянъ въ Сибири: ихъ было около ста пятидесяти, Козаковъ и воиновъ Московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины [311], подъ главнымъ начальствомъ Атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось: и смѣлость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились итти назадъ въ Россію, и вышли (15 Августа) изъ Сибирской столицы съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія Христіанства, теряя всѣ плоды своихъ трудовъ кровавыхъ, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримыя, опасности, битвы и, можетъ быть, смерть безвѣстную. Сіи уже не гордые завоеватели, а бѣдные изгнанники поплыли вверхъ Тобола, къ великой радости Кучюма и

г. 1584. всѣхъ жителей: ибо и дикіе не любятъ господъ чужеземныхъ. Убивъ Ермака, Кучюмъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, все еще для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и въ слѣдъ за сыномъ своимъ, Алеемъ, вошелъ въ пустый городъ Сибирскій, снова царствовать и снова лишиться Царства..... Тамъ не осталось Россіянъ: остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго Океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сойтися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна Китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для Государства, населять ими пустыни — ихъ руками, отъ узъ

свободными, извлекать сокровища изъ Г.
нѣдръ земли, и не рѣдко исправлять сихъ 1584
злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

Скоро увидимъ возвращеніе Россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія въ новомъ мірѣ Сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

ГЛАВА VII.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Литовскія. Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разными Державами и въ особенности съ Англіею. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. Описаніе невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посолъ Елисаветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова. Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Польза Исторіи. Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образователь государственный и Законодавецъ. Приказы, Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья служилые. Стольники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣна рубля. Церковныя учрежденія. Достопамятный обрядъ церковный. Строеніе городовъ. Состояніе Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Іоаннова.

Г. 1582 — 1584.

Г. 1582. Война и перемиріе съ Швеціею. Великими пожертвованіями обезоруживъ Баторія, а Хана, менѣе страшнаго, но всегда опаснаго, удовольствовавъ ничтожными дарами, Іоаннъ могъ свободно наступить на Шведовъ, оставленныхъ союзникомъ; желалъ, надѣялся смирить хотя сего дерзкаго непріятеля и тѣмъ возвысить честь своего оружія въ гла-

захъ Европы. Успѣхъ казался несомни- г.
тельнымъ, легкимъ. Баторій не только 1582.
предалъ Шведскаго Короля мести Іоанновой, но еще и самъ угрожалъ ему войною за Эстонію: требуя сей области, онъ велѣлъ сказать Королю: »Ты воспользовался моими успѣхами и присвоилъ себѣ »Нарву съ другими городами Нѣмецкими, »собственность Польши;« а Король отвѣтствовалъ: »Что пріобрѣтено кро»вію нашихъ, то наше. Я былъ въ »полѣ, еще не видя знаменъ твоихъ. »Вспомни, что вся Европа трепетала »нѣкогда имени Готѳовъ, коихъ мы на»слѣдовали и силу и мужество: не боим»ся меча ни Русскаго, ни Седмиградска»го«[712]. Сія гордость, если и великодушная, могла имѣть гибельныя слѣдствія для Швеціи слабой, еще волнуемой изувѣрствомъ ея Вѣнценосца, ревностію его къ Латинству и ссорою съ братомъ, Герцогомъ Карломъ. *Съ одной* стороны пылкій Баторій, сказавъ: »возьму, чего »требую,« готовился итти на Шведовъ; *съ другой* Іоанновы Воеводы, Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Тюменскій, Хворостининъ, Меркурій Щербатой, выступивъ изъ Новагорода, шли къ Нарвѣ, Ямѣ и за Неву въ Финляндію[713]: встрѣ-

г. 1582. шили непріятеля въ Вотской Пятинѣ, въ селѣ Лялицахъ, и разбили его на голову. Іоаннъ прислалъ имъ золотыя медали, отличивъ истиннаго виновника сей побѣды, Князя Дмитрія Хворостинина, одного изъ Псковскихъ Героевъ, который смялъ Шведовъ ударомъ своей передовой дружины. Второе дѣло, не менѣе важное и для насъ счастливое, было на берегахъ Невы. Слѣдуя совѣту измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, Генералъ де-ла-Гарди неожиданно устремился къ Нотебургу или Орѣшку, чтобы взять его смѣлымъ приступомъ. Тамъ начальствовали Воеводы Князь Василій Ростовскій, Судаковъ, Хвостовъ: они бились неустрашимо; рѣзали, топили Шведовъ въ Невѣ; а Князь Андрей Шуйскій спѣшилъ съ конными дружинами изъ Новагорода для спасенія сей важной крѣпости. Надменный де-ла-Гарди бѣжалъ.

Но Судьба помогла Швеціи. Герой Баторій, сильный въ битвахъ, увидѣлъ слабость свою на Сеймѣ, гдѣ неблагодарные, своевольные Паны, отвергнувъ всѣ его предложенія, внушенныя ему истинною любовію къ ихъ отечеству, сказали рѣшительно: »не хотимъ войны, ни съ Кры»момъ, ни съ Шведами; не даемъ ни лю-

»дей, ни денегъ!« *Ты Король, если вѣрно исполняешь уставы Королевства*, примолвилъ одинъ изъ нихъ, Яковъ Нѣмековскій: *иначе ты Баторій, а я Нѣмековскій*[714]. Іоаннъ же, къ радостному изумленію Шведовъ, вдругъ остановивъ всѣ движенія нашихъ войскъ, предложилъ де-ла-Гардію миръ: Князь Лобановъ и Дворянинъ Татищевъ съѣхались съ нимъ въ Шелонской Пятинѣ, на рѣкѣ Плюсѣ, и 26 Мая (1583) заключили перемиріе, сперва на два мѣсяца, а послѣ на три года, оставивъ Яму, Иванъ-городъ, Копорье, въ рукахъ Шведовъ[715]!.... Сія неожидаемая уступчивость изъясняется слѣдующими обстоятельствами: Г. 1583.

Вопервыхъ, миръ съ Литвою казался не весьма надежнымъ[716]. Послы Баторіевы, находясь въ Москвѣ для утвержденія договора, объявили новыя требованія: хотѣли, чтобы Іоаннъ нигдѣ не писался въ титулѣ *Ливонскимъ* и призналъ всю Эстонію законнымъ Стефановымъ владѣніемъ. Бояре только отчасти удовлетворили сему требованію, давъ имъ грамоту съ обязательствомъ не воевать Эстоніи въ теченіе десяти лѣтъ. Іоаннъ присягнулъ, Баторій также, исполнять честно всѣ условія; но Литовскіе Воево- Дѣла Литовскія.

Г. 1583. ды силою занимали мѣста въ Уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не хотѣли опредѣлить ясныхъ границъ между обѣими Державами; обижали, безчестили нашихъ сановниковъ; затрудняли обѣщанный размѣнъ плѣнниковъ: взяли за Ѳедора Шереметева 20 тысячь *золотыхъ*, или около 7000 рублей, и 280 соболей, за Князя Татева 4114, за Князя Хворостинина 3228, за Черемисинова 4457 рублей [717], но другихъ держали въ неволѣ. Стефанъ, въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, *то* находилъ жалобы его справедливыми, обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ, *то* винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ, и принудилъ Іоанна послать на границу (въ Сентябрѣ 1583 года) 2000 Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Витебскаго Воеводы Паца, который основалъ новую крѣпость на землѣ Россійской. Однимъ словомъ, не смотря на всю малодушную терпѣливость Іоаннову, непріятельскія дѣйствія съ сей стороны легко могли возобновиться.

Бунтъ Черемисскій. *Вовторыхъ*, общій бунтъ незапно вспыхнулъ въ землѣ Луговыхъ Черемисовъ, столь опасный и жестокій, что Казанскіе Воеводы никакъ не могли усми-

ритъ его. Встревоженный Государь (въ Октябрѣ 1582 года) послалъ къ нимъ войско съ Княземъ Елецкимъ; свѣдавъ же, что бунтъ не утихаетъ, велѣлъ итти туда изъ Мурома знатнѣйшимъ Полководцамъ, Князьямъ Ивану Михайловичу Воротынскому и мужественному Димитрію Хворостинину [718]. Новыя вѣсти еще болѣе устрашили Москву: узнали, что Ханъ Магметъ-Гирей, вопреки мирной грамотѣ, сносится съ Черемисскими мятежниками и готовъ устремиться на Россію; что Ногаи, дотолѣ вѣрные, имъ и Сибирскимъ Царемъ возбуждаемые, грабятъ въ Камскихъ предѣлахъ. Надлежало вдругъ дѣйствовать всѣми силами: отрядили войско къ Камѣ; другое подъ начальствомъ Князей, Ѳедора Мстиславскаго, Курлятева, Шуйскихъ, заняло берега Оки; третіе плыло на судахъ Волгою къ Свіяжску. Ханъ не дерзнулъ вступить въ Россію; но бунтъ Черемисскій продолжался до конца Іоанновой жизни съ остервененіемъ удивительнымъ: не имѣя ни силъ, ни искусства для стройныхъ битвъ въ полѣ, сіи дикари свирѣпые, озлобленные, вѣроятно, жестокостію Царскихъ чиновниковъ, рѣзались съ Московскими воинами на пеплѣ жилищъ своихъ, въ лѣ-

г. 1583.

г. 1583. сахъ и въ вертепахъ, лѣтомъ и зимою; хотѣли независимости или смерти. Для стѣсненія мятежниковъ Воевода, Князь Туренинъ, основалъ тогда крѣпость Козмодемьянскъ.

Такимъ образомъ, купивъ дорогою цѣною перемиріе съ Литвою, чтобы попотать Швецію, но, вмѣсто успѣховъ важныхъ, имѣвъ стыдъ безмолвно уступить ей и города Эстонскіе и самую древнюю собственность Россіи — снова опасаясь и Баторія и Хана — наконецъ видя кровопролитный мятежъ въ восточныхъ предѣлахъ своей Державы, Іоаннъ, какъ увѣряютъ, изъявлялъ наружное спокойствіе; по крайней мѣрѣ не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; жилъ въ Москвѣ, уже оставивъ злосчастную Александровскую Слободу, гдѣ, для его воображенія, обитала кровавая тѣнь убитаго имъ сына; присутствовалъ въ Думѣ Боярской; угощалъ Пословъ Шаха Персидскаго, Султанова, Бухарскихъ, Хивинскихъ, находясь въ тѣсномъ дружествѣ съ преемникомъ Тамасовымъ, Годабендомъ, какъ съ непріятелемъ опасной для насъ Оттоманской Имперіи [719], — Султану изъявляя учтивость, но ни слова не говоря ему ни о войнѣ, ни о мирѣ:

Сношенія съ разными Державами, и въ особенности съ Англіею.

дозволяя только его купцамъ ѣздить въ Москву, и на Азіатскія парчи вымѣнивать соболей — съ Царями Державъ Каспійскихъ также имѣя единственно дѣла торговыя. Но всего любопытнѣе были тогда сношенія Двора Московскаго съ Лондонскимъ. Г. 1583.

Торговля Англичанъ съ 1572 года снова цвѣла въ Россіи: они снова хвалились милостію Царскою, вездѣ находили управу, защиту, вспоможеніе, къ досадѣ купцевъ Нидерландскихъ и Нѣмецкихъ, которые своими происками и навѣтами хотѣли вредить имъ въ мысляхъ Іоанновыхъ, не жалѣя денегъ въ Москвѣ, подкупая Дьяковъ и Царедворцевъ. Елисавета также не внимала представленіямъ Державъ Сѣверныхъ о вредѣ сей торговли для Европы, угрожаемой властолюбіемъ Россіянъ, и свѣдавъ, что Король Датскій требуетъ пошлинъ съ Англійскихъ мореходцевъ на пути ихъ къ берегамъ нашей Лапландіи, писала о томъ (въ 1581 году) къ Іоанну. »Знаю, отвѣтствовалъ Царь, »что вѣроломный Фридерикъ Датскій, »желая лишить Россію сообщенія съ Евро»пейскими Государствами, вступается »нынѣ въ Колу и Печенгу, древнюю соб»ственность моего отечества: уничто-

г. 1583. »жимъ его замыслы; очисти море и путь »къ Двинѣ военными кораблями; а я ве»лѣлъ ратнымъ своимъ дружинамъ занять »пристани Сѣвернаго Океана для охране»нія твоихъ гостей отъ насилія Дат»чанъ«[720]. Но Фридерикъ, объявивъ требованія несправедливыя, замолчалъ, не думая воевать съ Россіею въ дикихъ пустыняхъ Лапландскихъ, и боясь оскорбить Англію, уже сильную флотами.

Одобряемый умомъ государственнымъ, искренній союзъ сихъ двухъ Державъ основывался и на личномъ дружествѣ Іоанновомъ къ Королевѣ, питаемомъ разсказами Англійскихъ купцевъ въ Москвѣ о великихъ свойствахъ и дѣлахъ Елисаветы, объ ея красотѣ и любезности, о добромъ расположеніи и любви къ Царю; писали даже, что онъ мыслилъ жениться на сей пятидесятилѣтней красавицѣ[721]: сказаніе, коего истина не подтверждается историческими современными свидѣтельствами; но Іоаннъ, въ шестый или въ седьмый разъ женатый, въ самый первый годъ сего несчастнаго брака, уже *зная беременность Маріи*, дѣйствительно искалъ себѣ знатной невѣсты въ Англіи, чтобы еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Елисаветою!.. Предложимъ

Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ.

обстоятельства дѣла, столь любопытнаго, съ нѣкоторою подробностію. г. 1583.

Прислав въ Москву Лейбъ-Медика, Роберта Якоби, Королева (лѣтомъ въ 1581 году) писала къ Царю: »Мужа искуснѣйшаго въ цѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, моему *брату кровному*, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здравіе. Посылаю съ нимъ, въ угодность твою, Аптекарей и цырюльниковъ, волею и неволею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ«[722]. Бесѣдуя съ Робертомъ, Іоаннъ спросилъ у него, есть ли въ Англіи невѣсты, вдовы или дѣвицы, достойныя руки Вѣнценосца? »Знаю одну,« сказалъ Медикъ: »Марію Гастингсъ, тридцатилѣтнюю дочь »*Владѣтельнаго* Князя, Графа Гонтингдонскаго, племянницу Королевину по матери.« Вѣроятно, что Робертъ, угадавъ намѣреніе Іоанново, благопріятное для выгодъ Англіи, плѣнилъ его воображеніе описаніемъ необыкновенныхъ достоинствъ невѣсты: по крайней мѣрѣ Царь немедленно отправилъ Дворянина Писемскаго въ Лондонъ съ слѣдующимъ наставленіемъ: »1) Условиться о тѣсномъ государственномъ союзѣ между Англіею и Россіею. Посольство въ Лондонъ.

г. 1583. »2) Быть наединѣ у Королевы, и за тай»ну открыть ей мысль Государеву въ »разсужденіи женитьбы, если Марія Гас»тингсъ имѣетъ качества нужныя для »Царской невѣсты: для чего требовать »свиданія съ нею и живописнаго образа »ея (на дскѣ или бумагѣ). 3) Замѣтить, »высока ли она, дородна ли, бѣла ли, и »какихъ лѣтъ? 4) Узнать сродство ея »съ Королевою и санъ отца; имѣетъ ли »братьевъ, сестеръ? Развѣдать объ ней »все, что можно. Буде Королева скажетъ, »что у Государя есть супруга, то от»вѣтствовать: *правда; но она не Царевна,* »*не Княжна Владѣтельная, не угодна ему* »*и будетъ оставлена для племянницы Ко*»*ролевиной.* 5) Объявить, что Марія дол»жна принять Вѣру Греческую, равно какъ »и *люди* ея, которые захотятъ жить »*при Дворѣ* Московскомъ [723]; что наслѣд»никомъ Государства будетъ Царевичь »Ѳеодоръ, а сыновьямъ Княжны Англій»ской дадутся особенныя частныя владѣ»нія или Удѣлы, какъ издревле водилось »въ Россіи; что сіи условія *непремѣнны,* »и что въ случаѣ Королевина несогласія »тебѣ велѣно требовать отпуска.« — 11 Августа (1582 года) отплывъ изъ Колмогоръ, Писемскій вышелъ на берегъ Англіи

16 Сентября, въ то время, когда зарази- Г. 1583.
тельная болѣзнь[724], свирѣпствуя въ Лондонѣ, принудила Елисавету удалиться въ Виндзоръ и жить уединенно. Посла возили изъ деревни въ деревню, угощали, знакомили съ Англіею, но не могли унять его жалобъ на скуку праздности въ теченіе шести или семи недѣль. Наконецъ, 4 Ноября, онъ съ Дьякомъ своимъ, Неудачею, и толмачемъ Бекманомъ былъ представленъ Королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ, среди многочисленнаго собранія Вельможъ, Перовъ[725], сановниковъ Двора и купцевъ Лондонскаго Россійскаго Общества. Елисавета встала, слыша имя Іоанново; ступила нѣсколько шаговъ впередъ; взявъ дары и письмо Государево, сказала съ улыбкою, что не знаетъ Русскаго языка; спрашивала о здравіи своего друга; изъявила сожалѣніе о смерти Царевича; была весела, привѣтлива, и на слова Писемскаго, что Іоаннъ любитъ Королеву болѣе всѣхъ иныхъ Европейскихъ Вѣнценосцевъ, отвѣтствовала: »люблю его не менѣе и душевно желаю »видѣть когда нибудь собственными глазами.« Она хотѣла знать, нравится ли Послу Англія, и спокойно ли въ Россіи? Писемскій хвалилъ Англію, изобильную,

Г. 1583. многолюдную; увѣрялъ, что всѣ мятежи утихли въ Россіи; что преступники изъявили раскаяніе, а Государь милость. — Довольный пріемомъ, честію, ласкою, Писемскій не былъ доволенъ медленностію Елисаветы въ дѣлахъ; не хотѣлъ ни гулять, ни забавляться звѣриною ловлею, какъ ему предлагали, и говорилъ: »мы »здѣсь за дѣломъ, а не за *игрушками;* мы »Послы, а не стрѣлки[726]. 18 Декабря, въ *селѣ* Гриничѣ, онъ имѣлъ первое, важное объясненіе съ Министрами Англійскими: сказалъ, что Баторій, союзникъ Папы и Цесаря, есть врагъ Россіи; что Іоаннъ, издавна *жалуя Англичанъ какъ своихъ людей,* намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елисаветою, дабы имѣть съ нею однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться; что Королева можетъ ему содѣйствовать, если не оружіемъ, то деньгами; что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній Россійскихъ, требуетъ отъ нее снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинца и всего нужнаго для войны. »Но развѣ »война Литовская не кончилась?« спросили Елисаветины Министры: »Папа хва»лится примиреніемъ Царя съ Баторіемъ,«

Папа можетъ хвалиться, чѣмъ ему угодно, отвѣтствовалъ Іоанновъ сановникъ: *Государь нашъ знаетъ, кто ему другъ и недругъ.* Министры изъявили согласіе Королевы на всѣ предложенія Царя и написали главныя статьи договора, именуя Іоанна братомъ и *племянникомъ* Елисаветинымъ, употребивъ выраженіе: »Царь »*проситъ* Королеву,« и прибавивъ, что никакимъ иноземцамъ, кромѣ Англичанъ, не торговать въ землѣ Двинской, въ Соловкахъ, на рѣкѣ Оби, Печорѣ, Мезени. Писемскій сказалъ съ неудовольствіемъ: »Царь братъ, а не *племянникъ* Елисаве»тинъ; Царь объявляетъ волю свою, тре»буетъ, спрашиваетъ, а не *проситъ*, и »никому не даетъ исключительнаго пра»ва торговли въ Россіи: пристани наши »открыты для всѣхъ мореплавателей »иноземныхъ.« Министры вычернили имя *племянникъ*, объяснивъ, что оно есть ласковое, не унизительное; вычернили и слово *проситъ;* доказывали, что Англичане, съ великими опасностями, трудами, издержками отыскавъ путь къ берегамъ Сѣверной Россіи, могутъ по справедливости требовать исключительныхъ для себя выгодъ въ Двинской торговлѣ. Они жаловались также на пошлину новую,

г. 1583.

Г. 1583. тягостную для ихъ купцевъ. Писемскій возразилъ, что сіи купцы, долго свободные отъ всякой пошлины, обогатились у насъ *неслыханно*, и что Государь уставилъ брать съ нихъ только легкую, *половинную;* что имѣя жестокую войну съ Литвою, съ Ханомъ и съ иными врагами, онъ въ 1581 году велѣлъ гостямъ Англійскимъ внести въ Московскую казну 1000 рублей, а въ 1582 году 500 рублей, какъ и всѣмъ другимъ гостямъ, чужеземнымъ и нашимъ, обложеннымъ соразмѣрно ихъ богатству для воинскихъ издержекъ [727]. — Симъ заключились государственные переговоры: началось сватовство.

18 Генваря Елисавета призвала нетерпѣливаго Писемскаго къ себѣ, осталась съ нимъ наединѣ и спросила о тайномъ дѣлѣ Государевомъ, уже ей извѣстномъ по донесенію Медика Роберта; слушала съ великимъ вниманіемъ; изъявила благодарность за желаніе Іоанна быть съ нею въ свойствѣ, но не думала, чтобы Марія Гастингсъ, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему, *извѣстному любителю красоты*. »Къ тому же (примолвила Елисавета) она не давно была въ оспѣ: ни за

»что въ свѣтѣ не соглашусь, чтобы ты г.
»видѣлъ и живописецъ изобразилъ ее для 1583.
»Іоанна съ лицемъ краснымъ, съ глубоки»ми рябинами.« Посолъ настоялъ: Королева обѣщала, требуя времени, нужнаго для совершеннаго выздоровленія невѣсты. Далѣе говорили объ условіяхъ брака. Дочь Генрика VIII, мужа шести женъ, не дивилась, что Царь, имѣя супругу, ищетъ другой; но хотѣла заблаговременно, торжественнымъ договоромъ, утвердить права будущей Царицы и дѣтей ея. Съ симъ отпустили свата, который нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ чести видѣть невѣсту.

Между тѣмъ супруга Іоаннова (19 Октября) родила въ Москвѣ сына Уара-Димитрія[728], столь несчастнаго для себя и Россіи, невиннаго виновника долговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій! Но счастіе быть снова отцемъ не тронуло Іоаннова сердца: онъ все еще мыслилъ удалить мать Димитріеву отъ своего ложа и жениться на Елисаветиной племянницѣ, ибо не далъ Писемскому никакихъ новыхъ повелѣній, такъ, что сей усердный чиновникъ, слыша въ Лондонѣ о рожденіи Царевича, не хотѣлъ тому вѣрить. »Злые люди« — говорилъ онъ Министрамъ Англійскимъ — »выдумали сію новость,

Г. 1583. »чтобы препятствовать Государеву сватовству, благословенному для вашего и »моего отечества[729]. Королева должна вѣрить единственно грамотѣ Царя и мнѣ, »Послу его.« Наконецъ, 18 Мая, велѣли Писемскому быть въ саду у Канцлера Томаса Бромлея, гдѣ хозяинъ и братъ невѣстинъ, Графъ Гонтингдонскій, встрѣтили его и ввели въ красивую бесѣдку. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась и Марія съ женою Канцлера, съ Графинею Гонтингдонскою, со многими знатными Англичанками. »Вотъ она,« сказалъ Бромлей Послу: »гляди, разсматривай на досугѣ. »Королевѣ угодно, чтобы ты видѣлъ ее »не въ темномъ мѣстѣ, не въ комнатахъ, »а на чистомъ воздухѣ.« Невѣста поклонилась и стала неподвижно предъ своимъ, для женскаго самолюбія опаснымъ цѣнителемъ, который, усердствуя оправдать важную къ нему довѣренность Іоаннову, устремилъ любопытный, проницательный взоръ на скромную Англичанку, чтобы все видѣть, ничего не забыть, впечатлѣть образъ ея въ память и передать Государю безъ ошибки. Сказавъ: *довольно*, онъ гулялъ съ невѣстою въ аллеяхъ сада, расходился, встрѣчался съ нею, еще смотрѣлъ — и написалъ въ донесеніи къ

Царю: »Марія Гастингсъ ростомъ высока, »стройна, тонка, лицемъ бѣла; глаза у »нее сѣрые, волосы русые, носъ прямый, »пальцы на рукахъ долгіе.« О красотѣ, о пріятности ни слова; но Елисавета какъ бы неохотно выставивъ племянницу на показъ, уже любопытствовала знать мнѣніе Писемскаго; говорила, что Марія ему конечно не нравится; что изображеніе лица ея, съ нимъ посылаемое и ни мало не украшенное художникомъ, безъ сомнѣнія такъ же не плѣнитъ разборчиваго Іоанна. Сватъ увѣрялъ Елисавету въ противномъ — и, казалось, угодилъ ей своими хвалами. Слѣдственно она желала сего брака; желала и невѣста, какъ пишутъ[730], но скоро перемѣнила мысли, устрашенная разсказами о свирѣпости жениха вѣнценоснаго, и безъ труда убѣдила Королеву избавить ее отъ сей чести.

Г. 1583. Описаніе невѣсты.

Угостивъ Посла великолѣпнымъ обѣдомъ въ Гриничѣ, Елисавета дала ему два письма къ Іоанну: въ одномъ благодарила его за предложеніе союза, въ другомъ *за намѣреніе посѣтить Англію* (какъ она слышала), не въ случаѣ какой либо опасности, мятежа, бѣдствія[731], но только для свиданія и личнаго знакомства съ нѣжною сестрою, готовою доказать ему,

Г. 1583. что ея земля есть для него вторая Россія. — Съ Писемскимъ отправился въ Москву Посолъ Англійскій, Іеронимъ Баусъ, для рѣшительнаго окончанія всѣхъ дѣлъ, государственныхъ и *тайныхъ*, какъ объявила Елисавета.

Посолъ Елисаветинъ.

Іоаннъ былъ доволенъ: принялъ Бауса (24 Октября 1583) весьмо милостиво; съ живѣйшимъ участіемъ распрашивалъ о Елисаветѣ и велѣлъ Боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Дьяку Андрею Щелкалову, условиться съ нимъ о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею, чтобы, заключивъ его, немедленно приступить къ тайному дѣлу о сватовствѣ. То и другое казалось Царю уже легкимъ, несомнительнымъ, по донесеніямъ Писемскаго; но Царь ошибся: ошиблась, можетъ быть, и Елисавета, избравъ Бауса для утвержденія пріязни съ Іоанномъ: человѣка непреклоннаго, грубаго, который въ первомъ словѣ объявилъ рѣшительно, что не можетъ перемѣнить ни буквы въ статьяхъ, врученныхъ Англійскими Министрами нашему Послу въ Лондонѣ; что Елисавета готова мирить Царя, съ кѣмъ ему угодно, а не воевать съ нашими врагами, ибо щадитъ кровь людей, ввѣренныхъ ей Бо-

гомъ; что Англія въ пріязни съ Литвою, г.
Швеціею и Даніею. »Если главные враги 1583.
»мои« — сказалъ Іоаннъ — »друзья Королевѣ, то могу ли быть ей союзникомъ? »Елисавета должна или склонить Баторія къ истинному миру съ Россіею (заставивъ его возвратить мнѣ Ливонію »и Полоцкую область), или вмѣстѣ со »мною наступить на Литву.« Баусъ отвѣтствовалъ съ жаромъ: »Королева признала бы меня безумнымъ, если бы я »заключилъ такой договоръ«[732]. Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобы одни Англичане входили въ наши сѣверныя гавани какъ было *прежде;* но Бояре изъясняли ему, что *прежде* мы имѣли, для общей Европейской мѣны, гавань Балтійскую, Нарву, отнятую у насъ Шведами; что купцы Нѣмецкіе, Нидерландскіе, Французскіе торгуютъ съ Россіею уже единственно въ сѣверныхъ пристаняхъ, откуда ихъ нельзя выгнать въ угодность Елисаветѣ; что святѣйшій законъ для Государствъ есть народная польза; что мы находимъ ее въ свободной торговлѣ со всѣми Европейцами и не можемъ дать на себя кабалы Англичанамъ, гостямъ, а не повелителямъ въ Россіи; что они не стыдятся обмановъ въ дѣлахъ купече-

Г. 1583. скихъ, и привозятъ къ намъ гнилыя сукна; что нѣкоторые изъ нихъ сносились тайно съ непріятелями Царя, съ Королями Шведскимъ и Датскимъ, усердствовали, помогали имъ, писали изъ Москвы въ Англію худое о нашемъ Государствѣ, именуя Россіянъ невѣждами, глупцами; что Іоаннъ единственно для Королевы предалъ забвенію такія вины; что она безъ сомнѣнія не вздумаетъ указывать Вѣнценосцу, коему не указываютъ ни Императоры, ни Султаны, ни Короли знаменитѣйшіе. Тутъ Посолъ съ досадою возразилъ, что нѣтъ Вѣнценосцевъ знаменитѣе Елисаветы; что она не менѣе Императора, коего отецъ ея нанималъ воевать съ Франціею; не менѣе и Царя. За сіе слово, какъ пишетъ Баусъ, Іоаннъ съ гнѣвомъ выслалъ его изъ дворца, но скоро одумался, и хваля усердіе Посла къ Королевиной чести, примолвилъ: »Дай »Богъ, чтобъ у меня самого былъ такой »вѣрный слуга«[733]! Въ знакъ особеннаго снисхожденія Государь соглашался, чтобы одни Англичане входили въ пристань Корельскую, Варгузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, оставляя Пудожерскую и Кольскую для иныхъ гостей. Баусъ твердилъ: »мы не хотимъ совмѣст-

»никовъ!« Думая, что Вельможи Царскіе, въ особенности Государственный Дьякъ Андрей Щелкаловъ, подкуплены Нидерландскими купцами, онъ требовалъ личныхъ сношеній съ Царемъ: Іоаннъ призывалъ — и всегда съ неудовольствіемъ отсылалъ его, какъ упрямаго, непреклоннаго. Г. 1583.

Надѣясь по крайней мѣрѣ кончить съ нимъ дѣло о сватовствѣ, Государь велѣлъ ему быть у себя (Декабря 13) *тайно безъ меча и кинжала*[734]. Всѣ царедворцы вышли изъ комнаты: остались только Бояре, Князь Ѳедоръ Трубецкій, Никита Романовичь Юрьевъ, Дмитрій Ивановичь Годуновъ, Бѣльскій, и Думные Дворяне: Татищевъ, Черемисиновъ, Воейковъ: они сидѣли далѣе отъ Царя; а Дьяки (Щелкаловъ, Фроловъ, Стрѣшневъ) стояли у печи. Давъ знакъ рукою, чтобы Баусъ съ толмачемъ своимъ, Юрьевъ, Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ къ нему приближились, Іоаннъ разсказалъ всю исторію Англійскаго сватовства, все слышанное имъ отъ Медика Роберта и Писемскаго; изъявилъ добрую волю жениться на Маріи Гастингсъ; хотѣлъ знать, желаетъ ли Королева сего брака, и согласна ли, чтобы невѣста приняла нашу Вѣру? Баусъ отвѣтствовалъ, что Христіанство вездѣ

Г. 1583. одно; что Марія едва ли рѣшится перемѣнить Законъ; что она слабаго здоровья и не хороша лицемъ; что у Королевы есть другія ближайшія и прелестнѣйшія свойственницы, хотя онъ, безъ ея вѣдома, и не смѣетъ назвать ихъ; что Царь можетъ свататься за любую. . . . »Съ чѣмъ »же ты пріѣхалъ?« спросилъ Іоаннъ: »съ »отказомъ? съ пустословіемъ? съ неумѣ»ренными требованіями, на которыя мой »Посолъ уже отвѣтствовалъ въ Лондонѣ »Министрамъ Елисаветинымъ? съ предло»женіемъ новаго, безыменнаго, слѣдствен»но невозможнаго сватовства?« Назвавъ его *Посломъ неученымъ*, безтолковымъ; сказавъ: »не прошу Елисаветы быть су»діею между Баторіемъ и мною, а хочу »только союза Англіи«[735], Іоаннъ велѣлъ Баусу готовиться къ отъѣзду. Тутъ, жалѣя о худомъ успѣхѣ своего дѣла, Посолъ началъ извиняться незнаніемъ Русскихъ обыкновеній; убѣждалъ Государя снова объясниться съ Елисаветою; увѣрялъ, что она радуется мыслію о *кровномъ союзѣ* съ такимъ великимъ Царемъ, доставитъ ему изображенія десяти или болѣе знатныхъ, прелестныхъ дѣвицъ Лондонскихъ, и *можетъ*, не взирая на свое миролюбіе, усердно помогать намъ

въ войнахъ, людьми или деньгами, если Іоаннъ возвратитъ Англійскимъ купцамъ *всѣ* ихъ старыя, исключительныя права въ Двинской торговлѣ. Еще надежда быть супругомъ любезной Англичанки плѣняла Іоанна; высоко цѣня и дружбу Елисаветы, онъ рѣшился отправить новое Посольство въ Лондонъ, и хотя лично досадовалъ на Бауса, однакожь, свѣдавъ его жалобу на Приставовъ, велѣлъ наказать ихъ, даже безъ изслѣдованія, чтобы сей человѣкъ корыстолюбивый, сварливый по свидѣтельству нашихъ Министерскихъ бумагъ, не выѣхалъ съ злобою изъ Россіи. Но Баусъ не успѣлъ выѣхать, ни Государь назначить Посла въ Лондонъ!.... Г. 1584.

Болѣзнь и кончина Іоаннова.

Приступаемъ къ описанію часа торжественнаго, великаго..... Мы видѣли жизнь Іоаннову: увидимъ конецъ ея, равно удивительный, желанный для человѣчества, но страшный для воображенія: ибо тиранъ умеръ, какъ жилъ — губя людей, хотя въ современныхъ преданіяхъ и не именуются его послѣднія жертвы [756]. Можно ли вѣрить безсмертію и не ужаснуться *такой* смерти?.... Сей грозный часъ, давно предсказанный Іоанну и совѣстію и невинными мучениками [757], тихо близился къ нему, еще не достигшему

г. 1584. глубокой старости, еще бодрому въ духѣ, пылкому въ вожделѣніяхъ сердца. Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе; но какая тѣлесная крѣпость можетъ устоять противъ свирѣпаго волненія страстей, обуревающихъ мрачную жизнь тирана? Всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ: онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась Комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный Царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: *вотъ знаменіе моей смерти*[738]! Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ Астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ *Лапландіи*, собралъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего, Бѣльскаго, толковать съ ними о Кометѣ, и

скоро занемогъ опасно: вся внутренность Г.
его начала гнить[739], а тѣло пухнуть. 1584.
Увѣряютъ, что Астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 Марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіе Февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 Марта велѣно было остановить Посла Литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга Государева*[740]. Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однакожъ созвалъ Бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе; объявилъ Царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола и Монархомъ; избралъ знаменитыхъ мужей, Князя Ивана Петровича Шуйскаго (славнаго защитою Пскова), Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго (сына родной племянницы Великаго Князя Василія), Никиту Романовича Юрьева (брата первой Царицы, добродѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и Бѣльскаго[741] въ совѣтники и блюстители Державы, да облегчаютъ юному Ѳеодору (слабому тѣломъ и душею) бремя заботъ государственныхъ; младенцу Димитрію съ матерію назначилъ въ удѣлъ городъ Угличь и ввѣрилъ его воспитаніе одному

Г. 1584. Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣмъ Боярамъ и Воеводамъ: называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи Царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ одержанныхъ надъ Ливонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султаномъ; убѣждалъ Ѳеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію;* совѣтовалъ ему и пяти главнымъ Вельможамъ удаляться отъ войны съ Христіанскими Державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и Шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ — отрезвился душею, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій; казалось, что лучь святой истины въ преддверіи могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное, хладное сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣйствовало, когда Ангелъ смерти невидимо предсталъ ему съ вѣстію о вѣчности

Но въ то время, когда безмолвствовалъ Дворъ въ печали (ибо о всякомъ уми-

рающемъ Вѣнценосцѣ искренно и лице- г.
мѣрно Дворъ печалится); когда лю-1584.
бовь Христіанская умиляла сердце народа: когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граждане столицы молились въ храмахъ о выздоровленіи Царя; когда молились о немъ самыя опальныя семейства, вдовы и сироты людей, невинно избіенныхъ..... что дѣлалъ онъ, касаясь гроба? въ минуты облегченія приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его сокровища дивныя[742]; разсматривалъ каменья драгоцѣнные, и 15 Марта показывалъ ихъ съ удовольствіемъ Англичанину Горсею, ученымъ языкомъ знатока описывая достоинство алмазовъ и яхонтовъ!.... Вѣрить ли еще сказанію ужаснѣйшему? Невѣстка, супруга Ѳеодорова, пришла къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и бѣжала съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго безстыдства[743]!.... Каялся ли грѣшникъ? думалъ ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?

Уже силы недужнаго исчезали; мысли омрачались: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково.... 17 Марта ему стало лучше, отъ дѣйствія теплой

г. 1584. ванны, такъ, что онъ велѣлъ Послу Литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому[744]: »объяви казнь лжецамъ Астрологамъ: нынѣ, по ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе.« *Но день еще не миновалъ*, отвѣтствовали ему Астрологи. Для больнаго снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску, и сидя въ халатѣ на постелѣ, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ играть съ Бѣль-
18 Марта. скимъ... вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ, какъ врачи терли его крѣпительными жидкостями, а Митрополитъ — исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоаннову — читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ монашествѣ Іоною[745].... Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: »не стало Государя!«

раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно.... отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и боялся худыхъ ея слѣдствій для Государства, или платя Христіанскій долгъ жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому?... На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ — и для современниковъ опустилась на ѳеатръ завѣса: память и гробы остались для потомства! Г. 1584.

Любовь Россіянъ къ Самодержавію

Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверхъ бѣдствій Удѣльной Системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу Самодержцамучителя: устояла съ любовію къ Самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву и землетрясеніе и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы, въ лучшія времена, имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (Исторія

не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Греки въ Термопилахъ за отечество, за Вѣру и Вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные Историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ Царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ государственныхъ. Духовенство, Бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа Слободы Александровской [746], если бы замышляли измѣну, взводимую на нихъ столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ — и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

Сравненіе Іоанна съ другими мучителями.

Не смотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, Героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи

другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, *образецъ Государей* и *чудовище*,— если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, *предметъ любви, предметъ омерзѣнія*, не царствовали въ Римѣ[747]. Они были язычники; но Людовикъ XI былъ Христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія[748]: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азіатскимъ и Римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его Исторія всегда полезна, для Государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною Дѣеписатель можетъ, въ правленіи Самодержавномъ, выставить на позоръ такого Властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые стра-

Польза Исторіи.

шатся вѣчнаго проклятія въ Исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія[749], веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ.

Такъ Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный[750], не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть Библію, Исторію Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго[751]; хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ Бояръ и гражданъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги и преступленія; хвалился *духомъ Царскимъ, соблюденіемъ Державной чести*, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая

бѣдныхъ царедворцевъ, которые смѣли играть лучше Державнаго въ шашки или въ карты [752]; хвалился наконецъ глубокою мудростію государственною, по системѣ, по эпохамъ [753], съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для Царской власти — возводя на ихъ степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, Кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, исчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ Россіянъ, то безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго Монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный въ государственной дѣятельности; хотя, любивъ всегда равнять себя въ доблести съ Александромъ Македонскимъ [754], не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ Политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ не

рѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшилъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ гнуснаго пьянства (только на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое иное время отсылали въ темницу). Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести: представимъ доказательство. Воеводы, Князья Іосифъ Щербатый и Юрій Боряшинскій, выкупленные Царемъ изъ Литовскаго плѣна, удостоились его милости, даровъ и чести съ нимъ обѣдать. Онъ разспрашивалъ ихъ о Литвѣ: Щербатый говорилъ истину; Боряшинскій лгалъ безсовѣстно, увѣряя, что Король не имѣетъ ни войска, ни крѣпостей, и трепещетъ Іоаннова имени. »Бѣдный Король!« сказалъ тихо Царь, кивая головою: »какъ ты мнѣ »жалокъ!« и вдругъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Боряшинскаго, приговаривая: »вотъ тебѣ, без»стыдному, за грубую ложь«[755]! — Іоаннъ

славился благоразумною терпимостію Вѣръ (за исключеніемъ одной Іудейской); хотя, дозволивъ Лютеранамъ и Кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь[756], лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?): однакожь не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у Пасторовъ; любилъ спорить съ учеными Нѣмцами о Законѣ и сносилъ противорѣчія: такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ Кремлевскомъ дворцѣ торжественное прѣніе съ Лютеранскимъ Богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси: Роцита сидѣлъ предъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ Догматы Аугсбургскаго исповѣданія, удостоился знаковъ Царскаго благоволенія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ[757]. Нѣмецкій Проповѣдникъ, Каспаръ, желая угодить Іоанну, крестился въ Москвѣ по обрядамъ нашей Церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ[758]; но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художе-

ствами. Іоаннъ изъявлялъ уваженіе къ Искусствамъ и Наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ Академій, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились грамотѣ, Закону, даже Исторіи[759], особенно готовясь быть людьми Приказными, къ стыду Бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать[760]. — Наконецъ Іоаннъ знаменитъ въ Исторіи какъ законодавецъ и государственный образователь.

Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинно великій Іоаннъ III, издавъ Гражданское Уложеніе, устроилъ и разныя Правительства для лучшаго дѣйствія Самодержавной власти: кромѣ древней Боярской Думы, въ дѣлахъ сего времени упоминается о Казенномъ Дворѣ, о Приказахъ[761]; но болѣе ничего не знаемъ, имѣя уже ясныя, достовѣрныя извѣстія о многихъ Расправахъ и

Приказы.

Судебныхъ Мѣстахъ, которыя существовали въ Москвѣ при Іоаннѣ IV. Главные Приказы, или *Чети*, именовались Посольскимъ, Розряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или Дипломатическія, второй воинскія, третій земли розданныя чиновникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ за ихъ служ-

бу, четвертый дѣла Царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три Приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ[762]: смѣшеніе странное! Жалобы, тяжбы, слѣдствія поступали въ Чети изъ областей, гдѣ судили и рядили Намѣстники съ своими Тіунами и Старостами, коимъ помогали Сотскіе и Десятскіе въ уѣздахъ; изъ Чети же, гдѣ засѣдали знаменитѣйшіе государственные сановники, всякое важное дѣло уголовное, самое гражданское, шло въ Боярскую Думу, такъ, что безъ Царскаго утвержденія никого не казнили, никого не лишали достоянія[763]. Только Намѣстники Смоленскіе, Псковскіе, Новогородскіе и Казанскіе, почти ежегодно смѣняемые, могли, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, наказывать преступниковъ[764]. Новые законы, учрежденія, налоги объявлялись всегда чрезъ Приказы. Собственность или вотчина Царская, въ коей заключались многіе города, имѣла свою Расправу. Сверхъ того именуются еще *Избы* (или Приказы): Стрѣлецкая, Ямская, Дворцовая, Казенная, Разбойная, Земскій Дворъ или Московская Управа, Большой Приходъ или Государственное

Казначейство, Бронный или Оружейный Приказъ, Житный или Запасный, и Холопій Судъ, гдѣ рѣшились тяжбы о крѣпостныхъ людяхъ[765]. Какъ въ сихъ, такъ и въ областныхъ Правительствахъ или Судахъ главными дѣйствователями были

Дьяки, Приказные люди.

Дьяки-грамотѣи, употребляемые и въ дѣлахъ Посольскихъ, ратныхъ, въ осадахъ, для письма и для совѣта, къ зависти и неудовольствію Дворянства воинскаго[766]. Умѣя не только читать и писать лучше другихъ, но зная твердо и законы, преданія, обряды, Дьяки или Приказные люди составляли особенный родъ слугъ государственныхъ, степенію ниже Дворянъ и выше Жильцовъ или нарочитыхъ Дѣтей Боярскихъ, гостей или купцевъ именитыхъ; а Дьяки *Думные* уступали въ достоинствѣ только Совѣтникамъ Государственнымъ: Боярамъ, Окольничимъ и новымъ *Думнымъ Дворянамъ*,

Думные Дворяне.

учрежденнымъ Іоанномъ въ 1572 году[767], для введенія въ Думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ: ибо, не смотря на всѣ злоупотребленія власти неограниченной, онъ уважалъ иногда древніе обычаи: на примѣръ, не хотѣлъ дать Боярства любимцу души своей, Малютѣ Скуратову, опасаясь уни-

зить сей верховный санъ такимъ скорымъ возвышенiемъ человѣка *худороднаго*. Умноживъ число людей Приказныхъ и давъ имъ болѣе важности въ государственномъ устройствѣ, Iоаннъ, какъ искусный Властитель, образовалъ еще новыя степени знаменитости для Дворянъ и Князей, раздѣливъ первыхъ на двѣ *статьи*, на Дворянъ *Сверстныхъ* и *Младшихъ*[763], а вторыхъ на Князей простыхъ и *Служилыхъ*; къ числу же царедворцевъ прибавилъ *Стольниковъ*, которые, служа за столомъ Государевымъ, отправляли и воинскiя должности, будучи сановитѣе Дворянъ Младшихъ. — Мы писали о разныхъ учрежденiяхъ сего дѣятельнаго Царствованiя[769]: своимъ малодушiемъ срамя наши знамена въ полѣ, Iоаннъ оставилъ Россiи войско, какого она не имѣла дотолѣ: лучше устроенное и многочисленнѣйшее прежняго; истребилъ Воеводъ славнѣйшихъ, но не истребилъ доблести въ воинахъ, которые всего болѣе оказывали ее въ несчастiяхъ, такъ, что безсмертный врагъ нашъ, Баторiй, съ удивленiемъ разсказывалъ Поссевину, какъ они въ защитѣ городовъ не думаютъ о жизни: хладнокровно становятся на мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствiемъ подкопа и за-

Дворяне Сверстные и Младшiе, Князья Служилые.

Стольники.

Разныя учрежденiя.

граждаютъ проломы грудью; день и ночь сражаясь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Царю-Государю;* какъ самыя жены мужествуютъ съ ними, или гася огонь или съ высоты стѣнъ пуская бревна и камни въ непріятелей. Въ полѣ же сіи вѣрные отечеству ратники отличались если не искусствомъ, то хотя чудеснымъ терпѣніемъ, снося морозы, вьюги и ненастье подъ легкими наметами и въ шалашахъ сквозящихъ [770]. — Въ древнѣйшихъ Розрядахъ именовались единственно Воеводы: въ Розрядахъ сего времени именуются обыкновенно и *Головы*, или частные Предводители, которые вмѣстѣ съ первыми отвѣтствовали Царю за всякое дѣло [771].

Законы. Іоаннъ, какъ мы сказали, дополнилъ въ Судебникѣ Гражданское Уложеніе своего дѣда, включивъ въ него новые законы, но не перемѣнивъ системы или духа старыхъ. Дѣдъ не велитъ судіямъ лихоимствовать: внукъ опредѣляетъ тяжкую денежную пеню за ихъ лихоимство и неправосудіе *умышленное* [772], оставляя только неумышленное безъ наказанія: кривodушныхъ Дьяковъ сажали въ темницу, Подъячихъ сѣкли кнутомъ. Обиженные

Намѣстникомъ должны были приносить жалобы до его смѣны[773]; но клеветники наказывались тѣлесно, сверхъ денежнаго взысканія за безчестье. Судейскія и казенныя пошлины не были умножены, хотя цѣна монеты нѣсколько унизилась (въ 1557 году считалось въ рублѣ 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, въ 1582 около трехъ *старыхъ Польскихъ злотыхъ*, въ царствованіе Θеодора Іоанновича марка[774], а въ началѣ XVII вѣка два рейхсталера и 10 денегъ). Тяжбы рѣшились, какъ и дотолѣ, свидѣтельствами, клятвою, поединкомъ, а между иноземцами и Русскими *жеребьемъ:* чей вынимался въ судѣ, того объявляли правымъ[775]. Дьякъ записывалъ дѣло, а Старосты и Цѣловальники прикладывали руки къ сей бумагѣ. Въ случаѣ мира, всегда желаемаго Законодателемъ, судимые освобождались отъ пошлинъ[776]. Кого винили въ воровствѣ, о томъ надлежало развѣдать у сосѣдей, или *сдѣлать обыскъ:* человѣка, извѣстно худаго, пытали и навсегда заключали въ темницу, если онъ не признавался въ винѣ; человѣка, объявленнаго добрымъ въ обыскѣ, судили по закону[777]. Казни были прежнія: кнутъ за первое воровство, смерть за второе; смерть убійцѣ, измѣн-

Цѣна рубля.

нику, предателю города, церковному и *головному* татю[778], зажигателю, разбойнику, подметчику, даже злому обманщику и ябеднику[779]. Обговорамъ татя не вѣрили безъ свидѣтельства честныхъ гражданъ, пятнадцати или двадцати. *Люди* или чиновники Намѣстниковъ не могли никого ни взять, ни оковать безъ вѣдома Старостъ и Цѣловальниковъ[780]. Здѣсь видимъ болѣе осторожности, болѣе уваженія къ человѣчеству, нежели въ законахъ Іоанна III. — Гражданскіе уставы Судебника также совершеннѣе и полнѣе: на примѣръ, въ немъ уже различаются имѣнія наслѣдственное и купленное: въ случаѣ продажи или залога оныхъ, родственники могли выкупать первое, въ теченіе сорока лѣтъ, если не подписались свидѣтелями въ крѣпости или въ закладной; доказавъ, что сіе имѣніе не стоитъ денегъ, означенныхъ въ крѣпости, они вносили за него только истинную цѣну[781]. Достояніе благопріобрѣтенное не выкупалось. — Письма заемныя не были дѣйствительны безъ печати Боярской и надписи Дьяка: за что собиралась пошлина[782]. Въ денежныхъ искахъ надлежало всегда справляться съ государственными книгами[783], гдѣ означались имена,

достатокъ гражданъ и платимая ими дань въ казну: одинъ списокъ сихъ книгъ хранился въ Московскихъ Приказахъ, другой у чиновниковъ областныхъ, у Старостъ и Цѣловальниковъ. Требованіе, превосходящее достатокъ отвѣтчика, вмѣнялось въ вину истцу. — Уважая права господъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ или холопямъ, Законодатель прибавилъ къ древнимъ уставамъ, что дѣти закабаленнаго слуги, рожденныя до его холопства, суть вольные люди; что ключники и Тіуны сельскіе, безъ особенной, *докладной* крѣпости, не рабы; что отецъ и мать, вступивъ въ Монашество, лишаются права отдавать дѣтей своихъ въ крѣпость; что заимодавцы не могутъ кабалить должниковъ, обязанныхъ единственно платить имъ ростъ; а если кого нибудь возьмутъ къ себѣ въ домъ для рабской услуги, и если сей человѣкъ уйдетъ, даже обокравъ хозяина, то послѣднему нѣтъ суда, ни удовлетворенія; что Дѣти Боярскіе и потомство ихъ навѣки отчуждаются отъ рабскаго состоянія[784]. — Утверждая силу отпускныхъ, Царь велѣлъ давать ихъ единственно въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и Псковѣ, за печатію Бояръ или Намѣстниковъ:

безъ чего онѣ, хотя бы и рукою господъ писанныя, не имѣли силы. — Въ законѣ о свободномъ переходѣ крестьянъ изъ села въ село сказано, что они, сверхъ пожилаго за дворъ, платятъ еще владѣльцу за *повозъ* два алтына съ двора, и если оставили хлѣбъ въ землѣ, то, снявъ его, даютъ господину два же алтына; что имъ всегда дозволяется продавать себя въ крѣпость владѣльцамъ[785]. — Согласно съ древнимъ обыкновеніемъ Царь утвердилъ судъ Святительскій: оставилъ Епископамъ право судить Іереевъ, Діаконовъ, Монаховъ и старыхъ вдовъ, которыя питаются отъ церкви Божіей; позволилъ нищимъ, а людямъ торговымъ запретилъ жить въ монастыряхъ[786]. — Уставъ о куплѣ дополненъ слѣдующими статьями: »1) Не льзя ничего купить на торгу или »*съ лавки* безъ поруки; 2) всякая купленная лошадь должна быть въ тотъ же »день заклеймена у Царскихъ пятнальщи»ковъ и вписана въ ихъ книгу, съ плате»жемъ двухъ денегъ въ казну, для избѣ»жанія споровъ; преступникъ сего устава »наказывается пенею не менѣе двухъ ру»блей«[787]. — Упомянемъ еще о новомъ законѣ касательно безчестья: оно платилось Дѣтямъ Боярскимъ соразмѣрно съ

ихъ доходомъ или жалованьемъ, а Дьякамъ Дворцовымъ по Государеву назначенію; гостю или знатному купцу 50 рублей; людямъ торговымъ, посадскимъ, *среднимъ*, и Боярскимъ добрымъ слугамъ 5 рублей, а чернымъ людямъ и крестьянамъ рубль; женамъ же всегда вдвое противъ мужей, въ знакъ особеннаго уваженія къ чести слабаго пола[738].

Сказавъ въ концѣ Судебника, что законы его не касаются дѣлъ старыхъ и не отмѣняютъ рѣшеній прежнихъ, хотя еще и не исполненныхъ; что новые случаи могутъ встрѣтиться въ судахъ и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны къ сему Гражданскому Уложенію, Іоаннъ отъ 1550 до 1580 года издалъ многіе дополнительные указы, важные по тогдашнимъ обстоятельствамъ Государства: отмѣнивъ (въ 1556 году) судные платежи[739], вмѣсто ихъ опредѣливъ жалованье Намѣстникамъ, положивъ общую дань на города и волости, велѣвъ разбирать уголовныя дѣла судьямъ избраннымъ гражданами и сельскими жителями, Головамъ, Старостамъ, Сотскимъ, онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло свидѣтельствами или крестнымъ цѣло-

ванiемъ[790], то есть уничтожилъ навѣки сiе древнее обыкновенiе временъ Рыцарства и невѣжества; уставилъ наказывать лжесвидѣтелей кнутомъ и тяжкою денежною пенею; прибавилъ слѣдующiя статьи къ законамъ: »1) Если въ обыскѣ »люди говорятъ разно, одни за истца, »другiе за отвѣтчика, то вѣрить боль»шинству голосовъ, пятидесяти или ше»стидесяти; если число голосовъ на обѣ»ихъ сторонахъ равное, то сдѣлать но»вый обыскъ: призвать людей изъ иныхъ »ближнихъ селенiй, дабы узнать истину. »Свидѣтельство пяти или шести чело»вѣкъ, мало извѣстныхъ, недостаточно »для обвиненiя; но слово Боярина, Дьяка »и Приказнаго всегда уважается какъ до»стовѣрное. Если истецъ и отвѣтчикъ »шлются на одного человѣка, то онъ рѣ»шитъ тяжбу. За ложное свидѣтельство »Боярскихъ и Дворянскихъ людей подвер»гается ихъ господинъ Царскому гнѣву; »но если самъ господинъ объявитъ Царю »о лжи ихъ, то невиненъ. Главное дѣло »Старостъ есть предупреждать обманы »и *заговоры* въ мiрскихъ показанiяхъ; въ »случаѣ небреженiя, криводушiя, пристра»стiя сихъ избранныхъ чиновниковъ, имъ »казнь безъ милосердiя[791]. 2) Если госпо-

»динъ будешъ искашь сносовъ на воль»номъ человѣкѣ, который, служивъ ему »безъ крѣпосши, осшавилъ его или даже »шайно ушелъ изъ дому: що не даващь »суда господину, ибо онъ можешъ съ до»сады всклепашь на слугу невиннаго, ко»его держалъ безъ кабалы, негласно для »закона и неосторожно. 3) Холопъ осво»божденный уже не долженъ служишь сша»рому господину, или его отпускная уни»чшожаешся. 4) Если господинъ присвои»ваешъ себѣ кого въ рабы, а сей человѣкъ »доказываешъ свою вольносшь, и будучи »ошданъ на поруку, уйдешъ: шо ручашель »плашишъ исшцу за бѣглаго чешыре ру»бли, кромѣ всякаго иного иска. 5) Кто »сочинишъ подложную крѣпосшь на воль»наго человѣка, шому смершная казнь. »6) Плѣнникъ можешъ быть рабомъ, но »смершію господина освобождаешся; а дѣ»ши его всегда свободны, если онъ не же»нишся на рабѣ или не дасшъ на себя »крѣпосши. Крещеные иноземцы могушъ »ишши въ кабалу, но шолько съ вѣдома »Казначея Государева, и если они не въ »Царской службѣ[792]. 7) Для взысканія сша »рублей долгу назначаешся мѣсяцъ сроку, »а съ человѣка служиваго два мѣсяца: по»слѣ чего должникъ неисправный выдаеш-

»ся головою истцу до выкупа, но не въ »вѣчное рабство«[793]. Сіе взысканіе долговъ, называемое *Правежемъ*, дѣлалось такимъ образомъ: Приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, къ дверямъ *Судной Избы*, и сѣкъ его въ часы засѣданія, по голой ногѣ прутомъ, иногда для вида, иногда больно, до самаго того времени, какъ судьи уѣзжали домой[794]: обыкновеніе Азіатское, отмѣненное Петромъ Великимъ. — »8) Съ людей служивыхъ взы»скивать *старые* долги въ теченіе пяти »лѣтъ (отъ 1558 до 1563) безъ лихвы, »а *новые* съ половинными ростами или »10 на 100[795]: ибо Государь отмѣняетъ »навсегда старую тягостную лихву (20 »на 100). 9) Взысканіе по ряднымъ гра»мотамъ должно быть для всѣхъ непре»мѣнное и точное, но безъ ростовъ[796]. »10) Кто не выкупитъ ручнаго заклада, »того надобно извѣстить, что срокъ ми»нулъ, и назначить новый для платежа, »недѣлю или двѣ; ежели и послѣ не выку»питъ, то нести закладъ къ Старостѣ »и къ Цѣловальникамъ, продать честно, »не безъ надежныхъ свидѣтелей, и взять »долгъ съ ростами, а лишнее отдать »должнику; если же вырученныхъ денегъ »мало для уплаты займа, то остальное

»взыскать съ должника[797]. 11) Истецъ-»заимодавецъ не имѣетъ нужды въ пись-»менномъ обязательствѣ, если отвѣт-»чикъ въ судѣ признаетъ себя должни-»комъ. 12) Многіе заложили свои вотчи-»ны, съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто ростовъ, »заимодавцы пахали и сѣяли тамъ хлѣбъ: »для облегченія должниковъ повелѣвается »возвратить имъ всѣ такія земли, съ обя-»зательствомъ не продавать никому, и »въ теченіе пяти лѣтъ удовлетворить »заимодавцевъ, коимъ, въ случаѣ неисправ-»наго платежа, снова отдается вотчина«[798]. Въ семъ указѣ говорится о книгахъ *вот-чинныхъ*, *крѣпостныхъ* и *закладныхъ*, ко-торыя находились у Дьяковъ. — 13) »Если »жена, умирая, назначитъ въ духовной »душеприкащикомъ мужа своего, то сей »духовной не вѣрить: ибо жена въ волѣ »мужа: что онъ велитъ писать ей, то »она и пишетъ. 14) Налагать эпитимію »на Христіанъ, которые, бывъ въ плѣну »или въ неволѣ, дали клятву не бѣжать, »и бѣжали: ибо клятвопреступленіе есть »грѣхъ смертный, и лучше умереть, не-»жели нарушить обѣтъ священный. — »15) Иногородные, истецъ съ отвѣтчи-»комъ, судятся въ Москвѣ у Царскихъ »Казначеевъ, буде они изъ разныхъ горо-

»довъ; а если изъ одного, то отсылают»ся къ ихъ Намѣстнику въ дѣлахъ зем»скихъ, но не въ уголовныхъ, судимыхъ »на мѣстѣ преступленія[799]. — 16) Въ сто»лицѣ нѣтъ ни смертной, ни торговой »казни въ день большой Панихиды, когда »Митрополитъ обѣдаетъ у Государя.« — Запретивъ Духовенству покупать недвижимое имѣніе безъ Царскаго вѣдома[800], Іоаннъ предписалъ въ сихъ дополненіяхъ Судебника отнять у Епископовъ и монастырей всѣ казенныя земли, села, рыбныя ловли, коими они несправедливо завладѣли въ смутныя времена Боярской власти[801]. »Иноки« (писалъ онъ къ Святителю Казанскому, Гурію) »должны орать »не землю, а сердца — сѣять не хлѣбъ, »а словеса Божественныя — наслѣдовать »не села, а Царство Небесное... Многіе »Епископы наши думаютъ о бренномъ »стяжаніи болѣе, нежели о Церкви«[802]. Мысля такимъ образомъ, Іоаннъ смѣлѣе дѣда своего обогащалъ казну достояніемъ безмолвнаго Духовенства.

Съ сего времени *Новый Судебникъ* былъ общею книгою законовъ для Россіи до царствованія Алексія Михайловича. Сверхъ того Іоаннъ давалъ областнымъ начальствамъ *Грамоты Уставныя и Губныя*

первыя опредѣляли доходы, права, обязанности Намѣстниковъ и другихъ Царскихъ сановниковъ, заключая въ себѣ и важнѣйшія уголовныя статьи Судебника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными, особенными постановленіями. Въ одной изъ нихъ, данной Колмогорскимъ жителямъ въ 1557 году, сказано, что Царь освобождаетъ ихъ отъ суда Намѣстниковъ, съ условіемъ, чтобы они вносили въ казну ежегодно по двадцати рублей *съ сохи*, то есть, съ шестидесяти-четырехъ дворовъ[803]; что Головы Двинскіе для истребленія воровства, разбоевъ, пьянства, ябеды, должны выбрать Сотскихъ, Пятидесятниковъ, Десятскихъ, которые отвѣтствуютъ за безопасность и благоустройство въ ихъ вѣдомствахъ; что ежели Головы или народные судьи дерзнутъ употребить во зло довѣренность согражданъ, тѣснить людей, лихоимствовать, то будутъ казнены смертію; что всякія дѣла, обыскныя и судныя, записываются у нихъ земскими Дьяками; что Двиняне вольны смѣнять судей, и въ такомъ случаѣ обязаны присылать новыхъ въ Москву, да цѣлуютъ крестъ предъ Дьякомъ Государевымъ въ соблюденіи правды. Въ другой Уставной, также Двинской

грамотѣ означена мѣра дворовъ, избъ, ледниковъ и всего, что жители должны были выстроить для Намѣстниковъ и Тіуновъ[804]. — Слово *Губа* знаменовало въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ *усадьбу*, а въ нашемъ *волость* или *вѣдомство*[805]: *Губныя грамоты* давались областнымъ судьямъ и содержали въ себѣ единственно уголовные законы; въ нихъ предписывалось Старостамъ, Губнымъ Цѣловальникамъ и Дьякамъ начинать исправленіе своей должности обыскомъ или съѣздомъ съ знатнѣйшими жителями ихъ волости: съ Князьями, Дѣтьми Боярскими, Архимандритами, Игуменами, Іереями, и съ Повѣренными каждой *выти* или участка[806], обязанными подъ крестнымъ цѣлованіемъ заявить всѣхъ извѣстныхъ имъ воровъ и *лихихъ людей*. Сіи показанія вносились въ книгу; обвиняемыхъ предавали суду, пытали: достояніе ихъ описывали для удовлетворенія истцевъ; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не могъ быть уличенъ вѣрными свидѣтельствами и представлялъ за себя надежныхъ ручателей, того освобождали; не уличенныхъ совершенно, но сильно подозрѣваемыхъ сажали навсегда въ темницу; кто рѣшительно одобрялъ чело-

вѣка судимаго уголовнымъ судомъ, тотъ имѣніемъ и жизнію отвѣтствовалъ за его будущія преступленія. Стараясь обуздать злодѣевъ для спокойствія честныхъ гражданъ, Іоаннъ лучше хотѣлъ быть жестокимъ, нежели слабымъ, въ противность новѣйшей мысли Россійскаго уголовнаго законодательства, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели казнить одного безвиннаго.

Отъ учрежденій гражданскихъ перейдемъ къ церковнымъ, равно достопамятнымъ. Мы упоминали о Московскомъ Соборѣ 1551 года[807]: означимъ здѣсь важнѣйшіе или любопытнѣйшіе его уставы. Слѣдуя наказу Іоаннову, Святители опредѣлили: »1) Въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ быть Епархіальнымъ Старостамъ и Десятскимъ, избираемымъ изъ лучшихъ Іереевъ для надзиранія надъ церковною службою, да исполняются въ точности всѣ святые обряды ея, и надъ поведеніемъ Духовенства, обязаннаго учить людей и словомъ и дѣломъ. — »2) Строго блюсти, чтобы въ книгахъ церковныхъ не было ошибокъ, и чтобы иконы списывались съ древнихъ Греческихъ, или какъ писалъ ихъ Андрей Ру- Церковныя учрежденія.

»блевъ[803] и другіе знаменитые художники: »симъ святымъ дѣломъ занимаются единственно люди признанные отъ Государя »и Епископовъ достойными онаго, не »только искусствомъ, но и жизнію не»порочною: наградою же имъ да будетъ »всеобщее уваженіе!« Слѣдуютъ предписанія о звонѣ, пѣніи церковномъ, Литургіи, утренней и вечерней службѣ, гдѣ сказано: »3) Да никто изъ Князей, Вель»можъ и всѣхъ добрыхъ Христіанъ не »входитъ въ церковь съ главою покро»венною, въ тафьяхъ Мусульманскихъ! Да »не вносятъ въ Олтарь ни пива, ни ме»ду, ни хлѣба, кромѣ просфоръ! Да уни»чтожится навѣки нелѣпый обычай воз»лагать на престолъ такъ называемыя »*сорочки*, въ коихъ родятся младенцы[809]! — »4) Злоупотребленія и соблазны губятъ »нравы Духовенства. Что видимъ въ мо»настыряхъ? Люди ищутъ въ нихъ не »спасенія души, а тѣлеснаго покоя и на»слажденій[810]. Архимандриты, Игумены не »знаютъ братской трапезы, угощая свѣт»скихъ друзей въ своихъ келліяхъ; Иноки »держатъ у себя отроковъ и юношей, »принимаютъ безъ стыда и женъ и дѣ»вицъ, веселятся и разоряютъ села мо»настырскія. Отнынѣ да будетъ въ Оби»

»теляхъ едина трапеза для всѣхъ: Ино»камъ выслать юныхъ слугъ[811]; не впу»скать женщинъ; не держать вина (кро»мѣ Фряжскаго), ни крѣпкихъ медовъ; не »ѣздить для забавы по селамъ и горо»дамъ. Преступникъ да будетъ изверженъ »или отлученъ отъ всякія Святыни. Сей »законъ умѣренности, воздержанія, цѣло»мудрія, данъ всему Духовенству: Іереямъ, »Діаконамъ, Причетникамъ. — 5) Обите»ли, богатыя землями и доходами, не »стыдятся требовать милостыни отъ »Государя: впредь да не стужаютъ ему! — »6) Святители и монастыри вольны ссу»жать земледѣльцевъ и гражданъ деньгами, »но безъ всякой лихвы. — 7) Милосердіе »Христіанское устроило во многихъ мѣ»стахъ богадѣльни для недужныхъ и пре»старѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ »оныя молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ: »да будутъ послѣдніе изгнаны, а на ихъ »мѣста введены первые, согласно съ на»мѣреніемъ благотворителей, и вездѣ да »смотрятъ за богадѣльнями добрые Свя»щенники, люди градскіе и Цѣловальни»ки[812]. — 8) Многіе Иноки, Черницы, мі»ряне, хваляся какими-то сверхъ-есте»ственными сновидѣніями и пророче»ствомъ, скитаются изъ мѣста въ мѣ-

»сто съ святыми иконами, и требуютъ »денегъ для сооруженія церквей, непри»стойно, безчинно, къ удивленію иноземцевъ: нынѣ объявить на торгахъ заповѣдь Государеву, чтобы впредь не быть »такому соблазну. Если не уймутся бро»дяги, то ихъ выгонять, а иконы отда»вать въ церкви. — 9) Храмы древніе пу»стѣютъ, новые вездѣ воздвигаются, не »усердіемъ къ Вѣрѣ, а тщеславіемъ, и »скоро также пустѣютъ, отъ недостат»ка въ Іереяхъ, въ иконахъ, въ книгахъ. »Видимъ еще иное зло: праздолюбцы ухо»дятъ изъ монастырей, заводятъ Пусты»ни въ лѣсахъ и стужаютъ Христіанамъ »о денежномъ вспоможеніи. Государь ука»залъ Епископамъ не дозволять ни того, »ни другаго безъ особеннаго, строгаго раз»смотрѣнія[813]. — 10) Прихожане избира»ютъ Священниковъ и Діаконовъ: первые »должны быть не менѣе тридцати, а »вторые двадцати-пяти лѣтъ отъ ро»жденія, житія нравственнаго, и грамот»ные: кто изъ нихъ читаетъ или пи»шетъ худо, того отсылать въ учили»ща, нынѣ во всѣхъ городахъ заводимыя. »Ставленикъ даетъ Митрополиту и Епи»скопамъ только указное: Священникъ »рубль Московскій и *благословенную* гри-

»вну; Діаконъ полтину[814]. Слѣдуя уставу »Великихъ Князей Іоанна Василіевича и »сына его, новобрачные платятъ за вѣ»нецъ алтынъ, за второй бракъ вдвое, »за третій четыре алтына; но креще»ніе, исповѣдь, причастіе, погребеніе, не »терпятъ никакой мзды. Никто изъ цер»ковниковъ не долженъ носить одежды »странной: всякой имѣетъ свою, и воинъ »и Тысяцникъ, и купецъ и ремесленникъ[815]: »служителю ли Церкви украшаться зла»томъ и бисеромъ, плетеніемъ и шитьемъ, »подобно женѣ? Въ Игумены, въ Архи»мандриты избираютъ Святители, а »Царь утверждаетъ выборъ. Снова запре»щается вдовымъ Іереямъ и Діаконамъ »священнодѣйствовать, Монахамъ и Мо»нахинямъ жить въ единой Обители, или »въ мірѣ. — 11) Митрополиту и Еписко»памъ безъ Государева вѣдома не перемѣ»нять ни Бояръ своихъ, ни Дворецкихъ; »а на мѣсто убылыхъ брать изъ тѣхъ »же родовъ старинныхъ[816]. — 12) Духо»венство обязано искоренять языческія »и всякія гнусныя обыкновенія. На при»мѣръ: когда истецъ съ отвѣтчикомъ »готовятся въ судѣ къ бою, тогда явля»ются волхвы, смотрятъ на звѣзды, га»даютъ въ какія-то *Аристотелевы Врата*

»и въ *Рафли*, предсказываютъ побѣду »счастливому, умножаютъ зло кровопро»литія[317]. Легковѣрные держатъ у себя »книги Аристотелевскія, звѣздочетныя, »Зодіаки, Алманахи, исполненные ерети»ческой мудрости. На канунѣ Іоаннова дни »люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, »пляшутъ цѣлыя сутки; такъ же безум»ствуютъ и на канунѣ Рождества Хри»стова, Василія Великаго и Богоявленія. »Въ Субботу Троицкую плачутъ, вопятъ »и глумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, »бьютъ въ ладоши, поютъ Сатанинскія »пѣсни. Въ утро Великаго Четверга па»лятъ солому и кличутъ мертвыхъ; а »Священники въ сей день кладутъ соль »у престола и лечатъ ею недужныхъ. »Лживые пророки бѣгаютъ изъ села въ »село, нагіе, босые, съ распущенными во»лосами; трясутся, падаютъ на землю, »баснословятъ о явленіяхъ Св. Анастасіи »и Св. Пятницы. Ватаги скомороховъ, »человѣкъ до ста, скитаются по дерев»нямъ, объѣдаютъ, опиваютъ земледѣль»цевъ, даже грабятъ путешественниковъ »на дорогахъ. Дѣти Боярскіе толпятся »въ корчмахъ, играютъ зернью, разоря»ются. Мужчины и женщины моются »въ однѣхъ баняхъ, куда самые Иноки, са-

»мыя Инокини ходить не стыдятся. На »торгахъ продаютъ зайцевъ, утокъ, те»теревей удавленныхъ; ѣдятъ кровь или »калбасы, вопреки уставу Соборовъ Все»ленскихъ; слѣдуя Латинскому обычаю, »брѣютъ бороду, подстригаютъ усы, но»сятъ одежду иноземную, клянутся во »лжи именемъ Божіимъ и сквернословятъ; »наконецъ — что всего мерзостнѣе, и за »что Богъ казнитъ Христіанъ войнами, »гладомъ, язвою — впадаютъ въ грѣхъ »Содомскій[818]. Отцы духовные! пресѣките »зло; наставляйте, грозите, казните эпи»тиміею: ослушники да не входятъ въ »церковь! Учите Христіанъ страху Бо»жію и цѣломудрію, да живутъ мирно »въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, кражи, раз»боевъ, лжесвидѣтельства и клятвопре»ступленія; да будетъ вездѣ благонравіе »въ нашемъ любезномъ отечествѣ, и дѣ»ти да чтутъ родителей!«

Сіе церковное законодательство принадлежитъ Царю болѣе, нежели Духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно только слѣдовало его указаніямъ. Слогъ достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.

Замѣтимъ странность: желая истребить обыкновенія древнія, противныя

Святой Вѣрѣ, Іоаннъ и Духовенство не коснулись, въ Стоглавѣ, обычая давать людямъ имена не-Христіанскія, по ихъ свойствамъ нравственнымъ: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грѣхъ называться Олегами или Рюриками, назывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами*, *Тишинами*, *Истомами*, *Неудачами*, *Хозяинами*[319], единственно съ прибавленіемъ Христіанскаго отчества. Сей обычай казался Царю невиннымъ.

Въ Февралѣ 1581 года, по кончинѣ Митрополита Антонія, избравъ на его мѣсто Діонисія, Хутынскаго Игумена, Іоаннъ съ Епископами и Боярами уставилъ обрядъ посвященія въ сей верховный санъ, не прибавивъ, кажется, ничего къ старому, но только утвердивъ оный слѣдующею Соборною грамотою: »Кому »благоволитъ Господь быть Митрополи»томъ, Епископу ли, Игумену или Стар»цу, того немедленно извѣстить о сей »чести. Въ день *нареченія* и *возведенія* зво»нятъ и поютъ молебны. Святители, »отпѣвъ Канонъ Богоматери и Петру »Чудотворцу, шлютъ двухъ Архимандри»товъ, Рожественскаго и Троицкаго, за »*Нареченнымъ*, который вмѣстѣ съ ними

»идетъ къ Государю. Царь сажаетъ будущаго Митрополита, и говоритъ ему »рѣчь о молитвѣ. Послѣ того *Нареченный* знаменуется въ храмѣ Успенія, у »святыхъ иконъ и гробовъ, идетъ вмѣ»стѣ съ Епископами на Дворъ Митрополитовъ, въ Бѣлую Палату, и тамъ, сѣвъ »на свое мѣсто, ждетъ, встрѣчаетъ Ца»ря, бесѣдуетъ съ нимъ; слушаетъ Ли»тургію въ Соборной церкви, стоя у Ми»трополитскаго мѣста; обѣдаетъ въ Бѣ»лой Палатѣ со всѣми Святителями; »оттолѣ же, до поставленія, никого не »принимаетъ, обѣдая въ келліи съ немно»гими ближними Иноками. Дни чрезъ два »совершается *избраніе*, объявляемое ему »*Благовѣстниками*, Архимандритами Спас»скимъ и Чудовскимъ. Уготовляютъ мѣсто »въ церкви и пишутъ орла надъ онымъ. Въ »день назначенный, во время звона, Святи»тели облачаются, а съ ними и будущій »Митрополитъ, если онъ Епископъ; если же »не Епископъ, то облачается въ придѣлѣ. »Окруженный Боярами, Государь всту»паетъ въ храмъ, знаменуется у святыхъ »иконъ, восходитъ на уготованное мѣсто, »и садится: Владыки также. *Избранный*, »между осьмью стоящими *огненниками*, »подъ орломъ, читаетъ Исповѣданіе Вѣ-

»ры. Начинаютъ Обѣдню. Лампадѣ и по»соху быть Архіепископа Новогородскаго »или Казанскаго. Когда въ третій разъ »запоютъ: *Святъ*, *Святъ*, тогда Владыки »ставятъ Митрополита по древнему обы»чаю. Онъ совершаетъ Литургію, и Ар»хіепископъ именуетъ его въ молитвѣ »послѣ *Изрядна*. Свѣщеносецъ, держа въ »рукѣ свѣщу и лампаду, кланяется Ми»трополиту и занимаетъ предъ нимъ »свое мѣсто въ Олтарѣ; когда же возгла»сятъ: *со страхомъ Божіимъ*, тогда уно»сятъ Архіепископову лампаду съ посо»хомъ, а Митрополитовы Поддіаконы »становятся у Царскихъ дверей съ лам»падою и посохомъ новаго Архипастыря. »Отпѣвъ Литургію, Епископы возводятъ »его на мѣсто, гдѣ сидѣлъ Государь; са»жаютъ трижды, произнося *Исполлаэти* »*Деспота;* снимаютъ съ него одежду слу»жебную, возлагаютъ ему на грудь икону »*вратную*, мантію съ источниками на »плеча, клобукъ бѣлый или черный (какъ »Государь укажетъ) на главу, и ведутъ »на каменное Святительское мѣсто. Царь »приближается, говоритъ рѣчь и даетъ »Святителю посохъ въ десницу. Тутъ »знатное Духовенство, Бояре, Князья мно»голѣтствуютъ Митрополиту. Онъ бла-

»гословляетъ Царя и говоритъ рѣчь. Ду»ховенство и Бояре многолѣтствуютъ »Царю. На крылосахъ поютъ также *мно»гая лѣта.* Выходятъ изъ церкви. У Го»сударя столъ для всего знатнаго Духо»венства, для Вельможъ и сановниковъ. »Митрополитъ ѣздитъ вокругъ Москвы »на ослѣ, коего ведутъ Бояринъ Царскій »и Святительскій. Послѣ стола чаши: »Петра Чудотворца, Государева и Митро»политова«[820].

Упомянемъ здѣсь также о церковномъ любопытномъ обрядѣ сего времени, уже давно забытомъ въ Россіи. Въ Недѣлю Вайй, предъ Обѣднею, собирался весь народъ Московскій въ Кремлѣ. Изъ храма Успенія выносили большое дерево, обвѣшенное разными плодами (яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками); укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвы. За санями шли многіе юноши съ пылающими восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ высокія хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали Іереи, числомъ болѣе ста, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними Бояре и са-

Достопамятный обрядъ церковный.

новники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ (или на конѣ), одѣтомъ бѣлою тканію[321]: лѣвою рукою придерживалъ (Митрополитъ) на своихъ колѣнахъ Евангеліе, окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ: Государь, одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь Митрополиту устилали суквами. Далѣе шли еще Бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обходивъ такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ Митрополитъ служилъ Литургію: послѣ чего давалъ обѣдъ Царю и Вельможамъ. — Сей церковный ходъ, въ память срѣтенія Христова въ Іерусалимѣ, былъ уставленъ, какъ вѣроятно, въ древнѣйшія времена, но сдѣлался намъ извѣстенъ только съ Іоаннова, по описанію иноземныхъ наблюдателей.

Строеніе городовъ. Къ достохвальнымъ дѣяніямъ сего царствованія принадлежитъ еще строеніе многихъ новыхъ городовъ для безопасности нашихъ предѣловъ. Кромѣ Лаишева, Чебоксаръ, Козмодемьянска, Болхова, Орла и другихъ крѣпостей, о коихъ мы упо-

миналии, Іоаннъ основалъ Донковъ, Епифань, Веневъ, Чернь, Кокшажскъ[822], Тетюши, Алатырь, Арзамасъ. Но воздвигая красивыя твердыни въ лѣсахъ и въ степяхъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ до конца жизни своей развалины и пустыри въ Москвѣ, сожженной Ханомъ въ 1571 году[823], такъ, что въ ней, если вѣрить Поссевинову исчисленію, около 1581 года считалось не болѣе тридцати тысячь жителей, въ шесть разъ менѣе прежняго, какъ говоритъ другой иноземный Писатель, слышавъ то отъ Московскихъ старожиловъ въ началѣ XVII вѣка[824]. Стѣны новыхъ крѣпостей были деревянныя, насыпанныя внутри землею съ пескомъ, или крѣпко сплетенныя изъ хвороста[825]; а каменныя единственно въ столицѣ, Александровской Слободѣ, Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Старицѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Бѣлозерскѣ, Порховѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Состояніе Москвы.

Размноженіе городовъ благопріятствовало и чрезвычайнымъ успѣхамъ торговли, болѣе и болѣе умножавшей доходы Царскіе (которые въ 1588 году простирались до шести милліоновъ[826] нынѣшнихъ рублей серебряныхъ). Не только на ввозъ чужеземныхъ издѣлій или на выпускъ нашихъ произведеній, но даже и на Торговля.

съѣстное, привозимое въ города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. Въ Новогородскомъ таможенномъ уставѣ 1571 года[827] сказано, что со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ иноземными гостями и цѣнимыхъ людьми присяжными, казна беретъ семь денегъ на рубль: купцы же Россійскіе платили 4, а Новогородскіе $1\frac{1}{2}$ деньги: съ мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (Нѣмецкой и *морянки*), луку, орѣховъ, яблокъ, кромѣ особеннаго сбора съ телегъ, судовъ, саней. За ввозимые металлы драгоцѣнные платили, какъ и за все иное; а вывозъ ихъ считался преступленіемъ. Достойно замѣчанія, что и Государевы товары не освобождались отъ пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. — Въ сіе время древняя столица Рюрикова, хотя и среди развалинъ, начинала-было снова оживляться торговою дѣятельностію, пользуясь близостію Нарвы, гдѣ мы съ цѣлою Европою купечествовали; но скоро погрузилась въ мертвую тишину, когда Россія въ бѣдствіяхъ Литовской и Шведской войны утратила сію важную пристань. Тѣмъ болѣе цвѣла наша Двинская торговля, въ коей Англичане должны были дѣлиться выгодами съ купца-

ми Нидерландскими, Нѣмецкими, Французскими, привозя къ намъ сахаръ, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева, и вымѣнивая на нихъ мѣха, пеньку, ленъ, канаты, шерсть, воскъ, медъ, сало, кожи, желѣзо, лѣсъ[828]. Французскимъ купцамъ, привезшимъ къ Іоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать въ Колѣ, а Испанскимъ или Нидерландскимъ въ Пудожерскомъ Устьѣ: знаменитѣйшій изъ сихъ гостей назывался Иваномъ Девахомъ Бѣлобородомъ, доставлялъ Царю драгоцѣнные каменья и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, къ неудовольствію Англичанъ. Въ разговорѣ съ Елисаветинымъ Посломъ, Баусомъ, Іоаннъ жаловался, что Лондонскіе купцы не вывозятъ къ намъ ничего хорошаго; снялъ съ руки перстень, указалъ на изумрудъ *колпака* своего и хвалился, что Девахъ уступилъ ему первый за 60 рублей, а второй за тысячу: чему дивился Баусъ, оцѣнивъ перстень въ 300 рублей, а изумрудъ въ 40,000[829]. Въ Швецію и въ Данію отпускали мы знатное количество хлѣба. »Сія благословенная земля« (пишетъ Кобенцель о Россіи) »изобилуетъ всѣмъ »необходимымъ для жизни человѣческой, »не имѣя дѣйствительной нужды ни въ

»какихъ иноземныхъ произведеніяхъ«[830].— Завоеваніе Казани и Астрахани усилило нашу мѣну Азіатскую.

Обогативъ казну торговыми городскими и земскими налогами, также и присвоеніемъ церковнаго имѣнія, чтобы умножить войско, завести арсеналы (гдѣ находилось всегда въ готовности не менѣе двухъ тысячь осадныхъ[831] и полевыхъ орудій), строить крѣпости, палаты, храмы, Іоаннъ любилъ употреблять избытокъ доходовъ и на роскошь: мы говорили объ удивленіи иноземцевъ, видѣвшихъ въ казнѣ Московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворцѣ[832], блестящія собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ *пресыщалось* 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ: однажды, сверхъ людей именитыхъ, въ Кремлевскихъ палатахъ обѣдало у Царя 2000 Ногайскихъ союзниковъ, шедшихъ на войну Ливонскую[833]. Въ торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ Государевыхъ все также представляло образъ Азіатскаго великолѣпія: дружины тѣлохранителей, облитыхъ золотомъ — богатство ихъ оружія, убранство коней.

Роскошь и пышность.

Такъ Іоаннъ, 12 Декабря[834], обыкновенно выѣзжалъ верхомъ за городъ, видѣть дѣйствіе снаряда огнестрѣльнаго: предъ нимъ нѣсколько сотъ Князей, Воеводъ, сановниковъ, по-три въ рядъ; предъ сановниками 5000 отборныхъ Стрѣльцевъ по-пяти въ рядъ. Среди обширной, снѣжной равнины, на высокомъ помостѣ, длиною саженей въ 200 или болѣе, стояли пушки и воины, стрѣляли въ цѣль, разбивали укрѣпленія, деревянныя, осыпанныя землею, и ледяныя. Въ торжествахъ церковныхъ, какъ мы видѣли, Іоаннъ также являлся народу съ пышностію разительною, умѣя видомъ искусственнаго смиренія придавать себѣ еще болѣе величія[835], и съ блескомъ мірскимъ соединяя наружность Христіанскихъ добродѣтелей: угощая Вельможъ и Пословъ въ свѣтлые праздники, сыпалъ богатую милостыню на бѣдныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что добрая слава Іоаннова пережила его худую славу *въ народной памяти*: стенанія умолкли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими; но имя Іоанново блистало на Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ Царствъ Могольскихъ: доказательства дѣлъ ужасныхъ лежали

Слава Іоаннова.

въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь какъ живые монументы Царя-Завоевателя; чтилъ въ немъ знаменитаго виновника нашей государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну[836]. Исторія злопамятнѣе народа!

Конецъ IX Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ IX ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Никон. Лѣт.* VII, 259—261.

(2) См. Hakluyt, I, 357, и въ выпискахъ Аббата Альбертранди изъ Ватиканской Библіотеки Relatione de gli grandissimi stati etc. del potentissimo Imperatore et Gran Duca di Moscovia, соч. около 1557 года Италіянцемъ, бывшимъ въ службѣ у Царя Іоанна.

(3) Несомнительными доказательствами свирѣпства Іоаннова служатъ (кромѣ чужеземныхъ Историковъ) сказанія нашихъ Лѣтописцевъ, извѣстія Курбскаго, самыя Іоанновы письма и такъ называемые *Синодики*, которые сей Государь разсылалъ по монастырямъ, вписывая въ оные имена убитыхъ имъ людей, женъ, младенцевъ, и веля молиться за нихъ какъ за *невинныхъ страдальцевъ*.—Изгнанникъ Курбскій имѣлъ конечно злобу на Царя; но могъ ли явно лгать предъ современниками въ случаяхъ извѣстныхъ всякому изъ нихъ? Онъ писалъ для Россіянъ, которые читали сію книгу съ жадностію, списывали, хранили въ библіотекахъ, не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ: такой чести не оказываютъ лжецу. Истина нѣкоторыхъ его сказаній подтверждается государственными документами: напримѣръ, Послужными списками, гдѣ означены убитыми, или (какъ тогда говорили) *выбылыми*, многіе чиновники, коихъ насильственную смерть описываетъ Курбскій. Іоаннъ не запирается въ казняхъ. Онъ говоритъ о своихъ грѣхахъ въ письмѣ къ Игумену Кирилловской Обители, Козмѣ, каясь ему съ Христіанскимъ чистосердечіемъ и смиреніемъ, но безъ сомнѣнія не думая взводить на себя небылицы. Это письмо достопамятное сохранилось въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ Патріаршей и во многихъ другихъ библіотекахъ. Самъ же Іоаннъ писалъ къ Курбскому изъ Вольмара въ Сент. 1577 (см. Дѣла Польск. Двора): »И нынѣ грѣшника мя суща и блудника и мучителя »помилова Богъ. . . . Только бы вы у меня не отняли *юницы*« (Анастасіи) »моея, ино бы *Кроновы жертвы* не было« (въ отвѣтъ на обвиненіе Царя въ рас-

*

нутствѣ). Въ самыхъ Посольскихъ дѣлахъ сего времени говорится о частыхъ опалахъ и казняхъ. Однимъ словомъ, или всѣ злодѣйства Калигулы, Нерона, Коммода, суть басни, или Іоанновы жестокости не подвержены сомнѣнію: доказательства первыхъ не достовѣрнѣе вторыхъ.

(4) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому.
(5) См. Курбск.
(6) См. тамъ же.
(7) См. тамъ же.
(8) См. *Розрядн.* и въ *Продолж. Царст. Кн.* л. 483.
(9) См. Курбскаго.
(10) См. тамъ же.
(11) См. тамъ же.
(12) См. тамъ же.
(13) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому.
(14) См. Курбскаго.
(15) См. Курбскаго.
(16) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому. Далѣе см. Курбскаго.
(17) См. Курбскаго.
(18) См. тамъ же.
(19) Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому.
(20) См. *Продолж. Царств. Кн.*
(21) Тамъ же.
(22) См. Дѣла Польскія, No 6, стр. 1—55.
(23) См. Курбскаго.
(24) См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 492—495.
(25) См. Курбскаго.
(26) См. краткое описаніе Іоаннова царствованія, въ Синодальной рукописи No 364, л. 839 на об.
(27) См. Курбскаго.
(28) См. тамъ же.
(29) Тамъ же.
(30) Тамъ же.
(31) См. Т. VIII, стр. 30.
(32) См. Курб. и Гваньини Rer. Polon. II, 244. Гваньини, современникъ Іоанновъ, былъ родомъ изъ Вероны, служилъ въ Польшѣ, начальствовалъ въ Витебскѣ

(именуясь peditum in arce Vitebska finitima Moschoviae Praefectus) и занимался Исторіею своего втораго отечества. Его Sarmatia, съ *Описаніемъ Государства Московскаго и тиранства Іоаннова* (Gesta praecipua Tyrannisque ingens Monarchae Moscoviae, I. B. nuper perpetrata) была напечатана въ 1581 году, въ Спирѣ. Сію-то книгу Стефанъ Баторій прислалъ къ Царю, сказавъ: »читай, что о тебѣ пишутъ въ Европѣ!« (см. ниже, примѣч. 548). Іоаннъ хотѣлъ отвѣчать, но, какъ вѣроятно, раздумалъ. Не льзя ручаться за истину всего, что Гваньини, вѣря иногда слухамъ, иногда очевидцамъ, Литовскимъ Посламъ и плѣнникамъ, разсказываетъ о Московскихъ происшествіяхъ; но книга его весьма уважалась въ Россіи и была переведена на старый, чистой Русскій языкъ или въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка, со многими поправками въ именахъ людей и въ самыхъ обстоятельствахъ. — Другіе пишутъ, что К. Овчининъ заслужилъ гнѣвъ Царя смѣлымъ противорѣчіемъ Іоаннову намѣренію ввести въ Россію Нѣмецкіе обычаи и законы: см. *Подробную Лѣтопись*, изданную Львовымъ и сочиненную въ началѣ XVIII вѣка. Извѣстія о временахъ Грознаго Авторъ выбиралъ изъ чужеземныхъ Историковъ, даже портилъ имена Русскія и писалъ безъ всякаго соображенія: на примѣръ, сказанное имъ о К. Овчининѣ взято изъ Одерборна (Ioannis Basilidis Magni Moschoviae Ducis Vita). Сіе описаніе Іоанновой жизни было напечатано въ 1585 году; достойно замѣчанія какъ современное, но во многомъ баснословно.

(33) См. Курбскаго и Послуж. Спис. Бояръ.

(34) О постриженіи Курлятева см. Курбскаго и Архив. Переписную Книгу No 2, л. 420—425. Въ Архив. Иностр. Кол. сохранилось дѣло *о ссылкѣ на Бѣлоозеро К. Михайла Воротынскаго*: см. ниже, примѣч. 137.

(35) Ив. Шереметевъ ходилъ съ Царемъ къ Полоцку въ началѣ 1563 году; но въ Апрѣлѣ былъ уже въ немилости: см. выше, стр. 46. — 8 Марта, 1564 г., Царь взялъ *поручную запись* съ Бояръ (Салтыкова,

Ив. Петр. Өедорова, Бутурлиныхъ и проч.), въ томъ, чтобы Шереметеву не уходить изъ Россіи; въ случаѣ же бѣгства его они должны были заплатить въ казну 10 тысячь рублей (см. *Соб. Госуд. Грамотъ* 496).

Въ письмѣ къ Игумену Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря Царь говоритъ: »Бояре, къ вамъ пришедъ, свой любострастный уставъ ввели . . . не вы »имъ учители и законоположители, а они вамъ. Шереметева уставъ добръ: держи его; а Кирилловъ уставъ »не добръ: остави его . . . Шереметеву какъ назвать »васъ братіею? у него и десятой холопъ, который у »него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братіи, которые »въ трапезѣ ѣдятъ . . . На Симоновѣ точію одѣяніемъ Иноцы, а мірская вся совершаются, яко же у »Чюда (въ Чудовѣ монастырѣ) быша до Левкія . . . У »Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло и монастырь »оскудѣлъ: не пострижется никто. А на сторожехъ »(въ Савинѣ м.) до чего допили? Затворити монастыря не кому; по трапезѣ трава растетъ, а мы видали тамъ братіи до осмидесяти . . . У васъ сперьва »Іоасафу Умному дали оловянникъ въ келью, да Серапіону Сицкому, да Іонѣ Ручкину; а Шереметеву уже »съ поставцемъ, да и поварня своя... Нынѣ у васъ »Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что Царь; а Хабаровъ къ нему приходитъ, да иные Черцы, да ѣдятъ »и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ невѣсть съ »свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ »постилы, коврижки и иные пряны составные овощи; »а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые »всякіе а иные глаголютъ, будто и вино горячее къ Шереметеву приносили въ келью: ано по монастырямъ и Фряжскіе вины зазоръ.« Козма былъ Игуменомъ Кирилловскимъ отъ 1573 до 1582 года (см. *Исторію Р. Іерархіи* IV, 420); а какъ Іоаннъ въ семъ письмѣ упоминаетъ о своемъ Ливонскомъ походѣ (см. тамъ же, стр. 473), то вѣроятно, что оно писано въ 1578 году.

(36) См. письмо Царя къ Игумену Кирилловскому.

(37) См. Курбск. и Розряды.
(38) Курбскій.
(39) Тамъ же.
(40) См. Т. IV, стран. 22.
(41) См. Т. VI, стран. 362.
(42) См. *Псков. Лѣт.* и Курбск. Первый называетъ Ландмаршала, Шаля Фонъ-Беля, Воеводою *Ламошкою.*
(43) См. Арнта 257.
(44) Арнтъ 257, Кельхъ 246, Курбск. и *Псков. Лѣт.*
(45) См. Курбск.
(46) Кельхъ 247.
(47) См. Курбск., Арнта 257 и басни Кельха 247 о мукахъ плѣнниковъ Литовскихъ.
(48) См. *Псков. Лѣт.* и Курбск. По сказанію Арнта, Герцогъ Магнусъ бѣжалъ тогда изъ Габзаля на островъ Эзель. Вылазка Ревельская была 11 Септ.
(49) См. *Псков. Лѣт.* и Арнта 258.
(50) См. Арнта 259.
(51) Тамъ же, стр. 277 — 288. Я нашелъ сію грамоту и между Лифлянд. бумагами нашего Архива.
(52) Арнтъ 290.
(53) Дѣла Шведскія No 1, л. 203, 229, 230, 241, 247, 276, 292, 296.
(54) См. Дѣла Польск. No 6, стр. 1—55.
(55) Тамъ же, стр. 55 — 126.
(56) См. *Псков. Лѣт.*
(57) См. *Псков. Лѣт.*

(58) См. Дѣла Польск. No 6. стр. 126 и далѣе. Королевскій гонецъ, Михайло Гарабурда, былъ схваченъ, съ письмомъ Сигизмундовымъ къ Хану, на берегу Днѣпра Воеводою Даниломъ Адашевымъ еще за долго до сего времени — Корсакъ пріѣхалъ въ Москву 6 Марта 1562, а выѣхалъ 14 Апрѣля.

(59) См. *Продолж. Царств. Книг.*, л. 501, и *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(60) См. Розрядн. Кн. г. 1562. Еще за годъ или болѣе до сего времени 3000 Татаръ нападали на У-

крайпу; ушли отъ Воеводы, Ив. Дм. Бѣльскаго, но умертвили всѣхъ Рос. плѣнниковъ.

(61) Въ *Псков. Лѣт.* Въ Смоленскѣ былъ Царь Шигъ-Алей главнымъ начальникомъ. Царевичи Ибакъ, Бекбулатъ, Тахтамышъ, и Воеводы Шереметевы, Воронцовъ, Очины-Плещеевы, вмѣстѣ со многими другими ходили воевать Литву. См. также Стриковскаго, который пишетъ, что Радзивилъ, стоя близъ Орши, посылалъ отряды къ Смоленску, и безполезно осаждалъ Велижъ; что 1500 Поляковъ, близъ Невля, цѣлый день сражались съ 45,000 Россіянъ, убили 3000, а сами потеряли 15 человѣкъ.

(62) См. Дѣла Польск. No 7. Переписка продолжалась отъ Сент. до Дек. 1562.

(63) См. Дѣла Крым. No 10, *л.* 2.

(64) См. Стрик.; а въ Хронографѣ Г. Толстаго сказано, что у Царя было 400,000 воиновъ! См. еще *Псков. Лѣт.*

(65) См. Кояловича Hist. Litv. 457.

(66) См. *Псков. Лѣт.*

(67) Тамъ же. См. также Стрик., который прибавляетъ, что Іоанновы Татары умертвили и Монаховъ Бернардинскихъ.

(68) См. сей пропускъ въ *Александро-Невскомъ Лѣтописцѣ*, л. 936.

(69) См. Т. I, стр. 241. Бѣлоруссія не была въ подданствѣ у Хановъ.

(70) См. *Александро-Нев. Лѣт.*, л. 330.

(71) Дѣла Польскія No 7, л. 111 — 131.

(72) *Александро-Нев. Лѣт.* 939—945. Царевичъ Василій умеръ 3 Мая и былъ погребенъ въ Архангел. Соборѣ.

(73) Дѣла Крымск. No 10, л. 17—169. Посолъ Аѳанасій Нагой отправился къ Хану 25 Апр. 1563.

(74) См. наказъ, данный Послу (л. 98). Въ Іюнѣ 1564 пріѣхали въ Москву гонцы отъ Хана, и словесно донесли Государю о намѣреніи Султана: ибо Каневскіе, Черкаскіе Козаки отняли у нихъ на пути,

близъ Ворсклы, Девлетъ-Гиреевы грамоты. См. Дѣла Крым. No 11, л. 1—40.

(75) См. сей Исторіи Т. VIII, стр. 160.

(76) Дѣла Ногайскія No 6. Исмаилъ княжилъ на берегахъ Яика, въ Сарайчикѣ, коего жители пахали землю. Подданные его, называемые *Тумаками*, будучи высланы изъ Астрахани, поселились на рѣкѣ Бузанѣ и дѣлали обиды Астраханцамъ: Государь писалъ къ нему, чтобы онъ перевелъ ихъ на Яикъ. Исмаилъ требовалъ тысячи и болѣе Стрѣльцовъ Московскихъ, чтобы защитить себя отъ мятежнаго Ногайскаго Казы-Мурзы, союзника Крымскаго; оправдывался въ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ на него доносахъ, касательно его мнимаго сношенія съ Ханомъ; просилъ съѣстныхъ запасовъ, денегъ и проч.

(77) См. *Псков. Лѣт.* и Далина г. 1563.

(78) Дѣла Датскія No 1, л. 89—286. Посольство Фридериково прибыло въ Москву 6 Іюля 1562. Договорная грамота была утверждена 7 Авг.: взятая Царемъ съ Фридерика названа *словомъ Королевымъ*, а данная Фридерику *словомъ Царевымъ*. К. Антонъ Михайл. Ромодановскій-Ряполовскій отправился съ нею въ Данію 18 Авг. — Слово Царя о посредничествѣ Короля Датскаго л. 416. — См. еще *Псков. Лѣт.*

(79) См. *Александро-Нев. Лѣт.* 951 и *Продолж. Царств. Кн.* л. 555 на об., г. 1564.

(80) См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 616.

(81) См. *Алекс.-Нев. Лѣт.* л. 960. Онъ умеръ Ноября 24, во втор. часу ночи; жилъ 31 годъ. Царь, К. Владиміръ Андр. и всѣ Бояре находились при его погребеніи. Тѣло отпѣвалъ и хоронилъ Сарскій Епископъ Матѳей: ибо Митрополитъ былъ тогда уже *на конечномъ издыханіи.*

(82) См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 540. Въ Инокиняхъ назвали Іуліанію Александрою. Постриженіе совершилось 30 Апр. 1564.

(83) См. *Александ.-Нев. Лѣт.* л. 948, и Архив. Перепис. Книгу, No 2, г. 420—425.

(84) См. прощальную грамоту Макарія въ *Продолж.*

Царств. Кн. л. 501—506. Онъ погребенъ въ Успен. Соборѣ Генв. 1. — Рукопись такъ называемой Макаріевской Минеи (исправленной и напечатанной въ новѣйшія времена) хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. — О Соборѣ 1547 года сказано слѣдующее въ старой рукоп. книгѣ Іосифова Волоколам. монастыря, No 134, л. 223—225: »Въ лѣто 7055, мѣс. »Февр. 26, Преосв. Макарей Митр., да со Алексѣемъ »Рост. и Яросл., да съ Іоною Е. Суздал. и Торус. да съ »Іоною же Е. Рязан. и Муром., да со Акакіемъ Е. Твер., »да съ Ѳеодосіемъ Е. Колом. и Кошир., да съ Савою Е. Сар. »и Подон., да съ Кипріяномъ Е. Перм. и Волог., и съ »честн. Архимариты и пр. . . . уставили есмя нынѣ »праздновати Сент. 7 вел. Чудотв. Іоанну, Архіеп. В. »Новаграда; Нояб. 17 новому Чюд. Никону, ученику Св. »Сергіа; Нояб. 23 В. Кн. Иноку Алексѣю Невскому »Чюдотв.; Генв. 10 преп. Игумну Павлу Камельскому, »иже на Вологдѣ; Генв. 11 нов. Чюд. преп. Михаилу, »иже Христа ради уродивому, иже въ В. Новѣградѣ; »Марта 17 преп. Игумену Макарію Колязинскому; »Марта 30 вел. Чюдотв. Іонѣ Митр. Кіев. и всея »Русіи; Апр. 17 преп. Игум. Зосимѣ Солов. Чюдотв.; »Маія 1 преп. Игумену Пафнутію, иже въ Боровскѣ, »Чюдотв.; Іюня 1 преп. Игумен. Діонисію Глушицкому Чюдотв., иже на Вологдѣ; Авг. 30 преп. Игум. »Александру Свирьскому Чюдотв., иже въ В. Новѣградѣ; Сент. 27 преп. Чюд. Саватію Соловецкому. Тѣхъ »12; тѣмъ пѣти и праздновати повсюду. — На томъ »же Соборѣ уложили пѣти и праздновати на Москвѣ »Авг. 13 новому Чюдотв. Максиму, иже Христа ради »уродивому; Марта 2 Еписк. Арсенію Твер. праздновати »и пѣти въ Твери; Маіа 21 благовѣрн. Княземъ Константину и чадомъ его, Михаилу и Ѳеодору, Муромскимъ; »Іюня 25 въ Муромѣ же благовѣрн. Князю Петру и Княгинѣ Февроніи Муромской же; Іюля 8 новымъ Чюдотв. »Устюжскимъ, Прокопію и Ивану, на Устюгѣ.«

(85) Т. VI, стр. 263.

(86) Сія книга рѣдка: я видѣлъ ее въ Моск. Типог. библіотекѣ. Форматъ въ малый листъ; бумага плот-

ная, чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью; правописаніе худо.

Вѣроятно, что Печатный дворъ въ Іоанново время стоялъ тамъ же, гдѣ и нынѣ: т. е. на Никольской улицѣ.

(87) Иванъ Ѳедоровъ, оставивъ Россію, былъ милостиво принятъ Корол. Сигизмундомъ, жилъ у Пана Ходкѣвича, завелъ послѣ типографію во Львовѣ, напечаталъ тамъ въ 1573 году Апостолъ. Переѣхавъ изъ Львова въ Островъ къ К. Константину, Ив. Ѳед. напечаталъ Новый Завѣтъ и Псалтирь въ 1580 г., а въ 1581 всю Библію, извѣстную подъ именемъ Острожской.

(88) Поссевинъ или Поссевини (въ своей книгѣ Moscovia) сказываетъ, что типографія въ 1582 году была уже въ Александровской Слободѣ. Флетчеръ пишетъ, что печатный станъ и буквы были привезены въ Москву изъ Польши; что типографія Московская сгорѣла ночью, зажженная, какъ думали, суевѣрами (Common Wealth, л. 85 на об.).

Объ Евангеліи, напечатанномъ послѣ Апостола въ Москвѣ, говоритъ Архіеп. Евгеній въ своемъ Опытѣ Словаря Рос. Писателей, въ статьѣ *Іоаннъ Ѳедоровъ*.

(89) Читая предисловіе К. Острожскаго, всякой подумаетъ, что онъ съ своими *Филологами* исправилъ нашу Библію и въ смыслѣ и въ слогѣ: къ счастію, перемѣны ихъ состояли болѣе въ буквахъ, нежели въ словахъ или въ смыслѣ.

(90) См. *Александро-Невск. Лѣт.* 943.

(91) См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 525.

(92) Аѳанасій (родомъ Переславецъ, мірскимъ именемъ Андрей, бывшій только два года Инокомъ, по сказанію Мороз. и Псков. Лѣтописца) былъ избранъ 24 Февр., а поставленъ Марта 5. См. *Продолженіе Царств. Кн.* л. 53—534.

(93) См. *Александро-Нев. Лѣт.* л. 945; также Дѣла Польск. No 7, л. 131—174. Отъ Короля были въ Москвѣ Посланникъ Быковскій, гонцы Корнофель и Хорунжей; а Царь посылалъ къ нему Дворянина Клобукова.

(94) Дѣла Польск. No 7, л. 201—223, 258—516.

(95) См. въ грамотѣ, Воротынскаго, о коей ниже въ прим. 173, и сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 88, 101. Послы выѣхали изъ Москвы 9 Генв. 1564.

(96) См. *Александро-Нев. Лѣт.* 963. Это случилось въ Генв. 1564.

(97) См. Бреденбаха Hist. B. L. 238.

(98) См. *Александро-Нев. Лѣт.,* Стриковскаго и Бреденбаха 239.

(99) См. *Александро-Нев. Лѣт.*

(100) См. Архив. *Псков.* и *Александро-Нев. Лѣт.*

(101) См. Лѣт. Мороз. Г. Ѳ. А. Толстаго. Въ 1563 г. Вишневецкій былъ уже у Короля. Іоаннъ предписалъ гонцу своему, Клобукову, отправленному къ Сигизмунду въ Іюлѣ, отвѣтствовать Литовскимъ Вельможамъ на вопросъ о причинѣ бѣгства Вишневецкаго. См. Дѣла Польск. No 7, стр. 174—200, и Энгеля Gesch. der Ukraine 68, и Дѣла Крым. No 11, л. 17.

(102) Гонцу Клобукову (см. выше, примѣч. 101) велѣно было развѣдать объ нихъ въ Литвѣ.

(103) См. объ немъ въ VIII Т., въ описаніи Казанской осады и войны Ливонской.

(104) См. Латухина Степен. Книгу и *Александро-Нев. Лѣт.*

(105) См. Степен. Книгу Латухина и нѣкоторыя другія. *Посланіе* Курбскаго (вмѣстѣ съ Іоанновымъ отвѣтомъ) находится въ библіотекахъ Синодальной, монастырскихъ, въ Архивѣ Иностр. Кол., у многихъ частныхъ людей. Я не прибавилъ ничего, но сократилъ, выражая смыслъ, удерживая самые обороты и важнѣйшія слова подлинника.

(106) См. К. Ѳеодора Ростиславича Чернаго: см. Т. IV, стр. 124, г. 1272. Курбскіе происходили отъ Ярославскихъ Князей.

(107) См. Т. VIII, стр. 168, 169.

(108) См. выше, примѣч. 61.

(109) См. письмо Іоанна къ Курбскому.

(110) Сего обстоятельства я не нашелъ въ лѣтописяхъ. См. Т. IV, стр. 161.

(111) См. письмо Курбскаго къ Царю.

(112) См. Дѣла Польск. No 7, л. 916.

(113) См. Архив. Розряд. Кн. л. 405, 407,—*Александро-Нев. Лѣт.* л. 1004,—Дѣла Крым. No 11, л. 140.

(114) См. донесеніе Аѳ. Нагаго Іоанну (Дѣла Крым. No 11, л. 140). О нашествіи Крымцевъ въ *Александро-Нев. Лѣт.* 1002—1010. Ханъ ушелъ отъ Рязани 5 Октября.

(115) См. Арх. *Псков. Лѣт.*

(116) См. Архив. Розрядн. Кн. 407, и *Александро-Нев. Лѣт.* 1011—1014. Главою нашего войска въ Великихъ Лукахъ былъ тогда Шигъ-Алей: Царь Симеонъ принималъ его повелѣнія; но за все отвѣтствовали, и все дѣлали, Россійскіе Воеводы.

(117) См. *Розрядн. Кн.*

(118) Сіе нападеніе было въ Вел. постъ (см. Архив. Розрядн. Кн. 426 на об.)

(119) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, и Архив. Розрядн. Кн. л. 426.

(120) См. Т. VII, стр. 115.

(121) См. *Продолж. Царств. Кн.* л. 535 и 562. — Посламъ Магистровымъ оказывали великую честь въ Россіи на пути ихъ отъ Нарвы до Москвы, ибо думали, что они Императорскіе (Venator стр. 348—372, въ Gadeb. Livl. Jahrbüch. II, 47—49). Они выѣхали изъ Москвы 2 Дек.

(122) См. *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1014 и слѣд., и донесеніе Таубе и Крузе къ Герцогу Курляндскому Кетлеру. Оно было прислано мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива въ 1811 году, а въ 1816 напечатано Г. Эверсомъ: см. его Beyträge zur Kenntniss Russlands, стр. 187—238.

(123) См. донесеніе Таубе и Крузе, стр. 191.

(124) См. *Александро-Нев. Лѣт.* 1017.

(125) См. Таубе и Крузе стр. 193.

(126) См. тамъ же, стр. 195.

(127) Кубасовъ въ своемъ Хронографѣ, доведенномъ

имъ до избранія Царя Михаила Өеодоровича, (см. *Русск. Достопамятности*, Ч. I, стр. 172). См. также *Подробной Лѣтописи*, изданной Г. Львовымъ, Ч. III, стр. 85. Сія лѣтопись, новаго слога, сочинена въ царствованіе Петра Великаго (по мнѣнію нѣкоторыхъ, знаменитымъ Өеофаномъ Прокоповичемъ). Въ ней есть любопытныя извѣстія о временахъ Іоанна Грознаго, взятыя изъ чужеземныхъ Историковъ.

(128) Таубе и Крузе, стр. 195.

(129) Тамъ же, стр. 196. См. уставъ изъ *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1022 и слѣд. Иностранные Писатели (Марж., Флетч., Петр. и другіе, даже и нѣкоторые изъ нашихъ, однакожь не современные) увѣряютъ, что Царь Казанскій Симеонъ былъ объявленъ тогда Главою Земщины, и два года представлялъ для Россіи лице Монарха. Онъ, по современной Моск. лѣтописи (см. *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1034) умеръ осенью 1565 года, и положенъ у Архистр. Михаилова Чюда въ монастырѣ. У насъ былъ другой, *Касимовскій* Царь Симеонъ *Бекбулатовичъ*, но гораздо послѣ: онъ еще и въ 1572 году именуется *Саинъ-Булатомъ* (см. Розряды въ Древн. Рос. *Вивліоѳ.* XIII, 423); *Симеономъ* же только съ 1574 г. (см. тамъ же, стр. 457), въ сіе время принявъ Вѣру Христіанскую.

Іоаннъ, какъ пишутъ Таубе и Крузе (стр. 186), хотѣлъ, чтобы меньшій сынъ его наслѣдовалъ Опричнину, а старшій Земщину.

(130) *Продолж. Царств. Кн.* 585 на об. и *Морозов. Лѣт.* Графа Толстаго.

(131) Таубе и Крузе говорятъ (стр. 205), что Іоаннъ обложилъ тогда земли новою податью, и что 70 *Гаковъ* должны были ежегодно вносить въ казну 180 талеровъ.

(132) Тамъ же, стр. 196, и *Александро-Нев. Лѣт.* л. 1026.

(133) См. Польск. Дѣла No 7, л. 915.

(134) См. Курбскаго, также *А. Нев. Лѣт.* 1026, Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, стр. 47, Таубе и Кру-

зе 196. Послѣдніе называютъ К. Горбатаго тестемъ К. Ив. Мстиславскаго.

(135) См. Курбскаго, Таубе и Крузе 197, Списокъ Бояръ 47, и Дѣла Польск. No 7, л. 917.

(136) *А. Нев. Лѣт.* л. 1026 на об. и Обиходъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

(137) См. выше, примѣч. 34. Воротынскій былъ сосланъ, кажется, въ Мартѣ 1562 году. См. *Память* Казначею Фуникову и проч. (въ Архив. *Дѣлъ о содержаніи* К. М. *Воротынскаго*).

Воротынскій прощенъ въ Апр. 1565. См. *Собраніе Г. Грамотъ* 533. Въ случаѣ его бѣгства, ручатели обязывались заплатить 15,000 р. Царь обыкновенно отдавалъ прощаемаго или подозрительнаго кому нибудь изъ своихъ чиновниковъ въ надзоръ; а сей чиновникъ какъ бы отъ себя освобождалъ его на поруку.

(138) См. *Собр. Г. Грамотъ* 506—526.

(139) См. Таубе и Крузе, стр. 197—202. Они именуютъ еще Peter Soytt. — Все слѣдующее взято изъ ихъ донесенія.

(140) См. Курбскаго и *Мороз. Лѣт.* Гр. Толстаго. Въ самомъ дѣлѣ *Кромѣшникъ* то же, что *Опричникъ*, отъ слова *кромѣ*, *опричь*.

(141) Уставъ *правежа*, или взыскъ съ истязаніемъ, древнѣе временъ Іоанновыхъ, но не Батыевыхъ (см. ниже, въ гл. VII, *Законы*.).

(142) См. Таубе и Крузе 203.

(143) Петрея Historien etz. von Muschkow, стр. 57.

(144) Въ *Житіи Св. Филиппа Митрополита* (рукоп. соврем.): »словомъ именуется *свобода* (ибо слобода и свобода есть одно слово) »а горши Египецскія *работы*.«

(145) Симъ Греческимъ именемъ назывались у насъ въ монастыряхъ пономари: см. рукописи. *Обиходъ Іосифова монастыря.*

(146) См. Таубе и Крузе, стр. 203.

(147) См. *Подробн. Лѣтоп.*, III, 88.

(148) См. Таубе и Крузе 204; также Петрея (стр. 57).

(149) Таубе и Крузе 204; также *Подроб. Лѣтоп.* III, 89.

(150) Таубе и Крузе 204.

(151) Тамъ же 205. Они пишутъ, что Царь и въ 12 часовъ ночи ходилъ въ церковь: вѣроятно, къ Полунощницѣ.

(152) Таубе и Крузе 205.

(153) См. *А. Нев. Лѣт.*

(154) См. *А. Нев. Лѣт.* 1013.

(155) См. *А. Нев. Лѣт.* 1032 на об.

(156) Дѣла Польск. No 7, л. 919 на об., *А. Нев. Лѣт.* 1031, Кельха 275, Гадебуша 51, и Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1565.

(157) См. Арнта 258 и Гадебуша 52.

(158) См. между Кенигсб. бумагами письмо Вентъ Зенге или Цента къ Маркграфу Альбрехту изъ Любека отъ 20 Дек. 1566. Іоаннъ утверждалъ, что родъ его происходитъ отъ *Баварскихъ* Владѣтелей, и что имя нашихъ *Бояръ* означаетъ *Баварцевъ*! См. также Флетчера. Іоаннъ Таубе и Элертъ Крузе были взяты въ плѣнъ Россіянами въ 1560 году и вступили въ Царскую службу около 1567.

(159) См. Петрея стр. 252. Онъ говоритъ, что сія деревянная Лютеранская церковь была верстахъ въ двухъ отъ города Москвы.

(160) См. письмо Ценга.

(161) См. *А. Нев. Лѣт.* 1043.

(162) См. Курбскаго. Св. Германъ умеръ въ 1567 году, Ноября 6, какъ сказано въ его рукописномъ житіи (см. *Исторію Рос. Іер.* VI, 54). Мощи его были при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ перевезены въ Свіяжскъ.

(163) См. *Лѣтоп. Солов. Монастыря* и рукоп. Житіе Св. Филиппа.

(164) Не знаемъ, когда.

(165) См. рукоп. Житіе Св. Филиппа.

(166) См. грамоту Филиппа, утвержденную подписями Святителей (см. *С. Гос. Гр.* 557).

(167) См. рукоп. Житіе Св. Филиппа.

(168) См. выше, примѣч. 166.

(169) См. *А. Нев. Лѣт.* 1048.
(170) См. Житіе Св. Филиппа.
(171) См. Житіе Св. Филиппа.
(172) См. Таубе и Крузе 209.

(173) Ѳедоровъ начальствовалъ въ Полоцкѣ: см. его отвѣтъ Королю и Ходкѣвичу въ Дѣлахъ Польск. No 8. Тамъ и грамоты Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго. Онѣ занимаютъ 154 страницы. — Изъ отвѣтной Грамоты Воротынскаго къ Хоткѣвичу видно, что сей Панъ *съ удивленіемъ* писалъ къ нему объ учрежденіи Опричнины, какъ дѣлѣ неслыханномъ въ Россіи, и ставилъ ему въ примѣръ К. Андрея Курбскаго, бывшаго въ Москвѣ десятымъ или двадцатымъ, а въ Литвѣ сравненнаго съ вельможнѣйшими Панами. Доказывая, что истинные Государи самовластны, Воротынскій пишетъ: »Слово Божіе не вяжетца нигдѣ »же и самавластно пребываетъ, и *волею* за мірское »спасеніе (Христосъ) распялся, а не такъ, какъ вы »своего Государя въ *неволи* держите. . . А што жь ся »Государь вашъ *дивуетъ.*« (дивится Опричнинѣ): »иножь »извѣка то есть младенчески разумъ имѣющи и изу»мѣньемъ похитившуся велемудрому разуму дивятца. . .

(174) См. Курбскаго и Списокъ Бояръ въ *Вивліов.* 37, 48.

(175) Одерборна Ioan. Basilidis Vita, стр. 238 — Гваньини Rer. Polon. II, 249. — Таубе и Крузе 206. Курбскій называетъ Ив. Петр. Ѳедорова Лядинымъ. — По Списку Бояръ *выбылъ* Конюшій въ 1567 году (*Вивліов.* XX, 48): 6 Авг. онъ былъ еще живъ и писалъ къ Королю изъ Полоцка (см. выше, примѣч. 173). Сей Бояринъ, лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, имѣлъ участіе въ заговорѣ противъ Глинскихъ: см. Т. VIII, стр. 111.

(176) См. Курбскаго, Гваньини 247, Одерборна 283, и Списокъ Бояръ въ *Вивліов.* XX, 48. Первый называетъ трехъ убитыхъ Князей Ростовскихъ Симеономъ, Андреемъ и Василіемъ; а Гваньини Воеводу Нижегородскаго *Петромъ:* по Розр. Кн. тамъ въ 1564 г. воеводствовалъ К. *Симеонъ* Ростовскій (*Вивл.* XIII,

361); но между Полководцами сего времени находимъ и К. *Петра* Ростовскаго (тамъ же, 317).

(177) Гваньини.

(178) См. Курб., Таубе и Крузе 207. и Спис. Бояръ (*Вивліоѳ*. XX, 49).

(179) Такъ онъ именуется и въ Спискѣ Царедворцевъ и въ Розрядахъ (см. *Вивліоѳ*. XIII, 255). Объ его убіеніи см. Курб., Таубе и Крузе 206. Дубровскій былъ оклеветанъ Царю въ лихоимствѣ (см. Гваньини R. P. II, 252). Іоаннъ велѣлъ поминать его въ Кирил. Обители.

(180) См. тамъ же.

(181) Таубе и Крузе 209: erstlich in geheim.

(182) Рукописн. Житіе Св. Филиппа.

(183) См. Житіе Филиппа,—Таубе и Крузе 210, и Архив. *Новогор. Лѣт*. Малинов.

(184) См. Курбск., Таубе и Крузе 210. Первый именуетъ К. Василія Пронскимъ-Рыбинымъ.

(185) См. донесеніе Таубе и Крузе 207.

(186) См. Курбскаго, Гваньини, Таубе и Крузе.

О любострастіи Іоанновомъ см. выше, примѣч. 3. Іаковъ Ульфельдъ, Датскій Посолъ, бывшій у насъ въ 1578 году, сказываетъ въ описаніи своего путешествія (см. его Hodoeporicon Ruthenicum, стр. 42), что Царь имѣлъ 50 наложницъ.

(187) См. *Житіе Св. Филиппа*.

(188) Тамъ же.

(189) Тамъ же.

(190) См. Житіе Фил.; также Таубе и Крузе.

(191) Таубе и Крузе.

(192) См. *Житіе*.

(193) Таубе и Крузе пишутъ, что Іоаннъ хотѣлъ убить и сжечь Митрополита, но что Духовенство своимъ ходатайствомъ спасло его жизнь, и что Царь велѣлъ давать Филиппу по 4 алтына въ день.

(194) См. *Житіе*.

(195) См. Курбскаго.

(196) Тамъ же, и *Житіе*.

(197) См. Арх. *Новог. Лѣт*. Малин., и *Житіе*.

(198) Таубе и Крузе 213.

(199) Гваньини 250.

(200) См. Кельха 277., *А. Нев. Лѣт.*, Архив. *Псков. Лѣт.* и Дѣла Крым. No 13, л. 140.

(201) *Алек. Нев. Лѣт.*

(202) *Алек. Нев. Лѣт.* г. 1565.

(203) См. Дѣла Крым. No 11, л. 148, 150, 232, 236, г. 1564—1565.

(204) См. *А. Нев. Лѣт.* л. 1036, 1037. Ханъ ушелъ 19 Окт. въ полночь.

(205) Дѣла Крым. No 13, л. 13, г. 1567.

(206) Тамъ же, л. 155.

(207) Тамъ же, л. 153 на об.

(208) Тамъ же, л. 15 и 24 на об. О требованіяхъ Іоанна и Совѣтѣ Бояръ Москов. тамъ же, л. 73—85. Сыновья Ханскіе пошли-было грабить Россію; но узнавъ, что вездѣ стоитъ наше войско, бѣжали назадъ.

(209) См. тамъ же, л. 154., и *А. Нев. Лѣт.* 1041 и 1045. О смерти Царя Симеона см. выше, примѣч. 129.

(210) Воевода Троцкій, Юр. Александр. Хоткѣвичь—Воевода Берестинскій Юрій Вас. Тишкевичь и Писарь Мих. Богдановъ Гарабурда. Они пріѣхали въ Москву 30 Мая, а выѣхали 22 Іюля. См. Дѣла Польск. No 7, л. 605—831.

(211) Тамъ же, л. 746.

(212) См. *Собр. Госуд. Грам.* 545, и *А. Нев. Лѣт.* 1046. Грамота писана 2 Іюля.

(213) См. Дѣла Польск. No 7, л. 834—1061.

(214) Тамъ же, л. 1041.

(215) *А. Нев. Лѣт.*

(216) Дѣла Польск. No 7, л. 1062.

(217) Тамъ же, л. 1081. О пребываніи Царя въ Новѣгородѣ, см. *Новогор. Лѣт.* Малинов.

(218) Дѣла Польск., л. 1098.

(219) См. Стриков. и Кельха 280.

(220) Въ 1568 году: см. Стриков. Къ Улѣ приступалъ Янъ Ходкѣвичь, Староста Жмудскій. Войско, присланное изъ Полоцка, спасло осажденныхъ.

(221) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1567. Дѣла Польск. No 7, л. 1010.

(222) См. Стриков. и Архив. *Псков. Лѣт.*

(223) Дѣла Польск. No 7, л. 1191.

(224) См. тамъ же, л. 1085, 1090, 1093 на об.

(225) См. тамъ же, л. 1103—1137.

(226) Тамъ же, л. 1163, въ наказѣ гонцу Мясоѣдову.

(227) См. тамъ же.

(228) См. въ семъ Томѣ *Исторіи* стр. 35.

(229) См. Далина, Gesch. des R. Schw. г. 1563, стр. 440.

(230) См. Далина, г. 1567, стр. 517,—*А. Нев. Лѣт.* 1058, и Дѣла Швед. No 2, л. 25.

(231) См. тамъ же, л. 27—77.

(232) См. тамъ же, л. 101 и далѣе.

(233) См. Далина, г. 1569, стр. 546.

(234) Дѣла Швед. л. 122.

(235) См. выше, стр. 46.

(236) Дѣла Крым. No 13, л. 163.

(237) См. сказаніе очевидца, Семена Мальцова, о семъ походѣ. (Дѣла Крым. No 13, л. 287 и слѣд.) См. также Дѣла Турецкія, No 2, л. 67.

(238) См. тамъ же.

(239) См. Дѣла Крым. No 13. л. 287 и слѣд.

(240) См. Т. I, стр. 45, и Больш. Чертежъ 239.

(241) См. донесеніе Мальцова.

(242) См. тамъ же. Сіе описаніе достовѣрнѣе извѣстій Одерборна (Vita J. B. 272) и Стриковскаго. У Касима не осталось ни третьей доли войска (см. Дѣла Турецк. No 2, л. 70). По извѣстію Англичанъ, бывшихъ тогда въ Астрахани, число Турковъ и Крымцевъ простиралось до 70,000 (см. новое изд. Гаклуйта Navig. и проч. стр. 444).

(243) См. Дѣла Крым. No 13, л. 267 на об.

(244) Тамъ же, л. 258.

(245) См. донесеніе Мальцова въ Дѣл. Крым. No 13, л. 287; также 298 на об.

(246) См. *А. Нев. Лѣт.*; также Дѣла Крым. No 13, л. 386 на об.

(247) Извѣстіе о сихъ древнѣйшихъ Персидскихъ Посольствахъ сохранилось только въ книгѣ *Титулярникѣ*, находящейся въ Московъ. Архивѣ Иностр. Коллегіи подъ No 3. Тамъ сказано: »Начало Посольства »къ Кизылбашскимъ (Персидскимъ) Царемъ. Въ гра»мотѣ писано Кизылбашского Шахъ-Тамаса ко Царю »и В. К.: *Высочайшему Государю, вел. повелителю, »многіе власти держащему, славнѣйшему Государю, »побѣдителю счастливому, и всѣхъ превосходяй честію »яко же мѣсяцъ во звѣздахъ именуему въ Государехъ...* »*Отъ любовнаго лица нашего молитва, поклонъ и по»хвальное наше писаніе, аки отъ ладану росново духъ »благоухинный спущая до тебя дойдетъ.*« Содержаніемъ грамоты было то, чтобы свободно ходить Посламъ *на обѣ стороны.* Года не означено; но въ отвѣтѣ Царя поставленъ Генв. мѣсяцъ 1553 и сказано, что отъ Шаха пріѣзжалъ въ Москву Сеитъ Хосенъ. Іоаннъ называетъ Шаха *рогомъ инрога* (единорога). Изъ грамоты, посланной съ Хозниковымъ (см. донесеніе Мальцова.), выписанъ одинъ титулъ и конецъ: »Писанъ въ »Государьства нашего Дворѣ града Москвы, лѣта 7077, »Маія въ 14 день, Индикта 12.«

(248) См. *А. Нев. Лѣт.* г. 1563: Въ 1558 году былъ Сибирскимъ Княземъ также Едигеръ (см. Т. VIII, стр. 266); но, кажется, другой, а не сей Шибанскій Царевичь: см. ниже, примѣч. 629. — Въ Государственной книгѣ Москов. Архива Коллегіи Иностран. Дѣлъ, No 3, л. 79—84, находится слѣдующая выписка: »Начало Посольству Сибирскаго Кучюма Царя со Ца»ремъ и Вел. Княземъ; а се въ грамотѣ начало писа»но, какову Царь и В. К. послалъ къ Кучюму Царю »съ его человѣкомъ съ Аисою по ихъ челобитью: *Бо»жіею милостію отъ Вел. Государя Царя и В. К. »Ивана Васильевича всеа Русіи. . . . Кучюму Царю »Сибирскому слово наше. Прежъ сего Сибирской Еди»геръ Князь на насъ смотрилъ изъ Сибирскіе земли, »со всее на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ. . . .* »На свершенье въ грамотѣ писано: *Въ Государьства »нашего Дворѣ града Москвы, лѣта* 7077 (1569) *Мар-*

»*та мѣсяца.* А се начало писано отъ Кучюма ко Царю и В. Князю съ Посломъ его съ Тамасомъ, да съ гонцомъ Аисою 80 году.« (7080): »*Крестьянскому Бѣлому Царю и В. Князю всеа Русіи*; да на полѣ: *Кучюмъ Богатырь Царь слово наше;* да: *послилъ о томъ, чтобъ его Царь и В. К. взялъ въ свои руки, а дань со всее Сибирскіе земли ималь по прежнему обычаю.* А на свершенье у грамоты написано: *писано съ нишаномъ;* а лѣта не написано. И Царь и В. К. Сибирского Царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и въ оберегапье принялъ, и дань на него положилъ на годъ тысячю соболей, да Посланнику Государьскому, который по дань пріѣдетъ, тысячу бѣлокъ; да и грамоты и записи тому пописаны; а къ Кучюму Царю съ жалованною грамотою посылалъ Государь своего сына Боярского, Третьяка Чабукова, и запись, какову написали Посолъ Тамасъ, да гонецъ Аиса, и шерть по ней учинили, покрѣпити, да и дань у Кучюма Царя взяти. А се начало въ Государевѣ грамотѣ: *Всемогущаго, безначальнаго Бога не изреченнымъ милосердіемъ Крестьянскаго Закона единъ правый Царь и В. К. всея Русіи . . . Сибирскіе земли начальнику, Кучюму Царю, милостивое слово любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслью, великое защищенье и богособныге нашіе власти всего твоего Улуса людемъ безстрашное пребываніе, и крѣпкое слово то. . .* А въ свершеніе писано: *И того для къ сему ярлыку на большое укрѣпленье золотую свою печать есми приложилъ. Отъ созданія Адамля лѣта* 7080 *Октября* (г. 1571) *писанъ въ Государьства нашего Дворѣ града Москвы, а вашего* (Эгиры) *лѣта* 979. А се начало въ записи шертной, которую написали Посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса, да и къ шерти на той записи приведены: *Божіимъ изволеніемъ и Царя и В. К. Ив. Вас. всеа Русіи жалованьемъ язъ Кучюмъ посылалъ есми своего Посла и гонца, бьючи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и* 1000 *соболей послалъ есми. . . и Посолъ нашъ и гонецъ, благодаря Бога и Царя и В. К. жалованье, нашею душею и*

»*всѣхъ нашихъ добрыхъ людей душею, и всѣхъ черныхъ* »*людей душею, Царю и В. К. роту крѣпкую и шерть* »*дали на сей записи.* . . А свершеніе въ записи: *Язъ* »*Кучюмъ Царь печать свою приложилъ, а лутчіе Си*»*бирскіе люди руки свои приложили; а сю шертную за*»*пись писалъ Магмедбакъ Хозесеиповъ сынъ лѣта* (Эги»ры) 979. А въ приписи: *А на томъ на всемъ язъ* »*Посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса за Государя своего, Ку*»*чюма Царя, и за всѣхъ его лутчихъ людей, и за всю* »*землю Сибирскую, крѣпко есмя шерть учинили на* »*томъ, какъ будетъ у Государя нашего Посланникъ* »*Третьякъ Чабуковъ, и Кучюму Царю и лутчимъ его* »*людемъ на сей записи и на Царевѣ и В. К. жаловаль*»*номъ ярлыкѣ шерть учинити, и печать своя къ сей запи*»*си Государю нашему, Кучюму Царю, приложил ти...* »*а печатей нашихъ моее Тамасовы и моее Аисины и* »*рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому что грамо*»*тѣ и писати не умѣемъ.* А въ рѣчи Третьяку велѣ»но отъ Государя Кучюму Царю поклонъ правити и »рѣчь говорити по наказу.«

Въ семъ же Архивѣ нашелся списокъ слѣдующей Кучюмовой грамоты къ Царю, писанной до заключенія договора: »*Богъ богатъ.* Вольной человѣкъ Кучюмъ »Царь, Великій Князь Бѣлый Царь. . . Съ нашимъ »отцемъ твой отецъ гораздо помирився, и гости на »обѣ стороны ходили.... Земля твоя близка; люди »наши въ упокоѣ были.... А по ся мѣста грамоты »къ тебѣ не посылалъ есми по тому, что не съ ко»торымъ намъ война была: и мы того недруга взяли, »а нынѣ похочь миру, и мы помиримся, а похочь во»евати ся, и мы воюемся. Пяти, шти человѣковъ въ »поиманьѣ держать, землѣ въ томъ што? Язъ пошлю »Посла и гостей, да гораздо помиримся,« и проч. См. *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 52.

(249) См. *А. Нев. Лѣт.* г. 1563. Въ *Титулярникѣ* (см. выше, примѣч. 247) упоминается еще о грамотѣ Царя къ Тюменскому Князю Токлую и къ Шевкалу Князю въ Апрѣлѣ 1559 года (см. Т. VIII, стран. 264), къ Азиму Юргенскому или Хивинскому въ Апр.

1561, и въ семъ же году къ Мааметъ-Дербышю Царю, *сусѣду ближнему, Ташкенстьскихъ странъ сдержателю.* Тамъ же вписана слѣдующая любопытная слогомъ своимъ грамота Самаркандскаго Царя Сеита 1567 года: »Въ великихъ превеличайшему и превысочайшему Властелю многимъ землямъ. . . Дарей и Соломонъ, и Феридунъ, и Хосревъ были въ Государехъ »честны; а ты (Іоаннъ) ихъ превыше. . . Нашего времени Государи предъ тобою унижаются. . . . Какъ »солнце осіяетъ свѣтомъ вселенную, такъ же и ты »по странамъ славишься, аки мѣсяцъ во звѣздахъ . . . »и желаніе свое отъ Бога получаешь, а приходящихъ »иноземныхъ иновѣрцовъ не оскорбляешь: всякому по »своей волѣ на свои промыслы приходъ и отходъ у »тебя доброволенъ. Твоихъ Государьствъ люди и иныхъ »земель люди подобны есть свѣчѣ: какъ свѣча зажжется, тму освѣтитъ: такъ и они хотѣніе свое исполняютъ отъ твоего *исправедливства.* Твое благотвореньe подобно древу плодовитому: какъ древо плодъ »даетъ людемъ на прохлаженье, такоже благоправіемъ »твоимъ богатѣютъ люди. . . . Высочайшества твоего счастье предъ иными, что небо отъ земли. И подобенъ еси Гамаюну. . . Царь Царемъ еси. . . Подобенъ еси Олександру. Куда учнешь путьшествовати, »и то мѣсто исполнится свѣтлѣйшаго счастія. . . . »А сабля твоя уподобися ключу: ключомъ замки отмыкаются: такъ же которыхъ земель дороги затворятся, и ты своею саблею дороги отворяешь. . . . »Въ кою страну пойдешь, и отъ твоего стремени »свѣтлость учнетъ быти во вселенную. . . . Прежніе два Государя были, Зеимъ да Арабъ: только бы »ты былъ въ то время, и приложилъ бы еси пятно »свое (печать) къ какимъ зверемъ ни буди: и вы бы »(люди), сходясь, у тѣхъ звѣрей ноги цѣловали; не вредили бъ ничѣмъ, боязь грозы твоей. . . *Писано золотомъ: Салтанъ Саидъ Царь, Абусаидъ Царевъ сынъ.«* Отвѣтъ Іоанновъ писанъ въ Мартѣ 1567.

(250) См. *Алекс. Нев. Лѣт.* О пребываніи Россіянъ въ Азовѣ см. Дѣла Крымск. No 13, л. 258.

(251) См. *А. Нев. Лтт.*

(252) См. Виллебрант. Chron. и Petersburg. Journal IX, 142).

(253) См. Т. VIII, стр. 278. Дженкинсонъ былъ въ Москвѣ еще въ 1561 и въ 1566 году. Онъ покупалъ для Іоанна въ Персіи драгоцѣнные камни и шелковыя ткани. См. Гаклуйта Navigations 384, 418 и 421.

(254) Pound (Гакл. 427); но не должно ли читать: *съ пуда?* — Если Совѣтъ Опричнины (Counsaile of the Opressini) не умѣлъ разобрать тяжбы между Англичаниномъ и Русскимъ, то рѣшили ее жеребьемъ (см. ниже). — Совѣтники Царскіе могли взять виновнаго Англичанина подъ стражу и описать его имѣніе, но единственно съ вѣдома Царскаго. — Далѣе сказано въ семъ Царск. уставѣ: »только общество Лондонскихъ купцевъ присылаетъ корабли въ гавань Св. Николая, и черезъ Россію торгуетъ съ Персіею; но въ Нарвѣ и въ иныхъ городахъ Ливонскихъ торгуютъ, вмѣстѣ съ Англичанами, и всѣ другіе купцы. . . Англичане судятся между собою по своимъ законамъ. Дано 20 Іюня 1569.« См. Гаклуйт. Navig. 425—429.

(255) Тамъ же, стр. 378.

(256) Онъ присталъ къ монастырю Св. Николая 28 Іюля 1568. Тамъ было 20 Иноковъ, неученыхъ, но гостепріимныхъ. Въ Колмогорахъ Англичане имѣли нѣсколько прекрасныхъ домиковъ. Вологда, гдѣ Іоаннъ построилъ новую каменную крѣпость, славилась богатымъ купечествомъ. Отъ Вологды до Москвы мѣста казались Рандольфу пріятными: онъ видѣлъ частыя селенія, хорошія поля и луга. Сказываетъ, что изъ Ярославля Англичане ѣздили обыкновенно Волгою въ Астрахань, и для того построили большое судно, какого дотолѣ не видали въ Россіи, и которое стоило имъ не болѣе ста марокъ. — 28 Февр. позвали Рандольфа во дворецъ: услышавъ отъ него имя Елисаветы, Іоаннъ всталъ и спросилъ объ ея здоровьѣ. Даръ Королевинъ состоялъ въ серебряномъ покалѣ, украшенномъ рѣзьбою, съ разными надписями. Царь, отпуская его, сказалъ: »Важныя дѣла не позволяютъ мнѣ

»обѣдать нынѣшній день съ гостями, но я пришлю »тебѣ кушанье съ моего стола.» Немедленно явился въ Посольскомъ домѣ знатный сановникъ, за коимъ пять человѣкъ несли серебряныя блюда или чаши съ яствами, хлѣбъ, вина и проч. Сей Царедворецъ долженъ былъ отвѣдывать и кушанье и питье. Черезъ нѣсколько дней, въ темную, холодную ночь, велѣли Рандольфу итти въ Русскомъ платьѣ къ Царю для тайнаго свиданія. На другой день Іоаннъ уѣхалъ въ Слободу, возвратился черезъ 6 недѣль, и отпустилъ его съ Савинымъ въ *Лондонъ* (куда они пріѣхали въ Сент. 1569). Сверхъ выгодъ, исходатайствованныхъ Рандольфомъ для своего купечества, Іоаннъ для него выпустилъ изъ темницы Фицгерберта, обвиняемаго въ сочиненіи какихъ-то дерзкихъ писемъ; простилъ Томаса Грина, уличаемаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Посломъ, и Андрея Атертона, на коего доносили, что онъ пересылаетъ въ *Лондонъ* письма Англ. купцевъ. Позволивъ Англичанамъ искать пути въ Китай, Царь обѣщалъ Рандольфу, чрезъ К. Аѳанасья Вяземскаго и Петра Григорьевича, не слушать навѣтовъ какого-то Бенета Бутлера и другихъ Англичанъ, враговъ Лондонскаго Общества, торгующаго съ Россіею.

(257) Англійская грамота Елисаветина писана на пергаменѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стерлась; но можно вездѣ угадать смыслъ, объясняемый также Рускимъ современнымъ переводомъ, который сохранился въ Москов. Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ.

(258) См. въ Гаклуйт. Navig. стр. 454, въ запискѣ Дженкинсоновой.

(259) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1570, Таубе и Крузе (стр. 230).

Выписка изъ лѣтописей сего времени. Г. 1564. Мар»та въ 12 поставленъ въ Казань Германъ Архіепи»скопъ. . . . Велѣлъ Царь сдѣлати печать въ вотчину въ »Вифлянскую, во градъ Юрьевъ; а на печати клейно »орелъ двоеглавный, а у орла у правые ноги гербъ;

»печать Маистра Ливонского; а у лѣвые ноги гербъ, »печать Юрьевского Бискупа; около же печати под»пись Царского Величества Боярина и Намѣстника »Вифлянскіе земли печать; и тою печатью велѣлъ гра»моты перемирные съ Свейскимъ Королемъ печатати »и грамоты въ иные Государьства... — Г. 1565. »Марта въ 18 поставленъ бысть Коломенской Епи»скопъ Іосифъ, а Апр. въ 8 поставленъ на Крутицы »въ Епископы Галахтіонъ. . . Сент. въ 1 Государь ве»лѣлъ сдѣлать печать нову въ В. Новгородѣ, Намѣст»никамъ печатати перемирные грамоты съ Свейскимъ »Королемъ; а на ней клейно мѣсто, а на мѣстѣ по»сохъ; а у мѣста съ сторону медвѣдь, а съ другую »сторону рысь; а подъ мѣстомъ рыба; а около пе»чати подпись: Царьскаго Величества Боярина и На»мѣстника печать. — Г. 1566. . . Августа въ 11 по»ставленъ въ Архіепископы въ Полтескъ Суждальской »Владыка Аѳанасій... Сент. въ 25 преставись Никандръ, »Епископъ Ростовскій, на Москвѣ, и положенъ у Трои»цы въ Серг. монастырѣ. — Г. 1567. . . Ген. въ 14 »преставися Акакій, Еписк. Тферскій, а бысть па »Еписк. 24 лѣта. . . . Генв. въ 19 поставленъ Кор»нилей, Архіеп. Ростовскій: . . Іюля поновленъ бысть »образъ Пречистыя Владимерскіе Лукина письма Еван»гелиста, златомъ и каменіемъ украшенъ многимъ, что »стоитъ въ Соборной въ Пречистой; а поновлялъ »бывшій Митрополитъ Аѳанасій.

(260) О мнимомъ отравленіи Маріи см. ниже, въ описаніи Собора по случаю *четвертаго* брака Іоаннова. Она погребена въ Москов. Вознес. Дѣвичьемъ монастырѣ; въ надписи гроба означенъ день ея кончины. См. также Дѣла Польск. No 7, л. 1220. О милостынѣ см. въ Legat. Muscov. per P. Juusten, Samml. Russ. Gesch. X, 151.

(261) См. Т. VIII, стр. 239.

(262) См. выше, въ грамотѣ Боярина Яковлева.

(263) См. сей Томъ, стр. 51.

(264) См. *А. Нев. Лѣт.*

(265) См. выше, стран. 146.

*

(266) См. Розряд. (*Вивліов*. XIII, 397); также Таубе и Крузе 213—218.

(267) Таубе и Крузе. Гваньини увѣряетъ, что Кн. Владиміра оклеветалъ Дьякъ Третьякъ Висковатой. — Евдокія Романовна была второю супругою Владиміровою (см. Т. VIII, примѣч. 509).

(268) См. Таубе и Крузе 217. Согласно съ симъ извѣстіемъ пишетъ и Данскій Посолъ Ульфельдъ, бывшій у насъ въ 1578 году. (Hodoeporicon 14). По сказанію Гваньини, К. Владиміру отсѣкли голову; а Одерборнъ, называя его Георгіемъ, сказываетъ, что онъ былъ зарѣзанъ. См. еще Синод. Библіот. No 87, Библіот. Академіи Наукъ No 111, и Гейденштейна de bello Moscow. 335. Таубе и Крузе находились тогда при Царѣ.

(269) См. Курбскаго, и *Поминаніе* Кирил. монастыря.

(270) См. выше, и *Библіот. Акад. Н*. No 111.

(271) Т. VIII, примѣч. 176.

(272) Оно было въ 1509 году: см. Т. VII.

(273) См. *Лѣт. Новогород*. Малинов. г. 1569.

(274) См. Хилкова *Ядро Рос. Ист*. стр. 242. — *Москов. Лѣт*. л. 4 (въ Синод. Библіот. No 92), Архив. *Псков. Лѣт*. л. 21, Таубе и Крузе 218.

(275) Таубе и Крузе 219.

(276) См. рукоп. *Житіе* Св. Филиппа, и въ Прологѣ, Іюля 3.

(277) См. *Лѣт. Соловец. Монастыря.* Мощи Филипповы были перенесены въ Москву по желанію Патріарха Никона и ходатайству Князя Ив. Никитича Хованскаго.

(278) См. сей *Исторіи* Т. IV. Таубе и Крузе увѣряютъ, что всѣхъ людей изгибло тогда не менѣе 90000, а послѣ умерло отъ голода втрое болѣе: это число можетъ быть ошибкою, вмѣсто 9000. — Когда рѣзали Крымцевъ въ Торжкѣ, одинъ изъ нихъ, видя Іоанна стоящаго за убійцами, кинулся на него, но былъ изрубленъ воинами. Сіи плѣнники убили трехъ Царскихъ чиновниковъ. — Въ числѣ опустошенныхъ

мѣстъ именуются здѣсь Выдропускъ или Выдробожскъ, Хотилово, Едрово, Яжелбицы, Валдаи, Кресшцы, Зайцово, Бронницы.

(279) См. *Москов. Лѣт.* (въ Синод. Библіот. No 92) и Архив. *Ростов.*, коимъ слѣдую въ описаніи сего Новогородскаго душегубства.

(280) *Москов. Лѣтописецъ* говоритъ, что съ Царемъ было, сверхъ другихъ воиновъ, 1500 Стрѣльцовъ. По сказанію Таубе и Крузе, число всѣхъ ратниковъ простиралось до 15,000.

(281) См. *Москов. Лѣт*, также Таубе и Крузе 222.

(282) См. *Москов. Лѣт.* л. 9.

(283) Таубе и Крузе 222 и Гваньини 264. Умалчиваю о нѣкоторыхъ подробностяхъ.

(284) См. Архив. *Псков. Лѣт.* л. 21. Таубе и Крузе полагаютъ около 27,000 убитыхъ; а Гваньини 2770 гражданъ, кромѣ женщинъ и черныхъ людей. Курбскій пишетъ, что Іоаннъ *въ одинъ день* умертвилъ 15 тысячь Новогородцевъ. Въ Царскомъ *Поминаніи* Кирилловскаго монастыря сказано: »Помяни, Господи, ду»ши рабъ своихъ 1505 человѣкъ,« а вверху приписано: »Новогородцевъ.«

Въ рукописномъ Устюжскомъ Лѣтописцѣ: »Когда »грозный Царь Ив. Вас. казнилъ Новогородцевъ, то»гда нѣціи отъ гражданъ совѣщавшеся усовѣтовали »тайно избѣжати изъ Новагорода и вселитися въ пус»тѣ мѣстѣ, идѣ же Богъ наставитъ. . . И тако стран»ствовали по лѣсамъ, пустынямъ и непроходимымъ »мѣстамъ, донелѣ же достигли рѣки Лалы, отъ Ус»тюга на Сибирь въ разстояніи 80 верстъ, и ту по»селилися и начали размножатися и нарекошася »по имени рѣки Лалечане; а нынѣ уже тамъ имѣютъ »пространное селеніе, Лальскій погостъ; а посадскіе »люди имѣютъ тамъ села и деревни; внутрь же го»рода Соборная церковь, да три приходскія, да по »край города Архангельская Пустыня, все каменнаго »строенія.«

(285) Таубе и Крузе пишутъ, что со времени Іеру-

салимскаго разрушенія не бывало голода подобнаго тогдашнему Новогородскому.

(286) См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(287) См. Архив. *Псков. Лѣт.* л. 21—23, и Гваньини 266.

(288) См. Архив. *Псков. Лѣт.* л. 22 на об., Таубе и Крузе 223, и Флетчера Of the Russe Common-Wealth, стр. 91. Они пишутъ, что Никола сказалъ Царю: »Ивашко! Ивашко! долго ли тебѣ лить непо»винную кровь Христіанскую?« и проч. См. также Горсея (Horsey) Treatise of Russia и Георга Гофа (Georg van Hoff Tyranney Johannis Basilides 11.)

(289) См. въ Москов. Архивѣ Иностр. Коллегіи, *Переписную Книгу Польскаго Приказа* 1626 года, No 2, л. 423—425.

См. также наказъ Князьямъ Канбарову и Мещерскому, въ 1571 г. посланнымъ въ Литву. (Дѣла Польскія No 9, л. 384). — Замѣтимъ, что Іоаннъ не упрекалъ симъ мнимымъ ковомъ ни Сигизмунда, ни Курбскаго (въ новой съ нимъ перепискѣ, о которой будемъ говорить ниже). Если Пименъ, Фуниковъ, Висковатой, Басмановы, Вяземскій хотѣли *тайно извести* Іоанна, то какую нужду имѣли они въ содѣйствіи Литвы? для чего было имъ отдавать Новгородъ Сигизмунду? и могъ ли бы Царь оставить Псковъ безъ наказанія, если бы сей мнимый заговоръ былъ доказанъ?

(290) См. Гваньини 267, и Рихтера *Исторію Медицины въ Россіи*, I, 285.

(291) См. Гваньини и Розряды 1567 г. (*Вивліоѳ.* XIII, 393).

(292) Гваньини 287, Таубе и Крузе 225. Послѣдніе говорятъ, что Іоаннъ для совершенія сей казни ждалъ отъѣзда Литов. Пословъ и Герцога Магнуса изъ Москвы (см. ниже).

(293) *Плетью*, какъ пишетъ Гваньини. — Въ Турецкихъ дѣлахъ (No 2, л. 130) упоминается о грамотѣ Висковатаго, писанной имъ къ Пашѣ Кафинскому, вѣроятно съ вѣдома Государева: кажется, что она

служила Іоанну предлогомъ къ обвиненію сего несчастнаго въ тайной связи съ Султаномъ.

(294) Умалчиваю о нѣкоторыхъ гнусныхъ подробностяхъ. Одерборнъ хотѣлъ еще раскрасить ихъ!

(295) Гваньини 294. Опять избавляю себя и читателей отъ подробностей. Женою Фуникова была сестра Кн. Аѳанасья Вяземскаго.

(296) См. Гваньини 269.

(297) Курбскій два раза говоритъ, что Ѳедоръ Басмановъ, исполняя повелѣніе Іоанна, умертвилъ отца. См. еще Синод. Библіот. No 364, л. 851, и Гваньини, стр. 279.

(298) Ѳедоръ Басмановъ въ *Спискѣ Бояръ и Чиновниковъ* поставленъ выбылымъ или убитымъ около 1570 — 1571 годовъ. — О Пименѣ см. Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(299) Гваньини 295, и разныя Лѣтописи.

(300) Гваньини, Курб., Таубе и Крузе; см. также *Списокъ Бояръ* (*Вивл.* XX, 51). Сей Воевода убитъ 20 Іюля, 1570.

(301) См. Курбск.

(302) Т. VIII, стр. 84 и 92.

(303) Т. IV, стр. 278.

(304) См. Курбск. и нашей *Исторіи* Т. VIII, стр. 353.

(305) Т. VIII, стр. 22.

(306) См. Курбск.

(307) См. Курбск. и Розряды (*Вивліов.* XIII, 338).

(308) Гваньини 283.

(309) См. Курбск.

(310) См. тамъ же.

(311) См. выше, стр. 114; также рукопись Библіот. Синодальной, No 364, л. 851, Курбскаго, Таубе и Крузе 225.

(312) См. Гваньини Rer. Polon. 274. Онъ пишетъ, что сіе бывало большею частію въ зимнее время, когда Іоаннъ изъ дворца своего видѣлъ людей катающихся на льду. См. также Архив. *Новогород. Лѣт.*

Малинов. О Кн. Гвоздевѣ упоминается въ Розрядахъ 1567 года, между Головами (*Вивліов.* XIII, 393).

(313) Гваньини 254.

(314) Тамъ же, стр. 285.

(315) См. въ рукописи Библіот. Синод. No 364, л. 851, и Курбск.

(316) См. Лѣтопись Димитрія Ростов. (Синод. Библіот. No 87, л. 206).

(317) См. въ бумагахъ, сообщенныхъ изъ Мекленбургскаго Шверинскаго Архива Е. С. Гр. Н. П. Румянцеву, письмо изъ Москвы отъ 24 Іюня 1570, писанное сановникомъ Короля Польскаго, бывшимъ тогда въ Москвѣ для заключенія мира.

(318) См. *Морозов. Лѣт.* Далѣе см. Гаклуйт. Navig. 453. — Строгія, необходимыя мѣры, къ коимъ прибѣгали тогда въ случаѣ язвы, были осуждаемы нѣкоторыми ревностными Иноками: см. грамоту Старца Филоѳея, Елизарова монастыря, къ Дьяку Великокняжескому, Михайлу Григорьевичу Мисюрю, писанную въ государствованіе Іоаннова отца (въ рукописи XVII вѣка, принадлежащей Графу Ѳ. А. Толстому).

(319) См. Дѣла Польск. No 9, стр. 1—319. Съ Послами было 718 людей, да купецкихъ 643; а лошадей 900. — Въ выпискахъ Альбертранди изъ Ватиканской Библіотеки (см. Т. III, примѣч. 112) нашелъ я Discorso di Monsignor Gerio, Priore d'Inghilterra, mandato da Venezia, del trattamento che uso il Duca di Moscovia alli Ambasciatori Pollacchi, e d'una invasione che fecero gli Tartari in quei paesi, al Doge di Venezia (ex codice manuscripto, inter veteres Vaticanos 6786, p. 108). Сей Пріоръ Джеріо, бывъ у насъ (въ 1570 г.) вмѣстѣ съ Королевскими Послами, описываетъ Венеціанскому Дожу свирѣпство Іоанново.

(320) Въ наказѣ, данномъ симъ Посламъ, Кн. Ивану Магметевичу Канбарову и Кн. Григорью Путятину, сказано: »беречь на-крѣпко, чтобы Король на обѣихъ »грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо

»губами, а не въ подножіе, и не мимо креста, да и не »носомъ.«

(321) Арнтъ 257.

(322) Кельхъ 287, 288.

(323) См. въ бумагахъ Архива Мекленбургскаго (выше, примѣч. 327) письмо Датскаго Короля Фридерика къ Герцогу Ульриху Мекленбургскому, съ прибавленіемъ отъ 30 Апр. 1570.

(324) Кельхъ 292.

(325) См. въ бумагахъ Меклен. Архива письмо Герцога Ульриха къ Императору Максимиліану, съ прибавленіемъ, отъ 24 Сент. 1571. См. также Кельха 293. Магнусъ былъ у Царя въ Маѣ и въ Іюнѣ 1570.

(326) См. Розрядн. Кн. и *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(327) Кельхъ 295—299, и Гадебушъ г. 1570 и 1571.

(328) Такъ у Кельха. См. также *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(329) Въ тоже время Россіяне и Нѣмецкая Магнусова конница безъ успѣха приступали къ Виттенштейну. — Магнусъ въ письмѣ своемъ къ Императору говоритъ, что онъ не могъ сладить съ Россійскимъ мятежнымъ войскомъ, и для того отпустилъ его (см. выше, прим. 325).

(330) Сей миръ былъ заключенъ 13 Дек. 1570: см. Далина.

(331) См. Кельха 303 и письмо Магнуса къ Императору (выше, прим. 335 и 339).

(332) См. ихъ донесеніе Герцогу Курляндскому въ Эверс. Sammlung Rus. Gesch. X, 1.

(333) См. прибавленіе Магнусова письма къ Императору (см. выше, прим. 329).

(334) См. прибавленіе Ульрихова письма къ Императору.

(335) Далинъ, Gesch. des R. Schw., г. 1571, стр. 18.

(336) Ив. Новосильцовъ выѣхалъ изъ Москвы 24 Генв. См. Дѣла Турецк. No 2, л. 1—140.

(337) Тамъ же, л. 23, 170 и 171.

(338) Въ Мартѣ 1571 былъ посыланъ въ Константинополь Андрей Ищеинъ-Кузминской (см. тамъ же

л. 141 и слѣд.), съ объявленіемъ, что Іоаннъ соглашается уничтожить крѣпость въ Кабардѣ и даетъ свободный пропускъ торговымъ людямъ изъ Астрахани въ Турцію. Тогда же купецъ Борзуновъ повезъ Царскую милостыню въ монастыри Греческіе. — Ищеинъ возвратился въ Дек. 1572 г.

(339) Дѣла Крымск. No 13, л. 273.

(340) Тамъ же, л. 285 на об. — О требованіяхъ Хана см. тамъ же, л. 300 и далѣе.

(341) См. Розряд. 1570 г. (въ *Росс. Вивліоѳ.* XIII, стр. 400—412).

(342) Дѣла Крымск. No 14, л. 25.

(343) См. Розрядн. Кн.

(344) Такъ въ Лѣтописцѣ Щербатовскомъ, который, вмѣстѣ съ другими любопытными рукописями библіотеки Графа А. И. Мусина-Пушкина, сгорѣлъ въ Московскій пожаръ незабвеннаго 1812 года. См. *Исторію Росс.* К. Щербатова, Т. V, Кн. XII, стр. 278 — 280.

(345) См. въ числѣ бумагъ, присланныхъ Графу Румянцову, изъ Брит. Музея, письмо одного Англичанина, который былъ тогда въ Москвѣ.

(346) См. Таубе и Крузе 228, Флетчера (л. 66) и Хронографъ Гр. Толстаго. — О Докторѣ Арнольфѣ см. Jöchers Gelehrt. Lexicon, T. II, 2364. См. также Гаклуйта Navig. 452.

(347) См. письмо Англ. очевидца (см. выше примѣч. 345).

(348) Флетчеръ.

(349) Таубе и Крузе.

(350) Тамъ же, стр. 229.

(351) См. тамъ же.

(352) Дѣла Крым. No 13, л. 403 на об. Нынѣ именуется Братовщина, а въ старину *Братошино.* Тамъ былъ дворецъ Іоанновъ. Далѣе см. л. 404 — 408.

(353) Дѣла Крым. No 14, л. 86.

(354) Таубе и Крузе 231. См. также Списокъ Бояръ (*Вивліоѳ.* XX, 52) и *Новогород. Лѣт.* Малинов. г. 1571. Отецъ Евдокіинъ назывался Богданъ Юрьевичь.

Вмѣстѣ съ нимъ пожаловали въ Бояре Василія Борисов. Сабурова. Отецъ Марѳы Василій Степановичь, дяди Григорій и Василій, а братъ Калистъ.

(355) См. Розрядн. Кн. г. 1571, — Таубе и Крузе 230 и Списокъ Бояръ 51. Гваньини пишетъ (R. P. 259), какъ Іоаннъ обходился съ своимъ шуриномъ: иногда велѣлъ привязывать свирѣпыхъ медвѣдей къ его воротамъ; иногда отнималъ у него имѣніе, иногда возвращалъ ему все съ лихвою, но часто не безъ побоевъ.

(356) Таубе и Крузе 230, — Розряды въ *Вивліоѳ.* XIII, 390,—Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 51, 52, и Курбск. О Докторѣ Елисеѣ см. выше, стран. 156; о Соломонидѣ Т. VII, стр. 143. *Григорій Грязной* (см. Дѣла Швед. No 2, л. 122 на об., и Acta Leg. Muscov. per Paulum Iuusten, стр. 162) былъ не отецъ, а братъ Василія Григорьевича Грязнаго, о коемъ мы упоминали и еще упомянемъ.

(357) См. дѣяніе Собора, о коемъ ниже въ примѣч. 369, и *Новогород. Лѣт.* Малинов.

Въ одной изъ Розрядн. Книгъ находится описаніе сей третьей Іоанновой свадьбы (см. *Вивліоѳ.* XIII, 92).

(358) См. Дѣла Польск. No 10, л. 204.

(359) См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(360) См. Дѣла Швед. No 2, л. 219, 227, и Розрядн. (*Вивліоѳ.* XIII, 442).

(361) См. выше, стран. 143, Эверс. Samml. Russ. Gesch. I, 143, Acta Leg. Muscov. per Paulum Iuusten, и Дѣла Швед. No 2, л. 108 и слѣд. Сдѣлавъ съ ними тоже, что Шведы сдѣлали съ нашими Послами въ Стокгольмѣ — т. е. обругавъ, обезчестивъ ихъ всенародно — Епископа Павла и товарищей его отвезли изъ Новагорода въ Москву (въ Февр. 1570), гдѣ въ Іюнѣ были съ ними переговоры, чрезъ Ивана Мих. Висковатаго (л. 137), коему уже готовилась тогда лютая казнь! Герцогъ Магнусъ, пріѣхавъ тогда въ Москву, какъ пишетъ Епископъ Павелъ (Leg. Muscov. 168), старался питать въ Царѣ злобу на Шведовъ.

Пословъ сослали въ Муромъ. Въ наказѣ Приставамъ сказано: »чтобы къ нимъ не приходилъ никаковъ че»ловѣкъ, ни Руские, ни Нѣмцы, ни выѣзжіе люди . . . »и ворота держати заперты, а на ночь замыкати.« Такъ содержались они болѣе года. Изъ людей ихъ умерло отъ язвы 15 человѣкъ. Между тѣмъ Король Шведскій присылалъ къ Царю двухъ гонцевъ, прося отпустить къ нему Епископа Павла и желая прислать къ намъ новаго Посла. 28 Ноября 1571 Послы выѣхали изъ Мурома, 8 Декабря нашли Царя въ Клину, и за нимъ пріѣхали въ Новгородъ.

(362) Л. 212.

(363) Acta Leg. Muscov. 180, 181.

(364) Дѣла Швед. No 2, л. 222.

(365) См. тамъ же, л. 227 — 231, и Leg. Muscov. 182.

(366) Дѣла Швед. л. 236. Въ письмахъ къ Швед. Королю Іоаннъ именовалъ себя Самодержцемъ, и начиналъ оныя пышными словами.

(367) См. Розряды въ *Вивліоѳ.* XIII, 423, и *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(368) Февраля 28. См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(369) См. дѣяніе сего Собора въ *Вивліоѳ.* XIII, 104.

(370) Тамъ же. Подписали сверхъ Архіепископовъ, Святители: Макарій Вологодскій, Варлаамъ Суздальскій, Сильвестръ Смоленскій, Сергій Рязанскій, Савва Тверскій, Давидъ Коломенскій, Германъ Сарскій—Архимандриты Вассіанъ Спасскій, Евфимій Чудовскій, Ѳеодосій Троицкій, Іона Луженскій, Вассіанъ Солочинскій — Игумены Ѳеодосій Богоявленскій, Кипріанъ Пафнутьевскій, Ѳеодоритъ Колязинскій, Евфимій Колоцкій, Тихонъ Угрѣшскій, Авраамъ Даниловскій.

См. также *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(371) Въ *Больш. Чертежѣ* упоминается о *рѣкѣ Орлѣ*, впадающей въ Осколъ; но здѣсь говорится о рѣкѣ Орели (нынѣ Орликѣ) впадающей въ Оку. Въ *первый разъ*, если не ошибаюсь, встрѣчается имя города Орла въ Розрядахъ 1565 или 1566 года (см. *Вивліоѳ.* XIII, 384), а

имя *Болхова* около 1556 (тамъ же, стр. 267). Преданіе о *древнихъ* Князьяхъ *Болховскихъ* (или Болоховскихъ) относится, можетъ быть, къ тѣмъ, которые въ XIII вѣкѣ имѣли удѣлъ на Бугѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, стран. 21).

(372) См. Гаклуйта Voyages, Travels etc. стран. 452. Антоній Дженкинсонъ приплылъ съ двумя кораблями въ гавань Св. Николая 26 Іюля 1571, и немедленно послалъ къ Царю переводчика своего, Даніила Сильвестра. Дженкинсону сказали, что гнѣвный Іоаннъ хочетъ его казнить; но онъ рѣшился ждать отвѣта, и жилъ въ Колмогорахъ около пяти мѣсяцевъ, не имѣя никакихъ вѣстей изъ Москвы: сіе было во время чумы. Наконецъ, 28 Генв. 1572, велѣли ему ѣхать въ Переславль и въ Александровскую Слободу, гдѣ, 23 Марта, его представили Царю. Дженкинсонъ жилъ весь Апрѣль мѣсяцъ въ Твери, ожидая Царя на пути его въ Новгородъ, и 10 Мая пріѣхавъ къ нему въ Старицу, вручилъ Дьяку Государеву бумагу о своихъ требованіяхъ. Іоаннъ обѣщалъ управу купцамъ Англійскимъ и Дженкинсону; о заведеніи Конторы въ Астрахани и мѣны въ Колмогорахъ не сказалъ ничего рѣшительнаго; продажу хлѣба Горрету дозволилъ; выдать Ральфа Роттера согласился (чего однакожъ не сдѣлалось). Дженкинсонъ въ Вологдѣ ждалъ новой Царской, милостивой грамоты для Англійскаго купечества, но не могъ дождаться. Въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ сего времени сказано: »Пожаловали есмя, поволили го»стемъ Аглинскимъ приходить на кораблехъ въ Двин»скую землю со всякими товары торговать повольною »торговлею, а изъ Двинскіе земли путь имъ чистъ до »Государства нашего, града Москвы, и по всѣмъ горо»домъ Государства; а въ Казань и въ Астрахань хо»дить съ нашего Царского повелѣнія, а безъ нашего »повелѣнія не ходить; а пошлины таможенные съ то»варовъ *платить половину*.« Слѣдственно Іоаннъ уже ограничилъ тогда право ихъ торговать *безпошлинно*.

(373) См. Дѣла Датск. № 2, л. 1—23. Письмо Фридериково было отъ 11 Апр. 1571. Посланникъ его на-

зывался Елисей Изенбергъ. Магнусъ присылалъ съ нимъ своего гонца Каспара. Отвѣтъ Іоанновъ писанъ 27 Іюля того же года.

(374) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 294—299. Съ Гарабурдою было 90 Дворянъ и 187 всякаго званія людей. Онъ настигъ Государя уже въ Клину.

(375) См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(376) См. Розрядн. Кн.—Стриковскій пишетъ, что Молдавскій Воевода Богданъ въ 1572 году уѣхалъ въ Москву: Стефанъ, какъ вѣроятно, былъ его сынъ. Въ 1575 г. Іоаннъ требовалъ отъ Литовскихъ Вельможъ, чтобы они свободно пропустили Богдановыхъ слугъ и Бояръ въ Россію: см. въ Дѣлахъ Польск. No 10, наказъ данный Новосильцеву.

(377) См. Розрядн. Кн.

(378) Тамъ же. О пріѣздѣ Царя въ Новгородъ см. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(379) Дѣла Польск. No 2, стран. 299.

(380) См. ниже, Дѣла Польск. No 10, л. 129—191, Histoire des Diètes de Pol. 8. — Солиньякъ Hist. de P. гл. XXI, 111 — Коялович. Hist. Litv. II, 495, и Дѣла Польск. No 2, 299. Ив. Бабиковъ ѣздилъ гонцемъ къ Королю. Царь ждалъ Литовскихъ Пословъ во Псковъ къ Петрову дни. Сигизмундъ же хотѣлъ прислать ихъ въ Октябрѣ.

(381) См. письмо Хана къ Іоанну отъ 23 Авг. 1572 (Дѣла Крым. No 14, л. 156 и слѣд.)

Лызловъ въ своей *Скиѳской Исторіи* подробно описываетъ сіе нашествіе Хана, взявъ иное изъ Курбскаго, иное изъ Стриковскаго (на примѣръ, что будто бы Іоаннъ велѣлъ отрѣзать губы, уши и носъ Девлетъ-Гиреевымъ Посламъ), а главныя обстоятельства изъ *Повѣсти о бою Воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ Ханомъ*, которую нашелъ я въ *Книгѣ о древностяхъ Рос. Государства*, въ Синод. Библіот. No 52, Т. I, л. 98.

(382) См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(383) См. Хронографъ Гр. Толстаго.

(384 См. мой Хрон. No 1, *Новогород. Лѣт.* и Курб-

скаго. Зять Ханскій, Ила-Мирза, находился въ числѣ убитыхъ (Дѣла Датск. No 2, л. 211).

(385) См. выше, примѣч. 331.

(386) См. *Новогород. Лѣт.* Малинов.

(387) Тамъ же.

(388) Дѣла Шведскія, No 3, л. 1—7. Писано »въ л. 7080, м. Авг. въ 11, Индикта 15.«

(389) См. Т. VII, стр. 10.

(390) Флетчеръ (Of the Russe Common Wealth, л. 25) пишетъ, что Опричнина существовала *семь лѣтъ*. Начало ея было въ 1565 году. Въ Розрядахъ 1572 г. упоминается объ ней въ послѣдній разъ, если не ошибаюсь (см. *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 422). Съ сего времени *земское* означало уже *Государственное:* Воеводы *Опричные* стали называться просто *Дворовыми,* равно какъ и земли, области, города, приписанные ко Двору.

(391) См. въ семъ Томѣ стран. 97.

(392) См. Житіе Св. Филиппа.

(393) См. Розряды въ *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 418 и 427. Въ походѣ 1570 г. Борисъ находился при второмъ *саадакѣ* Царскомъ, а въ 1572 при копьѣ. О свадьбѣ Іоанновой см. выше, стран. 213.

(394) См. Дѣла Крым. No 14, л. 153 и слѣд. Сент. 4, 1572 г., Ханскій гонецъ, Шигай, былъ представленъ Іоанну въ селѣ Лучинскомъ, *на крестьянскомъ дворѣ,* и посланъ въ Дорогобужъ. 29 Ноября, 1573 г., возвратились изъ Крыма Аѳ. Ѳед. Нагой, Писемской и Мясной. Въ Генв. 1574, въ деревнѣ Ядринѣ, у села *Тонинскаго*, представили Царю стараго Посла Ханскаго, Янъ-Болдыя.

(395) Тамъ же, л. 215 и слѣд.

(396) Тамъ же, л. 241 и слѣд.

(397) Грязнаго выкупили въ 1577 году (см. Дѣла Крым. No 15, л. 14). Дивій умеръ въ 1575 году (см. тамъ же No 14, л. 308 и 341). Султанъ приказывалъ къ Хану: »нынѣ-де у меня Казаки Озовъ взяли« (л. 236 на об.) . . Іоаннъ отвѣтствовалъ Хану о Козакахъ: »Мы Литовскимъ Казакомъ къ Турского Сал-

»тапа городу и къ твоему юрту приходить не велѣ»вали. Днѣпровскіе Казаки, издавна на Днѣпрѣ живучи, »свое Козачье дѣло дѣлають; инольды имъ удастся, а »инольды не удастся: а то люди Литов. Государь»ства . . . А что еси писалъ, что Казаки Донскіе »приходили на Азовъ и они не по нашему ве»лѣнью на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего Государь»ства . . . на Дону и на Волгѣ и наши Казны грабли»вали, и мы за то ихъ кажнивали.«

Ханъ присылалъ разныхъ гонцевъ къ Іоанну; а изъ Москвы ѣздили въ Тавриду Ив. Мясоѣдовъ, Елиз. Ржевскій и Степ. Кобелевъ.

(398) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 300—304. Подробное донесеніе гонца Ѳедора Зѣнковича Воропая Коронньмъ (то есть, Польскимъ) и Литовскимъ Вельможамъ находится въ выпискахъ изъ Ватиканской Библіотеки (см. выше, примѣч. 329), No 42: Słowa Wielkiego Księdza Moskiewskiego przy odprawie Fedora Zienkowicza. Сіи любопытныя бумаги, на языкѣ Лат., Итал. и Польскомъ, скоро будутъ изданы Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ съ Русск. переводомъ.

(399) Современный Польскій Историкъ, Лука Горницкій въ книгѣ своей: Dzieje w Koronie Polskiey, изданной въ Варшавѣ 1805 г., на стран. 466, пишетъ, что Сигизмундъ Августъ въ 1563 г. предалъ суду Викторина, коего слуга, Ястребской, былъ пойманъ на границѣ съ измѣнническимъ письмомъ къ Царю Московскому; что его (Викторина) уличили въ зломъ умыслѣ и четвертовали, а слугѣ Ястребскому отсѣкли голову. »Викторинъ, говоритъ Царь, писалъ ко мнѣ, »но я не отвѣчалъ ему.«

(400) См. въ семъ Томѣ стран. 234.

(401) См. *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 435 — Кельха 304, 308, — Гадебуш. 159, и Архив. Розряд. Кн.

(402) См. *Обиход. Іосифова Монастыря* Волоколамскаго.

(403) См. Дѣла Швед. No 3, л. 7 и слѣд.

Въ нашихъ Архив. Дѣлахъ нѣтъ бранныхъ отвѣтовъ на сіи грамоты; но Король, не уступая Іоанну въ ругательствѣ, писалъ къ нему 2 Авг. 1572 и 18 Апр. 1573, что онъ (Царь) совсѣмъ не благовоспитанный человѣкъ, кажется сыномъ *Монаха* или крестьянина, говоритъ о родѣ Шведскихъ Королей какъ слѣпой о цвѣтахъ, лжецъ, тиранъ и проч. (см. Далина, гл. XII, 29).

(404) Кельхъ 310. Далинъ называетъ Швед. Генерала Clas Tott. См. еще Архив. Розряд. Кн. 482.

(405) Швед. Дѣла No 3, л. 32.

(406) См. Розряды, въ *Росс. Вивліов.* XIII, 434, 443. Первое войско было послано къ Казани осенью 1572 г., а черезъ годъ второе, сильнѣйшее въ Муромъ, съ Боярами К. Ив. Ѳед. Мстиславскимъ, Ногтевымъ-Суздальскимъ, Морозовымъ, Никит. Ром. Захарьинымъ-Юрьевымъ, Ив. Шереметевымъ и проч. »И Казанскіе люди въ Муромѣ добили челомъ.«

(407) Кельхъ (стр. 311).

(408) О коихъ см. въ письмѣ Герц. Ульриха (выше, примѣч. 325).

(409) Сіе *прощаніе Іоанна* съ *Магнусомъ* нашелъ я между бумагами Мекленбургскаго Архива: Letzlicher Abschiedt von Grosfursten etc., въ приложеніяхъ грамоты Короля Датскаго Фридерика къ Герцогу Мекленбургскому, отъ 19 Дек. 1573. Фаренсбекъ или Фаренсбахъ бѣжалъ тогда изъ Россійскаго стана. Не сей, а вѣроятно другой *Фаренсбакъ* (Дитрихъ) былъ взятъ въ плѣнъ Шведами въ 1574 году (см. Далина, гл. XIII, 46).

(410) Въ сихъ же Мекленбургскихъ бумагахъ, мнѣ сообщенныхъ, находится описаніе Фелингова (Zacharias Vheling) Посольства къ Царю, въ Февр. 1573. Фелингъ видѣлъ въ Новѣгородѣ прибытіе Литовскаго Посла Гарабурды (см. ниже) и Короля Магнуса (4 Апр., на двухъ стахъ подводахъ). Іоаннъ сказалъ: »Нѣмцы »мнѣ извѣрились (halten mir wenig Farbe): посмотрю, »что будетъ далѣе.« Сіе худое къ нимъ расположеніе Царя происходило отъ измѣны Таубе, Крузе и Фаренсбека (или Фаренсбаха), какъ думалъ Фелингъ. 19 Апр.

Государь уѣхалъ въ Москву, чтобы взять мѣры противъ Хана Крымскаго.

(411) Василій Чихачевъ: см. Дѣла Швед. No 3, л. 33 и слѣд.

(412) Тамъ же, л. 111—116. Сей Чихачевъ умеръ въ Швеціи. Іоаннъ еще посылалъ къ Королю гонца Пивова, толмача Николаева и Дм. Болотникова. Въ слѣдствіе того Бояринъ К. Вас. Андр. Сицкой-Ярославской, Дворянинъ и Намѣстникъ Пронской, К. Петръ Ив. Борятинской, и Дьякъ Царскій Лихачевъ выѣхали па рѣку Сестру весною въ 1575 году.

(413) См. Далина, гл. XIII, 53.

(414) См. Дѣла Швед. No 3, л. 122—258. Въ подписи договорной грамоты: »писана на Сестріи рѣкѣ, »на берегу Государя Царя и В. К. сторонѣ, на Го»сударевѣ вотчинѣ, лѣта 7083 (1575), Іюля въ 13 »день.« Іоаннъ медлилъ утвердить сей договоръ до самаго 1577 года.

(415) Руссовъ, Кельхъ 313 и 322. См. Розряды 1575 года.

(416) Кельха 326.

(417) Тамъ же, стр. 328.

(418) См. Розряды 1574 года.

(419) Донесеніе Мих. Гарабурды Вельможнымъ Панамъ находится въ выпискахъ изъ Ватиканской Библіотеки (см. выше, примѣч. 329): Relacya Poselstwa Haraburdy do Moskwy w roku 1573. Ex codice Vaticano inter Ottobonianos 2223. 25 Февр. онъ *словесно* правилъ свое тайное Посольство. Подлѣ Іоанна сидѣлъ старшій Царевичь; стояли Намѣстникъ Можайскій, Вас. Ив. Умной-Колычевъ, Думный Дворянинъ Мих. Тим. Плещеевъ, Дьяки Андрей и Вас. Щелкаловы; болѣе никого не было. Посолъ говорилъ, а Дьякъ Андрей записывалъ его рѣчи. См. также въ нашемъ Архивѣ Дѣла Польск. No 10, л. 4, 7, 8, 126, 153, 154.

(420) Дѣла Польск. No 10, л. 8.

(421) Андр. Макс. Фредро Gest. Pop. Pol. стран. 59—95.

(422) См. въ Дѣлахъ Датскаго Двора (No 2, л. 27 и слѣд.) о пріѣздѣ въ Москву Цесарева гонца, Павла Магнуса, въ Іюлѣ 1573.

(423) Тамъ же, л. 65. Іоаннъ послалъ къ Императору гонца Конст. Скобельцына 31 Іюля 1573.

(424) Генрикъ присылалъ къ Іоанну двухъ гонцевъ, Бартоломея Завацкаго и Матвѣя Протасьевича (см. Дѣла Польск. No 10, л. 2). Посланный съ гонцемъ Ельчаниновымъ отвѣтъ Іоанновъ, отъ 20 Авг. 1574, находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Альбертранди (см. выше, примѣч. 398). — Карлъ IX умеръ 30 Мая 1574. Генрикъ, давъ великолѣпный балъ, ночью 18 Іюля ускакалъ изъ Кракова.

(425) Слово Генриково: »Господи! если жизнь моя »полезна, то дай мнѣ жить; если вредна или безполе»зна, то прекрати ее!« — Гонецъ Ельчаниновъ 9 Іюля 1575 привезъ къ Іоанну въ городъ Старицу письмо *отъ Рады Духовной и Свѣтской, Короны Польскіе и В. Княжества Литовскаго*, о продолженіи мира и тишины. Архіеп. Гнѣзненскій, Яковъ Уханскій, тайно далъ Ельчанинову образцовыя грамоты, какъ Царю писать къ Вельможамъ. Іоаннъ въ Августѣ отправилъ гонца Бастанова и Посланника Луку Новосильцова въ Литву и въ Варшаву, съ неважною грамотою къ Панамъ и съ *тайными* письмами къ Архіеп. Гнѣзненскому, къ Епископу Краковскому, къ Воеводѣ Сендомирскому, Краковскому, Виленскому и проч., обѣщая имъ жалованье за добрыя услуги въ соединеніи трехъ Государствъ. См. Дѣла Польск. No 10, л. 18—90.

(426) См. Дѣла Датск. No 2, л. 181—184. Іоаннъ велѣлъ сіе дѣло разсудить Окольничему Тулупову, Думному Дворянину Аѳ. Ѳед. Нагому и Дьякамъ Щелкаловымъ: Скобельцынъ во всемъ оправдывался. Гонца Максимиліанова, Павла Магнуса отпустили въ Генв. 1575, а съ нимъ послали гонца Ушакова въ Вѣну съ письмомъ къ Максимиліану.

(427) Въ Генв. 1574 г. пріѣзжалъ въ Москву гонецъ Императорскій Вестфаль для изъявленія благодарно-

сти за Іоанново старанie возвести Эрнеста на тронъ Польскій; въ Февралѣ Греннъ Филинъ, съ тѣмъ же; въ Маѣ купецъ Кремеръ съ письмомъ, въ коемъ Максимиліанъ просилъ Царя о дозволеніи ему (Кремеру) вымѣнить мягкой рухляди на свои товары; а въ Іюлѣ 1575 купецъ Нѣмецкій, Иванъ *Глазовъ*, для того же. См. Дѣла Датск. No 2, л. 107—232.

(428) См. Дѣла Цесарск. Двора, No 3, л. 1—141. Достойно замѣчанія, что Государь выслалъ Бояръ Никиту Романовича и К. Вас. Андр. Сицкаго съ Дьякомъ Андр. Щелкаловымъ въ Дорогобужъ, на встрѣчу къ Австр. Посламъ, спросить у нихъ, съ какимъ дѣломъ ѣдутъ въ Москву; а если бы они не захотѣли объявить, съ чѣмъ присланы, то велѣно было отправить ихъ назадъ: ибо Царь думалъ, что сіи Послы могли быть опять купцами. — Грамота Максиміанова писана 25 Сент. 1575. Въ ней сказано: »Въ ко»торомъ святомъ соединенье,« (говорятъ Послы) »Ва»ше Пресвѣтлѣйшество можетъ начаятися великіе »собѣ чти и славы, какъ ся начаемъ, мочно тому ста»тись за помочью Божьею, чтобы мы тѣхъ невѣр»ныхъ людей могли выгнати за Арапы и до Ази (Азіи), »чтобъ Ваша Пресвѣтлость произволеньемъ Его Це»сарскіе милости и насвятого Папы и Короля Ин»панского и святыхъ выбранныхъ Римскихъ Княжатъ »(Курфирстовъ) и всѣхъ становъ (Орденовъ?) Черне»ческихъ все Цесарство Греческое на Всходъ солнца »къ твоему Величеству пришло.«

(429) Тамъ же, л. 81. — Послы выѣхали обратно 29 Генваря.

Въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди нашелъ я Relatione di Moscovia, fatta da Giovanni P e r n s t e i n, mandato Ambasciatore à quella Corte dall' Imperatore Massimiliano II. Въ подлинникѣ, какъ вѣроятно, не было имени сочинителя; а кто нибудь, слышавъ о *Герберштейнѣ*, посыланномъ въ Россію при Максимиліанѣ I, вставилъ *Пернштейна*: но сей Giovanni есть Іоаннъ Кобенцель: не только время (г. 1575), но и всѣ историческія

обстоятельства несомнительно относятся къ его Посольству. Изъ сего любопытнаго описанія взяли мы сказаніе о пышности Іоанповой. Вензель Максимиліановъ былъ украшенъ Императорскою короною и пятидесяти-двумя алмазами. Принимая Кобенцеля, Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ въ *Царской мантіи* (paludamento Imperiale): era tutto quanto distinto di diamanti, rubini, smeraldi et altre simili gioje grandi come le noci, di maniera, che forte mi miravigliai, come puotè sostenere tal peso. . . Старшій сынъ Іоанновъ, одѣтый подобно отцу, сидѣлъ на правой сторонѣ; въ рукѣ, вмѣсто скиперта держалъ il scipione (посохъ?) del padre; а корона его лежала на столикѣ. За обѣдомъ они были въ бархатномъ платьѣ, havevano certi capucci alla Greca fatti, con un rubino in fronte, grosso come un uovo (величиною съ яйцо, но какое?) . . . О коронѣ Царской: Una corona quasi simili à quelle di sua Santità. . . Vidi le del Rè Catholico con tutta la sua guardarobba, cosi anco quelle del Gran Duca di Toscana, con molte altre, come quella di Sua Maesta Cesaria; del Regno d'Ungheria e di Bohemia et del Rè di Francia, mà V. S. Illustrissima mi creda in verità, che non vi è comparatione quasi nessuna trà quelle. За обѣдомъ служило болѣе ста человѣкъ: снимая золотыя блюда съ стола, они ставили ихъ одно на другое, non curandosi delle vivande che vi erano dentro. Передъ Царемъ ставили всегда три блюда: съ одного онъ ѣлъ самъ, другое отдавалъ сыну, а третье посылалъ Кобенцелю, вмѣстѣ съ питьемъ въ чашахъ. Шенкъ говорилъ ему: Iwane (che cosi mi chiamo), Weliki Czar, Knes i Hospodar podaje. Всѣхъ гостей было около 200 человѣкъ; они сидѣли за тремя длинными столами. Обѣдъ продолжался 6 часовъ. Выпивъ по чашѣ меду, изъ Царскихъ рукъ, Кобенцель и всѣ его сановники отправились домой; между тѣмъ, въ честь имъ стрѣляли изъ пушекъ. О множествѣ золотой и серебряной посудѣ Царской сказано, что ее нельзя бъ было увезти на тридцати Вѣнскихъ телегахъ, или фурахъ (carri di Vienna), а въ

Московскомъ дворцѣ не знали ей и счету: nel castello della Metropoli Moscua ne há tanta copia, che non si sá il suo numero. О денежной казнѣ и сокровищницѣ Московской: cosa stupenda et inestimabile. Далѣе: »Дѣдъ Іоанновъ, взявъ Новгородъ, вывезъ оттуда 300 »фуръ, наполненныхъ деньгами, серебромъ и золотомъ. »Отецъ его покорилъ 15 Княжествъ и присвоилъ се»бѣ ихъ казны. Самъ Іоаннъ обогатился сокровищами »двухъ завоеванныхъ имъ Царствъ, Казанскаго и А»страханскаго, — также многихъ городовъ Ливонскихъ, »не дѣлясь добычею съ воинами и слѣдуя примѣру древ»нихъ Римлянъ. Не менѣе обогащается и торговлею, »исключительно пользуясь ея выгодами; не даетъ ни»чего ни Посламъ своимъ, ни воинамъ, которые, вы»ступая въ поле, или возвращаясь домой, ему же да»ютъ по три деньги съ человѣка (un mezzo giulio), »для того, чтобы Царь зналъ число людей. . . . По»ляки хвастаются неуваженіемъ къ Государю Русско»му; но онъ смѣется надъ ними, говоря, что взялъ у »нихъ болѣе двухъ сотъ миль земли, а они и меча не »обнажили! Пословъ ихъ презираетъ. . . . Ma V. S. »Illustrissima mi creda, á fè di Christiano, che non »poteva essere meglio trattato in Roma ò in Spagna... »съ Поляками же, Шведами, Татарами, Турками об»ходится, какъ должно (come meriteriano): то есть, »хуже, нежели Турки обходятся съ нашими Послами.« — Кобенцель — описавъ могущество Россіи; сказавъ, что у Царя 300 тысячь всадниковъ и 100 тысячь искусныхъ Стрѣльцовъ, коихъ можно собрать въ 40 дней — заключаетъ: »Если Его Имп. Величество не »можетъ присвоить себѣ Королевства Польскаго съ »Литвою, то всего лучше уступить ихъ Россіи, дабы »имѣть выгодный миръ съ Султаномъ или тѣмъ ско»рѣе побѣдить его: ибо Царь не останется ни года, »ни дня въ мирѣ съ Турками. Можетъ быть, симъ »способомъ угодно Небесному Провидѣнію избавить »насъ отъ злобы невѣрныхъ.« Подпись: Di Lovitio in Polonia à 27 di Maggio 1575. — Товарищъ Кобенцелевъ, Даніилъ Принцъ, также описалъ сіе Посольство

(на Латинскомъ языкѣ); говоритъ о нравахъ, о Вѣрѣ Россіянъ, но сказываетъ мало замѣчательнаго.

(430) Тамъ же, л. 141—157.

(431) Тамъ же, л. 157, 266. К. Захарія Ив. Сугорскій названъ Дворяниномъ и Намѣстникомъ Бѣлоозерскимъ. Онъ возвратился въ Москву 3 Генваря 1577. Въ Ригѣ и Мемелѣ встрѣчали его съ пушечною стрѣльбою, изъ уваженія къ Царю. Въ письменномъ донесеніи Сугорскаго: »Іюля въ 16 мы Послы пріѣхали въ »колымагахъ на Цесаревъ дворъ и вошли къ Це»сарю въ малую полатку; а на немъ *дыгтья* долгая, »камка черна, полы и подолъ чернымъ бархатомъ пу»шонъ, а пугвицы шелкъ черпъ до долу; а чепочка на »немъ золота не велика, а шляпа бархатъ черпъ *сви»раная;* а надъ нимъ и позади его на стѣнѣ запоны »*олтобасъ* золотной; а стулъ подъ нимъ обитъ бар»хатомъ червчатымъ, поставленъ на коврѣ. . . Це»сарь противъ Пословъ всталъ, шляпы приподнявъ, и »какъ Послы ступили на коверъ, и Цесарь сѣлъ. А »по лѣвой сторонѣ, подаль сидѣлъ Курвистръ Калеп»ской (Кельнской) Салентіюсъ; а подъ нимъ Цесаревъ »сынъ Матѣюсъ; а подъ Матѣюсомъ Боворской Князь »Вильгемъ; а подъ нимъ другой Цесаревъ сынъ Макси»миліянусъ, да Нѣмецъ человѣкъ съ десять стояли. А »какъ К. Захарей говорилъ Государское титло и Це»сарь Курвистру и дѣтемъ и Боворскому велѣлъ вста»ти . . . и Цесарь, не звавъ Пословъ къ рукѣ, велѣлъ »имъ сѣсти противъ себя на скомейкѣ, на коврѣ, оби»той бархатомъ червчатымъ; и Послы, призвавъ къ »себѣ Данила (Принца) да молыли, для чего Цесарь »насъ къ рукѣ не звалъ? и Данило молылъ: Государь »нашъ то пропамятовалъ; и сказалъ Цесарю, и Це»сарь, снявъ съ себя шляпу и ставъ, звалъ Пословъ »къ рукѣ и обнимались . . . (Авг. 28) Пришли »къ Посломъ отъ Посла Папы Римского, отъ Карди»нала, Попы, а съ ними Данило Принцъ, и Послы ве»лѣли имъ сѣсти, и Попы говорили Посломъ, а Дани»ло толмачилъ: писалъ къ Государю нашему, къ Папѣ, »Цесарь, что писалъ Государь вашъ, чтобъ Цесарю

»и Папѣ Римскому и инымъ Государемъ быти въ люб»ви . . . и Папа тому радъ, и прислалъ къ Кардина»лу гонца, а съ нимъ грамоту къ Государю вашему, »и вы бы тое грамоту приняли. И Послы говорили: »будетъ къ Вел. Государю нашему Папѣ Пословъ съ »Цесаревыми посылати, и онъ бы то письмо къ Го»сударю нашему послалъ; а намъ того письма взяти »не вмѣстно, что есмя присланы къ Цесарю, а не къ »Папѣ. . . И послѣ того пришелъ приставъ, и гово»рилъ тужа: какъ вы у Государя нашего были, и по»слѣ того изымала его немочь великая, и лежитъ. . . »(Септ. 15) Послы вошли въ малую полату да въ сѣ»ни, а изъ сѣней къ Цесарю къ постелѣ, а Цесарь »лежитъ на кровати, а на немъ юпа сукно *бурнатно* »теплая, да колпакъ пуховъ *бурнатенъ*, подложенъ бар»хатомъ чернымъ, а одѣяло камка золотная; а при »немъ стоялъ Панъ Ласской, да два Коморника. . . »и Цесарь имъ говорилъ, а толмачилъ Данило: отпу»щаю васъ,« и проч. —

О семъ Посольствѣ К. Сугорскаго есть басня, внесенная въ нѣкоторыя новыя лѣтописи и дающая Императору Максимиліану санъ Пророка.

Въ Іюлѣ 1576 г. Государь посылалъ къ Максимиліану Толмача Нѣмецкаго, Каспара Иванова, чтобы поздравить его съ избраніемъ въ Короли Польскіе. Въ Ноябрѣ пріѣзжалъ въ Москву Любчанинъ Келлеръ, съ письмомъ отъ Максимиліана, въ коемъ онъ просилъ Царя не воевать Ливоніи. См. Дѣла Цесар. No 3, л. 235 — 249.

(432) См. донесеніе гонца Бостанова въ Дѣлахъ Польск. No 10, л. 89—106.

(433) См. Фредро G. P. P. 252, Гейденшт. R. P. 66, и донесеніе Новосильцова (Дѣла Польск. No 10, л. 129—191), который возвратился въ Москву 20 Апр. 1576.

(434) См. Гебгарди Gesch. des Grossfürst. Siebenbürgen, стр. 87. Стефанъ былъ сынъ Венгерскаго Палатина Батора, имѣвшаго знатныя отчины близъ Варадейна. Онъ родился въ 1533 году; учился въ Падуѣ;

(781) Судебн. стран. 85, 86.
(782) Тамъ же, стран. 30.
(783) Тамъ же, стран. 69—71. Сіи книги назывались *Розметными*.
(784) Тамъ же, стран. 75, 76, 77, 78, 79, 81.
(785) Тамъ же, стран. 90, и Т. VI, стран. 422.
(786) Судебн. 92, 93 и Т. VI, 422. Въ Стоглавѣ вписаны многіе законы Греческихъ Царей о Судѣ Святительскомъ, также и мнимый Уставъ Владиміровъ, за коимъ слѣдуетъ грамота Митрополита Кипріяна къ Новогород. Владыкѣ Іоанну (29 Авг. 1392) и къ Псковитянамъ (12 Мая 1395) о грѣхѣ вступаться мірянамъ въ дѣла церковниковъ.
(787) См. Судебн. 95.
(788) Тамъ же, стран. 22. Ни слова о безчестьѣ Бояръ и знатныхъ сановниковъ: воля Государева была закономъ въ семъ случаѣ.
(789) Т. VIII, стран. 308. Доказательствомъ, что Іоаннъ отмѣнилъ тогда судные платежи, служитъ и Царская Уставная грамота 1557 года (см. *Русск. Достопамятности* I, 146).
(790) См. въ Судебникѣ статью CVI, CVII, CXIX. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича уже не было поединковъ (см. Флетчера). Одинъ Петрей говоритъ объ нихъ, выписывая изъ Герберштейна безъ толку.
(791) См. въ Судебн. статью CX, CXI, CXIII, CXV, CXVII.
(792) Тамъ же, CVI, CXX, CXXI, и слѣд.. стран. 35, 36, 39—41.
(793) Тамъ же CXXXI, CXXXVI, CXXXVIII, CLVIII.
(794) *Правежъ* описанъ въ Указѣ Петра Великаго и Татищевымъ, который еще помнилъ сей обрядъ (см. изд. имъ *Судебникъ*, стран. 169, въ примѣчаніи).
(795) См. въ Судебн. статью CXXXII—CXL. Капиталъ называется здѣсь *истиною* (а въ законахъ Ярославовыхъ *истымъ*). Въ исходѣ XVI вѣка заимодавцы брали въ Англіи также 10 на 100 (см. Юма).
(796) Судебн. CXXXVII.

(797) Судебн. Татищева, стран. 176.

(798) Статья CXL, CXLI.

(799) CXXII, CXLIV, CXLVII, CLIV.

(800) См. Т. VIII, стран. 126. Въ прибавленіяхъ Судебника годъ сего закона означенъ другой: въ Стоглавѣ Мая 11, 1551, а въ прибавленіяхъ 1 Мая 1557.

(801) CXXV—CXXVIII: Далѣе сказано, чтобы въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлѣозерѣ, Рязани, никто безъ докладу не продавалъ своихъ вотчинъ людямъ иногороднымъ и не отказывалъ монастырямъ, ни Суздальскіе, ни Ярославскіе, ни Стародубскіе Князья, по закону В. К. Іоанна и Василія.—Послѣ, во время Литовской войны (см. въ семъ Томѣ описаніе 1580 года), Царь отнялъ у Святителей и монастырей всѣ земли и села *Княжескія*, пріобрѣтенныя ими куплею или духовными завѣщаніями.

(802) См. Судебникъ Татищева, стран. 228.

(803) См. *Русск. Достопам.*, *и Книгу сошнаго письма города Камскаго, посаду и уѣзду, письма и мѣры писца Ивана Игнатьева Яхонтова, да Подъячего Третьяка Карпова 87 года* (т. е. 1579), въ любопытной рукописи отысканной Г. Берхомъ въ Пермской Губерніи. Слѣдственно 64 двора за освобожденіе отъ суда Намѣстниковъ платили около ста нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, кромѣ многихъ иныхъ податей. Въ моей *Книгѣ о сошномъ и о вытномъ письмѣ*: »Въ со»хѣ добрыя земли 800 четвертей, средніе земли 1000, »худые 1200 четвертей; *вытъ* добрыя земли 12 че»твертей, средніе 14, худыя 16 четвертей.« Четверть была обыкновенно въ длину 40 саженъ, поперегъ 30.— При Василіи Темномъ въ *Новогородской* или *Новоторжской сохѣ* считалось только *четыре* земледѣльца (см. Т. V, стр. 307).

(804) *Русск. Достоп.* 134.

(805) Тамъ же, 122.

(806) См. Двинск. *Губную Грамоту* 1571 г. въ *Русск. Достоп.* 152—159.

(807) См. Т. VIII, стран. 124.

(808) См. Т. V, стран. 271. — Въ *Стоглавѣ* см.

гл. 5, 6 и 43. Самый лучшій списокъ его находится въ Синодальной библіотекѣ подъ No 524.

(809) См. *Стоглавъ* гл. 5, 12, 39, 43.

(810) Тамъ же, *вопросъ* 8 и отвѣтъ или уставъ Собора.

(811) Тамъ же, гл. 49.

(812) Тамъ же, гл. 73, 75, и далѣе.

(813) Гл. 85—89.

(814) Гл. 26, 41, 48.

(815) Гл. 90.

(816) Гл. 69—83.

(817) Гл. 41—44.

(818) См. *вопросы* 18, 25, 27 и 28; также гл. 33, 36, 37, 40 и 91.

(819) См. выше, примѣч. 621. Имя *Истомы* встрѣчается еще въ государствованіе отца Іоаннова. *Хозяиномъ Юрьевичемъ* назывался Тютинъ, знатный Казначей Царскій (о коемъ и въ Судебникѣ упоминается) *Неудачею* Дьякъ посыланный въ Лондонъ съ Писемскимъ.

(820) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* II, 69, и сей *Исторіи* Т. VI, 237.

(821) Гаклуйтъ. 355. Сей церковный обрядъ былъ уничтоженъ въ концѣ XVII вѣка, т. е. уже въ царствованіе Петра Великаго.

(822) О новой Донской Крѣпости см. въ описаніи 1570 года. Кокшажскъ основанъ въ Апр. 1574 (см. Архив. Розрядн. Кн. 490 на об). О Веневѣ, Епифани, Черни, Тетюшахъ, Алаторѣ, Арзамасѣ, Донковѣ, упоминается въ Розрядахъ 1578 года (см. *Рос. Вивліоѳ.* XIV, 340, 341, 347, 348).

(823) См. Поссев. Moscov. 14.

(824) См. Петрея Chron. стран. 7. Онъ говоритъ, что Москва до пожара 1571 г. была въ шесть разъ болѣе.

(825) Поссев. Moscov. 17; см. также сей *Исторіи* Т. VII, стран. 226.

(826) Или 1, 430,000 тогдашнихъ рублей, пишетъ

Флетчеръ (л. 40 на об.). О семъ будемъ говорить подробнѣе въ описаніи временъ Ѳеодоровыхъ.

(827) См. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 53.

(828) См. въ Гаклуйт. Navig. письма Англ. купцевъ, стран. 286—345.

(829) См. Дѣла Англ. No 1, л. 175, 192, 193.

(830) См. Кобенцелево письмо о Россіи, изданное на Латин. языкѣ въ Samml. kleiner Schriften zur ält. Gesch. des Russ. Reichs, von Wichmann, стран. 30. Мы говорили о семъ Послѣ Максимиліановомъ и сказаніи его о Россіи, имѣвъ оное въ рукописи на языкѣ Италіянскомъ (см. выше, примѣч. 429).

(831) Epistola J. Cobenzl, стран. 28 въ Sammlung etc., von Wichmann.

(832) Англичане говорятъ между прочимъ о двѣнадцати серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, видѣнныхъ ими въ Царской столовой (см. Гаклуйт. 354).

(833) Гаклуйт. Navig. 349, 354.

(834) По Новому Стилю, думаю: см. тамъ же, стр. 354.

(835) См. тамъ же, въ описаніи водосвященія 6 Генв.

(836) См. Т. VI, стран. 410.

Конецъ Примѣчаній IX Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IX ТОМА.

ГЛАВА I.

Стран.

Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля. Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Вторый бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыслъ Султана. Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты 1

Г. 1560 — 1564.

ГЛАВА II.

Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ

Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры. Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій. 57

Г. 1564 — 1569.

ГЛАВА III.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ. Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому . . 157

Г. 1569 — 1572.

ГЛАВА IV.

Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса.

Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничества. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново 235

Г. 1572 — 1577.

ГЛАВА V.

Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею. Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка, Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Седьмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію: отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ. 315

Г. 1577 — 1582.

ГЛАВА VI.

Первыя свѣдѣнія о Сибири. Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири. Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай. Знатные купцы Строгановы. Невѣрность Царя Кучюма. Разбой Козаковъ. Ермакъ. Походъ на Сибирь. Гнѣвъ Іоанновъ. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночный совѣтъ Козаковъ. Рѣшительная битва. Взятіе Искера или города Сибири. Строгость Ермака. Плѣненіе Царевича Маметкула. Дальнѣйшія завоеванія. Посольство въ Москву. Радость въ Мо-

скве. Посланіе рати въ Сибирь. Новыя завоеванія. Жалованье Царское. Болѣзни и голодъ въ Сибири. Неосторожность Козаковъ. Осада Искера. Послѣднія завоеванія Ермаковы. Гибель Ермака. Изображеніе Героя Сибирскаго. Козаки оставляютъ Сибирь 425

Г. 1581 — 1584.

ГЛАВА VII.

Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Литовскія. Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разными Державами и въ особенности съ Англіею. Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. Описаніе невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посолъ Елисаветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова. Любовь Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. Польза Исторіи. Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образователь государственный и Законодавецъ. Приказы. Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья служилые. Стольники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣна рубля. Церковныя учрежденія. Достопамятный обрядъ церковный. Строеніе городовъ. Состояніе Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Іоаннова 474

Г. 1582 — 1584.

Bayerische Staatsbibliothek München

краснорѣчиво говорилъ и писалъ на Латинскомъ языкѣ.

(435) См. донесеніе Новосильцова въ Дѣлахъ Польск. No 10.

(436) Дѣла Цесар. No 3, л. 240, и Дѣла Польск. No 10, л. 176.

(437) Дѣла Польск. No 10, въ донесеніяхъ Бостанова и Новосильцова.

(438) Тамъ же, л. 195—268. Посланниками Королевскими были Дворяне Груденскій и Буховецкій, а гонцемъ отъ Вельможъ Коронныхъ и Литовскихъ къ нашимъ Боярамъ Иванъ Гоголь. Вельможи писали, что Король изъ уваженія къ ихъ просьбѣ согласился не нарушать перемирія съ нами.

(439) Ибо Венгрія присвоивала себѣ верховную власть надъ Трансильваніею.

(440) См. Розряды въ *Рос. Вивліоѳ.* XIV, 293 и 305.

(441) Вотъ роспись всѣмъ тогдашнимъ крѣпостямъ и Воеводамъ:

»Въ *Серпуховѣ* Воевода К. Д. Б. Пріимковъ-Ростов»ской; а людямъ съ нимъ быти Московскихъ городовъ; »а Ноугородскія земли Помѣщики, Лучанъ, Ржевичь, »Торопчанъ, отпустить по домомъ для Нѣмецкого по»ходу. — Въ *Колугѣ* К. Ѳ. Лобановъ-Ростовской, на »Ѳедорово мѣсто Шереметева. — Въ *Мышеги* К. Дан. »Ногтевъ; да на Тулѣ же готовъ К. Петръ Боря»тинской. — У *Николы Зарайского* съ *Коширы* Н. »Очинъ-Плещеевъ. Въ *Болховѣ* Ром. Бутурлинъ. — »Въ *Новѣгородѣ Сѣверскомъ* Намѣстникъ К. Дм. »Щербатой. — Въ *Почепѣ* К. Ю. Волконской. — Въ »*Стародубѣ* Намѣстникъ Ром. Плещеевъ. — Въ *Чер»нигов*ѣ К. Осипъ Щербатой. — На *Рѣзани* и въ *Дон»ковѣ*, и въ *Пронску*, и въ *Новосили*, и во *Мценску*, и »въ *Орлѣ* быти Воеводамъ по прежней росписи. — Въ »*Путивлѣ* Намѣстникъ В. Салтыковъ. — Во *Мцен»ску* Намѣст. Ѳ. Замыцкой. — Въ *Карачевѣ* Нам. А. »Очинъ-Плещеевъ. — Въ *Ярославлѣ* Нам. К. А. Зве»нигородцкой. — Въ *Смоленску* К. Ю. Курлятевъ. — »На *Лукахъ Великихъ* Ѳ. Ласкиревъ. — На *Невлѣ* М.

»Вельяминовъ. — Въ *Торопцѣ* Ив. Грязной. — На »*Ситнѣ* Як. Вельяминовъ. — Въ *Полоцкѣ* К. Ив. Кур»ляшевъ, да К. Лыковъ, да К. Чулковъ-Засѣкинъ, да »М. Чоглоковъ; да по вѣстямъ посланъ К. М. Боря»шинской да Иг. Блудовъ. — На *Туровѣ* Волод. Вель»яминовъ. — Въ *Копьѣ* К. Туренинъ. — На *Соколѣ* »К. Щепинъ. — Въ *Юрьевѣ* (Дерптѣ) Намѣстн. и »Воевода К. Аѳ. Шейдяковичь, да К. Н. Б. Пріимковъ»Ростовской. — Въ *Вильянѣ* (Феллинѣ) Ив. Сабуровъ. — »Въ *Говѣ* (Ацелѣ) Н. Бороздинъ. — Въ *Тарвасѣ* В. »Сабуровъ. — Въ *Лаюсѣ* Н. Бутурлинъ. — Въ *Пай»дѣ* (Виттенштейнѣ) Ив. Плещеевъ. — Въ *Ракоборѣ* »(Везенбергѣ) Ив. Сабуровъ. — Въ *Ругодивѣ* (Нарвѣ) »Нам. К. Сем. Ардасовичь Черкаской. — На *Ямѣ* В. »Собакинъ. — Въ *Орѣшкѣ* Нам. К. Кропоткинъ. — »На *Копорьѣ* Г. Собакинъ. — Въ *Салочѣ* Ив. Бороз»динъ. — Въ *Перновѣ* К. А. Рѣпнинъ. — Въ *Падцѣ* »(Падисѣ) Жданъ Ивашкинъ, А. Окуневъ, Ив. Милю»ковъ. — Въ *Коловерѣ* (Лодѣ) М. Бурцовъ. — Въ *Ли»говери* (Ленневарденѣ) Муха Вас. Чихачевъ. — Въ По»низовыхъ городахъ: въ *Казани* Бояринъ К. Андрей Ив. »Ногтевъ-Суздальской, да Воевода К. Ив. Вас. Вели»кого-Гагинъ. — Въ *Астрахани* К. Вас. Ив. Кривобор»ской, да К. Гр. Ив. Коркодиновъ. — Въ *Свіяжскомъ* »К. Вас. Бахтеяровъ-Ростовской, да К. В. Буйносовъ»Ростовской, да К. Дм. Гагаринъ. — Въ *Чобоксарѣхъ* »Бояринъ Богданъ Юр. Сабуровъ. — Въ *Василѣ* К. »А. Ромодановской. — На *Алаторѣ* К. Петръ Буй»носовъ-Ростовской. — Въ новомъ въ *Кокшажскомъ* »городѣ Бояринъ В. Б. Сабуровъ. — Въ *Тетюшахъ* »Голова К. Борисъ Мезецкой. — Въ *Лаишевѣ* Голова »М. Болтинъ. — Въ *Арскѣ* В. Телицынъ. — На *Кур»мышѣ* Н. Яхонтовъ. — Въ *Арзамасѣ* Г. Шепневъ.«

»Въ судовой рати (въ 1576 г.), въ больш. полку, въ »плавной, К. Н. Тюфякинъ, да Голова Б. Нарышкинъ... »а съ ними Пермичи, Двиняне, Кинешемцы, Балахон»цы, Гороховчане, Юрьевчане, да Михайлова города »Головы, да Донскіе Атаманы и Козаки . . . Галича»не, Каряковцы . . . въ перед. полку Устюжане, Тот-

»мичи, да Донскіе Атаманы . . . Въ сторожевомъ Бѣ»лозерцы, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Му»ромцы, Важане, Усольцы, Вычегжане.»

(442) См. Кельха 330 и Розряды.

(443) Король Шведскій писалъ съ гонцемъ своимъ къ Іоанну, отъ 12 Авг. 1576 (Дѣла Швед. No 3, л. 276).

(444) См. Кельха 332.

(445) См. Розряды. О впаденіи въ Финляндію см. тамъ же.

(446) См. Розряды. — Король Датскій отъ 25 Апр. 1577 писалъ къ Герцогу Мекленбургскому, что Россіяне, какъ слышно, три раза безъ успѣха приступали къ Ревелю, и что 30 Бояръ ушли отъ нихъ въ городъ, не смѣя возвратиться къ Царю (см. между моими Мекленбургскими бумагами, No XV, и Кельха 337 — 338).

(447) См. Кельха 338, 339.

(448) Мѣсяцъ и число показаны несогласно въ Розрядахъ: въ иныхъ 1 Мая, въ другихъ Іюнь. — На берегу Оки главными Воеводами оставались К. Ив. Ѳед. Мстиславскій и П. В. Морозовъ.

(449) Въ Розрядахъ 1573 года сей Царь именованъ еще *Саиномъ*, 15 Іюля того же года уже *Симеономъ* (см. Дѣла Датск. No 2, л. 41), а въ Апр. 1577 *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (см. Розряды въ *Вивліоѳ.* XIV, 325).

Въ нѣкоторыхъ Розрядахъ сказано, что въ войскѣ у В. К. Симеона было 19,416 человѣкъ, пушекъ 57, а людей обозныхъ 12,430; что Царь изо Пскова съ К. Трубецкимъ послалъ 5287 воиновъ къ Ацелю, Трикату и Вольмару. Въ другихъ нѣтъ числа людей.

(450) См. Кельха 340.

(451) См. тамъ же 341, 342, и Розрядн. Книги.

(452) См. Розряды и Кельха 343. Списокъ, весьма худой, Іоанновой грамоты къ Магнусу находится въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ.

(453) Кельхъ 343. Далѣе см. Розрядн. Книги.

*

(454) Кельхъ 340, 341. Магнусъ тайно посылалъ своего Пастора Шрафферна къ Герцогу, распустивъ слухъ, что сей Пасторъ отъ него ушелъ.

(455) См. Петрея и Кельха 344.

(456) См. Архив. Розрядн. Книгу, л. 530, 531.

(457) Кельхъ 345 — 347.

(458) См. Архив. Розрядн. Кн.

(459) См. тамъ же, л. 533, 534.

(460) Списокъ сей грамоты въ Архивѣ Кол. Ин. дѣлъ.

(461) См. Т. VIII, стр. 62.

(462) Кельхъ 342.

(463) Тамъ же, стран. 348. Въ бумагахъ Мекленбургскаго Архива, мнѣ доставленныхъ, нашелъ я современную записку о мѣстахъ, полученныхъ тогда Магнусомъ отъ Іоанна. Тутъ же сказано, что Царь, видя трудность взять Ревель, хочетъ близъ сего мѣста основать крѣпость.

(464) Сіи стихи тогда же были сообщены Мекленбургскому Герцогу какимъ-то Павломъ Магнусомъ, пріѣхавшимъ изъ Ливоніи (см. въ моихъ Мекленбургскихъ бумагахъ No 18).

(465) Кельхъ 348.

(466) См. Т. VIII, стран. 164 и 211; въ семъ Томѣ стран. 232; также Курбскаго, Дѣла Швед. No 3, л. 32, Архив. Розрядн. Кн. л. 482.

(467) Въ Родослов. Книгахъ: »У К. Ивана Мих. Ив. дѣти К. Иванъ и К. Дмитрей; у К. (Бояри»на) К. Алексѣй; у К. Алексѣя К. Иванъ: былъ въ »Боярахъ; у К. Ивана К. Михайло, бездѣтенъ. И тотъ »родъ пресѣкся.« Сей родъ шелъ отъ К. Ѳед. Юр. Одоевскаго.

(468) См. выше, стран. 161, Послужный Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 53, и Курбскаго.

(469) См. Розрядн. Книги и Послужн. Списокъ Бояръ. Бутурлину дано Боярское достоинство въ 1567 году.

(470) См. Послужный Списокъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 53-55.

(471) См. Архив. *Псков. Лѣт.* — За старое преданіе разсказываютъ нѣкоторые, что Іоаннъ самъ отсѣкъ

голову Корнилію, встрѣтившему его внѣ Пскова съ крестомъ и съ благословеніемъ, когда Царь шелъ на Ливонію: слѣдственно въ 1577 году? О качествахъ Леонида см. *Новогород. Лѣт.* Малиновскаго.

(472) См. Т. VII, стран. 137.

(473) См. Курбскаго.

(474) См. тамъ же. Еще и въ государствованіе Василія Іоанновича многіе Лопари уже были Христіанами: см. Т. VII. стр. 215.

(475) См. Т. VIII, стр. 123. Розряды сего времени наполнены спорами о мѣстахъ Воеводскихъ.

(476) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 549.

(477) См. Архив. Розрядн. Кн.

(478) Кельхъ 325.

(479) Тихвинскій Введенскій Монастырь, раззоренный Шведами въ 1613 году, былъ возобновленъ ею (см. *Исторію Рос. Іерархіи,* VI, 396). Во время бракосочетаній Царя Михаила Θеодоровича, въ 1624 и 1626 году, посылались къ ней дары. Анна или Дарья, скончалась Схимонахинею 5 Апр. (1626 или 1627) и погребена въ паперти Соборной церкви на сѣверной сторонѣ. — Въ 1574 году, Генв. 30, Іоаннъ принималъ Крымскихъ Пословъ въ *смирномъ* или печальномъ платьѣ (см. Дѣла Крым. No 14, л. 173 на об.): не тогда ли онъ постригъ супругу?

(480) Сказаніе о *семи* бракосочетаніяхъ Іоанновыхъ были доселѣ невѣрны и несогласны одни съ другими: я нашелъ слѣдующее, если не современное, то по крайней мѣрѣ въ началѣ XVII вѣка писанное (см. въ моей библіотекѣ старую рукопись въ четверть листа No 8, подъ заглавіемъ: *Елагинская Список,* ибо сія рукопись принадлежала нѣкогда Г. Елагину): »Первая Царица Настасья Романовна Юрьева. Вторая Царица Марья »Темрюковна Черкасовъ Пятигорскихъ. Третья Царица »Марѳа Васильевна Собакиныхъ. Четвертая Царица *Ан»на Алексѣевна Колтовская*« (такъ и въ *Новогор. Лѣт.* Малин.). »Лѣта 7080, Апр. въ 29, Рускія Митрополіи, »Московскаго Государства и всей Руской земли — не

»вѣмъ, которымъ обычаемъ — Архіепископы и Еписко»пы, и Архимариты и Игумены, и весь Осв. Соборъ »благословили Государя, Царя и В. К. Ив. Вас. же»нитися четвертымъ бракомъ, мимо Христово Еван»геліе, и Апостолы, и Христову Церковь, и Помѣст»ныя Соборы, и Большихъ и Вселенскихъ семи Собо»ровъ. . . И потомъ понялъ пятую *Царицу* Василь»чикову (см. ниже). *Шестую* сказываютъ, чтоималъ »молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сирѣчь »съ *женищемъ; седьмую* Царицу Марью Ѳедоровну На»гихъ, и отъ нее родился Царевичь Димитрей.«

Въ рукописной Суздальской Лѣтописи сказано: »тамъ »же (въ Суздальскомъ Покровскомъ дѣвичьемъ мона»стырѣ) похоронена супруга Царя Іоанна Васильевича »Царица Анна:« должна быть Васильчикова.—Въ Обиходѣ Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря: »въ то же »число« (Генв. 7) »по *Аннѣ Васильчиковой* дачи Госу»дарскіе 100 рублевъ.« Она не названа *Царицею*. Въ спискѣ Бояръ и чиновниковъ тогдашняго времени (см. *Рос. Вивліоѳ.* XX, 54 и слѣд.) нѣтъ ни одного *Васильчикова*.

(481) Въ Сент. 1577: см. Дѣла Цесарск. Двора, No 3, л. 353 и слѣд.

(482) Тамъ же, л. 408.

(483) См. въ семъ Томѣ стр. 274.

(484) См. Дѣла Цесар. No 3, л. 422 на об., также Гольберг. и Маллет. Датск. Исторію г. 1578.

(485) См. Іас. Ulfeldii Hodoeporicon Ruthenicum, стр. 35, 36. — Списокъ заключеннаго Ульфельдомъ договора находится въ столбцахъ Архива Кол. Ин. Дѣлъ No 88. Въ немъ именованы города Ливонскіе по-Латышски и по-Нѣмецки; на примѣръ: »Городъ Сы»ренскъ, а по-Нѣмецки *Нишлотъ*. . . Пайда, а по-Нѣ»мецки *Веситенъ* (Вейсенштейнъ) — Ровной, *Ронем»борхъ* — Голбинъ, *Шваненборхъ* — Чествинъ, *Сесвя»гинъ* — Флеинъ, *Марьингузъ* — Пиболда, *Пибаль* — »Страупа, *Ропа* — Алысинъ, *Марьинборгъ* — Говья, »*Адзель* — Лужа, *Лудзенъ* — Кевгинъ (по-Чудски), »*Вилемборхъ* — Селинель, *Зельборхъ* — Скровенъ,

»*Ашерадъ* — Секвалтъ, *Зеильболтъ* — Адежъ, *Нейммиль* — Полчевъ, *Верполь*.« Перемиріе заключено отъ 1 Сент. 1578, а утверждено 28 Авг. 1580.

(486) См. Гольберг. и Маллет.

(487) Дѣла Крымск. No 15. Главнымъ Ханскимъ Посломъ былъ Арасланъ Мирза; а съ К. Вас. Вас. Мосальскимъ находился Дьякъ Армянинъ Шапиловъ. См. л. 215 и 247.

(488) См. Дѣла Польск. No 10. Іоаннъ, будучи въ Ливоніи, узналъ, что ѣдутъ къ нему Послы Королевскіе, Станиславъ Крыйскій, Воевода Мазовецкій, и Николай Сапѣга, Воевода Минскій: онъ велѣлъ имъ ѣхать прямо въ Москву. Въ Ноябрѣ былъ у него съ письмомъ Стефановымъ гонецъ Полуяновичь (л. 290—313).

(489) См. тамъ же, л. 313—414, и 415—498. Дворецкой Тверскій, Мих. Долмат. Карповъ, Казначей Петръ Ив. Головинъ и Дьякъ Курбатъ Грамотинъ выѣхали изъ Москвы 16 Мая. Первый умеръ на возвратномъ пути въ Россію.

(490) См. Кельха 347 и Далин. г. 1577.

(491) См. R. Heidenstenii Secr. Regii de bello Moschovitico Comment. (Въ Rer. Moscov. Auct.) стр. 328, и Кельха 349.

(492) Марія родила дочь Евдокію, (которую черезъ 30 недѣль окрестили въ Пильтенѣ по обрядамъ нашей Церкви, въ Генв. 1581), и въ 1583 году овдовѣла: см. Кельха.

(493) См. Гейденшт., Кельха 350, и Арх. Розрядн. Кн.

(494) См. Розрядн. Кн., и Кельха 351 и 352. Нѣмцы сняли осаду послѣ Свѣтлаго Воскресенія; а Шенкенбергъ сжегъ предмѣстіе Дерпта 4 Іюня.

(495) См. Кельха 350 и 352, и Розрядн. Кн.

(496) Гейденшт. 338.

(497) См. въ семъ Томѣ стр. 323.

(498) Гонца или Посланника Баторіева, Петра Гарабурду, держали въ Россіи отъ Апрѣля до Генваря. Съ нимъ послали къ Королю гонца Михалкова. См. Дѣла Польск. No 10, л. 495—539.

(499) Все описанное см. въ Гейденшт. стран. 329 и слѣд.

(500) См. въ Далинѣ, гл. XIV, Lit. R. Ioh. ad R. Polon. d. 23 Apr. 1578.

(501) Дѣла Польск. No 11, л. 1—122. Послы наши (выѣхавшіе изъ Кракова 11 Дек., а изъ Литвы 12 Іюня) должны были требовать, чтобы Стефанъ возвратилъ намъ города Венденъ, Эрль и *Невгинъ* или *Дюнебургъ*, взятые Гетманомъ Хоткѣвичемъ по отбытіи Іоанновомъ изъ Ливоніи.

(502) См. Розряды въ *Древ. Р. Вивліов.* XIV, 349. Сильныя приготовленія начались съ 5 Дек. 1578.

(503) Дѣла Польск. No 11, л. 122—157.

(504) См. въ семъ Т. стр. 323. Бояре совѣтовали Царю не отвѣчать на сіе письмо, пока Баторій не выйдетъ изъ Россіи.

(505) См. Гейденшт.

(506) См. Розрядн. Кн., и *Вивліов.* XIV, 361.

(507) См. Гейденшт.

(508) См. Розрядн. Кн. — О впаденіи Шведовъ въ землю Ижерскую см. Кельха 355. Толпы ихъ грабили за Нарвою и Нейшлосомъ въ предѣлахъ Россіи. Тогда же Радзивилъ и Курлянд. Воевода Пуплеръ сожгли Киремпе.

(509) См. Розряд. Кн.

(510) См. Гейденшт.

(511) См. Розрядн. Кн.

(512) См. Гейденшт. и Лѣтопис. Графа Толстаго, No 123, л. 253 на об.

(513) См. Гейденшт., Розрядн. Книги и Дѣла Польск. No 11, л. 184.

(514) Гейденшт. 351, 352.

(515) Тамъ же 354, Кельха 358, 359, и Розр. Кн.

(516) См. въ семъ Томѣ стр. 299. Сей отвѣтъ Курбскаго такъ начинается: »*На вторую Эпистолію отвѣщаніе Цареви Московскому убогаго Андрея Курб*»*скаго, Князя Ковельскаго.*

(517) См. Т. VIII, стран. 249.

(518) Въ донесеніи нашихъ Пословъ Карпова и Головина (Дѣла Польск. No 11, л. 116).

Курбскій въ *Житіи Θеодорита Священномученика:* »Яко слышахъ отъ нѣкоторыхъ, тако и написахъ, »во странствѣ будучи и долгимъ разстояніемъ разлу»ченный и туне отгнанный отъ оныя земли, *люби»маго отечества моего.*«

Курбскій писалъ еще о Флорентійскомъ Соборѣ. Имѣемъ также его письма къ К. Константину Острожскому, къ Марку, къ Козмѣ Мамоничу, къ Θед. Бокею Хвостовскому, къ Княгинѣ Чарторижской, къ Пану Евст. Троцкому, къ Семену Сѣдларю мѣщанину Львовскому, о разныхъ богословскихъ мнѣніяхъ и толкованіяхъ. Жаль, что всѣ извѣстные мнѣ списки твореній Курбскаго наполнены грубыми, безсмысленными ошибками.

(519) См. Одерборна 299. Онъ пишетъ, что Андрей Щелкаловъ не могъ успокоить однѣхъ женщинъ, которыя плакали, вопили, бѣгали изъ улицы въ улицу, и требовали себѣ новыхъ мужей вмѣсто убитыхъ непріятелемъ; что Дьякъ въ черной одеждѣ вышелъ къ народу и молилъ его унять женщинъ, доказывая изъ лѣтописей, сколь всегда опасны были ихъ бунты; что онъ велѣлъ принести розги и тѣмъ усмирилъ всѣхъ мятежницъ.

(520) Леонтія Стремоухова, 30 Сент. (См. Дѣла Польск. No 11, л. 153—173). Полоцкій Воевода, Дорогостанскій, отнялъ у него грамоту, распечаталъ и велѣлъ ему ѣхать въ Литву на Смоленскъ. Царь далъ Стремоухову новую грамоту, въ коей Бояре жаловались на Дорогостанскаго. — Стефановъ гонецъ, Богданъ Проселко, пріѣхалъ въ Новгородъ 17 Ноября съ письмомъ отъ 16 Сент. (см. тамъ же, л. 173—214). Лопатинскаго отправили изъ Москвы 10 Генв. Дьякъ Щелкаловъ сказалъ ему, что грамота, имъ привезенная къ Царю, наполнена язвительными выраженіями, за которыя надлежало бы отсѣчь ему голову; но что Іоаннъ *не желаетъ его убогой крови.* Съ нимъ послали

къ Стефану гонца Елизарья Благова (см. тамъ же, л. 214 — 255).

(521) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 590 и слѣд.

(522) Шепкенберга-Анибала взяли въ полонъ у Везенберга. Ревельцы давали за него на обмѣнъ трехъ знатныхъ сановниковъ Россійскихъ; но Іоаннъ велѣлъ изрубить сего смѣлаго разбойника. Шведы, осаждавъ Нарву три недѣли, отступили 29 Сент. См. Кельха 356, 357.

(523) См. *Собран. Государств. Грамотъ,* Т. I, стр. 583. Внизу: »Утверждена сія грамота въ *преименитомъ* и *царствующемъ градѣ Москвѣ*, л. 7088, Генв. »въ 15 день.«

(524) См. наказъ Мих. Ив. Внукову, К. Вас. Ростовскому и проч.; также Архив. Резрядн. Кн. 586—588.

(525) См. Гейденшт.

(526) Стремоуховъ возвратился 3 Февр. съ отвѣтомъ Вельможъ Литовскихъ, Благовъ 15 Апр. съ письмомъ Королевскимъ. Въ концѣ Февраля послали въ Литву гонца Грязнаго-Шубина, а 23 Апр. Дворянина Григ. Аѳан. Нащокина, который, въ случаѣ необходимости, долженъ былъ изъявить согласіе Іоанново на отправленіе Уполномоченныхъ къ Королю. Съ Шубинымъ Литовскіе Вельможи писали къ Боярамъ (въ Маѣ), чтобы Царь велѣлъ освободить Польскихъ купцевъ, задержанныхъ въ Москвѣ, и возвратить имъ товары, цѣною на 200 тысячь золотыхъ. Нащокинъ возвратился 1 Іюля. Въ концѣ сего мѣсяца выѣхали изъ Москвы Уполномоченные, К. Ив. Вас. Сицкій Ярославскій, Романъ Мих. Пивовъ и Ѳома Дружина Пантелеевъ Петелинъ: съ ними было 500 человѣкъ и 700 коней. Гонецъ Шишмаревъ извѣстилъ о томъ Баторія, представляя ему, что Уполномоченные не могутъ быть къ назначенному имъ сроку. См. Дѣла Польск. No 11, л. 263—404.—16 Іюля Царь, свѣдавъ о выступленіи Короля съ войскомъ изъ Вильны въ Чашники, еще писалъ къ нему, убѣждая его возвратиться и ждать нашихъ Уполномоченныхъ въ Вильнѣ.

(527) См. Дѣла Цесарск. No 4, л. 28, и Папскія, No 1. Еще въ Мартѣ 1580 Іоаннъ писалъ къ Рудольфу съ гонцемъ Аѳан. Рѣзановымъ, чтобы онъ немедленно прислалъ въ Москву Уполномоченныхъ для заключенія союза противъ Турковъ, предложеннаго Максимиліаномъ. Истома Шевригинъ былъ отправленъ 25 Авг., чрезъ Ливонію и Данію.

(528) См. Розряды 1581 г. въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 367 — 388.

(529) См. Гейденшт. 367. Баторій, *кромѣ* наемныхъ *Нѣмецкихъ* воиновъ, имѣлъ тогда 26,000.

(530) См. Гейденшт. 374, 375. Русскіе, пишетъ онъ, надѣвали на себя мокрыя кожи, чтобы сражаться въ огнѣ. Взявъ въ плѣнъ Воеводу Ивана Вас. Воейкова (Joh. Vieichovus: см. Розряды въ *Вивліоѳ.* XIV, 383), ближняго Царскаго человѣка, Замойскій началъ его разспрашивать о тайныхъ намѣреніяхъ Іоанновыхъ: Воейковъ ждалъ пытки, и видя Фаренсбаха, ему лично знакомаго, бросился къ сему бывшему Русскому Воеводѣ, чтобы молить его о заступленіи; но былъ изрубленъ Венграми. См. также Кельха 360.

(531) См. Дѣла Польск. No 12, л. 5—177. Сицкій и Пивовъ пріѣхали въ станъ къ Королю 29 Авг. Они вторично были ему представлены 2 Сент., и послали въ Москву Никиф. Сущова, а Баторій отъ себя гонца Лазовицкаго.

(532) См. Гейденшт. и Архив. Розряд. Кн. 633.

(533) См. Архив. Розрядн. Кн. 645.

(534) См. Гейденшт.

(535) Тамъ же, стран. 383.

(536) См. Архив. Розрядн. Кн. 634.

(537) См. Далина г. 1580 и Кельха стран. 360 — 365.

(538) См. Розряд. г. 1580 (*Вивліоѳ.* XIV, 380).

(539) См. Розрядн. Кн.

(540) См. выше, примѣч. 480. Курбскій говоритъ въ 1580 г. о *пяти* или *шести* женахъ Іоанновыхъ. Гейденшт. разсказываетъ, что изо всей Россіи собираемыя Царскія

невѣсты живутъ обыкновенно въ одномъ большомъ домѣ; что въ каждой комнатѣ стоитъ 12 кроватей и тронъ; что Царь, провождаемый только однимъ старцемъ, входя въ комнату, садится на тронъ; что невѣсты, одна за другою, становятся передъ нимъ на колѣни, и бросивъ къ его ногамъ платокъ злашотканный съ жемчугомъ, удаляются; что Царь выбираетъ любую, и проч. — Царевичь Ѳеодоръ женился, какъ вѣроятно, въ 1580 году, когда Годунову дали Боярство (см. *Послужной Списокъ* въ *Вивліоѳ.* XX, 57), а Царь на Маріи въ Сентябрѣ того же году. См. Архив. *Розрядн. Кн.* 647.

(541) См. Архив. *Псков. Лѣт.* и Гаклуйта, стр. 520.

(542) См. Дѣла Польск. No 13, л. 20.

(543) Сицкаго и Пивова возили за Королемъ въ Невль, въ Полоцкъ, въ Кревъ; долго держали въ селѣ Трябинѣ, и 30 Генв. привезли въ Варшаву, откуда выѣхали они въ Москву 19 Февр. См. Дѣла Польск. No 12, л. 20 и слѣд.

(544) Дѣла Польск. No 12.

(545) См. тамъ же, No 13, л. 43 и слѣд.

(546) То есть, въ Соколѣ: см. выше. Гонцы, Литовскій и нашъ, выѣхали изъ Москвы 30 Іюня. Король оставилъ Вильну 20 Іюня и велѣлъ Пушкину съ Писемскимъ ѣхать за собою.

(547) Въ сей грамотѣ, писанной варварскимъ языкомъ, ни Русскимъ, ни Польскимъ, около двухъ сотъ страницъ (см. Дѣла Польск. No 13, л. 265-350). Вотъ нѣкоторыя мѣста: »До тебе лежачего въ болотѣ спросности небаченья твоего склонимся, а тобѣ руку подамы, хотячи тебе съ него вытягнути, оперши наперѣдъ берніе зъ очью твоихъ, же бы еси могъ прозрѣти, а гносность и спросность свою обачити. Естьли жь слова наши не будутъ тебѣ смаковати, ты самъ того причиною, же ся на насъ торгнулъ наперѣдъ несмачными и быстрыми словы.« Въ концѣ: »Альбо для лакомства, альбо для пыхи до Пруса якогось фальшивого, а николи на свѣтѣ не бывалого брата Це-

»царя Августа родъ свой выводишь. . . Зовешься но»сителемъ креста Христова, ты, который зъ Діаб»ломъ полной усходъ Богу отнимаещь, которого ни »носишь, але на подданые свои кресты незносные »вскладаешь. . . .«

(548) 21 Іюля Баторій стоялъ тогда близъ Полоцка, гдѣ находился съ нимъ и Іезуитъ Антоній Поссевинъ (см. ниже). О книгахъ см. также Гейденшт. 392: Libros de immanitate eius, passim per Germaniam editos, una ei mittit. Слѣдственно сіи книги были печатныя: думаю, Герберштейнъ о Россіи и Гваньини, коего сочиненіе о тиранствѣ Іоанновомъ было тогда напечатано въ Германіи (см. выше, примѣч. 32). Іоаннъ велѣлъ сказать Стефану, что будетъ отвѣчать на присланныя имъ *книги*, когда прочитаетъ ихъ.

(549) Дѣла Цесарск. No 4 и Папскія No 1. Въ донесеніи Истомы Шевригина: »Пріѣхалъ онъ Истома »въ Римъ Февр. въ 24, а встрѣча ему первая была »отъ Риму за 5 верстъ, Кардиналъ Медичь, а по-Рус»ски Архіепископъ, а съ нимъ человѣкъ 150, а подъ »него подъ Истому привезли три колымаги; а другая »встрѣча была отъ Риму за три версты: встрѣчалъ »Ковалеръ, а по-Русски Воевода, а съ нимъ человѣкъ »съ 200; а въ Римѣ поставили его на дворѣ у Рим»ского Намѣстника, у Папина сына, у Якова; а встрѣ»тилъ его Папинъ сынъ на дворѣ своемъ; да и въ при»ставѣхъ у него былъ Папинъ же сынъ; а у Папы »онъ Истома былъ Февр. въ 28 . . . а въ Римѣ по »28 Марта; а на дворъ (къ Папину сыну) пріѣзжали »его Истому подчивать по вся дни Кардиналы и Вое»воды и Дворяне, а ѣствы ему шло на день къ сто»лу по тридцати блюдъ, а къ ужинѣ по тридцати жь »блюдъ; да овощей всякихъ къ столу по двѣнатца»ти блюдъ, да къ ужинѣ жь по двѣнатцати блюдъ.«

(550) Латинскій Списокъ сего наказа подаренъ Москов. Архиву Кол. Иностран. Дѣлъ Историкомъ Княземъ Щербатовымъ вмѣстѣ съ письмомъ Кардинала Морона къ Іоанну изъ Регенсбурга отъ 15 Генв. 1576.

(551) См. выше, примѣч. 429.

(552) Moscovia A. Possevinii и La vie du Pere Ant. Possevin, p. 267.

(553) См. рукописную *Повѣсть о прихожении Литовск. Короля Степана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій и на славный, Богомъ спасаемый градъ Псковъ*. Древнѣйшій списокъ ея (XVII вѣка) находится въ моей *Елагинской Смѣси*, также и въ Лѣтописцѣ Графа Толстаго, No 123, л. 253. К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій былъ старѣе К. Ив. Петровича Шуйскаго; но Царь, какъ сказано въ сей повѣсти, призвавъ къ себѣ К. Ивана, далъ ему одному письменный наказъ и велѣлъ отвѣтствовать за всѣхъ Воеводъ: т. е. сдѣлалъ главнымъ. Гейденштейнъ и другіе чужеземные Историки вездѣ именуютъ первымъ Псковскимъ защитникомъ К. Василія Скопина-Шуйскаго. К. Хворостининъ былъ Андрей Ивановичь, Бахтеяровъ Владиміръ Иван., Ростовскій Вас. Мих.

(554) Или за сорокъ тысячь, по сказанію чужеземныхъ Историковъ: см. La vie de Possevin 301.

(555) См. Розряды 1581 года, въ *Вивліоѳ.* XIV, 394 и слѣд.; также Архив. *Псков. Лѣт.*

(556) Такъ говоритъ Поссевинъ. Въ Статейныхъ Спискахъ (Дѣла Папск. No 1, л. 41).

(557) См. Поссевина Moscov.

(558) См. Дѣла Папск. No 1, л. 93 и слѣд.; также Поссев. Moscov.

(559) Антоній пишетъ, что Іоаннъ будто бы сказалъ: »коего мы признаемъ Намѣстникомъ Іисуса Христа.« Поссевинъ выѣхалъ изъ Старицы 14 Сент.

(560) См. *Повѣсть о Псковской осадѣ*. Тамъ же о силѣ Баторіевой: »всякихъ наемныхъ людей 60 тысячь, »а своего войска 40 тысячь, опричь торговыхъ людей.« И Флетчеръ (R. C. W. 27) пишетъ, что у Стефана было 100,000 воиновъ.

(561) См. Гейденшт.

(562) См. Дѣла Польскія No 13, л. 20. См. также Гейденшт.

(563) См. *Повѣсть о Псковской осадѣ*. О Шуйскомъ

въ проломѣ см. Гейденшт. — Вмѣстѣ съ Игуменомъ Тихономъ отличался ревностію Троицкій Протоіерей Лука.

(564) См. *Повѣсть*.

(565) Тамъ же.

(566) Тамъ же. — См. также Гейденшт.

(567) См. *Повѣсть*.

(568) О ропотѣ Литов. войска см. Гейденшт; также *Повѣсть*, и проч.

(569) Такъ въ *Повѣсти*. См. также Архив. *Псков. Лѣт.*

(570) См. *Повѣсть*.

(571) См. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 370, г. 1519.

(572) См. рукописную *Повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, иже во Псковской земли, и о Марцѣ, первомъ старцѣ Печерскомъ о избавленіи града Пскова и Обители Печерскія отъ плѣненія въ нашествіе Короля Польск. Стефана Обатура* (см. также Гейденшт.)

(573) См. Кельха 368.

(574) См. Гейденшт. и Дѣла Польск. No 13, л. 546 на об.

(575) См. выше, стран. 360, въ рѣчи, произнесенной Баторіемъ на Сеймѣ.

(576) См. Архив. *Псков. Лѣт.* Арх. Розрядн. Кн. 634 на об., и Дѣла Польск. No 13, 372.

(577) См. Кельха 363 и Гейденшт. 403.

(578) См. Кельха 366—368, Гадебуша 232, Далина 106, 107.

(579) См. Дѣла Польск. No 13, л. 353—504.

(580) Тамъ же, л. 548 и слѣд.

(581) Тамъ же, л. 574, и Поссев. Moscov.

(582) См. Гейденшт., который (стр. 413) описываетъ и *губительный ларецъ*, вымышленный Остромецкимъ (Ostromecius). Онъ говоритъ, что ящикъ произвелъ свое дѣйствіе; что его открылъ, вмѣсто Шуйскаго, К. Андрей Хворостининъ, который будто бы лишился тутъ жизни вмѣстѣ со многими любопытными (онъ здравствовалъ и воеводствовалъ въ слѣдующіе годы). Въ нашей *Повѣсти*: »повелѣша добыти »мастеровъ, которые ларцы отпираютъ,« и пр.

(583) См. Дѣла Польск. No 13, л. 546.

(584) См. тамъ же, л. 567.; также Поссев. Moscov.

(585) См. *Повѣсть*.

(586) См. списокъ сего договора въ Дѣлахъ Польск. No 14, л. 1 и слѣд.

(587) См. донесеніе нашихъ Уполномоченныхъ (Дѣла Польск. No 13, л. 602). — Далѣе см. Поссев. Moscov.

(588) См *Повѣсть*. См. также Одерборна и Кельха 373.

(589) См. Кельха 370 и выше, стран. 156, о волшебникѣ Елисеѣ.

(590) См. *Повѣсть* о *Псков. осадѣ*.

(591) См. Гейденшт. и Кельха 373.

(592) См. *сей Исторіи* Т. VI, стр. 380, г. 1503.

(593) См. Поссев.

(594) См. выше, г. 1570, Гваньини и Одерборна (J. B. Vita, стран. 318).

(595) См. Поссевина въ Moscov. 96 и Д. Хитрея IV, 191. Евдокія Богдановна Сабурова, въ Инокиняхъ Александра, пострижена въ Суздалѣ, а П. М. Соловая на Бѣлѣозерѣ; обѣ скончались въ 1620 г. и погребены въ Моск. Возн. Дѣв. монастырѣ. О Еленѣ нигдѣ не упоминается въ нашихъ собственныхъ извѣстіяхъ. — Въ рукоп. Степ. Книгѣ Латух. сказано, что Царевичь Іоаннъ *сіялъ мудрымъ смысломъ*.

(596) *Архив. Псков. Лѣт.* и чужеземныя извѣстія (Нейштетово и проч.) болѣе или менѣе согласныя съ Лѣтописцемъ Псковскимъ (см. Траера, Гадебуша, Вагнера и *Подробную Лѣтопись* III, 75).

(597) См. рукоп. Латух. Степен. Книгу. Поссевинъ говоритъ, что Думный Дьякъ Андрей Щелкаловъ и Бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ привезли Медиковъ изъ Москвы.

(598) См. Одерборна и Поссевина. Въ Морозов. Лѣт.: »Въ лѣто 7090 *въ Москвѣ въ Слободѣ*, на Воздвижен»ской улицѣ, не стало Царевича Ивана Ивановича, и »несоша его во градъ, и погребоша у Арх. Михаила; »а скончался Ноемврія въ 19 день.« Не въ *Москвѣ*, а въ *Слободѣ Александровской* убитъ Царевичь. Тамъ

Іоаннъ находился 17 Ноября (см. Дѣла Польск. No 13, л. 524 на об.) О черной одеждѣ и несеніи гроба въ Поссев. 29. Въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей Графу Ѳ. А. Толстому, находится *Похвальное Житіе* Св. Антонія Сійскаго, также Служба и Похвальное ему Слово, сочиненныя Царевичемъ Іоанномъ.

(599) См. Поссев. Moscov. 30, 31, и Одерборна.

(600) См. тамъ же. Сказавъ, что Ѳеодоръ былъ единственнымъ наслѣдникомъ трона, Поссевинъ баснословитъ о мнимомъ правѣ Конюшаго Боярина избирать Вѣнценосца для Россіи въ такомъ случаѣ, когда Государство остается безъ Государя.

(601) Такъ Поссевинъ: 10,000 рублей или 20,000 червонцевъ; у Одерборна 77 тысячь золотыхъ.

(602) См. Одерборна.

(603) Одерборнъ (J. B. M. Ducis Vita 297).

(604) См. Латух. Степен. Книгу и другіе ея списки.

(605) См. Дѣла Польск. No 13, л. 525 и 605.

(606) Moscov. 28, 30.

(607) См. Дѣла Папск. No 1, л. 330—333.

(608) См. Дѣла Папск. No 1, л. 356.

(609) Тамъ же, л. 367.

(610) См. Поссевина. и нашъ Статейн. Списокъ. Впрочемъ мало разности въ сихъ двухъ описаніяхъ; только иное подробнѣе въ Латинскомъ, иное въ Русскомъ, или въ другой связи.

(611) См. Дѣла Папск. и Поссев. Colloquium I.

(612) См. Поссевина.

(613) См. Дѣла Папск.

(614) См. тамъ же.

(615) Здѣсь разность. Доказывая, что Папа есть истинный наслѣдникъ Апостоловъ, Антоній, по его словамъ, сказалъ Іоанну: »Ты, Государь, черезъ 500 »лѣтъ наслѣдовавъ престолъ Владиміровъ, не имену»ешься ли законнымъ наслѣдникомъ его Царства? Взду»маетъ ли кто нибудь оспоривать права твои или »твоихъ предковъ единственно для того, что они мо»гли имѣть человѣческія слабости?« . . . Тутъ Іоаннъ

съ досадою, привставъ съ мѣста, сказалъ: *Знай, что Папа не есть пастырь.*« Видно, что Антоній не смѣлъ повторить *хулы* Іоанновой. См. наши Дѣла.

(616) См. Поссев. Colloq. II, стран. 151.

(617) См. Папск. Дѣла, л. 342. — Далѣе см. тамъ же, л. 345 и 357.

(618) Въ сей день, по сказанію Антонія, было множество людей во дворцѣ, въ сѣняхъ, на лѣстницѣ и въ окнахъ (см. его Colloq. III, стран. 152 и слѣд.). Онъ сравниваетъ себя, кажется, со искушаемымъ Христомъ. Здѣсь наше описаніе не согласно съ Поссевиновымъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. См. Папск. Дѣла, л. 399.

(619) Тамъ же л. 407.

(620) Тамъ же, л. 409. — Далѣе см. л. 414 и 423.

(621) См. тамъ же, л. 431 и слѣд.

Государь далъ тогда Антонію и *грамоту опасную* для Шведскихъ Пословъ и гонцевъ, дозволяя имъ пріѣхать въ Москву для переговоровъ о мирѣ.

Въ наказѣ Молвянинову и Подъячему его, Тишинѣ Васильеву: »А нѣчто Якова и Тишину къ Папѣ пустити не похотятъ, и имъ къ Папинымъ Думнымъ »людемъ одноличнo не ходити . . . А нѣчто Папа по»зоветъ ихъ къ себѣ, а имъ за столъ итти, а то »провѣдывати, не будетъ ли у него Турского или Це»сарево или иного Государя Пословъ, и имъ говорити: »посадитъ насъ Папа выше иныхъ Посланниковъ, и »мы за столъ идемъ; а не посадитъ выше, имъ за »столъ нейти . . . А нѣчто Папа или его совѣтники »учнутъ говорити: *Государь вашъ Папу назвалъ вол»комъ и хищникомъ* . . . и Якову и Тишинѣ говорити, »то имъ слышати не лучилось, а больше того не го»ворити ничего . . . А нѣчто учнутъ спрашивати, »по чему они въ *платьѣ черномъ:* и Якову и Тишинѣ »(вездѣ) сказывати, что грѣхомъ всее Рускіе земли »Царевича К. Ивана въ животѣ не стало . . . Да про»вѣдати, Цесарь и всѣ Короли Папѣ послушны ли?«

Въ сіе время нѣкоторыя грамоты Іоанновы къ Европейскимъ Государямъ начинались молитвою къ

Св. Троицѣ: »Троице пресущественная и пребоже»ственная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ тя, ис»тиннымъ Крестьяномъ дателю премудрости пене»вѣдомый и пресвѣтлый и крайній верхъ! направи насъ »на истину твою и научи насъ на повелѣнія твоя, да »возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей! Сего »убо нашего въ Троицѣ славимаго милостію, хотѣні»емъ и благоволеніемъ удержахомъ скифетръ Россій»скаго Царствія Мы Великій Государь Царь и проч.«

(622) См. Т. I, примѣч. 33.

(623) Языки Коряковъ, Чукчей, Камчадаловъ сходствуютъ съ языками островитянъ Восточнаго Океана и Сѣверныхъ Американцевъ: вѣроятно, что они (т. е. Коряки и проч.) Американскіе выходцы. Чукчи, какъ замѣтили Кукъ и Лессепсъ, не имѣютъ въ лицѣ ничего Азіатскаго.

(624) См. Т. I, примѣч. 33.

(625) Тамъ же, стран. 7.

(626) Тамъ же, стр. 16 и 24, и Т. IV, 47.

(627) Т. II, 47.

(628) Т. VI, 361, Т. VII, 208, и Т. VIII, 266. *Обдоріею* назывались берега нижней Оби (см. Больш. Чертежъ), а *Кондіею* окрестности рѣки Конды, впадающей въ Иртышъ.

(629) См. Т. VI, 186, и примѣч. 211. Герберштейнъ различаетъ Тюменскихъ и Шибанскихъ Татаръ; но Ивакъ, Царь *Шибанскій*, жилъ въ *Тюмень*, на Тавдѣ, кажется, а не на Турѣ (см. Т. VI, стран. 334). Въ половинѣ XVI вѣка при устьѣ Тобола господствовалъ, думаю, Ишимскій, не Шибанскій Улусъ: Князь Сибири, Едигеръ, жаловался Іоанну (Т. VIII, стр. 267), что *Царевичъ Шибанскій* разорилъ его землю: слѣдственно самъ Едигеръ не былъ *Шибанскимъ* Княземъ? Въ *А. Нев. Лѣт.* сказано, что Сибирскіе жители, измѣнивъ Іоанну, взяли себѣ въ Государи *Шибанскаго Царевича*, именемъ также Едигера или Едигеря; но здѣсь не ошибка ли? не такъ ли должно читать сіе мѣсто: »и взяли къ себѣ на Сибирь Царевича: Едиге»ря Князя, Государьского данщика, *Кучюмъ*« (вмѣсто

»*Едигеря*), Царевичъ Шибанской, убилъ.« Если догадка моя справедлива, то въ *Исторіи* (стран. 145, строк. 26) надобно сказать: »новый Владѣтель ея, Шибанскій »Царевичъ *Кучюмъ*, убилъ тамъ Князя Едигера, на»шего данника« (вмѣсто: »Шиб. Ц. Едигерь убилъ тамъ »нашего данщика«).

(630) См. рукоп. *Повѣсть о взятіи Сибирскія земли*, достовѣрнѣйшую всѣхъ иныхъ и сочиненную, какъ вѣроятно, около 1600 году. Авторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ грамоты Іоанновы, данныя Строгановымъ, и пишетъ основательно, просто: буду называть сію, дѣйствительно историческую повѣсть *Строгановскою Лѣтописью*. *Вторая*, также рукописная, есть *Исторія о Сибирстѣй земли и о Царствіи*: въ концѣ ея находится слѣдующее извѣстіе: »Въ лѣто 7129 (1621) »поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь въ Тобо»лескъ во Архіепископы Кипріанъ, бывый Хутын. мо»настыря Архимандритъ, и во второе лѣто Архипа»стырства своего воспомяну Атамана Ермака Тимо»ѳеева сына Повольскаго« (т. е. Волжскаго) »и онъ до»брый Пастырь *повелѣ спросити Ермаковыхъ Каза»ковъ*, како они пріидоша въ Сибирское Царство, и »пр. . . повелѣ убитыхъ имена написати въ Собор. цер»кви въ Синодикъ и въ Православную Недѣлю клика»ти имъ вѣчную память. . . Сія лѣтопись о Сибир. Цар»ствѣ въ Тобольску градѣ (писана) въ лѣто 7145 Сент. »въ 5 (1636 года). Слагатай человѣкъ грѣшенъ; имя его »познавашеся отъ четырехъ буквъ и пр.« (изъ сего выходитъ имя *Саввы Есипова*). Сія повѣсть основана на первой, или Строгановской, съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями. *Третія* рукописная есть *Сказаніе о Сибирскомъ Царствѣ*: оно не что иное, какъ сокращеніе *второй*. *Четвертое* извѣстіе о завоеваніяхъ Ермаковыхъ внесено въ *Новый Лѣтописецъ* или въ Степенныя рукописныя Книги (см. въ прибавленіяхъ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 637). *Пятымъ* источникомъ служитъ такъ называемый *Тобольскій Лѣтописецъ*, состоящій болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія, которое идетъ въ немъ до 1649 года, и весьма

баснословно. Сія рукопись, полученная Миллеромъ отъ Воеводы Енисейской Провинціи, П. Ѳ. Мировича, и въ 1744 г. отданная имъ въ библіотеку Академіи Наукъ, едва ли старѣе временъ Петра Великаго. Титулъ въ началѣ: *Сибирская Исторія*; а на другомъ вклеенномъ листѣ: *Лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская*. Въ концѣ имя затѣйливаго Автора или писца, Тобольскаго жителя, изображено числительными буквами (изъясненными для меня почтеннымъ моимъ пріятелемъ, А. И. Ермолаевымъ: *писалъ Семенъ Ремезовъ*). Сочинитель пользовался, какъ думаю, народными преданіями, догадывался, вымышлялъ; а Миллеръ на его невѣрныхъ сказаніяхъ (не знавъ, кажется, *Строгановскаго Лѣтописца*) основалъ свою *Исторію Сибири*, любопытную мѣстными описаніями и внесенными въ нее грамотами. Фишеръ (см. его Sibirische Geschichte) повторяетъ Миллера такъ же, какъ и неизвѣстный мнѣ Авторъ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи*, присланной Графу Н. П. Румянцеву Тобольскимъ Архіеп. Амвросіемъ.

Фишеръ (см. его *Сибирск. Ист.*) говоритъ, что въ невѣрномъ Сибирскомъ преданіи, вопреки лѣтосчисленію, разумѣется, можетъ быть, подъ именемъ *Она* Ункъ-Ханъ или Вангъ-Ханъ Кераитскій, а подъ именемъ Чингиса славный Чингисъ-Ханъ, который завоевалъ всѣ Ункъ-Хановы владѣнія. Лербергъ, согласная дѣйствія съ Хронологіею, думалъ, что *Онъ* есть потомокъ Шибана или Шейбани въ пятомъ колѣнѣ, называемый въ Абульгазіевой Исторіи Бекъ-Онди-Огланъ (см. Lehrb. Untersuchungen); а Чингисъ Князь Едигей (см. Т. V, 220), который по извѣстію Шильдбергера (Reise in der Orient.) воевалъ въ *Ибиссибуръ* (Сибири), *гдѣ собакъ впрягаютъ въ сани*; что Упакъ долженъ быть Ивакомъ Тюменскимъ (см. Т. VI, г. 1480, стран. 187 и Т. V, 390), сыномъ Владѣтеля Казанскаго Мамутека (ибо Абульгази точно симъ именемъ называетъ Мамутекова сына), а Маметъ Сибирскій Шибанскимъ Царемъ Мамукомъ (см. Т. VI, примѣч. 402). Догадки имѣютъ свою цѣну (см. ниже). Не

говоря о Едигерѣ, замѣтимъ только, что Ивакъ называлъ себя *сыномъ Царя Шибана* (Т. VI, примѣч. 211). Предложимъ новую догадку: въ Строганов. Лѣтописи, которая служила источникомъ для другихъ, не должно ли читать: »Упакъ, Царь *Шибанскій*,« вмѣсто *Казанскаго*?

Въ Ремезов. Лѣт. сказано, что первый Ишимскій Ханъ, Онсонъ, имѣлъ столицу свою близь устья сей рѣки, на Красномъ Яру или Кизыль-Яру; что преемникомъ его былъ Иртышакъ, коего именемъ назвали рѣку Иртышъ; что Ханъ Тюменскій, Чингисъ, побѣдилъ Иртышака; что третій Владѣтель Ишимскій назывался Саргачикомъ, какъ нѣкоторые Ишимскіе Татары и донынѣ именуются (т. е. Саргачиками). — Имѣемъ еще третіе сказаніе о древней Сибири, которое основано на Татарскихъ и Бухарскихъ преданіяхъ, собранныхъ и записанныхъ въ книгу въ 1670 году при Тобольскомъ Воеводѣ, Петрѣ Ивановичѣ Годуновѣ (см. Мил. Сиб. Исторію стр. 12 и 40). По сему извѣстію, Ханъ Чингисъ, овладѣвъ Бухаріею, уступилъ сыну Киргизъ-Кайсакскаго Хана Мамыка, именемъ Тайбугѣ, всѣ мѣста вокругъ Иртыша, Тобола, Ишима и Туры, гдѣ съ того времени господствовали безпрекословно Тайбугины потомки. Миллеръ, будучи въ Сибири, слышалъ еще отъ Татаръ слѣдующее:

»Едигеръ умеръ естественною смертію, оставивъ »жену беременную. Вельможи хотѣли, чтобы Бухар»скій Ханъ Муртаза далъ имъ Царя: онъ прислалъ къ »нимъ Кучюма, своего средняго сына, который и во»царился въ Сибири. Между тѣмъ жена Едигерова у»шла въ Великую Бухарію, жила тамъ у одного добра»го Сеита (Махометова потомка), и родивъ сына, на»звала его Сейдякомъ, въ честь своему благодѣ»телю.«

Въ Абульгазіевой Исторіи родословная Кучюмова предложена такъ: отецъ Кучумовъ Муртаза, дѣдъ Маамутъ (или Мамудакъ), прадѣдъ Адциметъ (или Гадзимъ-Магометъ), отецъ Адциметовъ Али-Огланъ, Али-Оглановъ Бекенди, Бекондіевъ Мунгатемиръ (или

Менгу-Тимуръ), Мунгатемировъ Бадакулъ, Бадакуловъ Чучи-Ханъ (или Zuzi-Buga), Чучи-Хановъ Батуръ-Ханъ (или Баядуръ), Батуръ-Хановъ Шейбани (или Шибанъ), внукъ Чингисъ-Хановъ, Государь Бухаріи.

Въ грамотѣ Царя Ѳеодора Іоан. къ Кучюму: »Какъ »еще на Сибирскомъ Государствѣ былъ дѣдъ твой »Ибакъ Царь . . . а послѣ Князи Тайбугина рода Маг»метъ К . . . послѣ его Казый Князь, а послѣ Казыя »Едигеръ Князь, и тѣ всѣ *дѣду* нашему и отцу съ »Сибирскіе земли дань давали« (см. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 132).

(631) Пишу сіи имена по Строганов. Лѣтописцу.

(632) Орда Киргизъ-Кайсаковъ называется въ Дѣлахъ Ногайскихъ обыкновенно *Казачьею*. — *Лѣт. А. Нев.* говоритъ, кажется, о двухъ *Едигерахъ*, заставляя думать, что *Едигеръ, Шибанскій Царевичъ*, свергнулъ *Едигера Сибирскаго* (см. выше, примѣч. 629).

(633) См. Т. VI, стран. 335, и *Архив. Лѣт.* 160.

(634) Извѣстіе о семъ достопамятномъ путешествіи находится въ разныхъ Хронографахъ (изъ коихъ одинъ въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго подъ No 64). Имена мѣстъ и рѣкъ отчасти искажены писцами, отчасти уже перемѣнились; но можемъ по картѣ слѣдовать за путешественниками до самаго Пекина.

Въ началѣ: »Того же лѣта 75 году (1567) по повелѣнію Г. Ц. и В. К. Ив. Вас. ходили провѣдывати »за Сибирь Государствъ Атаманы и Казаки Ив. Петр. »да Бурнашъ Ялычевъ съ товарищи, и гдѣ которые »городы за Сибирью видѣли, Китайскому Государству »и Мунгальской земли, и инымъ мѣстомъ, жилымъ и »кочевымъ, и Великой Оби рѣки, и прочимъ дорогомъ »и рѣкамъ, и тѣмъ всѣмъ вывезли сказку и роспись.« Слѣдуетъ сія роспись, начинаясь только съ послѣдняго мѣста Сибирскаго къ Югу (о Сибири же ни слова, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ.)—Описываются разные Мунгальскіе Улусы. Далѣе. »Въ »третьемъ городѣ Мунгальскомъ царствуетъ женка, »а имя ей Царица Мачикатуна, да сынъ ея Царевичь

»Анчитаинъ; а та Царица указываетъ во всей Мун»гальской земли.... Городы въ Мунгальской земли дѣ»ланы на четыре углы, а по угламъ башни, тако же »что у Рускихъ городовъ, а на воротахъ городовыхъ »на башнѣ виситъ колоколъ мѣдной пудовъ въ двад»цать, а въ городѣ дворы и палаты кирпитные на »четыре угла, а полаты не высоки, а подволоки у па»латъ писаны красками розными. Да въ той же Мун»гальской земли стоятъ мечети Лобинскіе каменны, »какъ храмы дѣланы клинчатые, а крестовъ на нихъ »нѣтъ; а наверху сдѣланы у мечетей звѣри, не вѣдо»мо какіе, каменные; а внутрь ихъ, какъ итти про»тивъ дверей, сѣдятъ высоко три болваны женскіе »велики, сажени по полторы болванъ, и вызолочены »съ головы и до ногъ; а въ рукахъ у болвановъ по горш»ку съ кашею; а передъ ними стоятъ свѣчи неугаси»мыя съ саломъ говяжьимъ. А на правой сторонѣ тѣхъ »женскихъ болвановъ стоятъ восмь болвановъ мужскихъ »и т. д.... а поютъ въ нихъ въ двѣ трубы великія, »сажени въ полторы; какъ затрубятъ въ трубы да »станутъ бити въ бубны, да припадутъ на колѣни, »да руками всплеснутъ, да росхватятъ руки, да уда»рятся о землю и лежатъ съ полчаса; и въ тѣ поры »къ нимъ лѣзти нельзя, какъ поютъ: страхъ человѣ»ка объятъ.... И у нихъ Кутухты, а Кутухтъ по »нашему Патріархъ; а толкѣ у нихъ два, одинъ лѣтъ »въ дватцать, а другой лѣтъ въ тридцать молоды; »нѣтъ у нихъ ни усовъ, ни бородъ; а во храмѣхъ имъ »здѣланы мѣста. Какъ придутъ во храмъ, да сядутъ »по мѣстамъ, и по ихъ Вѣрѣ Кутухтамъ всѣ Цари »поклоняются. А Лобы у нихъ по нашему Старцы; »а постригаются лѣтъ въ 10.... А за Мунгальскою »землею къ Бухарцамъ три Царства: Турское (Тур»кестанъ), а Царь въ немъ Юначка, а городъ камен»ной, а Царство богато; да Царство Тунгуцкое (Тан»гутское) а Царь въ немъ Суланчикъ, а городъ камен»ной; да Царство Городъ-Шаръ (Кашгаръ), а Царь »въ немъ Темиръ Желѣзной; а то Царство не далече »отъ Бухаръ; а изъ того Царства, отъ Желѣзнаго

»Царя, идетъ въ Китайское Царство камень алмазъ.
»И тѣ всѣ три Царства стоятъ подъ полдень. А
»по другую сторону Черныхъ Мунгаловъ Желтые
»Мунгалы и до моря. А отъ Мунгальской земли
»отъ Манчетулина города до Китайскова Криму
»до рубежу ѣзды конемъ 2 дни, а рубежная стѣна
»пошла на полдень. А къ Бухаромъ ходу два мѣсяца
»до Обдоры Царя; а городъ Обдоры деревянной, а Цар-
»ство велико и богато; а другой конецъ пошелъ на
»Востокъ до моря, 4 мѣсяца ходу, а стѣна ведена
»кирпичная. А по рубежной стѣнѣ сочли башенъ со
»сто по обѣимъ концамъ; а къ морю и къ Бухаромъ,
»сказываютъ, башнямъ и числа нѣтъ; а башня отъ
»башни стоитъ по стрѣльбищу А сквозь ту
»стѣну рубежную въ Китайской городъ въ Широкал-
»гу пятеры ворота низки и узки, на конѣ наклонився
»ѣхати . . . А тотъ городъ мудръ дѣломъ, а башни
»высоки; а по воротамъ и по башнямъ пушки и карау-
»лы, и мелкаго оружія много; а какъ солнце зайдетъ,
»и караульщики изъ пищалей выстрѣлятъ трижды
»звычно, да станутъ бити по литаврамъ три ча-
»са нощи, да перестанутъ бити и опять выстрѣ-
»лятъ трижды; а наутріе города не отпираютъ до
»шестаго часа дни; а лавки въ городѣ каменныя, вы-
»крашены красками всякими; а товаровъ въ лавкахъ
»всякихъ много, кромѣ сукна; а каменю дорогово нѣтъ
»также; и всякихъ цвѣтовъ и овощей и сахаровъ роз-
»ныхъ, и гвоздики и корицы, и иныхъ пряныхъ зелей
»много, и на кабакахъ у нихъ всякія питья розные . . .;
»а тюрмы стоятъ каменныя по городамъ; а татей
»и разбойниковъ вѣшаютъ и на колъ сажаютъ и го-
»ловы сѣкутъ, а за прописку руки сѣкутъ. А отъ
»Широкалги до Китайскаго же города до Шира день
»ѣзды и т. д. . . . А во всѣхъ городѣхъ Китайскихъ
»отъ стѣны рубежныя, которые напреди писаны, по
»городовымъ стѣнамъ и по башнямъ и по воротамъ
»пушекъ и мелкаго оружья по всѣмъ городамъ много.
»А Воеводы градскіе куда поѣдутъ, и передъ ними
»идутъ батожники, человѣкъ по-двадцати; а надъ Во-

»еводами носятъ солнечники тафтяные желтые. . . .
»Въ полатахъ много попугаевъ, и павъ, и карлъ, и со-
»кольники соколовъ носятъ А отъ бѣлаго города
»Потоя до большаго Китая (Пекина) ѣзду 2 дни, гдѣ
»самъ Царь Тайбунъ живетъ; городъ великъ, бѣлъ,
»что снѣгъ, на четыре углы; а по угламъ стоятъ ве-
»ликія башни съ подзоры всякихъ красокъ; а на баш-
»няхъ по окнамъ великія пушки, а по воротамъ ка-
»раулы. Да въ томъ въ большомъ въ Китайскомъ бѣ-
»ломъ городѣ стоитъ Магнитовой городъ, гдѣ самъ
»Китайскій Царь Тайбунъ живетъ. А объ стѣны отъ
»большаго города бѣлаго Китая итти до Магнитова
»города улицею каменною полднищи; по обѣимъ сто-
»ронамъ улицы лавки каменныя, а на лавкахъ избы ка-
»менныежъ, а передъ лавками решетки древяныя кра-
»шеныя, а улицы сланы сѣрымъ каменемъ; а городъ
»Магнитовой украшенъ всякими мудростьми; а дворъ
»Царской стоитъ среди города Магнитова; а у по-
»латъ Царьскихъ верхи вызолочены. . А Государевы
»Посланники у Китайскаго Царя не были и Царя Тай-
»буна не видѣли: потому что не съ чѣмъ къ нему бы-
»ло итти; и Посольской Дьякъ сказывалъ: *Таковъ-де
»у насъ чинъ въ Китайской земли: безъ поминковъ пе-
»редъ Царя нашего не ходятъ; хотя бы-де вашъ Госу-
»дарь послалъ къ нашему Царю съ вами Посланника-
»ми что не великое, ино бы-де онъ принялъ за великой
»даръ; а нашъ бы Царь съ своими Посланники къ ва-
»шему Государю такожъ бы послалъ дары свои, да и
»васъ бы Посланниковъ жаловалъ и очи бы далъ свои
»видѣти; а нынѣ-де Государь нашъ Царь Тайбунъ дастъ
»вамъ грамоту къ вашему Государю Царю, а Пословъ
»не пошлетъ для того, что у вашего Государя вещей
»много, а у нашего Государя Царя Ирдени* (а по-Рус-
»ки самоцвѣтной камень) и проч.

(635) См. Дю-Гальд. Descr. Hist. de la Chine, vol. IV. 71.

(636) Марко Поло три года служилъ Велик. Хану Монгольскому (см. Шпренг. Gesch. der. Entdeckungen 313).

(637) См. Ник. Витзена Nord en Ost-Tartarye, стр. 512, и Recueil des Voyages de la Compagnie des Indes, T. I, 157, въ Милл. S. R. G. VI, 213. Географъ Голландскій, Исаакъ Масса, первый написалъ о томъ въ своихъ извѣстіяхъ, напечатанныхъ въ 1609 году.

Басню о *строганіи*, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о *счетахъ* (издревле употребляемыхъ въ Китаѣ) также сообщаетъ Витзенъ. Родословная ГГ. Строгановыхъ начинается съ Спиридона, жившаго при В. К. Донскомъ. Въ жалованной Царской грамотѣ, данной имъ 24 Марта 1610, сказано, что одинъ изъ ихъ предковъ *выкупилъ* Темнаго изъ плѣна; т. е. *участвовалъ* въ семъ выкупѣ, который дорого стоилъ *всему Московскому Государству*. Сіи памятники древности, славные для фамиліи *нашихъ Медицисовъ* (по выраженію Левека), хранятся у Графини Софіи Владиміровны Строгановой.

(638) Миллеръ (см. его *Сибир. Ист.* 68) говоритъ, что сей богатый Строгановъ долженъ быть Лука Козминъ, внукъ Спиридоновъ.

(639) См. начало *Строг. Лѣтописца*. Не одинъ ли изъ сихъ двухъ братьевъ лечилъ Годунова? См. выше, стран. 410.

(640) См. *Строг. Лѣт.* и въ Мил. С. И. 76. Первая грамота Григорью Аникіеву дана 4 Апр. 1558 (за подписью Окольничихъ Өед. Ив. Умнаго и знаменитаго А. Ө. Адашева и проч.), вторая ему же 2 Генваря 1564, а третья Якову 25 Марта 1568.

(641) См. *Строг. Лѣт.*

(642) Тамъ же.

(643) См. *Есипов. Лѣт.* Миллеръ пишетъ (С. И. 54), что Кучюмъ, по народному преданію Тобольскихъ Татаръ и Бухарцевъ, ввелъ Магометанскую Вѣру въ Сибири; что до сего времени многіе Бухарскіе проповѣдники лишились тамъ жизни, и были за то объявлены святыми; что отецъ Кучюмовъ, Муртаза, прислалъ войско въ Искеръ съ другимъ сыномъ своимъ, Ахметъ-Гиреемъ, и съ Муллами для истребленія идолопоклонства, но что нѣкоторые Татары, особенно

*

Лебауцкихъ Юртовъ, оставались язычниками; что Ахмета-Гирея убили на Иртышѣ слуги его тестя, Бухарскаго Князя, именемъ Шигея, который ненавидѣлъ зятя за худые поступки съ женою.

(644) См. Дѣла Ногайскія, No 8, л. 14 на об.

(645) См. грамоту Царскую въ Мил. С. И. 87. Здѣсь говорится въ особенности о Вогуличахъ, Остякахъ и *Югорцахъ* или Югричахъ, коихъ имя исчезло, принадлежавъ, вѣроятно, Остякамъ Березовскимъ.

(646) Въ *Строганов.* и въ *Есипов. Лѣт.* называется Маметкулъ *сыномъ* Кучюмовымъ; а въ грамотѣ Царской 1574 году (см. ниже): Сибирскова Салтана *братъ* Маметкулъ. Сей Царевичь, служа послѣ въ нашихъ ополченіяхъ, писался въ Розрядахъ обыкновенно *Алтауловичемъ:* слѣдственно отецъ у него былъ Алтаулъ, не Кучюмъ и не Муртаза. Миллеръ думалъ, что Маметкулъ могъ быть *двоюроднымъ* братомъ Кучюмовымъ, сыномъ его дяди роднаго; но въ грамотѣ Царя Ѳеод. Іоанн. 1597 года онъ именно названъ *племянникомъ* сего Хана: см. *Соб. Госуд. Грам.* II, 133.

(647) См. *Строг. Лѣт.* и Мил. С. И. 87.

(648) См. въ описаніи 1578 г. и выше, въ переговорахъ съ Султаномъ и Тавридою.

(649) Скоро по взятіи Астрахани начались разбои Дон. Козаковъ на Волгѣ: о чемъ упоминается и въ Стат. Спискахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (около 1559 года). См. *Есипов. Лѣт.* и Ног. Дѣла 1581 года, No 10, л. 140, 195, 258 и 269.

(650) Такъ именованы сіи Атаманы въ *Строганов. Лѣт.* Въ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи* (см. выше, примѣч. 630). »Еще работая на судахъ, Васи»лей онъ товарищей своихъ былъ названъ *Ермакомъ*, »служа имъ кашеваромъ: ибо они симъ именемъ назы»вали дорожной артельной таганъ; а по Вольскому на»рѣчію *Ермакъ* значитъ еще жерновой ручной камень.« — Въ *Ремез. Лѣт.* Ермакъ названъ Германомъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ повѣствованіяхъ Ермолаемъ.

Здѣсь Лѣтоп. *Строг.* и *Есиповскій* несогласны: мы

слѣдуемъ первому, сказывая, что Строгановы *призвали* Атамановъ, и проч.

(651) См. *Строг.* и *Есип. Лѣт.*

(652) См. *Строганов. Лѣт.* Въ одномъ спискѣ названъ Вогульскій Мурза *Бегуліелъ*, въ другомъ *Безбеліемъ* Агтаковымъ. У него было 680 Вогуличей и Остяковъ. См. также Царск. грамоту 6 Ноября 1581 (см. Мил. С. И. 144).

(653) См. Дѣла Ногайск. No 10, л. 208, и *Строг. Лѣт.*

(654) Въ Царской грамотѣ отъ 16 Ноября 1582 (Мил. С. И. 145) сказано, что Козаковъ послали на Сибирь *Максимъ* и *Никита* Строгановы: о *Семенѣ* не упоминается; а въ Лѣтописи онъ названъ первый при отправленіи Атамановъ.

(655) См. *Ремез. Лѣт.*, гдѣ упоминается только о двухъ знатнѣйшихъ Атаманахъ: Иванѣ *Кольцовѣ* и Иванѣ *Грозѣ* (о которомъ нѣтъ ни слова въ достовѣрномъ *Строганов. Лѣт.*), также о Пятидесятникѣ Богданѣ Брязгѣ, коего весьма любилъ Ермакъ.

(656) Такъ время означено и въ *Строганов.* и въ *Есипов. Лѣт.*; а по Царской грамотѣ (см. выше, примѣч. 654 и ниже, 657 и 689) кажется, что Ермакъ выступилъ 1 Сент. 1582 года: что однакожъ сомнительно, то есть, несогласно съ хронологіею слѣдующихъ происшествій и съ годомъ Ермаковой смерти.

(657) См. *Строганов. Лѣт.* Гнѣвная Іоаннова грамота къ Строгановымъ писана изъ Москвы отъ 16 Ноября 1582: не уже ли Іоаннъ черезъ годъ узналъ о впаденіи Пелымскаго Князя и Сибир. походѣ Козаковъ? Онъ пишетъ: »въ которой день къ Чердыни приходили Вогуличи, Сент. въ 1 день, а въ тотъ же день »изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать »Вогуличи, а Перми ничѣмъ не пособили:« то есть, какъ бы въ сей же годъ. Вѣсти въ Іоанново время сообщались немедленно: Государь могъ черезъ мѣсяцъ узнать, что дѣлалось въ Перми. Съ другой стороны хронологія Сибирскихъ Лѣтописцевъ кажется не менѣе достовѣрною (см. выше, примѣч. 656, и ниже, 689).

(658) См. Мил. С. И. 145.

(659) Т. е. *Строганов. Лѣтописцу.*

(660) Миллеръ пишетъ (С. И. 102): »Сія рѣка мел»ка къ верховью: Чусовскіе жители сказываютъ, что »Ермакъ выдумалъ запрудить ее растянутыми съ су»довъ своихъ парусами, какъ бы слюзами или плоти»ною, чтобы переднія суда могли итти впередъ . . . »Я слышалъ, что сей способъ употребляется на мел»кихъ рѣкахъ Сибирскихъ.«

(661) См. *Строганов. Лѣт.* и Мил. С. И. 104—106.

(662) Мил. въ С. И. 101—106.

(663) См. тамъ же, 108.

(664) Въ *Ремез. Лѣт.* сказано, что еще за-долго до Кучюма разныя небесныя знаменія предвѣстили гибель Сибирскаго Царства; что на воздухѣ являлся городъ съ Христіанскими колокольнями, вода въ Иртышѣ казалась кровавою, Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры, по свидѣтельству Мурзы Девлетбая, жившаго на Панинѣ бугрѣ противъ Тобольска, въ городкѣ Бицикгурѣ; что сіи знаменія умножились при Кучюмѣ; что нерѣдко приходилъ отъ Иртыша бѣлой волкъ, а отъ Тобола черная гончая собака, и грызлись между собою; что волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ Ханскую силу, а собака Россійскую, которой надлежало побѣдить, и проч.

(665) См. Абульгази 487. Онъ говоритъ, что Кучюмъ ослѣпъ въ старости, и господствовалъ будто бы 40 лѣтъ въ Сибири, откуда выгнали его Россіяне.

(666) См. *Строганов. Лѣт.*

(667) Тамъ же.

(668) См. Мил. С. И. 115.

(669) См. *Строганов. Лѣт.*

(670) Тамъ же.

(671) Въ Синодикѣ Тобольской Соборной церкви означено имянно 107 убитыхъ въ семъ дѣлѣ Козаковъ (см. выше, примѣч. 630).

(672) См. *Строганов. Лѣт.*

(673) См. *Ремез. Лѣт.*, и Мил. С. И. 98.

(674) См. *Строганов. Лѣт.*

(675) Эскальба или Эсвальга, пишетъ Миллеръ, есть

деревня Татарская на берегу Иртыша ниже Тобольска, откуда идетъ прямая дорога чрезъ низкія мѣста къ рѣкѣ Кондѣ. Суклемомъ именуется нынѣ рѣчка, впадающая въ Тоболъ. О подданствѣ сихъ двухъ Князей см. въ *Ремезов. Лѣт.* (гдѣ поставлено здѣсь 6 Дек.) и въ Мил. С. И. 139. Первый говоритъ далѣе, что Ермакъ 22 Дек. послалъ въ Москву Ивана *Кольцова* съ 50 товарищами, на узкихъ санкахъ, или на нартахъ, запряженныхъ собаками, на лыжахъ и на оленяхъ, черезъ Каменный Поясъ и Пермь, такъ называемою *Волчьею дорогою*, и что Князекъ Ишбердей былъ ихъ вожатымъ. И *Есипов. Лѣт.* упоминаетъ о Посольствѣ въ Москву еще до плѣненія Маметкулова; но мы слѣдуемъ *Строгановскому*, какъ древнѣйшему.

(676) См. *Строганов. Лѣт.*

(677) По *Ремезов. Лѣт.*, на берегу озера Кулары, гдѣ нынѣ Куларовская слобода, и 28 Февр. привели плѣнника въ Искеръ.

(678) См. выше, стран. 429.

(679) Такъ въ *Строганов. Лѣт.*; въ *Есипов.* сказано: »къ Юлымскому (по другимъ спискамъ, *Ялымскому*, или *Чулымскому*, какъ въ *Ремезов.*) озеру.«

(680) Въ *Ремезов. Лѣт.* вклеены здѣсь два листа, на коихъ другимъ Авторомъ описаны подвиги Пятидесятника Богдана Брязги, отряженнаго будто бы 5 Марта только съ пятидесятью Козаками для завоеванія сѣверной Сибири; но по достовѣрнымъ лѣтописямъ ходилъ туда самъ Ермакъ. Впрочемъ нѣкоторыя любопытныя подробности въ семъ сказаніи могутъ быть справедливы, и я не усомнился внести ихъ въ Исторію, слѣдуя примѣру Миллера.

(681) См. вышеупомянутое Прибавленіе въ *Ремезов. Лѣт.* и Мил. С. И. 155.

(682) Дополнитель *Ремез. Лѣт.* ставитъ здѣсь число: 9 Мая; а при описаніи дѣла съ К. Самаромъ 20 Мая.

(683) См. выше, примѣч. 634, Т. V, годъ 1367, стран. 11, и Т. VII, 263.

(684) См. *Строганов. Лѣт.* Баснословный Дополнитель *Ремезов. Лѣтописи* приписываетъ сіе завоеваніе не Ермаку, а Брязгѣ. Тамъ же сказано, что близъ устья Иртыша, въ Бѣлогорской волости, находилось мольбище *Великой богини*, которая сидѣла нагая на стулѣ, вмѣстѣ съ сыномъ, принимая дары отъ жителей; что она велѣла Остякамъ схоронить себя отъ Козаковъ и всѣмъ разбѣжаться. Рѣка Назымъ впадаетъ въ Обь выше Иртыша съ сѣверной стороны: не далеко отъ устья сей рѣки видны развалины городка Остяцкаго, вѣроятно, Назыма (см. Мил. С. И. 168).

(685) См. Дополнителя *Ремезов. Лѣт.* и Мил. С. И. 175.

(686) См. *Лѣт. Строганов.* и *Есипов.* — Витзенъ пишетъ, что Ермакъ послалъ Іоанну ясакъ Сибирскій: 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ. См. выше, примѣч. 675.

(687) См. выше, стр. 437.

(688) См. *Строганов., Есипов.* и *Нов. Лѣт.*

(689) См. *Строганов. Лѣт.* Въ разсужденіи *года* новое сомнѣніе (см. выше, примѣч. 656 и 657). Если принять за основаніе хронологію Царскихъ грамотъ, то Ермакъ отплылъ въ Сибирь осенью 1582 года, послалъ вѣсть въ Москву въ 1583, а Болховскій пришелъ къ нему въ 1584; но сей Воевода въ *слѣдующую* зиму умеръ. Ермакъ въ *слѣдующее* лѣто погибъ, и въ 1584 году, какъ извѣстно по всѣмъ Сибирскимъ запискамъ и памятникамъ. Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ или году Ермаковой смерти: т. е. вопреки лѣтописямъ, полагать ее въ 1585 году.

(690) См. *Строганов. Лѣт.*

(691) См. вклеенный 13 листъ *Ремезов. Лѣтописца,* писанный другою рукою. Если вѣрить Автору, то Ермакъ ходилъ Тавдою на Вогуличей еще до взятія Искера, изъ Карачина городка, 1 Авг.: я принялъ вѣроятную мысль Историка Миллера о времени сего похода (см. его И. С. 117, 124, 169, и рукописную *Новую Сибирскую Лѣтопись* неизвѣстнаго).

(692) Отъ того, пишетъ Авторъ, названо сіе озе-

ро *Банными Погаными*. Нынѣ есть рѣчка *Лабута* и деревня *Лабутинская*, также рѣчка Паченка или Печенга, гдѣ Архіерейская Тавдинская слобода.

(693) Т. е. со временъ В. К. Василія Іоанновича.

(694) См. *Ремезов. Лѣт.*, и въ Мил. С. И. 148.

(695) См. рукописн. Степен. Кн., *Нов. Лѣтоп.* и Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 637 на об.

(696) См. *Строганов. Лѣт.*

(697) См. тамъ же и *Есипов. Лѣт.*

(698) Тамъ же.

(699) См. выше, примѣч. 646.

(700) *Строганов. Лѣт.* По *Ремез. Лѣт.* 12 Марта.

(701) См. *Строганов. Лѣт.*

(702) По *Ремезов. Лѣт.* 9 Мая. См. Мил. С. И. 176, 177.

(703) См. *Есипов. Лѣт.* и Мил. С. И. 177.

(704) Сей походъ описанъ только въ прибавленіи къ *Ремезов. Лѣт.*, опять на вклеенномъ 25 листѣ (см. Мил. С. И. 180), и кажется вѣроятнымъ.

(705) Сіи Татарскія пѣсни начинаются словами: *яным, яным, бишь Казак;* то есть: *воины, воины, пять Козаковъ.* См. Мил. С. И. 185. — Крѣпость, не взятая Ермакомъ, называлась Кулларою (гдѣ нынѣ деревня Татарская Кулларъ-Аулъ).

(706) См. *Строганов. Лѣт.* По одному списку *Есипов. Лѣт.*, съ Ермакомъ было 50 Козаковъ, по другому 150; тамъ же, въ выпискѣ изъ Тобольскаго Синодика, сказано: »Атаману Ермаку съ товарищи *сороки* человѣкомъ вѣчная память и проч. . . .« Миллеръ же говоритъ, что въ Синодикѣ упоминается о *трехъ стахъ* воинахъ, вмѣстѣ съ Ермакомъ погибшихъ (С. И. 181).

(707) См. Мил. С. И. 178 и Фиш. Sib. Gesch. 243.

(708) Сей бугоръ, вышиною въ 10 саженъ, Русскіе называютъ *Царевымъ Городищемъ*, а Татары *Дѣвичьимъ*, или Кысымъ-Тура.

(709) См. *Есипов. Лѣт.*

(710) Въ *Ремезов. Лѣт.*: »и нарекоша его богомъ... »именемъ его и доднесь божатся.« Нынѣшніе Сибир-

скіе Татары не знаютъ Ермаковой могилы и не слыхивали о чудесахъ ея. См. Мил. С. И. 191 — 196.

(711) См. *Строганов. Лѣт.* О числѣ Козаковъ см. въ *Ремезов. Лѣт.* и въ Мил. С. И. 197.

(712) См. Кельха 379 и Далина г. 1582.

(713) См. Архив. Розрядн. Кн. 657 — 664.

(714) Кельхъ 380.

(715) Архив. Розрядн. Кн. 669.

(716) См. Дѣла Польск. No 14, л. 41 — 798.

(717) См. тамъ же, No 14, л. 235.

(718) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 663 — 669.

(719) См. Одерборна (J. Bas. Vita и Дѣла Турецк. No 2, л. 233—249.)

(720) См. Дѣла Англ. No 1, л. 14.

(721) См. Миллера *Извѣстія о бракахъ Царя Іоанна Вас.* и Вагнерову Gesch. des Russ. Reichs 1005.

(722) Дѣла Англ. No 1, л. 1 и слѣд. — Имя отца Маріи (а не *Анны*, какъ въ Юмовой Исторіи) Гастингсъ пишется Earl of Huntingdon. Она, вопреки Миллеру, дѣйствительно могла быть племянницею Елисаветы по матери, т. е. по свойству фамиліи *Боленъ* съ фамиліею *Гастингсъ*: см. Вагенра 1049. —

(723) См. Дѣла Англ. л. 10.

(724) Сія болѣзнь названа, въ донесеніяхъ Писемскаго, моровымъ повѣтріемъ. Историки Англійскіе не говорятъ о томъ.

(725) См. Дѣла Англ. л. 59. на об. Обыкновеніе Англичанъ, въ знакъ привѣтствія жать руку другъ у друга, названо въ донесеніяхъ Писемскаго обычаемъ *ситаться* (здравствоваться) *за руку*.

(726) См. тамъ же.

(727) Тамъ же.

(728) Въ моемъ Казанскомъ Лѣтописцѣ: »въ лѣто »7091, Окт. въ 19, родися Государю Царю Ив. Вас. »отъ Царицы Маріи Ѳеодоровны сынъ, Царевичь Димит»рій; а прямое имя ему Уаръ:« т. е., имя Святаго, коего память празднуется въ сей день.

(729) См Англ. Дѣла, л. 134.

(730) См. Юма и Дѣла Англ. л. 137.

(731) См. Дѣла Англ. л. 26, и Гаклуйт. 516.

(732) См. Дѣла Англ. л. 162. Далѣе см. л. 173, 207, 223.

(733) См. Гаклуйт. 519, и Дѣла Англ. л. 186, 187.

(734) См. Дѣла Англ. л. 179.

(735) Тамъ же, л. 230.

(736) Одерборнъ пишетъ, что Іоаннъ за нѣсколько дней до своей смерти велѣлъ казнить 6 благородныхъ мужей. Въ нашихъ извѣстіяхъ сказано только, что онъ губилъ людей до самаго конца жизни: см. выше, примѣч. 3.

(73) На примѣръ, Висковатымъ, Фуниковымъ-Карповымъ и другими: см. описаніе 1570 года.

(738) См. Архив. *Ростов. Лѣт.*, Латухин. Степен. Кн., Лѣтоп. Львова и Горсея Treatise of Russia.

(739) См. Одерборна и Горсея.

(740) См. Дѣла Польск. No 15, л. 10.

(741) См. Степен. Кн. Латухина, гдѣ именованъ *Годуновъ;* см. также Одерборна и Гейденшт. Всѣхъ достовѣрнѣе Горсей очевидецъ, именующій Вельможъ, коимъ Государь ввѣрилъ и Царство и сына (см. Гаклуйт. Navig. 525, 526).—Въ духовномъ завѣщаніи Царя І. В., сочиненномъ около 1572 г. и хран. въ копіи въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ, сказано: »Во имя Отца и Сына и Св. Духа . . . По благословенію отца нашего, Антонія, Митроп. вс. Рос., се азъ многогрѣшный и худый рабъ Божій Іоаннъ пишу сіе исповѣданіе своимъ »цѣлымъ разумомъ; но разума нищетою одержимъ есмь, . . »понеже умъ убо оструписся, тѣло изнеможе, струпи »тѣлесны и душевны умножишась, и не сущу врачу исцѣляющу мя; ждахъ, иже со мною поскорбитъ, и не »бѣ; утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая возъ »благая и ненависть за возлюбленіе мое. Душею убо »оскверненъ есмь и тѣломъ окаляхъ, яко же убо отъ »Іерусалимскихъ Божественныхъ заповѣдей ко Іерихонскимъ страстемъ пришедъ и прельстихся міра сего »мимотекущею красотою, . . . багряницею свѣтлости и злата блещаніемъ, и въ разбойники впадохъ, »мысленные и чувственные; помысломъ и дѣломъ усы-

»щенія благодати совлеченъ быхъ одѣянія, и ранами »исполумертвъ оставленъ. Аще и живъ есмь, но Богу »скаредными своими дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій »и гнуснѣйшій, его же Іерей видѣвъ не вмятъ и Ле»витъ возгнушався премину: понеже отъ Адама и до »сего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ. Сего ра»ди всѣми ненавидимъ есмь. Каиново убійство прешедъ, »Ламеху уподобихся, первому убійцѣ; Исаву послѣдо»вахъ сквернымъ невоздержаніемъ . . . Разумомъ рас»тлѣненъ быхъ и скотенъ умомъ, понеже убо самую »главу оскверниxъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ »дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и блуда и всякаго »злаго дѣланія, языкъ срамословіемъ, выю и перси гор»достію и чаяніемъ высокоглаголиваго разума, руцѣ »осязаніемъ неподобныхъ и грабленіемъ и убійствомъ... »Но что убо сотворю, понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ, »Исаакъ не разумѣ и Израиль не позна насъ? Но Ты, »Господи, отецъ нашъ еси: къ Тебѣ прибѣгаемъ и ми»лости просимъ . . . Струпъ и язвы мои, душевныя »и тѣлесныя, обяжи, и пр. — Се предлагаю ученія, »елико мой есть разумъ; отъ убожества моего, чадца »моя, благодать и Божій даръ вамъ. — Се заповѣдаю »вамъ: да любите другъ друга, и Богъ мира да будетъ »съ вами! Аще бо сія сохраните, и вся благая достиг»нете. Вѣру къ Богу тверду и непостыдну держите, »и научитеся Божественныхъ Догматовъ, како вѣро»вати, и како Богу угодная творити . . . то всего »больше. Знайте православную Вѣру: крѣпко за нее »страждите и до смерти; а сами живите въ любви — »а воинству, поелику возможно, навыкните. А какъ лю»дей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во »всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бы то»му навыкли же; а людей бы есте которыя вамъ пря»мо служатъ жаловали и любили, и от всѣхъ берегли, »чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и они пря»мѣе служатъ; а которыя лихи, и вы бъ на тѣхъ опа»лы клали не вскорѣ, но по разсужденію, не яростію. »Всякому дѣлу навыкайте, и Божественному и Свяще»ническому и Иноческому, и ратному, и судейскому, и

»житейскому всякому обиходу, и какъ которыя чины »ведутся здѣсь и въ иныхъ Государствахъ . . . какъ »кто живетъ, и какъ кому пригоже быти: тому бъ »есте всему научены были, ино вамъ люди не указы»ваютъ, а вы станете людямъ указывать . . . А что »по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву распро»стершуся, *изгнанъ есмь отъ Бояръ*, самовольства ихъ »ради, отъ своего достоянія, *и скитаюся по странамъ* »(*), и вамъ есми грѣхомъ своимъ бѣды многія нанесъ: »Бога ради, не пренемогайте въ скорбехъ: возверзите »на Господа печаль свою, и Той васъ препитаетъ.

»А ты, Иванъ сынъ, береги сына Ѳеодора, а своего »брата, какъ себя, чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ »нужды не было, а всѣмъ бы былъ исполненъ, чтобы »ему на тебя не въ досаду, что ему не дашь Удѣла и »казны. . . . А ты, сыне мой Ѳеодоръ, держи брата »въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ... »и ты бъ Государства его подъ нимъ не подыскивалъ ». . . ни на что бы еси не прельщался . . . занеже »трилакотнаго гроба не можешь избѣжати: и тогда »все останется. . . . Во всей волѣ его (Іоанновой) бу»ди, до крови и до смерти.

»И хотя по грѣхомъ что и на ярость пріидетъ въ »междоусобныхъ браняхъ, и вы бы, дѣти мои, творили »правду по Апостолу Господню, и равненіе давайте ра»бомъ своимъ, послабляюще прещенія . . . во всякихъ »опалахъ и казняхъ, какъ гдѣ возможно по разсужденію ». . . яко индѣ речено есть: *подобаетъ убо Царю три »сія вещи имѣти: яко Богу не гнѣватися и яко смерт»ну не возноситися, и долготерпѣливу быти къ согрѣ»шающимъ*. . . .

»Насъ же, родителей своихъ и прародителей, не токмо что въ государствующемъ градѣ Москвѣ, но аще

(*) То есть, Іоаннъ, переѣхавъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, считалъ себя изгнанникомъ. — Здѣсь въ первой копіи приписано рукою неизвѣстнаго, что Іоаннъ въ своемъ завѣщаніи 7090 (1582) года изъясняетъ сію странность и не велитъ никому мстить: можетъ быть, оно также гдѣ нибудь найдется.

»и въ гоненіи и въ изгнаніи будете, во Божеств. Ли»тургіяхъ и въ Панихидахъ, и въ Литіяхъ и въ мило»стыняхъ къ нищимъ не забывайте: понеже нашихъ »прародителей душъ воспоминаніемъ велику пользу намъ »и себѣ пріобрящете, здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, и бла»госостояніе святымъ церквамъ, и на враги побѣду, и »Государству строеніе, и своему животу покой и вѣч»ныхъ благъ наслажденіе. И Богъ мира буди съ вами, »молитвами Пресв. Богор. и милостію честн. ея об»раза, иконы Владим., Державы Русскія заступницы.. »и молитвами Рус. Чудотв. Петра и Алекс., Іон., Исак., »Никиты, Леонт., Серг., Варл., Кирил., Пафн., и всѣхъ »Св., и благословеніемъ всего роду нашего отъ В. К. »Владим. и до отца нашего, и матери нашей Елены и »жены моей Анастасіи, а вашей матери, нынѣ и прис»но и во вѣки вѣковъ. А что по грѣхомъ женъ моихъ »Марьи да Мароы не стало, и вы поминали бы есте »ихъ« и пр.

(742) См. Горсея и Лѣт. Львова.

(743) См. Одерборна 314 и Петрея 241.

(744) См. Горсея и Лѣтоп. Львова.

(745) Главныя *обстоятельства* кончины Іоанновой взяты изъ Горсея. Наши Лѣтописцы и Хитрей свидѣтельствуютъ о постриженіи. См. также Одерб. и Гейденшт. Баусъ пишетъ, что Царь умеръ отъ невоздержности или отъ пресыщенія (surfet).

(746) См. въ семъ Томѣ описаніе 1565 года. — Если иноземцы злословили, то иноземцы и хвалили Іоанна. Въ 1711 году изданы въ Вѣнѣ Apologia pro Ioanne Basilide II, Magno Duce Moscoviae, Tyrannidis vulgo falsoque insimulato.

(747) Калигула 8 мѣсяцевъ, Неронъ 4 или 5 лѣтъ были, какъ извѣстно, примѣрными Вѣнценосцами.

(748) Людовикъ XI не уступалъ Іоанну въ свирѣпости. Вотъ одна черта: въ 1477 году казня Герцога Немурскаго (Jacques d' Armagnac), онъ поставилъ его дѣтей внизу эшафота, чтобы кровь несчастнаго отца излилася на нихъ! Платонъ говоритъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ суще-

ствованію боговъ; другіе воображаютъ ихъ безпечными, равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ; третьи думаютъ, что ихъ можно всегда умилостивить легкими жертвами или обрядами благочестія: Іоаннъ и Людовикъ принадлежали къ сему роду безбожниковъ.

(749) См. Исторію Французской Революціи.

(750) См. Флетчера. Впрочемъ нужны ли такія свидѣтельства? Мы знаемъ Іоанна!

(751) См. Одерборна, Петрея, Кельха.

(752) См. Одерборна.

(753) Мы описали *шесть* главныхъ эпохъ смертоубійства: онѣ сливались между собою оттѣнками; не можемъ съ точностію означить промежутковъ.

(754) См. Одерборна; тамъ же о правосудіи Іоанновомъ и запрещеніи пьянства. См. также Пермскую уставную Грамоту 1553 года.

(755) См. Гваньини.

(756) Поссев. Moscovia 101.

(757) См. Одерборна. Роцита описалъ бесѣду свою съ Царемъ на языкѣ Славянскомъ: что послѣ было переведено на Латинскій.

(758) См. Одерборна.

(759) См. Поссевина 98, и нашей *Исторіи* Т. VIII, стр. 126.

(760) См. *Собран. Госуд. Гр.* I, 556.

(761) См. Т. VI, примѣч. 571.

(762) См. Флетчера Common Wealth 30 и слѣд. Онъ былъ въ Москвѣ уже при Царѣ Ѳеодорѣ, который не учредилъ ничего новаго. См. также въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 277 — 420, о *Москов. старин. Приказахъ.* Еще и въ XVII вѣкѣ Посольскій Приказъ вѣдалъ земскія дѣла разныхъ областей (тамъ же, стр. 290).

(763) См. Флетчера. Разумѣется, что тяжба не входила въ Думу, если истецъ и отвѣтчикъ были довольны рѣшеніемъ Намѣстника, Судей или Приказа.

(764) См. Флетчера.

(765) См. выше, примѣч. 516, — *Вивліов.* XX, 286, 289, 306, 307, 320, 401, 407, 412, — Флетч. 33, и Губную Грамоту въ *Рус. Достоп.*, I, 155.

(766) См. Курбскаго.

(767) См. *Вивліоѳ.* XX, 52, 54, 60.

(768) См. въ семъ Томѣ, г. 1566, описаніе Московъ. Сейма или Земской Думы, и выше, примѣч. 623, также *Вивліоѳ.* XX, 150.

(769) См. Т. VIII, стран. 309.

(770) Поссевин. Moscovia 19, 20.

(771) У каждаго Воеводы было *Головъ* десять, иногда болѣе или менѣе; были *Головы* у наряда или снаряда, обоза и проч. См. *Вивліоѳ.* XIV, 301.

(772) См. Судебн., издан. Башиловымъ, стран. 4.

(773) См. о Намѣстникахъ тамъ же, стр. 73, 74. О клеветникахъ стр. 6.

(773) О пошлинахъ судныхъ см. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 571, и Судебн. 7—10: разница въ томъ, что Великій Князь Іоаннъ уставилъ давать Боярину два алтына съ рубля, а Дьяку 8 денегъ; Царь же Іоаннъ Боярину 11 денегъ, Дьяку 7 денегъ, *Подъячему* 2 деньги: слѣдственно тѣ же 20 денегъ съ рубля. — О пониженіи монеты см. Т. VIII, стран. 45. — Въ Гаклуйт. Navig. стран. 337, г. 1557: We doe rate it (the roble) after sixteene shillings eight pence of our money, yet it is not worth past 12 or 13 shillings sterling. Въ другомъ мѣстѣ, стран. 285, сказано: as we say in England shilling and pound, so say they (Русскіе) altine and rubble; но въ шиллингѣ считалось около двухъ алтынъ (а не 1 алтынъ, какъ напечатано ошибкою въ VIII Т. сей *Исторіи*, стран. 274: слѣдственно въ гинеѣ было около рубля съ четвертью). Въ 1567 году въ злотомъ было около десяти, а въ 1588 около девяти нынѣшнихъ злотыхъ, коихъ теперь почти семь въ рублѣ серебряномъ.

(775) См. Судебникъ, 23.

(776) См. въ Судебникѣ статью XXVIII и XXXI, стран. 24, 25, 27.

(777) Тамъ же, ст. LII, стран. 46.

(778) См. Т. VI, стран. 418.

(779) Судебн. LIX и LXI, 52, 54.

(780) Тамъ же, стран. 51, 67, и Т. VI, примѣч. 571.

BAYER. SCHWERSTBESCHÄDIGTEN
ARBEITSFÜRSORGE E.V.
8 MÜNCHEN 23
LEOPOLDSTR. 155 TEL. 330707

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago

Bd.: 9

Sanktpeterburg' (1831)

Russ. 266 z-9
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783985-9